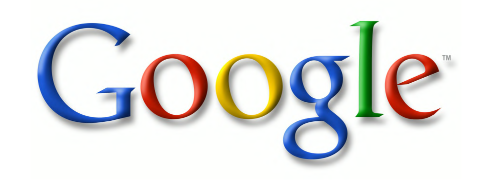

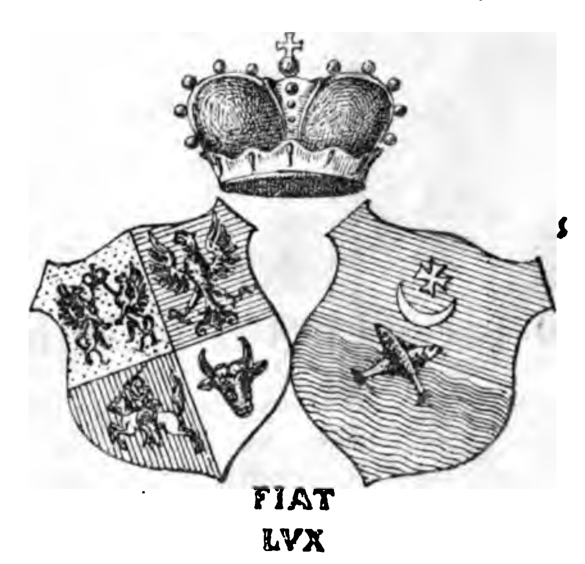

Skazaniia o rodie kniazei
// Trubetskikh.

СКАЗАНІЯ

О РОДѢ

КНЯЗЕЙ ТРУБЕЦКИХЪ.

FIAT
LVX

ИЗДАНІЕ

княгини Е. Э. Трубецкой,

рожденной княжны Бѣлосельской-Бѣлозерской.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1891

СКАЗАНІЯ

О РОДѢ

КНЯЗЕЙ ТРУБЕЦКИХЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Несмотря на то, что въ средѣ исторической науки уже давно созрѣла мысль о необходимости точной, спеціальной разработки исторіи отдѣльныхъ родовъ, какъ заключающей въ себѣ не мало крайне важныхъ и интересныхъ фактовъ, являющихся серьезнымъ, а иногда и прямо незамѣнимымъ, какъ напримѣръ въ вопросахъ историко-экономическихъ и внутренняго, домашняго быта,—подспорьемъ при разработкѣ всевозможныхъ отдѣловъ отечественной исторіи, литература по родословію всѣхъ вообще русскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій очень незначительна. Первая попытка представить очеркъ исторіи отдѣльнаго рода, съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ, была сдѣлана сто лѣтъ тому назадъ, въ 1789 году, когда появился трудъ игумена Ювеналія Воейкова о своемъ родѣ [1], а затѣмъ рядъ другихъ подобныхъ, его же, изданій [2], и съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти цѣлаго вѣка, лишь изрѣдка, и то уже съ половины текущаго столѣтія, мы видимъ болѣе цѣльные труды этого рода, какъ изслѣдованія кн. П. В. Долгорукова, Серчечевскаго [3],

[1] Поколѣнная роспись или родословіе благородныхъ дворянъ Воейковыхъ и т. д. М. 1789.

[2] Краткое истор. родословіе благор. и знам. дворянъ Лопухиныхъ. М. 1796; Краткое описаніе о происшеств. знаменитаго рода Юрьевыхъ-Романовыхъ. М. 1798 г. и др.

[3] Записки о родѣ кн. Голицыныхъ. Спб. 1853, бол. 8°.

Хитрово и т. п. Большая же часть, совершенныхъ за это время работъ по родословіямъ, или представляютъ простыя поколѣнныя росписи какъ напр. «Матеріалы для родословія дворянъ Леонтьевыхъ и Петрово-Солововыхъ», или небольшой сборникъ нѣсколькихъ фамильныхъ документовъ одного рода, какъ «Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», или же краткія монографіи о происхожденіи и родѣ новыхъ фамилій прошлаго столѣтія — «Графы Ефимовскіе», «Графы Скавронскіе» и др. под. Только въ самое послѣднее время начали появлятся такіе капитальные труды, представляющіе дѣйствительно вкладъ въ историческую науку, какъ г. Барсукова «О родѣ Шереметевыхъ», барона Боде-Колычева «О Колычевыхъ», князя Н. Б. Юсупова «О родѣ кн. Юсуповыхъ» и др. Но число подобныхъ изслѣдованій очень незначительно и еще многіе именитые русскіе роды ждутъ своего историка. Къ числу ихъ принадлежатъ и кн. Трубецкіе, не смотря на то, что по своему происхожденію и по своей дѣятельности, въ особенности въ періодъ времени съ конца XV в. до начала XIX, они играли крупную, выдающуюся роль въ исторіи нашего отечества и принимали дѣятельнѣйшее участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ внутренней и внѣшней его политики. Правда, не такъ давно, въ 1887 году появилось въ Парижѣ спеціальное изслѣдованіе о князьяхъ Трубецкихъ, княгини Е. Э. Трубецкой, рожденный княжны Бѣлосельской-Бѣлозерской, подъ заглавіемъ Les Princes Troubetzkoi, но изданное роскошно на французскомъ языкѣ, оно мало доступно изслѣдователямъ. Сознавая необходимость имѣть хотя бы краткую исторію этого рода и на русскомъ языкѣ, княгиня Трубецкая поручила автору сихъ строкъ составить настоящій очеркъ, являющійся результатомъ этого порученія.

Источники, коими пользовался авторъ «Сказаній», могутъ быть раздѣлены на три группы: *къ первой* принадлежатъ печатные спеціальныя изслѣдованія, или посвященныя исключительно фамиліи кн. Трубецкихъ или же трактующія о послѣдней на ряду съ другими фамиліями; *ко второй*—историческіе труды и періодическія изданія, заключающія въ себѣ

хотя и бѣглыя и отрывочныя, но тѣмъ не менѣе цѣнные источники, и, наконецъ, *къ третьей*—рукописные матеріалы, фамильные документы и свѣдѣнія, полученныя отъ современниковъ.

Источниковъ первой категоріи всего три, а именно:

I. *Кн. П. Долгоруковъ*, Россійская Родословная Книга, т. I, Спб., 1855. На стр. 319—330, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Князья Трубецкіе*, кромѣ небольшаго историческаго очерка дѣятельности этого рода, помѣщена простая поколѣнная роспись членовъ его, начиная съ Дмитрія Корибута (III колѣно отъ Гедимина) и кончая XIX колѣномъ. Изданная въ 1855 году книга эта, въ настоящее время, не можетъ, конечно, претендовать на полноту, но тѣмъ не менѣе, изслѣдователь вполнѣ былъ бы въ правѣ ожидать отъ нея и точности сообщаемыхъ тамъ свѣдѣній и полноты, въ особенности по отношенію къ представителямъ XIX столѣтія. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ это не такъ и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, роспись оказывается страдающей и невѣрными свѣдѣніями и большими пропусками. Такъ, кн. Николай Николаевичъ (№ 72), показанъ *безъ потомства*, тогда какъ онъ не только былъ женатъ на Лопухиной, но и имѣлъ *пятерыхъ* сыновей и *двухъ* дочерей, изъ которыхъ многіе здравствуютъ и по нынѣ; пропущены еще въ XVII колѣнѣ—княгиня Елена Васильевна, дочь князя Василія Сергѣевича (№ 77), княжна Александра Ивановна, сестра князя Николая (№ 80), Петра (№ 81) и Алексѣя (№ 82), дѣтей князя Ивана Николаевича (№ 63), женатаго на княжнѣ Н. С. Мещерской и другіе. Но болѣе всего пропусковъ въ XVIII и XIX колѣнахъ: въ первомъ у кн. Долгорукова показано 10 муж. и 17 жен. представителей противъ 26 м. и 25 ж. оказывающихся на самомъ дѣлѣ, а во второмъ 1 м. и 1 ж. противъ 4 м. и 5 ж. родившихся до 1855 г. Не смотря, однако, на эти недостатки «Россійская Родословная Книга» является все же существеннымъ и наиболѣе полнымъ и заслуживающимъ довѣрія источникомъ для родословія кн. Трубецкихъ.

П. *Н. Петровъ.* Исторія родовъ русскаго дворянства. Спб. 1886, стр. 178—181. Помѣщенные въ этомъ трудѣ краткіе очерки и родословные списки правда многихъ русскихъ княжескихъ, графскихъ, баронскихъ и дворянскихъ фамилій печатались прежде во «Всемірной Иллюстраціи», что, конечно, не могло не отразиться на характерѣ всего изданія. Несмотря на громкое заглавіе «Исторіи родовъ» сообщенныя въ ней свѣдѣнія не только очень кратки и сжаты, и имѣютъ, подчасъ, видъ простыхъ замѣтокъ; но кромѣ того, страдаютъ еще большею неполнотой и ошибками и пропусками, чѣмъ трудъ кн. Долгорукова, откуда и взятъ, въ большинствѣ случаевъ, весь матеріалъ безъ всякой критики и провѣрки и почти безъ дополненій, не смотря на то, что издана «Исторія» въ 1886 г., т. е. спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ изданія «Рос. Родос. Книги». Отмѣтимъ здѣсь наиболѣе рѣзкія неправильности.

Въ самомъ началѣ очерка «князья Трубчевскіе (родъ угасшій) и князья Трубецкіе (родъ существующій)» г. Петровъ пишетъ: «Князь Корибутъ (т. е. Дмитрій) Ольгердовичъ, въ бытность Сѣверскимъ княземъ женился на княжнѣ Анастасіи Олеговнѣ Рязанской, но приписываемое ему родство съ Дмитріемъ Донскимъ *ошибка*. Мужъ сестры Донскаго *Анны Ивановны* былъ (съ 1356 г.) Дмитрій Коріатовичъ, бравшій Рязань (въ 1370 г.), а *не онъ*». Дѣло въ томъ, что для подтвержденія этого мнѣнія о несуществованіи родства Дмитрія Корибута съ Дмитріемъ Донскимъ надо было бы привести несомнѣнныя солидныя основанія, которыхъ здѣсь не видно ни одного, а вовторыхъ, женою Дмитрія Корибута всегда указывалась и указывается вовсе не княжна *Анна* Іоанновна, а княжна *Любовь* Іоанновна, сестра Дмитрія Донскаго; если Дмитрій Коріатовичъ былъ женатъ на княжнѣ *Аннѣ*, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы Дмитрій Корибутъ не могъ быть женатъ на княжнѣ *Любови*. Затѣмъ, кромѣ повторенныхъ пропусковъ и неточностей кн. Долгорукова, какъ напр. опущеніе кн. Сергѣя Петровича, декабриста, его жены и дѣтей, выпустить которыхъ кн. Долгоруковъ имѣлъ полное

основаніе, но г. Петровъ—никакого, бездѣтность кн. Николая Николаевича, женатаго на Лопухиной и др., являются удивительнымъ и отсутствіе хоть какихъ-нибудь дополненій или указаній на членовъ дома кн. Трубецкихъ съ 1855 года. Въ книгѣ кн. Долгорукова кн. Петръ Никитичъ (№ 102, Дол. № 92), бывшій петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и женатый на княжнѣ Е. Э. Бѣлосельской-Бѣлозерской показанъ имѣющимъ только сына кн. Сергѣя Петровича (№ 120, Дол. № 100), что вполнѣ понятно, такъ какъ кн. С. П. родился въ 1854 и былъ первенецъ у кн. П. Н. Но почему же у г. Петрова, въ 1886 г. не указано дальнѣйшее потомство кн. П. Н.—сынъ, кн. Александръ Петровичъ и 4 дочери — княжны Елена, Александра, Ольга и Марія? И это не единичный случай — въ «Исторіи родовъ русскаго дворянства» авторъ ни *на одинъ шагъ* не подвинулся дальше кн. Долгорукова что и даетъ право предполагать, что онъ ограничился простымъ списываніемъ изъ «Россійской Родословной Книги», по крайней мѣрѣ по отношенію къ кн. Трубецкимъ. Вслѣдстіе этого «Исторія» г. Петрова едва ли можетъ служить какимъ-либо пособіемъ для занимающихся родословіемъ русскихъ фамилій.

III. Annuaire de la noblesse de Russie contenant les princes de l'Empire, augmenté d'un graud nobre de notice sur les familles alliées, publié par Roman Ivanovitch Ermerin, docteur en droit. 1889. Première année. S.-Petersbourg. По времени выхода въ свѣтъ Annuaire—новѣйшій трудъ по родословію русскихъ фамилій но, несмотря на это, несмотря на еще болѣе громкое заглавіе чѣмъ у г. Петрова, изданіе г. Ермерина полно такихъ грубыхъ ошибокъ, что совершенно не можетъ служить пособіемъ для спеціальныхъ изслѣдованій. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ г. Ермерина у князя Ивана Дмитріевича[1] (№ 54 наст. изд.), сына кн. Дмитрія Юрьевича (№ 43) показанъ *одинъ* лишь сынъ князь Юрій

---

[1] Стр. 308.

Ивановичъ (№ 68) или, по Annuaire—George Yacov (?) Ivanovitch тогда какъ кн. Ив. Дм. имѣлъ еще сына, кн. Николая Ивановича (№ 69), женатаго на гр. А. А. Гудовичъ и умершаго бездѣтнымъ и трехъ дочерей — княжну Аграфену Ивановну, за ген.-адьют. А. П. Мансуровымъ, кн. Софью Ивановну, за А. В. Всеволожскимъ, и кн. Александру Ивановну—за кн. Н. И. Мещерскимъ. Затѣмъ на стр. 310 княжна Наталія Николаевна (за А. С. Мусинымъ-Пушкинымъ) и кн. Екатерина Николаевна (за Д. А. Всеволожскимъ) показаны дочерьми кн. Николая Ивановича (№ 80), оберъ-гофмейстера и супруги его графини В. А. Мусиной-Пушкиной, тогда какъ онѣ дочери князя Николая Николаевича (№ 72), женатаго на Е. А. Лопухиной; княжна Ольга Петровна, дочь князя Петра Никитича (№ 102) показана дочерью кн. Петра Петровича (№ 105), княжны Екатерина и Александра Никитичны (дочери № 77) помѣщены безъ указанія ихъ супруговъ, у кн. Петра Никитича (№ 102) пропущена старшая дочь кн. Елена Петровна, въ замужествѣ Демидова, княгиня Санъ-Донато и самая младшая кн. Марія Петровна, кн. Сергѣй Никитичъ (№ 103) отмѣченъ бездѣтнымъ, тогда какъ у него двое сыновей кн. Петръ и Никита Сергѣевичи и т. д.

IV. Les princes Troubetzkoi. Histoire de la maison ducale et princière des Troubetzkoi. Paris. 1887. Роскошное изданіе съ прекрасными гравюрами и таблицами. Это—единственный трудъ, имѣвшій цѣлью представить исторію князей Трубецкихъ въ болѣе или менѣе связномъ, послѣдовательномъ разсказѣ. Но система, принятая авторомъ—рядъ монографій о нѣсколькихъ и наиболѣе выдающихся представителяхъ этого рода, а нерѣдко и краткій очеркъ отдѣльной эпохи—даетъ не вполнѣ опредѣленный характеръ всему труду, и какого-либо представленія о дѣятельности кн. Трубецкихъ, развитіи и возвышеніи ихъ извлечь отсюда не вполнѣ легко. Притомъ будучи издана въ Парижѣ и на французскомъ языкѣ, книга эта, какъ выше было замѣчено, при роскоши изданія, мало доступна.

Источники второй категоріи всѣ указаны въ примѣча-

ніяхъ и ссылкахъ и потому перечислять ихъ здѣсь было бы излишнимъ.

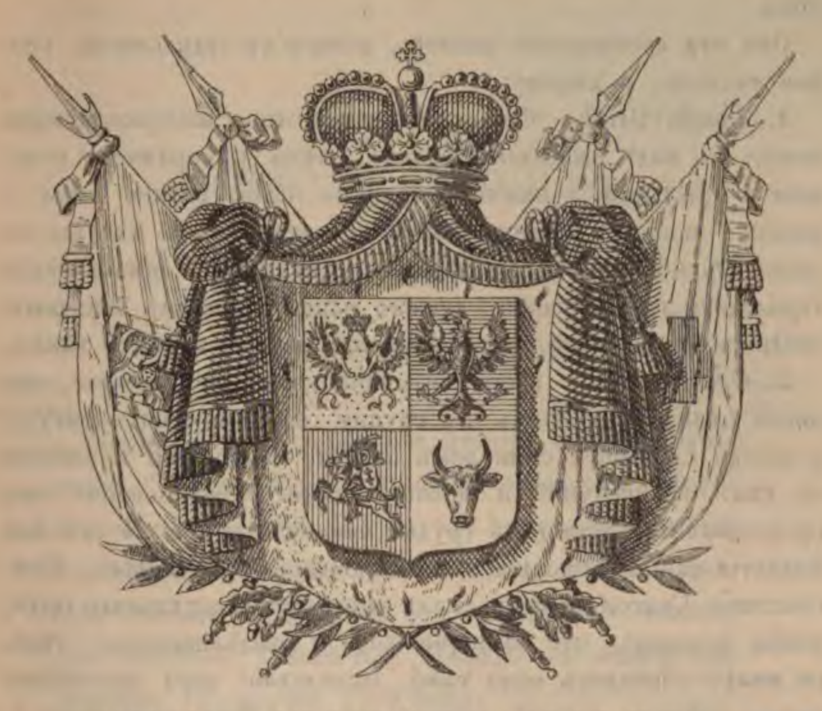
Что же касается до третьей группы источниковъ, то они заключаются въ фамильныхъ документахъ кн. Трубецкихъ, выпискахъ изъ боярскихъ книгъ Архивовъ: Московскаго Главнаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Министерства Юстиціи, портфеляхъ Миллера, хранящихся въ первомъ изъ этихъ Архивовъ, извлеченіяхъ изъ Польскихъ и Литовскихъ лѣтописей, черновыхъ бумагахъ М. П. Погодина, занимавшагося въ бытность свою учителемъ у князя Ивана Дмитріевича Трубецкаго, собираніемъ матеріаловъ для исторіи кн. Трубецкихъ [1] и, наконецъ, личныя воспоминанія и свѣдѣнія крайне любезно доставленныя составителю г. Директоромъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, которому авторъ обязанъ, сверхъ того, и просвѣщеннымъ разрѣшеніемъ пользоваться документами Высочайше ввѣреннаго Его Высокопревосходительству Архива; почетнымъ опекуномъ княземъ Н. П. Трубецкимъ, Московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства княземъ П. Н. Трубецкимъ, А. Б. Нейдгардтомъ, А. Н. Бельгаромъ и др. Всѣмъ означеннымъ лицамъ авторъ приноситъ глубокую благодарность за доставленныя свѣдѣнія.

Въ заключеніе, составитель считаетъ своимъ долгомъ замѣтить, что онъ далекъ отъ мысли разсматривать трудъ свой, какъ заключающій въ себѣ *полную* исторію дѣятельности князей Трубецкихъ. Цѣль его была составить *очеркъ* ихъ исторіи, по возможности основанный на точныхъ данныхъ и настолько полный, насколько позволяли ему рамки изданія. Конечно, въ немъ встрѣтятся и пропуски и неточности и указанія ихъ лишь послужатъ на пользу будущему дѣйствительному историку этого славнаго рода. Въ виду также объема изданія, вопросъ о происхожденіи какъ самого Гедимина, такъ и кн. Трубецкихъ отъ кого-либо изъ его

---

[1] Дневникъ М. П. Погодина, т. I, стр. 92.

потомковъ, связь кн. Трубецкихъ съ иностранными владѣтельными дворами и другіе тому подобные вопросы или опущены или указаны лишь слегка. Во всякомъ случаѣ «Сказанія о родѣ кн. Трубецкихъ» есть лишь первая попытка историческаго очерка дѣятельности представителей этого рода и нисколько не претендуютъ они на «послѣднее слово» о нихъ.

ГЕРБЪ КНЯЗЕЙ ТРУБЕЦКИХЪ.

Гербъ князей Трубецкихъ состоитъ изъ четыреугольнаго щита, нижніе края котораго слегка закруглены и сходятся подъ угломъ, покрытаго княжескою мантіею и россійско-княжеской шапкою. Поле щита раздѣлено на четыре равныя части (ecartelé)—по вертикальной линіи поперегъ (parti) и по продольной, горизонтальной (coupé). Въ первомъ квадратикѣ въ лѣвомъ углу, вверху, въ золотомъ полѣ два грифа, стоящіе на заднихъ лапахъ, держатъ передними лапами россійско-княжескую шапку; въ правомъ верхнемъ квадратѣ гербъ королевства Польскаго—бѣлый одноглавый орелъ съ распростертыми крыльями; въ третьемъ квадратѣ, въ лѣвомъ нижнемъ углу—гербъ Великаго княжества Литовскаго: въ красномъ полѣ всадникъ, скачущій на бѣломъ конѣ съ подъятымъ

мечемъ, и въ четвертомъ—въ серебряномъ полѣ бычачья голова.

Всѣ эти изображенія имѣютъ, каждое въ отдѣльности, особое значеніе, а именно:

1. *Грифъ* (Griph)—баснословное животное, изображавшееся всегда въ видѣ животнаго бѣлаго цвѣта съ орлиною головою и крыльями, а нижняя половина тѣла, заднія лапы и хвостъ—львиные. Обыкновенное положеніе этой фигуры въ красномъ полѣ влѣво, на заднихъ лапахъ. По символизаціи геральдики грифъ всегда служилъ олицетвореніемъ быстроты соединенной съ силой. Древніе думали, что онъ хранитъ клады.

2. *Орелъ* — чаще всего встрѣчающееся изображеніе изъ числа птицъ, входящихъ въ группу геральдическихъ фигуръ и всегда служащее символомъ власти, господства и вмѣстѣ съ тѣмъ великодушія и прозорливости. Обыкновенно онъ представляется летящимъ грудью впередъ, а крылья его или подняты или парятъ. Онъ бываетъ одно и двуглавый. Константинъ Святой первый сталъ употреблять двуглаваго орла, чтобы показать, что Имперія хотя и раздѣлившаяся, тѣмъ не менѣе образуетъ одно тѣло. Вслѣдствіе того двуглавый орелъ, цвѣтомъ черный, носитъ названіе Императорскаго.

3. *Погонъ*—гербъ княжества Литовскаго—всадникъ, ѣдущій на конѣ съ поднятымъ мечемъ [1]. Витенъ, взявшій это изображеніе какъ государственный Литовскій гербъ, видѣлъ въ немъ, по выраженію нашей лѣтописи, «рыцаря збройнаго на конѣ съ мечемъ» [2], но впослѣдствіи погонъ этотъ обратился въ изображеніе самого Литовскаго великаго князя, ѣдущаго, по обыкновенію, на конѣ на защиту своихъ владѣній и для обороны предѣловъ своего государства. Всѣхъ видовъ погони въ польской герольдикѣ—пять.

4. *Быкъ* — символъ плодородія земли.

[1] Въ обратную сторону, чѣмъ св. Георгій въ Московскомъ гербѣ.

[2] „Князь Витенъ нача княжити надъ Литвою (1278), измысли себѣ гербъ и всему княжеству Литовскому печать: рыцерь збройный на конѣ зъ мечемъ, еже нынѣ наричутъ погоня“ (Лакіеръ, Геральдика, 388).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

1400—1546 г.

отъ Гедимина колѣно III.

№№ по порядку. — № отцовскій.

1. Корибутъ, во св. крещеніи Дмитрій Ольгердовичъ, внукъ Гедимина, великій князь Сѣверскій, Трубчевскій и Брянскій. Женатъ: 1) на княжнѣ Любови Іоанновнѣ Московской, сестрѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго и 2) на княжнѣ Анастасіи Олеговнѣ Рязанской. Погибъ въ битвѣ при Ворсклѣ 12 августа 1399 года.

Колѣно IV.

2. Князь Іоаннъ Дмитріевичъ, называемый нѣкоторыми историками Александромъ, погибъ вмѣстѣ съ отцемъ при Ворсклѣ.......................... 1

3. Князь Михаилъ Дмитріевичъ, первый князь Трубецкой. По смерти брата своего Іоанна получилъ удѣлъ Трубчевскій, но, вслѣдствіе преслѣдованія со стороны римскихъ католиковъ Польши, вынужденъ былъ какъ православный удалиться въ Россію, сохранивъ, однако, свой удѣлъ неприкосновеннымъ. 1

4. Князь Θеодоръ Дмитріевичъ, удѣльный князь Несвижскій и Збаражскій, получилъ отъ отца сво-

Колѣно V.

Колѣно VI.

Колѣно VII.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

1400—1546.

Происхожденіе рода кн. Трубецкихъ.—Великое княжество Литовское.—Миндовгъ.—Гедиминъ и объединеніе Литвы.—Его дѣти.—Ольгердъ.—Родоначальникъ кн. Трубецкихъ Дмитрій Корибутъ.—Куликовская битва.—Ягайло.—Гедвига.—Основаніе Польско-Литовскаго Королевства.—Витовтъ.—Битва при Ворсклѣ 12 августа 1399 г.—Смерть Дмитрія Корибута.—Его дѣти и потомки.

Родъ князей Трубецкихъ, подобно многихъ древнимъ русскимъ княжескимъ и дворянскимъ фамиліямъ, происходитъ изъ Литвы и ведетъ свое начало отъ великаго объединителя литовскаго могущества Гедимина. Названіе свое онъ получилъ отъ одного изъ литовскихъ удѣловъ—Трубчевска *).

Великое княжество Литовское, занимавшее часть нынѣшней Пруссіи, Курляндіи, Лифляндіи и губерній Ковенской, Виленской, Сувалкской, Минской и Гродненской, населено было въ древности литовскимъ племенемъ, жившимъ долго въ племенномъ бытѣ, не составляя государственныхъ соединеній. Каждое племя имѣло по нѣскольку племенныхъ князей (конунговъ и ригасовъ), дѣйствовавшихъ независимо одинъ отъ другаго, и только одна религія составляла общую связь этихъ разрозненныхъ племенъ, такъ какъ у литовцевъ существовала сильная коллегія жрецовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Криве-Кривейто. Главнымъ занятіемъ этихъ князьковъ были набѣги на сосѣднія области, набѣги не всегда, конечно, счастливые для нихъ. Жившіе въ сосѣдствѣ съ Русью иногда торжествовали надъ русскими князьями, преимущественно надъ Полоцкимъ княжествомъ, иногда же жестоко платились собствен-

*) Нынѣ уѣздный городъ Орловской губ.

ными владѣніями. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» упоминается судьба одного изъ полоцкихъ князей—Изяслава: «позвони своими острыми мечи о шеломы литовскіе; притрепа славу дѣду своему Всеславу и самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи». Напротивъ, борьба съ Романомъ Волынскимъ (въ послѣдствіи Галицкимъ) кончилась очень неудачно для литовцевъ: послѣдній не только покорилъ эти свободныя, вольныя племена, но кромѣ того еще насильно пріучилъ ихъ къ земледѣлію. Сложилась даже поговорка, по этому поводу: «Романе, Романе, лихомъ живеши, Литвою орещи». Вообще страна эта, благодаря такой раздробленности, была не богата и мало цивилизована. Польскій историкъ Длугошъ разсказываетъ преданіе, что Литва платила дань русскимъ князьямъ лыкомъ и вѣниками, «не имѣху бо сребра» какъ объясняетъ позднѣйшій лѣтописецъ. Не представляя изъ себя такимъ образомъ, никакого политическаго цѣлаго Литва долго не играла никакой политической роли и только въ XIII вѣкѣ совершаются событія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на судьбу литовскаго народа.

Въ 1225 году Конрадъ, князь Мазовецкій, тѣснимый со всѣхъ сторонъ пруссами, дѣлавшими непрестанные набѣги на его земли, и не будучи болѣе въ силахъ бороться съ ними единолично, обратился за помощью къ нѣмецкому Ордену св. Маріи *) и въ вознагражденіе за подмогу противъ пруссовъ, предложилъ ему, земли Хельмскую или Кульмскую. Императоръ Фридрихъ II подтвердилъ этотъ даръ, но съ тѣмъ однако, чтобы эти земли находились въ полной зависимости отъ имперіи, а не отъ Мазовецкихъ князей. Спустя пять лѣтъ, въ 1230 г., провинціальный магистръ Германъ Балкъ заключилъ окончательный договоръ съ Конрадомъ и Орденъ началъ дѣйствовать въ Пруссіи. Покорить всѣхъ этихъ разрозненныхъ князьковъ, постоянно враждовавшихъ между собою, не представляло для Ордена особенныхъ трудностей и

---

*) Основанъ въ Палестинѣ въ 1192 г. Онъ обладалъ обширными владѣніями въ Европѣ.

не прошло и пятидесяти пяти лѣтъ какъ онъ завоевалъ почти весь край и выстроилъ нѣсколько городовъ, какъ напр. Торнъ, Маріенвердеръ, Эльбингъ и др. Эти успѣхи Ордена св. Маріи, равно какъ и другаго Ордена—Меченосцевъ *), который, покоря Ливонію, гдѣ онъ уничтожилъ власть полоцкихъ князей, вступилъ въ ожесточенную борьбу съ Новгородомъ и Псковомъ,—значительно облегчали собственно Литвѣ ея будущія удачи. Побѣжденные пруссы не разъ возставали и разбитые бѣжали въ литовскіе лѣса, чѣмъ сильно подкрѣпили литовцевъ и вызвали ихъ на болѣе широкую военную дѣятельность.

При такихъ-то обстоятельствахъ является въ землѣ литовской, одинъ изъ тѣхъ мощныхъ характеровъ, какіе нерѣдко создаютъ варварскіе государства—Миндовгъ. Получивъ въ свои руки власть, онъ сталъ дѣйствовать тѣми же средствами, которыя употребляли подобные ему вожди: началъ избивать свою братію и племянниковъ, изгонять ихъ изъ родной земли и въ концѣ концовъ завладѣлъ всей землей литовской. Преслѣдуемые имъ родственники обратились въ 1252 г., съ просьбой о помощи къ Даніилу Галицкому и въ Ригу къ нѣмцамъ. Миндовгъ, увидѣвъ себя окруженнымъ съ двухъ сторонъ опасностью, чтобы спастись, обратился къ папѣ и предложилъ, черезъ рыцарей, принять христіанство. Папа обрадовался и прислалъ ему королевскій вѣнецъ. Такимъ образимъ опасность со стороны нѣмцевъ была устранена, но съ Даніиломъ война упорно продолжалась, пока сынъ Миндовга Войшелгъ, принявшій также христіанство, не явился посредникомъ и не выдалъ сестру свою замужъ за сына Даніила—Шварна. Вскорѣ послѣ того Войшелгъ постригся въ монахи и Миндовгъ далъ брату его Роману княжество Новогрудское, но скоро выгналъ его за то, что Василько, братъ Даніила, былъ вынужденъ татарами дѣлать съ ними набѣгъ на Литву. Около этого же времени Миндовгъ разсорился съ нѣмцами, которые становились все требовательнѣе

*) Основанъ въ 1201 г. рижскимъ епископомъ Альбертомъ; въ 1237 г. соединился съ нѣмецкимъ.

и навязчивѣе. Пользуясь его обращеніемъ и извѣстной зависимостью отъ нихъ, они стали выманивать у него одну за другой жалованныя грамоты, которыми онъ жертвовалъ имъ то ту, то другую изъ своихъ земель. Сперва онъ сносилъ это довольно терпѣливо, но наконецъ не выдержалъ, вторгся *) въ Мазовію, прошелъ огнемъ и мечемъ чрезъ всю землю Ордена и, поддерживая возставшихъ въ тоже время пруссовъ, разбилъ на голову магистра и тогда же торжественно отрекся отъ христіанства. Однако не долго пришлось ему торжествовать: удѣльные князья, изъ которыхъ у одного онъ отнялъ жену, составили заговоръ и въ 1263 г. убили его. Сынъ его, упомянутый выше, Войшелгъ явился мстителемъ за отца. Скинувъ монашескую рясу, онъ собралъ около себя большое войско, бросился на заговорщиковъ и избилъ ихъ. Успѣвшіе спастись бѣгствомъ, скрылись въ сосѣднія области, и при этомъ знаменитый Довмонтъ нашелъ убѣжище въ Псковѣ. Однако несмотря на свой подвигъ и выказанную имъ способность къ власти и борьбѣ, Войшелгъ, утоливъ злобу мести, отказался оставаться во главѣ государства и отдалъ Литву мужу своей сестры Шварну. По смерти послѣдняго въ 1267 г. начались споры о великомъ княженіи, и наконецъ великимъ княземъ Литовскимъ былъ выбранъ Тройденъ (1270—1283), а послѣ него Витенъ (1283—1315). Оба они, все время своего правленія, воевали съ королемъ Галицкимъ Львомъ изъ-за обладанія Литвою и побѣда осталась на сторонѣ Витена. Въ 1315 году, по смерти Витена, литовскій велико-княжескій престолъ занялъ знаменитый Гедиминъ, сынъ или братъ Витена, настоящій основатель могущества Литвы.

---

*) Въ 1260 г.

Гедиминъ.

1315—1340 гг.

Одинъ изъ величайшихъ людей XIV столѣтія, основатель самобытности Литвы, Гедиминъ начинаетъ собою эпоху наибольшаго процвѣтанія и могущества когда-то незначительнаго, а затѣмъ *Великаго* княжества Литовскаго. Время его богато замѣчательными событіями, большая доля въ которыхъ принадлежитъ ему, его личнымъ достоинствамъ и качествамъ. Онъ уже давно оцѣненъ по достоинству исторіей и только по вопросу объ его происхожденіи не всѣ историки согласны между собою. Одни, какъ напримѣръ Длугошъ, современникъ правнука Гедимина, считаютъ его конюшимъ Витена и приписываютъ ему убійство своего повелителя и захватъ власти; другіе, преимущественно русскіе лѣтописцы, соглашаясь, что онъ былъ конюхъ, опровергаютъ однако убіеніе имъ Витена, но женятъ на вдовѣ послѣдняго; третіе, и, кажется, болѣе достовѣрные, какъ Стрыйковскій и нѣкорые русскіе ученые, называютъ его сыномъ или братомъ Витена, бывшаго до избранія на Велико-княжескій престолъ, княземъ Полоцкимъ. Послѣдняя теорія признается и новѣйшими историками *) и такимъ образомъ, какъ близкій родственникъ Витена, черезъ Полоцкое княжество, Гедиминъ, можетъ считаться потомкомъ св. Владиміра, а отсюда и Рюрика. **)

Св. Владиміръ, правнукъ Рюрика, принялъ въ 980 году христіанство и женился на Аннѣ Комненъ, сестрѣ Византійскихъ императоровъ Василія и Константина. До крещенія онъ, какъ язычникъ, имѣлъ болѣе пяти законныхъ женъ и массу наложницъ, наполнявшихъ терема его въ Кіевѣ, Бѣл-

---

*) Никитскій. *Кто былъ Гедиминъ?* Вольфъ I. ***Ród Gedimina*** и др.

**) А. Киркоръ („Литовское и Бѣлорусское Полѣсье“) прямо указываетъ на Гедимина, какъ на потомки князей Полоцкихъ и Рюриковичей, напротивъ Иловайскій, Антоновичъ и, въ послѣднее время, I. Вольфъ (Ród Gedimina) считаютъ Литовскихъ князей чисто Литовскаго происхожденія.

городѣ, Вышеградѣ и Берестовѣ. Любимой женой его была Полоцкая княжна Рогнѣда, язычница. Отъ нея Владиміръ имѣлъ сына Изяслава, который, несмотря на то, что братья его были христіане, оставался вѣренъ религіи своей матери, и Владиміръ, желая заранѣе обезопасить его отъ могущихъ возникнуть претензій и домогательствъ своихъ остальныхъ сыновей, далъ ему еще при жизни удѣлъ его матери—Полоцкое княжество. Такимъ образомъ Изяславъ является родоначальникомъ нынѣ уже угасшей фамиліи князей Полоцкихъ и единственнымъ прямымъ потомкомъ Рюриковичей въ Литвѣ. Частью своими личными завоеваніями, частью благодаря помощи Казиміра, короля польскаго, Изяславъ не только съ успѣхомъ поддерживалъ свой родной удѣлъ, но настолько расширилъ его и увеличилъ свои завоеванія, что изъ небольшаго княжества Полоцкаго образовалось потомъ Великое княжество Литовское, причемъ, конечно, самъ Полоцкъ и впослѣдствіи давалъ своимъ владѣтелямъ титулъ князя Полоцкаго.

Его дѣти и потомки, если и не отличались военными или гражданскими доблестями, тѣмъ не менѣе сохраняли свой удѣлъ во всей его цѣльности и неприкосновенности. Время ихъ правленія самое тихое и спокойное въ исторіи Великаго княжества Литовскаго и только при Гедиминѣ, десятомъ потомкѣ Изяслава, оно сразу выдвинулось на сцену политической дѣятельности и долго стояло во главѣ славяно-русскаго движенія на Западѣ Россіи.

Отъ своего предшественника Гедиминъ наслѣдовалъ войну съ Орденомъ, и хотя въ началѣ его правленія борьба шла довольно тихо и враждующія стороны ограничивались лишь взаимными набѣгами, но потомъ перевѣсъ явно перешелъ на сторону Литвы. Этому не мало содѣйствовала борьба шедшая внутри Ордена съ епископами; послѣдніе даже жаловались папѣ, указывая на то, что Литва давно приняла бы христіанство, если бы Ордену не было выгоды поддерживать тамъ язычество. Въ тоже время та же ненависть къ Ордену заставила рижскаго епископа искать союза съ Гедиминомъ,

а Орденъ, въ свою очередь, соединился съ князьями Галицкими, которые и начали наступательную войну противъ Гедимина. Начало оказалось неудачно для Меченосцевъ: при первомъ же натискѣ, въ 1319 г. Гедиминъ отнялъ у нихъ Самогитію и быть можетъ еще болѣе обезсилилъ бы ихъ, еслибы около того же времени борьба эта не кончилась на время бракомъ сына Гедимина Любарта съ Волынскою княжною.

Продолжая свою завоевательную дѣятельность, но уже въ другую сторону, Гедиминъ около 1320 г. захватилъ русское княжество Пинское и присоединилъ его къ Литвѣ. Спустя годъ онъ разбилъ при р. Ирпени союзныхъ русскихъ князей и овладѣлъ Кіевомъ. Оставляя по своему обыкновенію, всегда въ завоеванныхъ земляхъ своихъ сыновей или подручниковъ, точно также поступилъ онъ и на этотъ разъ, по отношенію къ Кіеву. Однако мнѣнія относительно личности, которой Гедиминъ поручилъ это новое завоеваніе—расходятся: одни называютъ сына его Миндовга, Голшанскаго князя, другіе какого-то подручника Θедора. Вѣрнѣе, кажется предположить первое, такъ какъ сыновей у Гедимина было много и странно было бы, если бы онъ отдавалъ предпочтеніе чужимъ лицамъ. Можно также думать, что Θедоръ былъ опытный военачальникъ, приставленный въ помощь Миндовгу, тогда еще юношѣ.

Завоеванія Гедимина въ русскихъ земляхъ вызвало противъ него новаго врага—татаръ. Знаменитый Узбекъ, считая занятіе Кіева вторженіемъ въ *свое собственное* государство, выступилъ на защиту полоненныхъ русскихъ земель и выслалъ противъ него, вмѣстѣ съ своими войсками, въ сущности немногочисленными, еще войска русскихъ князей. Это случилось въ 1324 году. Въ то же время рыцари снова начали противъ него непріязненныя дѣйствія, и Гедиминъ очутился такимъ образомъ между двумя страшными врагами. Но и тутъ онъ нашелся, выказавъ себя не только замѣчательнымъ воиномъ, но и прекраснымъ дипломатомъ. Ожидаемое каждую минуту возобновленіе войны съ Орденомъ и давнишнее желаніе его прекратить эту безполезную и кровопролит-

ную борьбу съ рыцами тѣмъ или другимъ способомъ еще въ 1323 г. заставили его обратиться къ папѣ Іоанну XXII съ предложеніемъ принять христіанство, если папа сдержитъ Меченосцевъ. Въ письмѣ своемъ онъ писалъ, между прочимъ: «Одолѣвая христіанъ въ битвахъ, я не хочу истреблять ихъ вѣры, а только защищаюсь отъ враговъ. Монахи доминиканскіе и францисканскіе окружаютъ меня: даю «имъ волю учить и крестить людей въ моемъ государствѣ; «самъ вѣрю Святой Троицѣ, желаю повиноваться тебѣ, главѣ «Церкви и пастырю царей; ручаюсь за моихъ бояръ: только «усмири злобу нѣмцевъ». Въ это же время командоръ Риги сообщилъ въ Авиньонъ папѣ еще два письма Гедимина къ доминканцамъ и францисканцамъ, въ которыхъ онъ проситъ прислать священниковъ, знающихъ литовскій языкъ, для проповѣди христіанства среди Литвы и третье—къ вольнымъ городамъ Любеку, Ростоку и др. съ предложеніемъ льготъ по торговлѣ. Обрадованный такимъ шагомъ со стороны грознаго литовскаго Великаго князя папа тотчасъ же послалъ Меченосцамъ строгое предписаніе *поддерживать* литовскихъ князей. Въ концѣ того же 1323 г. города Аксель, Дерптъ и Ревель заключили союзъ съ Гедиминомъ, и Орденъ Меченосцевъ долженъ былъ примкнуть къ нему. На слѣдующій годъ папа прислалъ въ Ригу легатами епископа и игумена для ратификаціи этого договора между различными литовскими владѣтелями и Гедиминомъ. Такимъ образомъ все, казалось, устраивалось къ обоюдному удовольствію и посольство, полное радужныхъ надеждъ, отправилось изъ Риги въ Вильно, гдѣ находился въ это время послѣдній, но тутъ ихъ ожидало горькое разочарованіе. Гедиминъ, раздраженный новыми непріятельскими дѣйствіями и вѣроломствомъ Ордена, неисполнявшимъ своихъ обѣщаній и клятвъ, рѣзко перемѣнилъ мысли, встрѣтилъ папскихъ пословъ очень немилостиво и сказалъ имъ: «Я не знаю вашего папы, да и знать его не хочу: исповѣдую вѣру моихъ предковъ и не измѣню ей до «гроба». Обезкураженные послы принуждены были удалиться, потерявъ всякую надежду на соединеніе подъ однимъ скипе-

тромъ литовскаго и русскаго государствъ при верховномъ главенствѣ католическаго монарха Гедимина I!

Это была послѣдняя попытка его помириться съ рыцарями и враждебныя отношенія Литвы съ Орденомъ продолжались по прежнему до самаго конца его царствованія. Литовцы то приходили на помощь къ Рижанамъ, то помогали Польскому королю Владиславу Короткому (Локетку), воевавшему съ Орденомъ за Померанію. Хотя борьба шла неравномѣрно и побѣда склонялась то на сторону Гедимина, то на сторону его враговъ, однако, великій князь Литовскій въ большинствѣ случаевъ выходилъ побѣдителемъ. Умирая, онъ передалъ эту вражду въ наслѣдство своимъ преемникамъ.

Съ татарами дѣло кончилось скорѣе и выгоднѣе для Гедимина, чѣмъ съ Орденомъ. Онъ съумѣлъ снискать ихъ дружбу, не воевалъ съ нимъ, не платилъ имъ дани и въ дѣлахъ собственно Руси продолжалъ принимать постоянное участіе. Властвуя надъ Литвою и завоевавъ часть Руси, онъ называлъ себя великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ; нѣтъ сомнѣнія, что вся нынѣшняя Бѣлорусія, или древняя область Кривичей, уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но онъ не изгонялъ тамошнихъ князей и, довольствуясь ихъ покорностью, оставлялъ имъ на извѣстныхъ условіяхъ наслѣдственные удѣлы. Такъ въ 1326 г. съ братомъ его Воиномъ, пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ, для заключенія мира, князья Полоцкій Василій и Минскій Өеодоръ Святославичъ. По отношенію къ Москвѣ Гедиминъ, повидимому, жилъ мирно; онъ даже породнился съ тамошнимъ дворомъ, выдавъ за Симеона Іоанновича Гордаго дочь свою Айгусту. Несмотря однако на это, великодушіе его было часто только кажущееся и, относясь къ русскимъ вообще милостиво, онъ, тѣмъ не менѣе явно простиралъ свои виды на Новгородъ и Псковъ: Новгородцевъ онъ принудилъ взять себѣ въ князья сына своего Наримунда и дать ему удѣлъ въ землѣ ихъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, а подручникъ его Давидъ защищалъ Псковъ отъ Ливонскихъ нѣмцевъ.

Въ дѣлахъ внутренней политики онъ проявилъ себя не менѣе замѣчательнымъ правителемъ. Обладая громаднымъ воинскимъ дарованіемъ, онъ былъ богатъ и политическимъ искусствомъ: онъ съумѣлъ поддерживать равновѣсіе между разнородными своими подданными, понялъ необходимость дать перевѣсъ и болѣе многочисленному и болѣе образованному русскому народу. Въ этомъ и крылся успѣхъ всѣхъ его предпріятій и предначертаній какъ во внѣшней, такъ и во внутренней его дѣятельности. Онъ покровительствовалъ и торговлѣ; до насъ дошла его грамота городамъ Любеку, Ростоку и др., въ которой онъ обѣщаетъ купцамъ ихъ свободу отъ пошлинъ и приглашаетъ поселенцевъ на свои земли, обѣщая десятилѣтнюю льготу отъ податей; призывалъ всякихъ ремесленниковъ, механиковъ, давая имъ различныя преимущества и всевозможныя выгоды. Онъ любилъ хвалиться вѣрностью своихъ обѣщаній и ставилъ себя христіанамъ въ примѣръ честности.

За время своего правленія Гедиминъ основалъ городъ Троки и Вильно и сдѣлалъ послѣднюю своей столицей. Туда онъ перевезъ семью и всѣ награбленныя во время походовъ богатства, и этотъ городъ долго оставался резиденціей великихъ князей Литовскихъ и столицей княжества. Будучи изъ политическихъ видовъ язычникомъ, онъ покровительствовалъ христіанамъ, построилъ въ Вильно христіанскую церковь, а сыновья его Наримундъ-Коріатъ, Ольгердъ и Любартъ, приняли христіанство. Двѣ законныя жены Гедимина, Анна и Евва, обѣ были русскія и православныя, и обѣимъ онъ дозволилъ продолжать исповѣдывать христіанскую религію.

Подъ конецъ царствованія снова загорѣлась жестокая борьба съ рыцарями. По обыкновенію Гедиминъ принималъ въ ней дѣятельное личное участіе и при осадѣ города Фрейбурга, въ 1340 г., былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ, защищая замокъ Равдани.

Еще при жизни онъ раздѣлилъ всѣ свои владѣнія между дѣтьми и престолъ свой оставилъ младшему сыну Евнутію (Янушу), передавъ ему же санъ Великаго князя. Но Евнутій не долго

владѣлъ Вильно: двое изъ его братьевъ—Ольгердъ, князь Витебскій и Кейстутъ, князь Троцкій, соединившись вмѣстѣ, изгнали брата и Великокняжескій престолъ занялъ Ольгердъ.

Всѣхъ дѣтей у Гедимина было тринадцать; именно, семь сыновей:

1) Наримундъ, признанный Новгородцами своимъ княземъ, христіанинъ. Отъ него происходятъ князья Голицины, Куракины и Хованскіе.

2) Миндовгъ (Монвидъ), бывшій намѣстникомъ Гедимина въ Кіевѣ; онъ умеръ безъ потомства.

3) Ольгердъ, Великій князь Литовскій, христіанинъ.

4) Кейстутъ, князь Троцкій.

5) Коріатъ христіанинъ.

6) Любартъ, христіанинъ. Женатъ былъ на Волынской княжнѣ и

7) Янушъ (Евнутій). Получилъ отъ отца Великокняжескій престолъ, но былъ свергнутъ Ольгердомъ,

и шесть дочерей:

1) Альдона, замужемъ за Казиміромъ Великимъ, королемъ Польскимъ.

2) Елизавета, замужемъ за Венцеславомъ, княземъ Мазовецкимъ.

3) Александра, замужемъ за Болеславомъ, княземъ Мазовецкимъ.

4) Анастасія, замужемъ за Давидомъ, княземъ Псковскимъ.

5) Айгуста, замужемъ за Великимъ княземъ Московскимъ, Симеономъ Гордымъ и

6) Марія, замужемъ за княземъ Тверскимъ.

Ольгердъ.

1345—1377 гг.

Ольгердъ вступилъ на литовскій Великокняжескій престолъ въ 1345 г., т.-е. спустя пять лѣтъ по смерти своего отца и правилъ въ теченіе 30-ти съ лишнимъ лѣтъ. Онъ явился вполнѣ достойнымъ преемникомъ Гедимина: хитрый, ловкій и мужественный Ольгердъ «былъ бы — по выраженію Каз. Стадницкаго — основателемъ не государства, для этого ему многаго не доставало, а династіи, если бы отецъ его уже не основалъ ея». Успѣхамъ его царствованія много способствовалъ одинъ изъ братьевъ его Кейстутъ, который, по выраженію того же историка, *былъ мечемъ Ольгерда*. Со вступленія на престолъ Ольгерда до его смерти Кейстутъ оставался постоянно ему вѣренъ и служилъ свято своей землѣ, защищая ее отъ враговъ, преимущественно отъ Ордена.

Борьба съ рыцарями наполняетъ все правленіе Ольгерда: историки *) считаютъ, что въ теченіе 37 лѣтъ съ 1345 по 1382 г. прусскіе рыцари сдѣлали 66 нападеній на Литву, а литовцы 36 нападеній на Пруссію; ливонскіе рыцари 30 разъ нападали на Литву, а литовцы 11 разъ на Ливонію и первымъ актомъ этой кровавой распри была месть Ольгерда за смерть отца. Едва вступивъ на престолъ онъ тотчасъ же бросился на Ливонію съ громаднымъ войскомъ и одержалъ блестящую побѣду при Ридавѣ **). Начальники ливонскаго войска Шиндекопфъ и командоръ Бурхардтъ Мансфельдъ были убиты, а Бурхардтъ Дрейлевенъ, принявъ послѣ нихъ начальство надъ войсками и командорство, поспѣшилъ заключить съ Ольгердомъ не только миръ, но и союзъ. Спустя три года въ 1348 г., на Литву напали рыцари и нанесли соединеннымъ литовско-русскимъ войскамъ страшное пораженіе при р. Отрявѣ, притокѣ

---

*) К. Бестужевъ-Рюминъ и др.

**) Нарбутъ. Historia Narodu Litevskiégo. vol. V.

Нѣмана. Ольгердъ, соединившись съ ливонцами, бросился на Пруссію, уничтожая владѣнія Ордена на сѣверѣ ея—Кёнигсбергъ, Маргенбургъ и Эльбингъ и рыцари поспѣшили заключить миръ, но тотчасъ же стали собирать войска и проповѣдывать крестовый походъ противъ Ольгерда. Эта затѣя, однако, такъ и осталась затѣей, безъ всякого результата. Да и самъ Орденъ вовсе не стремился къ окончательному покоренію Литвы, не особенно заботился о прямой своей обязанности проповѣдывать тамъ христіанство, и малоуспѣшность пропаганды прямо входила въ его разсчеты: принявши христіанство Литва переставала быть страной языческой, а въ такомъ случаѣ Орденъ становился ненужнымъ, между тѣмъ какъ всѣ эти войны, хотя и не всегда удачныя, все-таки доставляли ему не малыя матеріальныя выгоды, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляли христіанскія государства Европы смотрѣть на рыцарей какъ на проповѣдниковъ Слова Божія и мучениковъ за вѣру, забывая объ ихъ дурныхъ и неприглядныхъ сторонахъ. Такимъ образомъ вражда Ольгерда и рыцарей не прекращалась все время царствованія перваго, но послѣ страшнаго пораженія ихъ въ Пруссіи не ознаменовалась больше никакимъ выдающимся фактомъ.

Пока Ольгердъ воевалъ въ Пруссіи, братъ и помощникъ его Кейстутъ, владѣнія котораго были на югѣ Литвы, узналъ, что Поляки овладѣли городомъ Белескомъ. Онъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ брата и Ольгердъ, заключившій въ это время миръ съ рыцарями, тотчасъ же явился на помощь къ Кейстуту. Соединенныя ихъ войска быстро освободили эту крѣпость. Это событіе послужило толчкомъ къ серьезной войнѣ между Литвой и Польшей; главнымъ объектомъ этой борьбы была Волынь, которую Ольгердъ желалъ присоединить къ Литвѣ. Король польскій Казиміръ храбро и энергично отстаивалъ свое владѣніе и свои права на него и только по смерти его въ 1370 г. Волынь была, наконецъ, присоединена къ Литвѣ.

Еще во время борьбы съ Казиміромъ Ольгердъ выступилъ противъ татаръ. Онъ счастливо дошелъ до Тавриды, но подъ Херсонесомъ встрѣтилъ непріятельское войско. Послѣ крово-

пролитной битвы, въ которой перевѣсъ и на этотъ разъ склонился на сторону литовцевъ, Херсонесъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія. Войска Ольгерда побѣдоносно прошли до Кіева и заняли эту древнюю столицу. По примѣру отца Ольгердъ оставилъ тамъ намѣстникомъ своего сына Владиміра отъ первой жены княжны Маріи Витебской, а самъ возвратился домой. Вообще по отношенію къ южнымъ русскимъ князьямъ Ольгердъ держался политики Гедимина, не упуская изъ виду событій Руси восточной: то пригрозитъ Новгороду, то поддержитъ князя Смоленскаго противъ Москвы, то вступится за князя Тверскаго. Съ послѣднимъ онъ былъ въ близкомъ родствѣ, такъ какъ вторая жена его, Юліана, была Тверской княжной. Болѣе серьезное столкновеніе было у него съ Москвой.

Узнавъ, что великій князь Московскій Дмитрій Іоанновичъ Донской напалъ на Литовскіе предѣлы и захватилъ Сѣверскъ, Трубчевскъ и Брянскъ, Ольгердъ быстро собралъ войско и бросился черезъ сосѣднія русскія удѣльныя княжества на Москву. Русскія войска поспѣшили оставить захваченныя ими литовскія владѣнія и направились на помощь Москвѣ. Не опасаясь ихъ прибытія, Ольгердъ осадилъ Москву, но послѣ шестидневной осады, во время которой обѣ стороны показали себя одинаково упорными и храбрыми, былъ заключенъ миръ уже не прерывавшійся до самой смерти Ольгерда. Дабы упрочить его и укрѣпить болѣе серьезнымъ и важнымъ актомъ, чѣмъ мирный договоръ, рѣшено было породниться: дочь Ольгерда Елена была выдана замужъ за князя Владиміра Іоанновича Храбраго, брата Димитрія Донскаго, а сынъ его Дмитрій Корибутъ, извѣстный впослѣдствіи великій князь Сѣверскій, князь Трубчевскій, женился на великой княжнѣ Маріи, дочери Іоанна. Миръ этотъ былъ заключенъ въ 1371 году и съ того времени Ольгердъ является вѣрнымъ союзникомъ русскихъ въ борьбѣ съ татарами. Его многочисленные сыновья были достойными его помощниками въ этомъ.

Вернувшись, по заключеніи мира, въ Вильно, Ольгердъ прожилъ остальные годы своего правленія въ относительномъ мирѣ и спокойствіи и спустя 6 лѣтъ, въ 1377 г., тихо скон-

чался на рукахъ своей второй жены Юліаніи, княжны Тверской.

Изъ сыновей Гедимина, какъ уже выше было сказано, Ольгердъ былъ въ числѣ принявшихъ христіанство. Обѣ жены Ольгерда были также христіанки. Въ своихъ владѣніяхъ онъ не преслѣдовалъ русскихъ, и христіане спокойно жили въ Вильно, подъ покровительствомъ обѣихъ супругъ его: Маріи Витебской и Юліаніи Тверской; почти всѣ дочери его были православнаго вѣроисповѣданія. Особенно чтилъ и уважалъ онъ вторую жену. Она была очень благочестива и религіозна, и Ольгердъ выказалъ особенный тактъ и политическую мудрость, когда, занявъ Кіевъ, поставилъ тамъ намѣстникомъ сына своего Владиміра съ его мачихой, Юліаной. Она вошла въ близкія сношенія съ представителями духовенства и была въ большой дружбѣ съ архимандритомъ кіевскаго монастыря Алексѣемъ, впослѣдствіи (съ 1364 г.), извѣстнымъ митрополитомъ Кіевскимъ и святителемъ всея Руси. Глубоко цѣня ея умъ, Ольгердъ во всѣхъ случаяхъ, когда эму приходилось имѣть сношенія съ папами (Иннокентіемъ VI и Урбаномъ V) или съ русскими епископами, которые не довѣряли христіанству Ольгерда, считая его язычникомъ, онъ выбиралъ своей посредницей Юліанію. По ея же совѣту онъ, умирая, призвалъ къ своему одру св. Алексѣя и изъ рукъ его принялъ постриженіе подъ именемъ Алексѣя. По смерти мужа Юліанія также постриглась въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей принявши имя Марины. Она погребена въ одной изъ пещеръ по берегу Днѣпра, куда до сихъ поръ стекается масса богомольцевъ.

Прахъ Ольгерда покоится въ одной изъ церквей Вильно, построенныхъ его отцемъ Гедиминомъ.

Умирая, Ольгердъ раздѣлилъ свои владѣнія между всѣми своими дѣтьми. Отъ обѣихъ супругъ своихъ онъ имѣлъ 12 сыновей и 5 дочерей, именно:

I. Отъ Маріи, княжны Витебской:

1. Владиміра, бывшаго намѣстникомъ отца въ Кіевѣ.

2. Дмитрія Корибута, принявшаго впослѣдствіи титулъ великаго князя Сѣверскаго, Трубчевскаго и Брянскаго, родоначальника князей Трубецкихъ и другихъ княжескихъ фамилій Россіи.

3. Ивана Зодкевича, владѣтеля Подоліи, прозванной «перломъ Славянскихъ земель».

4. Симона Лингвена, мужа Софіи, княжны Мстиславской, основавшей Спасо-Холмскій монастырь, близъ города Трубчевска. Монастырь этотъ долгое время служилъ усыпальницей князей Трубецкихъ. Сохранившіеся до нашего времени портреты этой княжеской четы, одѣтой въ пурпуръ и горностай, и увѣнчанной герцогской короной, являются древнѣйшими произведеніями русской портретной живописи и единственными сохранившимися до сего времени памятниками ея. Въ настоящее время они находятся въ замкѣ Делиція, въ Елизаветинѣ, у княгини Е. Э. Трубецкой.

5. Андрея Вигунда, князя Полоцкаго, а затѣмъ, одно время кн. Трубчевскаго. Недовольный предпочтеніемъ брата своего Ягайло, которому Ольгердъ передалъ Литовскій престолъ, онъ возмутился противъ того, соединившись съ Орденомъ и кн. Смоленскимъ. Побѣжденный въ неравной борьбѣ, Андрей отправился въ Москву и вмѣстѣ съ братомъ своимъ Дмитріемъ Трубчевскимъ принималъ участіе въ знаменитой Куликовской битвѣ, нося титулъ кн. Брянскаго. Вернувшись затѣмъ снова въ Литву, онъ съумѣлъ удержать за собой свое Полоцкое княжество. Впослѣдствіи онъ былъ взятъ въ плѣнъ Витовтомъ и имъ отравленъ.

6. Коригайло, во святомъ крещеніи Константина, владѣвшаго удѣломъ Черниговскимъ.

7. Θеодора, родоначальника кн. Кробринскихъ и Сангушекъ.

II. Отъ Юліаніи, княжны Тверской:

1. Ягайло (Ягелло), сперва великаго князя Литовскаго, а затѣмъ короля Польскаго, благодаря женитьбѣ его на Гедвигѣ, наслѣдницѣ короны Пястовъ. Будучи ребенкомъ крещенъ своей матерью, Ягайло впослѣдствіи перешелъ въ язычество, но получивъ польскую корону, принялъ католицизмъ. Родился

онъ въ 1354 году и умеръ восьмидесяти лѣтъ въ 1434 г., процарствовавъ почти пятьдесятъ лѣтъ (съ 1386) и основавъ династію Ягеллоновъ, правившую Польшею около 200 лѣтъ.

2. Скиргайло (Ивана Ольгердовича), князя Троцкаго. Онъ хлопоталъ получить себѣ Полоцкъ, а потомъ привелъ нѣмцевъ на помощь Ягайло противъ Кейстута. Ягайло назначилъ его намѣстникомъ Литвы съ титуломъ великаго князя, но столица его была въ Трокахъ. Онъ остался вѣренъ православію и пользовался любовью русскаго народа, но въ 1392 году долженъ былъ уступить Литву Витовту, причемъ былъ убитъ при защитѣ Вильно. Князья Чарторыйскіе ведутъ свой родъ отъ Скиргайло.

3. Свидригайло (1355—1452). Поссорившись съ своимъ братомъ Витольдомъ и недовольный своимъ удѣломъ, Свидригайло отправился въ 1408 году къ Московскому великому князю Василію I, который далъ ему въ удѣлъ Владиміръ, Переяславль, Юрьевъ, Волокъ и Ржевъ, расчитывая на его помощь въ случаѣ появленія татаръ. Однако онъ не оправдалъ надеждъ и при первомъ же нападеніи татаръ бѣжалъ, а вскорѣ и совсѣмъ оставилъ Московское княжество. По смерти Витольда въ 1430 г. сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ и постоянно велъ войну съ Польшей. Въ 1440 г. долженъ былъ уступить литовскій престолъ Казиміру, а самъ получилъ въ удѣлъ Луцкъ.

4. Дмитрія, погибшаго молодымъ, не оставивъ потомства.

5. Александра Вигунда, женатаго на Померанской княжнѣ. Отъ этого брака произошелъ царствующій домъ въ Швеціи Ваза.

6. Генриха Буттана, предка кн. Порѣцкихъ и Пинскихъ; былъ убитъ въ битвѣ при Ворсклѣ въ 1399 г.

Всѣ пять дочерей Ольгерда имѣли блестящую судьбу. Одна изъ нихъ, Александра, вышла замужъ за Зимовида, князя Мазовецкаго и ея потомство имѣло своихъ представителей почти на всѣхъ тронахъ Европы, благодаря браку дочери ея Симбарки съ герцогомъ Австрійскимъ Эрнестомъ, прозваннымъ Желѣзнымъ. По свидѣтельству современниковъ эта молодая дѣ-

вушка отличалась замѣчательнымъ ростомъ и сложеніемъ и обладала геркулесовской силой. Любимымъ занятіемъ ея была охота, въ особенности на медвѣдя, и изъ подобной борьбы она почти всегда выходила побѣдительницей. Эта, необычайная для женщины, сила, обратила на себя вниманіе герцога Эрнеста, также богатыря своего рода и онъ на ней женился. Развалины ихъ замковъ въ Штиріи сохранились и до сего времени.

Другая дочь Ольгерда, Елизавета, была замужемъ за королемъ Венгерскимъ и была матерью Маріи и Гедвиги, польской королевы и жены Ягайло. Остальныя три дочери Ольгерда—Агриппина, Елена и Марія вышли за русскихъ князей.

Какъ уже выше было сказано, престолъ Литовскій Ольгердъ оставилъ одному изъ младшихъ своихъ сыновей Ягайло. Сначала новый великій князь Литовскій жилъ смирно съ своими братьями, но скоро они разсорились и двое изъ нихъ Андрей Полоцкій и Дмитрій Корибутъ Трубчевскій, играющій наиболѣе важную роль въ исторіи князей Трубецкихъ и о которомъ будетъ ниже разсказано подробно, уѣхали въ Москву. Однако этотъ разрывъ не имѣлъ никакихъ особо важныхъ послѣдствій. Гораздо серьезнѣе былъ разрывъ между Ягайло и дядей его Кейстутомъ. Желая упрочить за собою литовскій престолъ и утвердить въ Литвѣ единовластіе, Ягайло вошелъ въ сношенія съ Орденомъ и для упроченія добрыхъ отвошеній уступилъ рыцарямъ Жмудь до р. Дубисы—землю весьма нужную Ордену потому, что она соединяла Пруссію съ Лифляндіею. Возмущенный этимъ, Кейстутъ свергъ Ягайло, но послѣдній скоро обманомъ захватилъ Кейстута съ его сыномъ, Витовтомъ, заключилъ его въ тюрьму и тамъ отравилъ (1382 г.). Витовту удалось бѣжать; онъ бросился къ нѣмцамъ и съ ними напалъ на Литву. Ягайло поспѣшилъ съ нимъ помириться и они вмѣстѣ разбили нѣмцевъ. Тогда Ягайло далъ ему Гродно и Троки.

Въ 1386 г. совершилось важное событіе: Ягайло былъ избранъ въ короли польскіе, вступилъ въ бракъ съ Гедвигой и принялъ католицизмъ. Съ этого времени начи-

нается новая эпоха въ исторіи Литвы. Постоянно возвышающаяся Польша ведетъ ожесточенную борьбу съ Литвой и другими княжествами изъ-за единовластія. Борьба эта ознаменовывается кровавыми спорами родныхъ братьевъ, дядей, племянниковъ между собою и уже къ исторіи кн. Трубецкихъ имѣетъ мало отношенія. За это время выдвигается на первый планъ одинъ изъ братьевъ Ягайло, Корибутъ, который и полагаетъ начало князьямъ Трубецкимъ. Отсюда идетъ уже прямая исторія этой знаменитой въ лѣтописяхъ русской земли княжеской фамиліи.

Корибутъ.

1357—1399 гг.

Родоначальникъ князей Трубецкихъ Корибутъ, во св. крещеніи Димитрій Ольгердовичъ, *) какъ видно изъ вышесказаннаго былъ второй сынъ Ольгерда отъ первой жены его Маріи, княжны Витебской, и внукъ великаго Гедимина. Еще при жизни своего отца онъ имѣлъ титулъ князя Трубчевскаго, а по смерти его получилъ еще великое княжество Сѣверское, колыбель Гедимина, со стольнымъ городомъ Новгородъ - Сѣверскимъ, гдѣ и была резиденція Корибута и его дворецъ, и княжество Брянское. Такимъ образомъ онъ носилъ тройной титулъ великаго князя Сѣверскаго, Трубчевскаго и Брянскаго.

Великое княжество Сѣверское, благодаря своему выгодному географическому положенію между Россіей и Польшей имѣло громадное политическое значеніе, да и кромѣ того оно представляло богатую страну, въ изобиліи орошаемую рѣ-

---

*) I. Вольфъ (Ród Gedimina) на основаніи новыхъ источниковъ указываетъ, какъ на родоначальника кн. Трубецкихъ, на другаго сына Ольгерда, тоже Дмитрія, кн. Брянскаго. По его же мнѣнію этотъ-то Дмитрій и принималъ участіе въ Куликовской битвѣ.

ками и покрытую лѣсами. Эти густыя, дремучіе лѣса въ особенности изобиловали знаменитыми зубрами,—почти совершенно исчезнувшимъ нынѣ типомъ дикаго быка и сохранившемся и до сего времени только въ этой мѣстности въ очень небольшомъ количествѣ. Поэтому то и гербъ князей Трубецкихъ, въ третьей своей четверти, имѣетъ изображеніе головы зубра въ золотомъ полѣ.

Другое владѣніе Корибута, городъ Трубежъ или Трубчевскъ, помимо самого города состояло еще изъ множества мелкихъ областей, которыя и составляли до XVII вѣка наслѣдственныя и самостоятельныя владѣнія князей Трубецкихъ. Въ окрестностяхъ Трубчевска находился знаменитый Спасохолмскій монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ женою Симеона Лингвена, дяди Дмитрія Корибута. Въ этомъ монастырѣ находятся гробницы нѣсколькихъ членовъ дома князей Трубецкихъ. Бумаги и документы, хранившіеся прежде тутъ, были перенесены при Петрѣ I, въ 1720 году, въ Кіево-Печерскую Лавру.

Изъ сохранившихся до сего времени памятниковъ Корибута, въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ хранится (находившійся прежде въ библіотекѣ Пулавской) синодикъ Лаврошевскаго монастыря, писанный въ XIV вѣкѣ на пергаменѣ. Въ этомъ синодикѣ вписано о вкладахъ, данныхъ въ Лаврошевскій монастырь отъ Дмитрія-Корибута и есть собственноручная запись его: «*се язъ Великій Князь Дмитрій Ольгердовичъ, помолился есми Богу и Пресвятой Богородицѣ....*».

Въ томъ же музеѣ находится также печать Корибута: съ одной стороны, въ красномъ полѣ съ золотыми звѣздами изображенъ «Литовскій всадникъ»—Pogon Litewski, имѣющійся въ гербахъ Трубецкихъ, Вишневецкихъ, Порѣцкихъ и др., а съ другой—надпись на русскомъ языкѣ: «Печать князя Корибута».

Ольгердъ съ дѣтства пріучалъ Корибута къ трудностямъ боевой жизни, бралъ повсюду за собой во время своихъ многочисленныхъ походовъ и нерѣдко оставлялъ его, въ послѣдствіи, намѣстникомъ завоеванныхъ земель. Такимъ

образомъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ владѣтелемъ, Корибутъ явился не только человѣкомъ опытнымъ и привычнымъ ко всевозможнымъ случайностямъ, но, что имѣло особенно важное значеніе въ эту эпоху постоянной вражды и борьбы съ сосѣдями, кровавыхъ войнъ съ братьями, родными и другими владѣтелями,—человѣкомъ-полководцемъ, воиномъ, закаленнымъ въ бояхъ и битвахъ, всюду сопровождаемымъ такимъ же привычнымъ и опытнымъ войскомъ. Благодаря всему этому его участіе въ 1380 году, въ знаменитой Куликовской битвѣ, имѣло такое значеніе для окончательнаго исхода этого кроваваго боя, гдѣ были поставлены на карту не только жизнь храбраго русскаго народа и его замѣчательнаго полководца, князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, но и честь и существованіе русскаго государства.

Но не одна извѣстность Корибута, какъ прекраснаго полководца, обладающаго испытаннымъ и вѣрнымъ войскомъ, стяжала ему славу въ этой битвѣ: много помогло еще то обстоятельство, что онъ, благодаря своимъ родственнымъ связямъ съ Московскимъ и Рязанскимъ княжествами, явился посредникомъ между этими двумя, враждовавшими въ то время между собой областями, и тѣмъ еще болѣе содѣйствовалъ успѣху побѣды надъ татарами. Куликовская битва имѣетъ громадное значеніе въ исторіи этого замѣчательнаго родоначальника князей Трубецкихъ и составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ моментовъ его жизни и дѣятельности; поэтому является вполнѣ умѣстнымъ изложить нѣсколько подробнѣе сопровождавшія ее обстоятельства въ особенности имѣющія близкое отношеніе къ исторіи рода кн. Трубецкихъ.

Корибутъ перешелъ въ подручничество Москвы въ 1379 году. Въ эту эпоху, полную внутреннихъ междуусобій и смутъ между различными удѣльными русскими князьями, борьбы ихъ съ постепенно возрастающей Москвой изъ-за главенства и съ татарскимъ игомъ, хотя и ослабѣвающимъ, но все еще державшемъ Русь въ страхѣ и подчиненіи, всѣ эти внутренніе раздоры особенно гибельно отражались на благосостояніи государства, на ходѣ его политическаго и

государственнаго развитія, на его культурѣ и цивилизаціи. Подавленная жестокимъ, неумолимымъ владычествомъ дикихъ азіатскихъ кочевниковъ, разорившимъ все государство и совершенно измѣнившимъ обычный строй его жизни, Россія не могла сплотиться во едино противъ могущественнаго врага, ни даже бороться съ нимъ болѣе или менѣе успѣшно. Единичные факты торжества русскаго оружія влекли за собой сильнѣйшее пораженіе того же счастливаго побѣдителя и усугубляли только тяжесть татарскаго господства надъ остальными, менѣе счастливыми, борцами за отечество и вѣру. Такимъ образомъ, когда являлась возможность противопоставить дикой ордѣ союзъ, хотя бы и небольшой, русскихъ князей, направленный къ защитѣ данной области или города, въ большинствѣ случаевъ русскіе выходили побѣдителями. Но подобные факты, были къ сожалѣнію, крайне рѣдки и русскимъ князьямъ приходилось ѣздить на поклонъ къ хану и этимъ подчиненіемъ, хотя бы на время и немного, ослаблять произволъ ханскихъ намѣстниковъ и посланцовъ. Наконецъ въ 1380 году настал момент, отъ исхода котораго зависѣло дальнѣйшее существованіе не только Московскаго княжества, но почти всей восточной и южной Россіи: это—рѣшительная битва соединеннаго русскаго войска съ огромными полчищами Мамая на Куликовскомъ полѣ, между рр. Непрядвою и Дономъ, въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губ. Хотя эта битва и не повела къ окончательному освобожденію Руси отъ татаръ, но она дала этому первый серьезный толчекъ и оказала громадное нравственное вліяніе на духъ народный. Ея значеніе, ея подробности настолько извѣстны, что въ настоящемъ случаѣ важно лишь то участіе, которое принималъ въ ней Дмитрій Корибутъ.

Русскія войска, составленныя изъ частныхъ силъ нѣсколькихъ удѣльныхъ князей—костромскаго, владимірскаго, углицкаго, муромскаго, устюжскаго и др. шли подъ начальствомъ великаго князя Дмитрія Іоанновича; татарскія полчища имѣли во главѣ Мамая. Но знаменитый татарскій «дѣлатель хановъ» не рѣшился сразиться одинъ и пригласилъ себѣ въ

помощь Олега, князя Рязанскаго и Ягайло, великаго князя Литовскаго. Однако эти союзники не явились, и причиной этого счастливаго ослабленія вражескихъ силъ, русскіе были во многомъ обязаны Корибуту и его родственнымъ узамъ.

Дмитрій Ольгердовичъ былъ женатъ два раза. Первая жена его была Любовь Іоанновна, сестра князя Дмитрія Іоанновича Донскаго. Но съ ней онъ жилъ недолго и не прошло и двухъ лѣтъ со дня ихъ брака, какъ она умерла, и Корибутъ женился во второй разъ на дочери Олега, князя Рязанскаго, Анастасіи. Такимъ образомъ въ моментъ Куликовской битвы, Корибутъ находился въ необходимости выбирать между Дмитріемъ, его шуриномъ и Олегомъ и Ягайло—его тестемъ и братомъ. Однако онъ не только остался вѣренъ русскому знамени, но еще убѣдилъ тестя своего забыть на время вражду съ Москвой, измѣнить татарамъ и стать въ ряды борцовъ за освобожденіе своего отечества и православную вѣру. Быть можетъ онъ же повліялъ и на Ягайло; по крайней мѣрѣ изъ послѣдующаго видно, что отношенія между обоими братьями были очень хороши и участіе Дмитрія Ольгердовича въ битвѣ нисколько на нихъ не повліяло.

Появленіе въ рядахъ русскаго войска Корибута въ сопровожденіи храбраго и испытаннаго литовскаго отряда вызвало среди военночальниковъ живѣйшую радость и пришлецы были встрѣчены съ большимъ почетомъ. Какую важность и значеніе придавалъ Дмитрій Донской прибытію литовскаго князя, видно изъ того, что онъ тотчасъ же отправилъ гонца въ Москву къ митрополиту съ извѣщеніемъ о такомъ радостномъ событіи, и въ этомъ письмѣ приказывалъ пѣть по всѣмъ церквамъ Россіи благодарственные молебны за неожиданную помощь, посланную съ неба.

Корибутъ явился въ русскій лагерь въ сопровожденіи брата своего кн. Андрея Брянскаго, погибшаго въ послѣдствіи отъ руки Витовта. На военномъ совѣтѣ предъ битвой оба брата говорили великому князю Дмитрію Іоанновичу: «*Да аще одолѣемъ татаромъ, да будетъ слава тебѣ и намъ; аще ли избіены будемъ отъ нихъ, то общею смертію вси купно умремъ,*

а противу велицей силы ихъ никто же да не устрашай не въ силе бѣ Богъ, но въ правдѣ, и кого же хощетъ милуе тому и помощь даетъ» *).

Рано утромъ 8-го сентября 1380 г. русскія войска сошл съ татарами и завязавшаяся битва продолжалась цѣл день пока не кончилась торжествомъ русскаго оружія. самый разгаръ сраженія Дмитрій Донской упалъ ранен безъ чувствъ. Не видя болѣе своего доблестнаго вождя, ру ское войско поколебалось, но въ этотъ моментъ Дмитрій К рибутъ, въ доспѣхахъ великаго князя, предсталъ, вдру предъ изумленными взорами татаръ, готовившихся уже т жествовать побѣду и повелъ впередъ русскія войска, вод шевляя ихъ своимъ примѣромъ. Татары дрогнули подъ эти натискомъ и поколебались. Воспользовавшись этой бла пріятной минутой неожиданно выступилъ изъ-за засады кня Владиміръ Андреевичъ и, напавъ на враговъ съ тылу, отня у нихъ послѣднюю надежду на побѣду и мужество, и тата бросились бѣжать. Благодаря такому присутствію духа и м жеству князя Корибута и князя Владиміра Андреевича, п бѣда осталась за русскими. Благодарные русскіе князья, цѣ заслуги Дмитрія Ольгердовича въ этой знаменательной д русскаго государства битвѣ, предложили ему въ пожизнен владѣніе городъ Переяславль-Залѣсскій, который онъ, таки образомъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этой битвы, Ягайло при дилъ Корибута вернуться на родину въ Литву. Однако э принужденіе не сопровождалось никакими насильственны мѣрами и даже существуютъ трактаты, заключенные меж этими двумя братьями, въ которыхъ Корибутъ прямо наз ваетъ Ягайло своимъ союзникомъ. Время возвращенія Кор бута въ Литву совпало какъ разъ съ однимъ изъ весь важныхъ событій въ исторіи Литвы и Польши: браком Ягайло и Гедвиги и принятіемъ имъ титула польскаго корол

*) Никонов. лѣтопись, годъ 6888—1380.

Гедвига, или Ядвига, дочь короля польскаго и венгерскаго, съ ранней юности была невѣстою Вильгельма, эрцъ-герцога Австрійскаго, къ которому она, какъ говорятъ, питала сильную склонность. Однако польскіе магнаты, отъ которыхъ зависѣлъ выборъ ей будущаго мужа, такъ какъ она передавала послѣднему корону Пястовъ, отказали въ своемъ согласіи на этотъ бракъ и выбрали ей въ супруги Ягайло, тогда еще Литовскаго великаго князя. Благодаря этому браку соединились въ одно цѣлое могущественное государство — Литва и Польша и польскіе магнаты, вполнѣ понимая важность этого факта, поставили Ягайло въ брачномъ договорѣ одно важное условіе: оставить язычество и креститься самому со всѣмъ народомъ своимъ (литовскимъ) въ римско-католическую вѣру.

Условія эти были крайне выгодны для Польши и для Римскаго духовенства, открывая ему широкое, обширное поле для пропаганды католичества среди славянскихъ земель, могущей привести къ подножію св. Петра громадную область полную вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ римской церкви. Желая получить во чтобы то ни стало польскую корону, Ягайло принялъ эти условія и тогда Гедвига, не смотря на сильное сопротивленіе и усилія перваго жениха ея, Вильгельма Австрійскаго добиться своего, была заключена въ крѣпость и вышла оттуда только для того, чтобы сдѣлаться женой Ягайло.

Царствованіе перваго Польско-Литовскаго короля началось блестящимъ образомъ. Всѣ князья Литовскіе и ихъ союзники съѣхались въ сопровожденіи богатой и многочисленной свиты въ Краковъ и торжественно провозгласили его, хартіей отъ 8-го марта 1386 года, королемъ Польши и Литвы. Въ числѣ прочихъ и великій князь Сѣверскій, Димитрій Корибутъ, принесъ присягу въ вѣрности королю Ягайло и королевѣ Гедвигѣ. Сдѣлавшись польскимъ королемъ, Ягайло назначилъ своихъ братьевъ правителями подвластныхъ ему земель, между прочимъ Волыни, Подоліи и княжества Витеб-

вторичной своей попытки овладѣть Литвой. Призвавъ на помощь себѣ тевтонскихъ рыцарей, которые были недовольны избраніемъ Ягайло на польскій престолъ, онъ бросился на Вильно и завладѣлъ имъ послѣ краткой, но кровавой битвы. Когда Ягайло, узнавъ объ этомъ, явился на защиту своей бывшей столицы, первое, что онъ увидалъ—окровавленную голову своего брата Скиргайло, которую тевтонскіе рыцари, насадивъ на копье, съ торжествомъ носили по городу.

Однако, вопреки ожиданіямъ, ни фактъ взятія одного изъ лучшихъ городовъ его—древней столицы Литвы, ни кровавое оскорбленіе, нанесенное ему жестокимъ убійствомъ брата, не заставили Ягайло даже попытаться изгнать Витовта изъ Вильно, хотя онъ имѣлъ полную возможность сдѣлать это; напротивъ, онъ поступилъ совершенно иначе: заключилъ съ нимъ миръ и утвердилъ его своимъ намѣстникомъ въ Литвѣ. Но честолюбивый Гродненскій князь не долго сохранялъ вѣрность польскому королю, вскорѣ онъ совсѣмъ освободился отъ всякой зависимости Польшѣ и уже не смотря на Ягайло, какъ на опаснаго противника, задумалъ покорить своей власти все царство Ольгерда. Въ этомъ предпріятіи онъ встрѣтилъ гораздо сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны другихъ владѣтелей Литвы и первымъ и главнымъ противникомъ его явился храбрый и энергичный Дмитрій Корибутъ. Онъ открыто отказался повиноваться Витовту и объявилъ ему войну.

Тогда Витовтъ стремительно бросился на великое княжество Сѣверское, опустошилъ его, захватилъ въ свои руки Новгородъ-Сѣверскій, увелъ въ плѣнъ самого Корибута съ его женою и заперъ ихъ въ Вильно, а самъ отправился далѣе, постепенно отнимая въ своемъ побѣдоносномъ шествіи у Ягайло Вильно, Подолію и другія провинціи. Въ это время великій князь Рязанскій, близкій родственникъ Корибута, узнавъ о постигшемъ его несчастіи, бросился на Вильно, освободилъ Дмитрія съ женой изъ плѣна и помогъ ему вернуть себѣ обратно Новгородъ-Сѣверскій. Разсерженный этимъ обстоятельствомъ и такой неожиданной помощью врагу совершенно

растроивающей его планы и, желая отомстить за непрошенное вмѣшательство, онъ бросился на русскія земли, взялъ Тулу, Калугу и осадилъ Смоленскъ. Великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ (1389—1425), ссылаясь на недостаточность, будто бы, войска и средствъ, чтобы идти на помощь Смолянамъ, оставался хладнокровнымъ зрителемъ захвата, помощью измѣны, этого города и оставленія тамъ Витовтомъ своихъ намѣстниковъ (1395 г.). Главная же причина такого поведенія великаго князя крылась въ томъ, что онъ былъ близкимъ родственникомъ Витовта и старался сохранять съ нимъ миръ, чтобы имѣть однимъ опаснымъ врагомъ менѣе. Еще въ 1386 году, когда Василій Дмитріевичъ спасался бѣгствомъ изъ Орды отъ Токтамыша, онъ долженъ былъ избѣгать дороги чрезъ татарскія владѣнія и направился сперва въ Молдавію, а оттуда пробрался въ Москву чрезъ Литовскія владѣнія. Въ это время онъ встрѣтился съ Витовтомъ, ведшимъ борьбу съ Ягайло и далъ или принужденъ былъ дать сыну Кейстута слово жениться на дочери его Софіи. Слово это было сдержано, какъ только Василій сталъ великимъ княземъ и въ 1390 году состоялся этотъ бракъ. Но эта близкая родственная связь, какъ уже было видно и будетъ видно далѣе, не принесла Москвѣ никакой пользы. Витовтъ, помирившись съ Ягайло и ставши великимъ княземъ Литовскимъ, началъ стремиться къ увеличенію своихъ владѣній главнымъ образомъ чрезъ покореніе областей восточной Руси.

Попытка его въ 1395 году захватить Смоленскъ, сперва, какъ выше было сказано, была удачна. Однако торжество его было непродолжительно. Старшій Смоленскій князь, Юрій, бывшій въ то время въ Рязани, напалъ, при помощи Олега Рязанскаго, на владѣнія Витовта и опустошилъ ихъ. Витовтъ бросился на Рязань, но былъ прогнанъ; вторичное же его нападеніе на эту область ознаменовалось жестокимъ ея разграбленіемъ. Все это время Василій не противодѣйствовалъ Витовту, считая борьбу эту личными счетами борющихся между собой, и даже встрѣчалъ его торжественно по

разграбленіи Рязани. Только когда они оба — Витовтъ и Московскій князь стали совмѣстно требовать отъ Новгородцевъ разрыва союза съ Нѣмцами, тутъ только выяснились настоящія желанія и стремленія Литовскаго князя. Послѣдній одновременно требовалъ отъ Новгородцевъ полнаго себѣ подчиненія, и на отказъ ихъ (1399) объявилъ имъ войну. Еще за годъ до этого онъ же заключилъ договоръ съ Орденомъ, обѣщая помогать ему въ овладѣніи Псковомъ, если тотъ поможетъ ему захватить Новгородъ. Неизвѣстно къ какимъ результатамъ привело бы это обстоятельство еслибы оно осуществилось, но неожиданно возникшія затрудненія въ отношеніяхъ Витовта къ Ордѣ заставили его отложить свое намѣреніе до другаго, болѣе удобнаго, времени, а затѣмъ и совсѣмъ отказаться отъ него.

Какъ извѣстно грозный Токтамышъ, разбитый и прогнанный съ ханскаго престола Золотой Орды еще болѣе грознымъ и сильнымъ завоевателемъ—Тимуромъ (Тамерланомъ, Тимуръ-Ленкомъ), искалъ спасенія въ Литвѣ и нашелъ его у своего друга и союзника Витовта. По удаленіи Тимура онъ снова было пытался утвердиться въ Кипчакскомъ царствѣ, но былъ оттуда изгнанъ Тимуръ-Кутлукомъ. Тогда Витовтъ взялъ его окончательно подъ свое покровительство и обѣщалъ ему возвратить его царство, съ тѣмъ, чтобы Токтамышъ потомъ помогъ ему овладѣть Москвою. Съ этой цѣлью, въ 1399 году онъ собралъ огромное войско, состоявшее изъ разнородныхъ элементовъ и двинулся на Кипчакъ. Кромѣ Руси, Литвы и Жмуди, съ Витовтомъ шли татары, оставшіеся вѣрными Токтамышу, полки Волошскіе и Польскіе; кромѣ того Орденъ, находившійся въ это время въ мирѣ съ Литвой, прислалъ отрядъ своихъ рыцарей. Однихъ князей, участвовавшихъ въ этомъ походѣ насчитываютъ до пятидесяти. Въ числѣ былъ и Дмитрій Корибутъ, находившійся тогда въ мирѣ съ Витовтомъ. Онъ пришелъ въ сопровожденіи большаго отряда и вмѣстѣ съ нимъ принялъ участіе въ походѣ и два сына его, Андрей и Іоаннъ. Передъ выступленіемъ въ походъ къ Витовту явился посолъ отъ Тимуръ-Кутлука:

«Выдай мнѣ бѣглаго Токтамыша, велѣлъ сказать ему ханъ: онъ мой врагъ. Не могу оставаться въ покоѣ, зная, что онъ живъ и у тебя живетъ, потому что измѣнчива жизнь наша: нынче ханъ, а завтра бѣглецъ, нынче богатъ, завтра нищій, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своихъ, не только что чужихъ, а ханъ Токтамышъ чужой мнѣ и врагъ мой, да еще злой врагъ; такъ выдай мнѣ его, а что ни есть около его, то все тебѣ». Витовтъ велѣлъ отвѣчать на это: «хана Токтамыша не выдамъ, а съ ханомъ Темиръ-Кутлукомъ хочу видѣться самъ» *).

12-го августа 1399 г. обѣ враждующія рати сошлись на берегахъ р. Ворсклы, въ Полтавской губерніи. Передъ битвой снова начались переговоры, опять по инициативѣ татарскаго хана. Получивъ гордый и рѣзкій отвѣтъ Витовта, Темиръ-Кутлукъ испугался и такъ понизилъ тонъ, что въ роли требующаго явился уже Витовтъ, который, между прочимъ потребовалъ полнѣйшаго подчиненія ему Орды и помѣщенія на татарскихъ монетахъ Литовскаго клейма, лишая, такимъ образомъ, хана главнѣйшихъ прерогативовъ его власти. Но въ это время къ хану явился знаменитый наѣздникъ-полководецъ, распоряжавшійся одно время въ Ордѣ по своему, ставившій и свергавшій хановъ по личному произволу— Эдигей (Идику) и воспротивился подобнымъ условіямъ. Потребовавъ отъ Витовта личнаго свиданія, онъ заявилъ условія прямо противуположныя желаніямъ Литовскаго князя и предлагалъ лучше Литвѣ стать данникомъ Орды и ставить на своихъ деньгахъ татарское клеймо. Разсерженный этимъ требованіемъ Витовтъ не сталъ продолжать разговоровъ и двинулъ свои войска противъ татаръ. Бой начался. Сперва литовцы, казалось, одерживали верхъ надъ полками Эдигея, но въ это время отряды Тимуръ-Кутлука обошли ихъ кругомъ и напали съ тылу. Токтамышъ первый обратился въ бѣгство съ своими татарами и въ этомъ бѣгствѣ разграбилъ попадавшіяся ему по дорогѣ владѣнія его союзника и мно-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. IV стр. 27.

гихъ жителей захватилъ въ плѣнъ. Обозъ Витовта былъ захваченъ побѣдителями, а самъ князь Литовскій едва успѣлъ убѣжать съ небольшой дружиной. Татары бросились ему во слѣдъ и гнались вплоть до самаго Кіева. Тутъ ханъ остановился для осады города, и въ тоже время отправилъ значительную часть своего войска на разграбленіе Литовской земли. Кіевъ успѣлъ откупиться за 3000 рублей, но Литовская земля была раззорена.

Въ этой битвѣ, имѣвшей такое громадное значеніе для Восточной Европы, погибло болѣе 20-ти князей, принимавшихъ въ ней участіе. Въ числѣ ихъ погибъ славной смертью героя и Дмитрій Корибутъ, рядомъ съ своими сыновьями Андреемъ и Іоанномъ.

Послѣ смерти Дмитрія Корибута исторія княжествъ Новгородъ-Сѣверскаго, Брянскаго и Трубчевскаго, главнымъ образомъ послѣдняго, какъ самостоятельнаго удѣла, продолжается еще въ теченіи цѣлыхъ полутораста лѣтъ, но за это время появляется уже фамилія князей *Трубецкихъ*, такъ что ее скорѣй можно назвать исторіей князей Трубчевскихъ—Трубецкихъ. Въ 1546 году удѣлъ Трубчевскій перестаетъ существовать и хотя въ концѣ XVI ст. одинъ изъ князей Трубецкихъ и получаетъ титулъ «державца Трубчевскаго», но все-таки 1546 годъ является началомъ уже настоящей исторіи князей Трубецкихъ.

Дѣтей у Корибута было всего семь человѣкъ—пять сыновей, изъ которыхъ двое погибли вмѣстѣ съ отцомъ въ битвѣ при Ворсклѣ, и двѣ дочери. Хотя нѣтъ прямыхъ указаній были ли они дѣтьми Корибута отъ обѣихъ его супругъ или отъ которой либо одной, но въ виду того, что первая жена его Любовь, княжна Московская, сестра Дмитрія Донскаго, умерла очень скоро послѣ брака, можно почти навѣрное сказать, что матерью всѣхъ дѣтей Димитрія Ольгердовича была его вторая жена—Анастасія, дочь князя Олега (Александра) Рязанскаго.

Дѣти эти были слѣдующія:

Князь Іоаннъ Дмитріевичъ, (№ 2), называемый нѣкоторыми историками также Александромъ. О немъ не сохранилось никакихъ другихъ свѣдѣній кромѣ того, что онъ погибъ въ битвѣ 12 августа 1399 года, при Ворсклѣ. Онъ имѣлъ титулъ кн. Трубчевскаго.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ (№ 3), получившій по смерти брата Іоанна княжество Трубчевское, а вмѣстѣ съ нимъ и титулъ князя Трубчевскаго. Начавшееся въ первой четверти XV ст. сильное политическое броженіе въ польско-литовскомъ государствѣ, имѣвшее цѣлью полонизировать окончательно Литву и ярая католическая пропаганда, стремившаяся обратить все литовское населеніе въ латинство, заставили многія знатныя фамиліи, принадлежавшія къ православной церкви, оставить свою родину и удалиться въ Россію, на службу къ московскому двору. Князь Михаилъ, сперва боровшійся насколько хватало возможности и силъ противъ этой пропаганды, долженъ былъ, въ концѣ концовъ, уступить силѣ. Онъ удалился въ Россію и, несмотря на то, что въ ней онъ оставался до самой смерти, ему удалось, все-таки, сохранить неприкосновеннымъ свой удѣлъ. За это же время, согласно сохранившимся отрывычнымъ историческимъ указаніямъ, онъ первый началъ, хотя и рѣдко, писаться *княземъ Трубецкимъ*.

Князь Михаилъ удалился во время. Полонизированіе и католизація Литвы, благодаря проискамъ польскихъ магнатовъ и Рима, разростались все болѣе и болѣе и полнѣйшимъ торжествомъ ихъ можно считать Городельскій союзъ. Въ 1413 г. представители Литвы и Польши, съѣхавшись въ Городлѣ (Люблинской губ.), заключили между собою договоръ, излагающій условія соединенія этихъ двухъ государствъ въ одно цѣлое. По этому акту, послѣ смерти Витовта, Литва признаетъ государемъ Ягайло и его дѣтей, а въ случаѣ смерти Ягайло ранѣе Витовта, поляки избираютъ королемъ послѣдняго; въ Литвѣ вводятся должности подобныя польскимъ; литовское дворянство, по выбору Витовта, приписывается къ польскимъ гербамъ и получаетъ ихъ права. Но всѣ эти права доступны *только католикамъ, а не еретикамъ* (то-есть *пра-*

вославнымъ)! «Городельскій актъ, говоритъ М. О. Кояловичъ, «довершилъ то раздѣленіе между Литвою и Русью, начало «котораго положено первымъ крещеніемъ Литвы. Литвины-«Латиняне поставлены въ положеніе господъ; русскіе право-«славные въ положеніе рабовъ: каковы бы ни были добрыя «отношенія между тѣми и другими, и какъ бы часто не раз-«рушалось на практикѣ это раздѣленіе между ними, но трудно «было не возникнуть враждѣ. Трудно было господамъ не да-«вать чувствовать рабамъ свое господство и трудно было «рабамъ не возмущаться этимъ господствомъ». Государство, устраиваемое Витовтомъ, состояло изъ людей разныхъ вѣръ, причемъ высшая духовная власть для тѣхъ, кто принадлежалъ къ наиболѣе сильной церкви,—для православныхъ, была въ другомъ государствѣ, которое очень хорошо умѣло пользоваться пребываніемъ у себя этой духовной власти. Неудобство такого положенія чувствовали еще князья галицкіе и литовскіе и не было ничего удивительнаго въ томъ, что многіе княжескіе владѣтельные роды предпочитали оставить свои удѣлы и перейти въ другое, истинно православное государство, въ Россію, чѣмъ поступаться своими убѣжденіями и совѣстью и измѣнять своей вѣрѣ. Конечно многіе изъ нихъ благодаря этому переходу, лишились своихъ владѣній, но они могли разчитывать на другое, соотвѣтственное положеніе въ Россіи, а при случаѣ и на ея помощь въ дѣлѣ возврата, но уже въ качествѣ представителей другаго господствующаго государства, другой господствующей вѣры.

Князь Михаилъ не принадлежалъ къ такимъ несчастливцамъ и, какъ уже было сказано, ему удалось сохранить свой удѣлъ. Быть можетъ этому много способствовало то обстоятельство, что онъ покинулъ родину одинъ изъ первыхъ и не принималъ, такимъ образомъ, активнаго участія въ этой борьбѣ. Съ другой стороны, въ этомъ случаѣ, вѣроятно играло не послѣднюю роль и самое значеніе княжества Трубчевскаго и ея представителей.

Къ сожалѣнію, свѣдѣній о пребываніи и занятіяхъ кн. Михаила въ Россіи, болѣе точныхъ и подробныхъ, не сохранилось почти никакихъ.

Князь Өедоръ Дмитріевичъ (№ 4), удѣльный князь Несвижскій и Збаражскій, получилъ отъ отца своего еще Сѣверскъ въ Ливоніи и большія и многочисленныя помѣстья въ Польшѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ Витовта съ Дмитріемъ Корибутомъ, причемъ вмѣстѣ съ послѣднимъ былъ взятъ въ плѣнъ. Во время войны князя Михаила-Сигизмунда Кейстутовича съ Свидригайло, князь Өедоръ вторично попалъ въ плѣнъ уже къ послѣднему, во время битвы при Вилькомирѣ. Будучи женатъ на княжнѣ Тверской Маріи, онъ оставилъ отъ нея одного сына Дашко или иначе Даніила, у котораго было три сына—Семенъ, Солтанъ и Базиль или Василій. Первый получилъ въ удѣлъ Колодно, Мшану и Волочище, второй Висновецъ, по имени котораго и назывался кн. Висновецкимъ или Вишневецкимъ. Онъ умеръ бездѣтнымъ. Третій сынъ Даніила Өедоровича, Василій, наслѣдовалъ всѣ главныя владѣнія своего дѣда, которыя, по его смерти, раздробляются и дѣлаются наслѣдственными имѣніями происшедшихъ отъ его дѣтей родовъ. Всѣхъ сыновей у кн. Василія было четыре, и трое изъ нихъ являются родоначальниками нѣсколькихъ княжескихъ фамилій, нынѣ уже совершенно угасшихъ. Такъ князь Өедоръ Васильевичъ былъ родоначальникъ князей Порѣцкихъ и Воронецкихъ, а князь Семенъ Васильевичъ (старшій), получивъ отъ отца, кромѣ имѣній въ Волыни и Подоліи, какъ наприм. Любчинца, Маросовца и др., еще въ удѣлъ замокъ и крѣпость Збаражъ, сталъ именоваться княземъ Збаражскимъ и положилъ начало этому дому. Третій сынъ—Михаилъ Васильевичъ, кромѣ оставленныхъ ему отцемъ владѣній, наслѣдовалъ еще отъ дяди своего Солтана Даніиловича мѣстечко и замокъ Висневецъ или Вишневецъ (нынѣ мѣстечко въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губ.), а съ нимъ вмѣстѣ и титулъ князя Вишневецкаго. Отъ него и происходитъ знаменитый въ исторіи Польши родъ кн. Вишневецкихъ. Чрезвычайно храбрый и энергичный, онъ особенно отличался воинскими подвигами въ борьбѣ противъ татаръ вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Полубинской и оставилъ послѣ себя

четырехъ сыновей. Послѣдній сынъ Василія Даніиловича—Семенъ младшій, хотя и былъ женатъ (на Екатеринѣ Цебровской), но умеръ бездѣтнымъ.

Князь Өедоръ Дмитріевичъ, помимо своего участія въ войнахъ съ Витовтомъ и Свидригайло, гдѣ выказалъ большую храбрость, былъ еще основателемъ городовъ Виницы и Збаража, который, при правнукѣ его Семенѣ, далъ свое имя новому княжескому роду, нынѣ угасшему.

Мѣсто и обстоятельства смерти кн. Өедора—неизвѣстны.

Кн. Сигизмундъ Дмитріевичъ Корибутъ (№ 5), великій князь Сѣверскій, князь Трубчевскій и Брянскій, возвысился во время Гусситскихъ войнъ.

Іоаннъ Гуссъ, богемскій проповѣдникъ при Виөлеемской часовни въ Прагѣ, человѣкъ глубоко и серьезно образованный, увлекшись сочиненіями извѣстнаго церковнаго реформатора Виклёфа и сознавая настоятельную необходимость измѣненія существовавшаго тогда обезличенія чешской церкви, началъ проповѣдывать противъ дѣйствій католическаго духовенства, упрекалъ ихъ въ несоблюденіи церковныхъ и религіозныхъ правилъ и догматовъ, въ развратѣ и торговлѣ индульгенціями и требовать для чешской церкви многихъ перемѣнъ, въ томъ числѣ причастія надъ обѣими видами (utraque), богослуженія на чешскомъ, а не латинскомъ языкѣ, правъ общины наказывать смертные грѣхи и т. д.

У него очень скоро образовалась масса послѣдователей, среди которыхъ были цѣлые университеты, рыцари, горожане и т. п. и движеніе въ пользу реформъ чешской церкви разрастались все болѣе и болѣе. Слабый императоръ Венцеславъ (ум. 1419) долженъ былъ уступить гусситамъ многія церкви для совершенія Евхаристіи подъ обоими видами въ 1417 году, и такъ какъ число ихъ возрастало все болѣе и болѣе, то вскорѣ между ними нашлось много такихъ, которые желали уже не церковнаго, а политическаго переворота. Не мало содѣйствовала этому и мученическая смерть Гусса (1415 г.): съ одной стороны явилась месть, съ другой всѣ, стремившіеся къ политическому перевороту могли дѣйство-

вать свободнѣе и энергичнѣе, такъ какъ Гуссъ былъ гораздо умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и твердой рукой удерживалъ ихъ страсти. Двусмысленные и робкіе поступки короля и инквизиціонныя насильства кардинала-легата Іоанна Доминика зажгли пламя бунта. Сигизмундъ не въ силахъ былъ сладить съ Гусситами и Богемія сдѣлалась жертвою пятнадцатилѣтней ожесточенной и кровавой борьбы.

Приверженцы Гусса дѣлились на двѣ партіи: умѣренныхъ, *каликстинцевъ*, требовавшихъ причащенія подъ обоими видами (отчего называются также *утраквистами*), свободы проповѣдыванія слова Божія, права общины наказывать смертные грѣхи, возвращенія священнослужителей къ апостольской бѣдности, и крайнихъ, *таборитовъ*, требовавшихъ буквальнаго соблюденія смысла священнаго писанія.

Гусситы начали свои дѣйствія кровопролитнымъ мщеніемъ католикамъ: богатые монастыри были разграблены и превращены въ пепелъ, католическія церкви сожжены, священники и монахи перебиты. Глава движенія Іоаннъ Жишка изъ Трочнова, богемскій рыцарь, набралъ сильное войско и для сборнаго мѣста построилъ на одной горѣ, прославленной проповѣдями Гусса, въ округѣ Бехиперскомъ, городъ Ѳаворъ, укрѣпленный окопами. Жишка былъ жестокій гонитель и носилъ названіе «Жишка Чаша, полководецъ въ чаяніи Бога Ѳаворитовъ» *), а сила войска его и побѣды надъ императорскими арміями доставили ему такой перевѣсъ въ богемскихъ дѣлахъ, который близко подходилъ къ диктаторству. Когда убійства и зажигательства войска его, которое, подъ предлогомъ войны за вѣру, выходило на добычу и, съ другой стороны, постоянныя побѣды Гусситовъ надъ Сигизмундомъ, стали умножаться, то умѣренные Гусситы изъ дворянъ и гражданъ Пражскихъ рѣшили провозгласить свое самостоятельное Богемское государство и предложили Богемскую корону сначала королю Польскому Владиславу, а затѣмъ Витовту, великому князю

---

*) Гуссъ, между прочимъ, находилъ, что употребленіе Чаши при Евхаристіи, противно Св. Писанію.

Литовскому. Витовтъ принялъ на себя покровительство Гуситовъ и корону, заключилъ союзъ съ Владиславомъ и назначилъ главнымъ своимъ военачальникомъ своего родственника, племянника Ягайло и сына Дмитрія Корибута—Сигизмунда Дмитріевича Корибута.

Обособленіе церкви литовской отъ церкви восточно-русской, къ которому такъ ревностно стремился Витовтъ, должно было повести, по его мысли, къ другой, болѣе широкой цѣли—единенію церквей; мостомъ къ этому единенію ему представлялось гусситство. Вотъ почему онъ принималъ Іеронима Пражскаго (1413 г.) и бесѣдовалъ съ нимъ; вообще сочувствіе къ Іерониму, смотрѣвшему благосклонно на православную церковь, да и къ самому Гуссу было сильно. Разсказываютъ, что сожженіе Гусса считали при дворѣ Витовта несправедливостью. Съ цѣлью соединенія церквей Витовтъ посылалъ митрополита Григорія Цамвлаха съ нѣсколькими епископами на соборъ Констанскій; но пріѣхавъ туда, они нашли Гусса осужденнымъ, вопросъ о причащеніи подъ обоими видами отвергнутымъ и объявили, что остаются при своемъ вѣроисповѣданіи. Эта неудача, быть можетъ, охладила Витовта къ мысли объ отдѣленіи митрополіи и по смерти Григорія (1420) онъ уже принималъ Московскаго митрополита Фотія. Но тѣмъ не менѣе онъ вмѣшался въ дѣла чешскія, поддерживая Гусситовъ, къ которымъ и послалъ Сигизмунда Корибута. Въ этихъ дѣйствіяхъ своихъ онъ отчасти руководствовался также и неудовольствіемъ на цезаря Сигизмунда, произнесшаго въ третейскомъ судѣ между Орденомъ съ одной стороны и Литвою и Польшею съ другой, приговоръ въ пользу Ордена.

Сигизмундъ Корибутъ, вспомоществуемый войсками Витовта и деньгами и дозволеніемъ короля Польскаго, отправился въ Богемію въ 1420 году. Германія, узнавъ о такой помощи гусситамъ и опасаясь результатовъ ихъ побѣды, рѣшилось противодѣйствовать ей всѣми силами и для веденія кампаніи избрала Фридриха, маркграфа Бранденбургскаго. Пока войска эти собирались, Сигизмундъ вступилъ уже въ Богемію, гдѣ на самую молву о приближеніи Литовскаго войска, имперскія вой-

ска не только прекратили осаду Моравскаго города Острога, но въ поспѣшномъ удаленіи отъ него оставили на мѣстѣ всѣ свои военныя машины и снаряды и ретировались въ Венгрію. Вслѣдъ за тѣмъ Корибутъ взялъ приступомъ сильно укрѣпленный городъ Виньгово и, дабы устрашить противниковъ, позволилъ своимъ солдатамъ разграбить его, никого не щадя. Продолжая дѣйствовать съ такимъ же успѣхомъ, Корибутъ быстро утверждается въ Богеміи, сеймъ провозглашаетъ его королемъ и вскорѣ онъ получаетъ право чеканить свою монету. Покровительствуя главнымъ образомъ умѣренной партіи Гусситовъ, утраквистамъ, онъ самъ принимаетъ причастіе подъ обоими видами.

Послѣдовавшія за этимъ избраніемъ военныя дѣйствія Гусситовъ были не такъ успѣшны, какъ въ началѣ, и Корибутъ, желая поправить свои неудачи, осадилъ крѣпость Карловъ-Тынъ, въ предмѣстьи Праги. Осада очень затянулась, а межъ тѣмъ Фридрихъ Бранденбургскій уже вторгся въ Богемію и шелъ быстро на помощь осажденнымъ. Наконецъ Корибутъ, потерявъ терпѣніе и не видя возможности успѣха въ данномъ случаѣ, заключилъ съ Карловымъ-Тыномъ перемиріе на годъ и снялъ осаду. Однако эта неудача сильно пошатнула его кредитъ въ Богеміи, а послѣдующія обстоятельства совершенно измѣнили ходъ дѣла.

Папа Мартинъ V и императоръ Сигизмундъ, боясь, что неудача только раздражитъ Корибута и заставитъ его дѣйствовать еще сильнѣе и энергичнѣе и тѣмъ снова вернетъ ему всеобщее расположеніе Гусситовъ, вслѣдствіе чего дѣло и значеніе католиковъ можетъ совершенно погибнуть въ Чехіи, обратились къ польскому королю Владиславу Ягайло съ просьбой воспрепятствовать дальнѣйшимъ подвигамъ Корибута и къ Витовту, уговаривая его не покровительствовать еретикамъ и отозвать Сигизмунда Дмитріевича, который какъ главнокомандующій литовскими войсками былъ въ зависимости отъ Литовскаго князя. Убѣжденный доводами папы и боясь порвать связь съ католическою церковью, Витовтъ отказался покровительствовать далѣе Гусситамъ и отозвалъ Ко-

рибута изъ Богеміи. Несмотря на все свое нежеланіе, тотъ долженъ былъ повиноваться и отложить дальнѣйшую свою дѣятельность въ борьбѣ Гусситовъ съ католиками до болѣе благопріятнаго случая. Польша, Литва и Венгрія заключаютъ между собою союзъ и принимаютъ строгія мѣры противъ Гусситскаго движенія. Это происходитъ въ 1423 году.

Почти въ тотъ же самый годъ среди самихъ Гусситовъ возникли междуусобія и несогласія и разгорѣлась внутренняя война. Каликстинцы (умѣренные) и табориты (крайніе), не довѣряя одни другимъ, нападали постоянно другъ на друга и военныя дѣйствія между ними не прекращались. Въ этихъ стычкахъ таборитами предводительствовалъ уже ослѣпшій, но сохранившій всю свою прежнюю силу и значеніе Жишка, умѣренные же не имѣли никакого вождя. Конечно, благодаря такому неравенству, успѣхъ всегда склонялся на сторону первыхъ и каликстинцы, потерпѣвъ нѣсколько серьезныхъ пораженій отъ таборитовъ, рѣшились помириться, цѣною нѣкоторыхъ уступокъ, съ Римской церковью и посредникомъ своимъ въ этомъ дѣлѣ избрали Сигизмунда Корибута. Съ этой цѣлью, изъ Праги отправилась цѣлая депутація къ Владиславу Ягайло съ просьбой разрѣшить Корибуту снова вмѣшаться въ гусситскую борьбу, но на этотъ разъ уже въ качествѣ мирнаго посредника. Владиславъ, боясь, чтобы изъ его согласія на посредничество Корибута не вышелъ бы разрывъ съ Венгріей, отвѣчалъ нерѣшительно, не прерывая, однако, переговоры совсѣмъ. Между тѣмъ Сигизмундъ Дмитріевичъ, не получившій, благодаря проискамъ польскаго дворянства, Добржинскую землю, на полученіе которой онъ не только сильно разсчитывалъ, но и имѣлъ право, и считавшій себя оскорбленнымъ въ этомъ дѣлѣ также и королемъ, бросился самовольно въ Богемію, не дождавшись конца переговоровъ умѣренныхъ съ Владиславомъ. Какъ и въ первый разъ, его появленіе въ Богеміи началось побѣдами. Онъ взялъ крѣпость Гливицу, въ Шлезіи и нѣсколько другихъ городовъ и торжественно былъ встрѣченъ въ Прагѣ, въ іюлѣ 1424 года.

Жишка въ это время находился съ своими таборитами на югѣ Богеміи. Узнавъ о появленіи Корибута, онъ быстро вернулся назадъ, осадилъ Прагу и поклялся разрушить этотъ «Новый Вавилонъ» до основанія. Положеніе города было отчаянное: войска не было, крѣпость совершенно не была подготовлена къ осадѣ, а одно присутствіе Корибута было все-таки недостаточно. Испуганные горожане послали къ Жишкѣ посольство, подъ начальствомъ Жана Ракиканы, съ просьбой о мирѣ. Посольство оказалось удачнымъ: Жишка не захотѣлъ раззорять столицу Богемію, тѣмъ болѣе, что это отразилось бы невыгодно на привязанности къ нему его партіи, и снялъ осаду. Это было послѣднимъ подвигомъ грознаго вождя таборитовъ: въ томъ же году (1424), 12-го октября онъ умеръ отъ моровой язвы. Потерявъ своего вождя табориты сильно ослабѣли и одно время даже упали духомъ. Этимъ воспользовался Сигизмундъ Корибутъ и началъ мирные переговоры съ Римомъ. Онъ уже совсѣмъ надѣялся достигнуть своей цѣли и получить, при санкціи папы, королевскую богемскую корону, когда крайніе снова возстали подъ начальствомъ Прокопа Разстриги. Вражда между обѣими партіями возобновилась съ прежней силой и прекращалось только тогда, когда гусситамъ угрожала общая опасность со стороны Германіи и въ такихъ случаяхъ побѣды гусситовъ ознаменовывались страшными кровавыми расправами съ своими врагами. Хотя Корибутъ считался королемъ Богеміи и въ битвѣ 16-го іюля 1426 г. при Аусцигѣ разбилъ Буссо Видтума,—сильнѣйшее войско какое когда-либо выставляла Саксонія, но тѣмъ не менѣе, несмотря на все свое вліяніе, никакъ не могъ обуздать свирѣпства гусситовъ. Наконецъ, разсчитывая, что всѣ утомленные этими кровавыми междусобіями перейдутъ на его сторону, написалъ папѣ Мартину V-му прося его принять Богемію въ лоно католической церкви и утвердить его королемъ. Хотя папа принялъ посольство весьма благосклонно, но попытка всетаки не удалась. Всѣ протестовавшіе противъ владычества католицизма возмутились, а приверженцы Корибута отложились отъ него. Онъ

долженъ былъ подписать отреченіе и оставить Богемію. Король Владиславъ, къ которому было направился за помощью Корибутъ, принялъ его очень сурово и вскорѣ за тѣмъ онъ былъ высланъ изъ Польши.

Прокопъ, избавившись такимъ образомъ отъ опаснаго противника, перешелъ изъ положенія оборонительнаго въ наступательное. Рѣшительныя побѣды, которыя онъ, въ іюлѣ 1427 г. и 14 августа 1431 г. одержалъ при Мисцѣ и Тахау надъ крестовыми войсками нѣмецкихъ имперскихъ владѣтелей, далеко превосходившихъ гусситовъ своею многочисленностью, сдѣлали войска его страшными; не менѣе ужасны были опустошительные набѣги, которые отдѣльные отряды дѣлали почти безпрерывно до 1432 г., на сосѣднія земли. Австрія, Франконія, особенно Саксонія, и, преданныя еще папѣ Богемскія земли: Лузація и Силезія, были страшно разграблены, болѣе двадцати городовъ были сожжены и разрушены до основанія. Прокопъ всюду торжествуетъ и Фридрихъ Бранденбургскій принужденъ откупаться отъ него деньгами. Такое положеніе не могло долго продолжаться, всѣ жаждали спокойствія и такъ какъ нѣмецкое орудіе нисколько не успѣвало противъ гусситовъ, то Базельскій духовный соборъ увидѣлъ себя вынужденнымъ вступить въ переговоры съ еретиками. Какъ посредника въ этомъ случаѣ онъ выбралъ императора Сигизмунда, къ которому Богемскіе дворяне и пражане были еще привержены и 20-го ноября 1433 года было приступлено къ Пражскому договору (Compactata), который впрочемъ не былъ принятъ всѣми партіями. Наконецъ серьезная побѣда, одержанная соединенными силами каликстинцевъ и католиковъ, подъ предводительствомъ Мейнгарда Нейгауза, при Бёмишбродѣ, 30 мая 1434 г., положила конецъ непріятельскимъ дѣйствіямъ. Теперь господствующая партія каликстинцевъ, вмѣстѣ съ католическими чинами, признала королемъ императора Сигизмунда, который, 5-го іюля 1436 года въ Иглау, поклялся сохранять мирныя условія (Compactatae), сильно смягченныя Соборомъ по желанію каликстинцевъ. Однако онъ вскорѣ опять нарушилъ свое обѣщаніе и умеръ

9-го декабря 1437 г. не успокоивъ вполнѣ Богемцевъ. Обезсиленные табориты не могли продолжать далѣе военныя дѣйствія, другія партіи также не имѣли вождя и война прекратилась, оставивъ одни внутреннія неурядицы. Въ это же время умеръ и Сигизмундъ Дмитріевичъ Корибутъ.

Вмѣшавшись въ борьбу Литовскаго княжества, гдѣ правилъ въ это время дядя его Свидригайло, съ Польшей, Сигизмундъ принялъ сторону Литвы и въ сраженіи подъ Вильно взятъ былъ въ плѣнъ польскими войсками и утопленъ въ рѣкѣ. Это случилось въ 1435 году. Такъ несчастливо кончилъ свою бурную, полную неудачъ и славы, одинъ изъ выдающихся сыновей славнаго Дмитрія Корибута, единственный носившій одно названіе съ отцомъ—Корибутъ.

Князь Андрей Дмитріевичъ, (№ 6), младшій сынъ Дмитрія Корибута, по большинству историческихъ извѣстій, погибъ вмѣстѣ съ отцемъ въ битвѣ при Ворсклѣ, бездѣтный. Однако нѣкоторые историки, правда очень немногіе, утверждаютъ, что въ этой битвѣ кн. Андрей спасъ жизнь великаго князя Московскаго, подавъ ему, въ самомъ разгарѣ сраженія, свѣжую лошадь, вмѣсто убитой подъ тѣмъ, и что Московскій князь, въ награду за это, женилъ его на княжнѣ Трубчевской (которой?). Отъ этого брака, по словамъ тѣхъ же историковъ произошли, будто бы, въ Москвѣ, князья Трубецкіе, Голицины, Хованскіе и Куракины. Такъ какъ это извѣстіе они не подтверждаютъ ничѣмъ, то болѣе вѣроятнымъ является указаніе на его смерть при Ворсклѣ.

Дочерей у Дмитрія Корибута было только двѣ: *княжна Анастасія*, вышедшая замужъ за удѣльнаго князя Василія Михайловича Кашинскаго и *княжна Елена*, супруга Іоанна II, князя Ратибора.

Княжество Трубецкое оставалось подъ самодержавнымъ владычествомъ потомковъ Корибута до 1546 года когда удѣлъ этотъ былъ уничтоженъ. Все это время и еще далѣе, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, старшими въ родѣ были потомки кн. Михаила Дмитріевича и только по смерти послѣдняго представителя той вѣтви кн. Ѳедора Михайловича въ 1602 году,

возвышается младшая вѣтвь въ лицѣ князя Никиты Романовича (ум. 1608), потомка Гедимина въ IX колѣнѣ и его потомкахъ.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей—князя Семена и князя Юрія. Старшій изъ нихъ, *кн. Семенъ Михайловичъ* (№ 7), получилъ отъ отца въ удѣлъ Трубчевскъ съ княжескимъ титуломъ. На комъ былъ онъ женатъ—неизвѣстно, но послѣ него остался одинъ лишь сынъ—кн. *Иванъ Семеновичъ*, которому и перешли владѣнія и титулы его отца. Второй сынъ кн. Михаила Дмитріевича—*кн. Юрій Михайловичъ* (№ 8), тяготѣя къ Москвѣ, а частью вынуждаемый обстоятельствами, большую часть своей жизни провелъ въ Москвѣ, при дворѣ, гдѣ пользовался милостію и расположеніемъ царя. За время отсутствія его изъ удѣла, этимъ послѣднимъ, по повелѣнію короля Казиміра управлялъ кн. Чарторыйскій. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей—Ивана и Александра Юрьевичей.

Князь Иванъ Семеновичъ (№ 9) оставилъ трехъ сыновей — кн. Андрея, Ивана и Ѳедора Ивановичей,

Князь Андрей Ивановичъ (№ 12), старшій сынъ кн. Ивана Семеновича, послѣдній удѣльный кн. Трубчевскій, со времени котораго окончательно устанавливается фамилія и родъ кн. Трубецкихъ, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый изъ кн. Трубецкихъ, который, вслѣдствіе страшнаго преслѣдованія со стороны католиковъ на православныя литовскія фамиліи, предпочелъ покинуть свой удѣлъ, чѣмъ перейти въ католицизмъ. Оставивъ себѣ лишь Трубчевскъ, онъ въ 1500 году явился къ царю Іоанну III и предложилъ ему вступить вмѣстѣ съ своими владѣніями въ подданство Россіи. Одновременно съ кн. Андреемъ явились съ такимъ же предложеніемъ и князья Воротынскіе, Бѣльскіе, Одоевскіе, Мосальскіе и др. Принявъ ихъ всѣхъ чрезвычайно ласково и охотно согласившись на ихъ предложенія, которыя давали ему новыя значительныя силы въ борьбѣ съ Польшей, Іоаннъ III особенно былъ радъ прибытію кн. Андрея: въ одномъ изъ писемъ своихъ къ крымскому хану Менгли-Гирею, онъ высказываетъ свою радость

по поводу данничества кн. Трубчевскаго. Конечно факты эти только ухудшили и безъ того натянутыя отношенія между Польшей и Москвой, но Іоанну III въ этомъ случаѣ нечего было особенно безпокоиться: къ союзу его съ Менгли-Гераемъ, очень непріятному для польскаго короля, примкнули и вновь вступившіе въ московское данничество князья литовскіе и этообстоятельство не могло не имѣть громаднаго значенія для Польши, гдѣ оставалось еще много православныхъ, изнемогавшихъ подъ тяжестью католицизма и не имѣвшихъ, лично, достаточно силъ вырваться на свободу.

Въ 1508 году князь Андрей Ивановичъ былъ посланъ первымъ воеводой на встрѣчу князей Глинскихъ, а весною того же года отправленъ въ Литву однимъ изъ первыхъ воеводъ во главѣ русскаго войска. Опасность грозила тогда королю, такъ какъ у русскихъ все еще оставался вѣрнымъ союзникомъ грозный Менгли - Герай, и Сигизмунду приходилось призвать на помощь всѣ свои способности, чтобы вывернуться изъ такого затруднительнаго положенія. Отличаясь благоразуміемъ и твердостью, никогда не покидавшими его, Сигизмундъ быстро собралъ войска и не дожидаясь нападенія, самъ первый началъ наступательныя дѣйствія. Подойдя быстро къ Оршѣ, онъ оттуда повернулъ къ Смоленску и заставилъ отступить московское войско. Однако дѣло на этомъ и покончилось. Ни королю, ни царю Василію нисколько не улыбалась перспектива новаго акта безконечной расприи, не ведущей ни къ чему, кромѣ безполезнаго истребленія войска; кромѣ того у нихъ были другія дѣла болѣе важныя, чѣмъ этотъ споръ изъ-за нѣсколькихъ лицъ и ихъ владѣній и Сигизмундъ, не вѣря сверхъ того въ дальнѣйшую свою удачу, первый предложилъ заключить миръ. Договоръ этотъ былъ довольно выгоденъ для обѣихъ сторонъ и между прочимъ король утвердилъ за Россіей вотчины князей Трубчевскихъ, Одоевскихъ, Бѣльскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Мосальскихъ и др., и Государь Московскій Василій, съ своей стороны, обѣщалъ не принимать къ себѣ болѣе никого изъ кн. литовскихъ съ ихъ зем-

лями и помѣстьями. Такимъ образомъ кн. Андрей Ивановичъ былъ окончательно натурализованъ въ Россіи.

Въ 1535 году кн. Андрей былъ первымъ воеводою передоваго полка въ Брянскѣ и Почепѣ; онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ, былъ намѣстникомъ Трубчевскимъ и первымъ «Дворовымъ» воеводою въ походѣ на Полоцкъ и Могилевъ. Это достоинство «Двороваго» воеводы давалось очень рѣдко и заключало въ себѣ отличительный знакъ довѣрія царя, такъ какъ носившій это званіе являлся какъ бы начальникомъ всѣхъ войскъ Московскихъ и, такимъ образомъ, могъ приравняться къ современному значенію фельдмаршала.

Скончался князь Андрей Ивановичъ 16-го мая 1546 года и передъ кончиною принялъ иноческій чинъ подъ именемъ Адріана. Похороненъ онъ въ Трубчевскомъ соборѣ, гдѣ погребены его братья и многія лица фамиліи кн. Трубецкихъ. Отъ жены своей, имя и родъ которой неизвѣстны, онъ оставилъ трехъ сыновей—кн. Михаила, Василія и Никиту.

Князь Андрей Ивановичъ былъ не только послѣднимъ удѣльнымъ княземъ Трубчевскимъ, но также и вообще послѣднимъ представителемъ удѣльной системы въ Россіи и годъ его смерти знаменуетъ окончательное прекращеніе этой системы [1]. Паденіе ея началось уже давно, но шло медленно и оставалось еще много родовъ, которые, хотя и безъ прежняго величія и значенія, но всетаки продолжали оставаться *владѣтельными* князьями съ извѣстными правами и прерогативами, не мало затруднявшими объединеніе московскаго государства. Съ 1546 года русская исторія уже не видитъ болѣе этого ненормальнаго явленія—государствъ въ государствѣ, и только одно мѣстни-

---

[1]) Послѣдними удѣльными князьями въ Россіи были: князья Можайскіе до 1454 г., кн. Боровскіе до 1462 г., кн. Ярославскіе до 1463 г., кн. Ростовскіе до 1474 г., Великіе князья Тверскіе до 1485 г., кн. Верейскіе до 1486 г., кн. Углицкіе до 1492 г., кн. Вяземскіе до 1494 г., Великіе князья Рязанскіе до 1499 года, кн. Великопермскіе до 1505 г., кн. Новосильскіе, Одоевскіе, Мосальскіе и Бѣлевскіе до 1508 г., кн. Воротынскіе до 1521 г. и кн. Трубецкіе до 1546 г.

чество, явившееся вслѣдъ за уничтоженіемъ самостоятельности и самобытности нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ представляетъ собою отголосокъ древняго устройства Руси. Мало-помалу и этотъ послѣдній призракъ какого-то особеннаго значенія и отличія однихъ родовъ предъ другими, на основаніи заслугъ утраченнаго потомками положенія ихъ предковъ, исчезаетъ и наконецъ совершенно уничтожается при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1682 году.

Кн. Иванъ Ивановичъ (№ 13) второй сынъ кн. Ивана Семеновича, еще до перехода своего въ московское государство хлопоталъ вмѣстѣ съ братомъ, кн. Андреемъ, передъ королемъ польскимъ Александромъ, объ удѣленіи имъ половины Трубчевска и его земель, которыя захватилъ дядя ихъ Иванъ Юрьевичъ. Трубчевскъ еще ранѣе былъ раздѣленъ между кн. Семеномъ и Юріемъ Михаиловичами съ одной стороны и кн. Иванъ Чарторыйскимъ—съ другой, причемъ большая часть этого удѣла съ родовымъ замкомъ и самимъ Трубчевскомъ досталось первымъ, но ни между ними, ни между кн. Ивановъ Семеновичемъ и Ивановъ Юрьевичемъ подѣленъ не былъ. Кн. Иванъ Юрьевичъ, желая укрѣпить за собой всѣ эти владѣнія, выхлопоталъ у того же Александра грамоту въ этомъ смыслѣ, въ 1494 г. [1]) и противъ нее то и заявили протестъ кн. Андрей и Иванъ Ивановичи. Несмотря на то, что онъ же раньше утвердилъ спорныя владѣнія за дядею этихъ князей, король Александръ нашелъ ходатайство послѣднихъ вполнѣ законнымъ и другой грамотой [2]), писанной въ Гродно 15 февраля 1499 года, повелѣлъ раздѣлить владѣнія кн. Ивана Юрьевича между потомками кн. Юрія и Семена Михаиловичей. Для исполненіе этого акта были назначены особые коммиссары, при посредствѣ которыхъ и состоялся этотъ раздѣлъ.

Въ Москвѣ кн. Иванъ Ивановичъ почти все время идетъ рядомъ съ братомъ. Въ 1508 году былъ слѣдующимъ за кн.

---

[1]) См. приложеніе № 1

[2]) См. приложеніе № 2

Андреемъ воеводой въ посольствѣ навстрѣчу кн. Глинскихъ, а въ походѣ противъ Сигизмунда—четвертымъ воеводой. Затѣмъ онъ былъ назначенъ на воеводство въ Кашинъ, гдѣ и умеръ въ 1513 году 21-го августа [1]), не оставивъ послѣ себя потомства. Погребенъ онъ тамъ же, гдѣ и кн. Андрей.

Князь Өедоръ Ивановичъ (№ 14), третій и послѣдній сынъ кн. Ивана Семеновича почти не оставилъ послѣ себя никакихъ свѣдѣній. Извѣстно лишь одно, что, въ походѣ противъ Шведовъ въ 1536 г., онъ участвовалъ въ качествѣ «Двороваго» воеводы. Умеръ онъ 30-то декабря 1541 года [1]) и погребенъ также въ Трубчевскомъ соборѣ. Дѣтей у него не было.

Съ кн. Өеодоромъ кончается исторія старшей вѣтви кн. Трубчевскихъ за первый періодъ исторіи рода Трубецкихъ. Она продолжается еще нѣкоторое время во второмъ періодѣ, но затѣмъ, въ началѣ XVII в., совершенно прекращается и на первый планъ выдвигается младшая линія. Теперь, для заключенія перваго періода остается еще разсмотрѣть представителей, за это время, младшей вѣтви—потомства кн. Юрія Михаиловича (№ 8).

Оба сына князя Юрія Михайловича—*Иванъ*, старшій и *Александръ*, младшій, *Юрьевичи* (№№ 10, 11), почти не оставили послѣ себя никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить объ ихъ дѣятельности. Извѣстенъ только споръ кн. Ивана съ племянниками своими кн. Андреемъ и Иваномъ Ивановичами о наслѣдственныхъ земляхъ и о которомъ уже упоминалось выше. Споръ этотъ, какъ извѣстно, рѣшился не въ пользу кн. Ивана. Кромѣ акта объ этомъ раздѣлѣ и другаго, болѣе ранняго времени, которымъ подтверждались права кн. Ивана на Трубчевскъ, не сохранилось никакихъ другихъ свѣдѣній о личности этого князя. Братъ его, кн. Александръ Юрьевичъ, еще менѣе оставилъ по себѣ указаній. У обоихъ нихъ было по одному сыну, которые занимаютъ въ исторіи гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ ихъ отцы.

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достоп. людей т. II стр. 160.

Кн. Семенъ Ивановичъ (№ 15), сынъ кн. Ивана Юрьевича началъ свою дѣятельность въ 1508 году, когда былъ, вмѣстѣ съ дядьями своими, кн. Андреемъ и Иваномъ Ивановичами, отправленъ навстрѣчу кн. Глинскихъ. Послѣ этого, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ различныя порученія и занималъ выдающіяся должности и въ 1535 году былъ пожалованъ званіемъ *Боярина*. Онъ былъ, такимъ образомъ, первый изъ кн. Трубецкихъ, получившій это почетное званіе. Въ томъ же году онъ упоминается при росписи полковъ отъ поля по берегу на Коломнѣ—полевымъ воеводою [1]). Въ 1537 году онъ былъ назначенъ въ Кострому намѣстникомъ, а оттуда и переведенъ въ Калугу, гдѣ уже подъ 1547 г. значится воеводой [2]). Спустя два года, въ 1549 г., Іоаннъ IV назначилъ кн. Семена воеводой правой руки въ Коломнѣ, а въ слѣдующемъ онъ занялъ то же мѣсто въ Калугѣ. Черезъ годъ, въ 1552 году онъ перешелъ первымъ воеводой въ родовой городъ Трубчевскъ, гдѣ и скончался спустя 6 лѣтъ, 20-го января 1558 года. Передъ кончиной онъ принялъ, по примѣру многихъ своихъ родныхъ, монашескій чинъ, подъ именемъ Серапіона. Погребенъ онъ въ Трубчевскомъ соборѣ. Въ исторіи кн. Семенъ Ивановичъ извѣстенъ еще подъ именемъ «Персидскаго принца», но что означало это названіе и откуда оно произошло, къ сожалѣнію, необъяснимо: историческія данныя о немъ не даютъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ.

Послѣ кн. Семена осталось два сына—кн. Романъ и кн. Василій.

Сынъ кн. Александра Юрьевича носилъ двойное имя *Семена - Богдана Александровича* (№ 16) и отличался не менѣе своего двоюроднаго брата и тески кн. Семена Ивановича. Будучи гораздо моложе того, онъ выступилъ на арену общественной дѣятельности только въ 1531 г. когда получилъ

---

[1]) Москов. Главн. Архивъ Мин. Иност. Дѣлъ. Портфель Миллера № 285, IV. т. 8. стр. 254—8.

[2]) Ibidem.

воеводство въ Коломнѣ и стоялъ съ полками на устьѣ р. Москвы и подъ Карачевымъ [1]). Спустя три года Великій князь посылаетъ его на воеводство въ Серпуховъ заграждать Татарамъ путь въ Москву и тамъ кн. Семенъ-Богданъ оставался цѣлые десять лѣтъ, пока не былъ переведенъ, въ 1543 г. первымъ воеводой въ Калугу. Въ 1549, все еще въ званіи Калужскаго воеводы, онъ принималъ участіе въ Шведскомъ походѣ въ качествѣ перваго головы государева полка, сопровождаемый личной свитой изъ 167 дѣтей боярскихъ. Послѣ похода онъ не надолго вернулся въ Калугу и въ 1551 году снова принималъ участіе въ походѣ уже противъ Полоцка, съ тѣмъ же званіемъ перваго головы и сопровождаемый еще большей свитой. По окончаніи похода онъ сѣлъ вторымъ воеводой къ брату своему двоюродному, кн. Семену Ивановичу, въ Трубчевскъ, въ каковомъ званіи упоминается еще въ 1558 году [2]). Годъ, обстоятельства и мѣсто кончины его неизвѣстны.

Послѣ кн. Семена Богдана Александровича осталось двое сыновей—кн. Александръ и Михаилъ.

Разсказомъ о дѣятельности кн. Семена-Богдана Александровича и его двоюродныхъ братьевъ—князей Андрея, Ивана Ѳедора и Семена Ивановичей заканчивается первый періодъ исторіи рода кн. Трубецкихъ. Хотя собственно кн. Трубецкіе появляются почти лишь въ самомъ концѣ періода и, до времени уничтоженія удѣла ихъ, часто именуются кн. Трубчевскими, однако уже съ перваго момента своей дѣятельности они выступаютъ сразу на первый планъ. Перейдя на службу Московскому двору, кн. Трубецкіе свято исполняли принятыя на себя новыя обязанности и обязательства и не мудрено, что съ первымъ же шагомъ они заняли почетное и видное мѣсто. Первый перешедшій въ московское подданство кн. Андрей Трубецкой былъ «Дворовымъ» воеводой, также какъ и братъ его кн. Иванъ – а званіе это давалось очень рѣдко

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.

и лишь какъ особо почетное отличіе; кн. Семенъ Ивановичъ сдѣланъ былъ бояриномъ. XVI столѣтіе было вообще неблагопріятно для русскихъ знатныхъ родовъ, да и негдѣ имъ было особенно выказать себя. За то XVII а потомъ XVIII столѣтія, полныя важныхъ и серьезныхъ событій, выдвинули на первое мѣсто кн. Трубецкихъ. Второй и третій періодъ ихъ дѣятельности отличается поэтому выдающимися лицами изъ членовъ этого знаменитаго рода и ихъ подвигами.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

1546—1679 г.

отъ Гедимина колѣно VIII.

№№ по порядку.		№ отцовскій.
17.	Кн. Михаилъ Андреевичъ, воевода и бояринъ. Умеръ 5 декабря 1557 г. Жена—Ксенія N. N. (въ инокиняхъ Анисья)........................	12
18.	Кн. Василій Андреевичъ, воевода Брянскій. Умеръ въ 1561 г. Жена—Анастасія N. N.............	12
19.	Кн. Никита Андреевичъ, воевода Бѣлевскій....	12
20.	Кн. Романъ Семеновичъ.......................	15
21.	Кн. Василій Семеновичъ......................	15
22.	Кн. Александръ Семеновичъ-Богдановичъ. Жена N. N. Васильевна Бороздина...................	16
23.	Князь Михаилъ Семеновичъ-Богдановичъ, умеръ 15 декабря 1535 г............................	16

Колѣно IX.

24.	Кн. Ѳедоръ Михайловичъ, бояринъ. Игралъ выдающуюся роль при Іоаннѣ Грозномъ, Ѳедорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ. Во время войнъ съ Польшей и Крымомъ неоднократно начальствовалъ русскими войсками, а въ эпоху отсутствія царя оставался въ Москвѣ блюстителемъ царскаго престола. Передъ смертью принялъ иночество подъ именемъ Ѳеодосія. Умеръ 5 января 1602 года. Женатъ на Степанидѣ N. N. (родъ неизвѣстенъ).	17

25. Кн. Андрей Васильевичъ, бояринъ, послѣдній представитель старшей вѣтви рода кн. Трубецкихъ, съ молодыхъ лѣтъ былъ воиномъ. Вступивъ въ службу въ 1573 г. уже въ слѣдующемъ начальствовалъ надъ вторымъ отрядомъ войскъ подъ Серпуховымъ. Послѣ войны съ Стефаномъ Баторіемъ, во время которой освободилъ Псковъ, былъ пожалованъ царемъ воеводой и назначенъ усмирять Украйну. Позже былъ воеводою въ Новгородѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ. Не менѣе важную роль игралъ и при дворѣ, гдѣ на него возлагались крупныя дипломатическія порученія, между прочимъ, заключеніе брака между Ксеніей Годуновой и Датскимъ принцемъ Іоанномъ въ 1603 году. Послѣ сверженія Василія Шуйскаго былъ въ числѣ семи бояръ, правившихъ государствомъ и составлявшихъ такъ называемую «Семибоярщину». Умеръ около 1612 года. Жена—Евдокія N. N...................... 18

26. Кн. Никита Романовичъ, бояринъ, воевода и намѣстникъ Вологодскій. Въ войнѣ съ Шведами особенно отличился, отнявъ у нихъ Выборгъ, а въ 1604 году, во время возмущенія противъ Бориса Годунова, вызваннаго появленіемъ Лжедмитрія, много содѣйствовалъ усмиренію этого возстанія и прославился геройской защитой Новгородъ-Сѣверска. Въ эпоху пребыванія въ Москвѣ Самозванца, въ 1605 г., былъ въ числѣ приближенныхъ къ нему бояръ, а жена его, княгиня Евдокія Михайловна N. N. (ум. въ 1629 г.), статсъ-дамою при Маринѣ Мнишекъ. При убіеніи Лжедмитрія подалъ голосъ за Шуйскаго и подписался 6-мъ на актѣ его избранія. Умеръ въ 1608 г. (въ монашествѣ Іона)... 20

27. Кн. Тимоѳей Романовичъ, бояринъ, воевода и намѣстникъ Устюжскій. Принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ противъ Шведовъ и Крымцевъ, и нѣсколько разъ посылался для встрѣчи иноземныхъ

царственныхъ особъ. Умеръ въ 1603 г., принявъ иночество подъ именемъ Өеодорита. Жена Ксенія Семеновна N. N., въ монашествѣ Капгелина.... 20

Колѣно X.

Княжна Анастасія Өеодоровна............... 24

28. Кн. Юрій Никитичъ, глава младшей вѣтви кн. Трубецкихъ. Женившись на дочери боярина Михаила Салтыкова, преданнаго и вѣрнаго слуги Поляковъ, отправился, благодаря вліянію тестя, съ нимъ въ Польшу и вступилъ на службу къ Сигизмунду. Въ 1610 г. во время смутъ въ Россіи былъ посланъ королемъ подъ Калугу, въ 1611 г. окончательно поселился въ Польшѣ и перешелъ въ католичество, принявъ имя Юрія Вигунда Іеронима. Король далъ ему Трубчевскъ въ воспоминаніе вѣрныхъ заслугъ и за то, что онъ покинулъ Москву, слѣдуя за своимъ «законнымъ» повелителемъ. Умеръ при дворѣ въ Польшѣ....................... 26

29. Кн. Өеодоръ Никитичъ, умеръ 1608 г........ 26

30. Кн. Алексѣй Никитичъ, бояринъ, воевода и намѣстникъ Казанскій. Замѣчательный дипломатъ XVII вѣка. Принималъ главное и верховное участіе въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи и составлялъ условія этого присоединенія. Отличался также и въ военныхъ дѣлахъ. Въ 1660 г. царь Алексѣй Михаиловичъ пожаловалъ ему Трубчевскъ со всѣми угодьями и жителями въ вѣчное, потомственное владѣніе съ титуломъ «Державца Трубчевскаго». Не имѣя потомства и не желая отдавать свои владѣнія потомству князя Юрія Никитича, единственному представителю этого рода, отказалъ Трубчевскъ царевичу Петру Алексѣевичу (Петру Великому) въ день его крестинъ, будучи его крестнымъ отцемъ. Передъ смертью принялъ ино-

чество подъ именемъ Аѳанасія и умеръ въ глубокой старости въ 1680 году. Жена Екатерина Ивановна N. N.................................. 26

31. Кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ, бояринъ, правитель Московскій. Принималъ весьма важное и дѣятельное участіе въ эпоху Смутнаго Времени, начальствуя надъ всѣми московскими войсками, освобождавшими столицу отъ Поляковъ. Послѣ изгнанія враговъ и до избранія Михаила Ѳеодоровича былъ главнымъ и единственнымъ правителемъ государства. За свои дѣянія получилъ титулъ «Спасителя отечества». Умеръ 24 іюня 1625 года воеводой въ Тобольскѣ. Въ числѣ другихъ наградъ за свои труды и дѣятельность по освобожденію Россіи отъ Поляковъ получилъ въ вѣчное потомственное владѣніе область Вагу, которую, умирая бездѣтнымъ, возвратилъ на смертномъ одрѣ царю. Женатъ два раза: 1-й на Маріи Борисовнѣ N. N. (ум. 16 августа 1617 г.) и 2-й на Аннѣ Васильевнѣ N. N.................. 27

32. Кн. Александръ-Меркурій Тимоѳеевичъ, умеръ 22 апрѣля 1610 г.............................. 27

Колѣно XI.

33. Кн. Петръ Юрьевичъ, камергеръ польскаго двора и маршалъ Стародубскій, съ малолѣтства увезенъ отцемъ въ Польшу, гдѣ и остался навсегда. Отъ Владислава IV получилъ, пополамъ съ братомъ, Трубчевскъ, находившійся тогда въ рукахъ Поляковъ. Умеръ въ 1644 г. Женатъ на княжнѣ Елисаветѣ Друцкой-Соколинской, которая, овдовѣвъ, вышла замужъ за пана Володкевича............. 28

34. Кн. Александръ Юрьевичъ также увезенъ еще ребенкомъ въ Польшу, гдѣ и умеръ бездѣтнымъ.... 28

Колѣно XII.

35. Кн. Юрій Петровичъ, по смерти своего отца былъ взятъ въ Россію, за что лишился своихъ владѣній въ Польшѣ (впослѣдствіи вернулъ ихъ обратно). Имѣлъ званіе стольника и боярина, а съ 1673 былъ Кіевскимъ воеводой. Женатъ на княжнѣ Иринѣ Васильевнѣ Голициной, сестрѣ В. В. Голицина. Умеръ 12 іюня 1679 года........... 3

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

1546—1679.

Прекращеніе старшей линіи кн. Трубецкихъ. — Кн. Андрей Васильевичъ, послѣдній ея представитель.—Смутное время.—Лжедмитрій I-й и II-й.—Князь Никита Романовичъ.—Возвышеніе младшей линіи.—Кн. Юрій Никитичъ.— Переходъ его въ католицизмъ и на службу Польшѣ.—Михайло Салтыковъ.— Кн. Алексѣй Никитичъ, глава кн. Трубецкихъ въ Россіи, „державецъ Трубчевскій".—Возвращеніе имъ царю Алексѣю Михайловичу титула „державца" и всѣхъ своихъ владѣній, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ въ Россіи.— Потомство кн. Юрія Никитича.—

Второй періодъ исторіи кн. Трубецкихъ, обнимая собою относительно небольшое количество времени—около 120 лѣтъ, представляетъ, тѣмъ не менѣе, собою одинъ изъ самыхъ крупныхъ и замѣчательныхъ періодовъ дѣятельности представителей этого рода. Четыре явленія служатъ причиной и факторами этого обстоятельства. Вопервыхъ, начиная со второй половины XVI ст. и даже со второй его четверти, князья Трубецкіе какъ бы перестаютъ быть литовскими выходцами и становятся коренными русскими князьями и боярами, считаются въ числѣ наиболѣе вѣрныхъ слугъ отечества— Россіи и уже ничѣмъ не отличаются отъ другихъ, исконныхъ, русскихъ родовъ, занимая среди нихъ одно изъ первыхъ мѣстъ и по своему положенію и по своему значенію. Исторія ихъ неразрывно связывается съ исторіей русскаго государства; дѣятельность ихъ идетъ параллельно съ ходомъ развитія Руси, въ особенности подъ державой Романовыхъ, и въ лѣтописи этого развитія имя князей Трубецкихъ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. За это время только одинъ разъ выказалось

близкое соотношеніе, еще не совсѣмъ изчезнувшее, рода кн. Трубецкихъ съ польско-литовскимъ государствомъ, какъ съ бывшимъ сюзереномъ—это переходъ старшаго представителя Трубецкихъ—кн. Юрія Никитича, подпавшаго подъ сильное вліяніе тестя своего Михаила Салтыкова, вѣрнаго слуги Польши, на службу къ польскому королю и принятіе имъ католицизма и польскаго подданства. Также и въ эпоху смутнаго времени, при появленіи Лжедмитріевъ, нѣкоторые изъ Трубецкихъ колебались въ признаніи своимъ законнымъ государемъ польскаго ли ставленника или избранника русскаго народа. Переходъ кн. Юрія въ Польшу, служа вторымъ факторомъ въ характеристикѣ дѣятельности кн. Трубецкихъ за конецъ XVI ст. и начало XVII в., вызвалъ собой нежеланіе слѣдующаго представителя рода, оставшагося главою всѣхъ остальныхъ русскихъ членовъ этой семьи, кн. Алексѣя Никитича, оставить наслѣдство свое и пожалованный ему царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ титулъ «*державца Трубчевскаго*» потомству кн. Юрія, такъ какъ самъ онъ былъ бездѣтенъ, возвращеніе имъ всѣхъ своихъ званій и отказъ по завѣщанію всѣхъ владѣній—царю. Третій фактъ, имѣвшій большое значеніе для Трубецкихъ — это прекращеніе съ кн. Андреемъ Васильевичемъ старшей линіи и возвышеніе младшей сперва въ лицѣ измѣнившаго Россіи кн. Юрія, затѣмъ кн. Алексѣя, и опять, впослѣдствіи, въ потомствѣ того же кн. Юрія, во второмъ его колѣнѣ. Наконецъ Смутное время само по себѣ играло важную и серьезную роль въ дѣятельности русскихъ знатныхъ родовъ, представляя имъ обширное поле для проявленія своихъ способностей, намѣреній, взглядовъ и убѣжденій. Выдвинувъ, съ одной стороны, нѣсколькихъ представителей древнихъ русскихъ фамилій и давъ имъ возможность и поводъ стяжать себѣ славу вѣрныхъ сыновъ и защитниковъ отечества оно, съ другой стороны, не осталось безъ вліянія и на нѣкоторыя дурныя стороны этихъ дѣятелей, затемнивъ такимъ образомъ отчасти блескъ ихъ славныхъ именъ. Эти четыре обстоятельства и даютъ извѣстный

характеръ дѣятельности членовъ фамиліи кн. Трубецкихъ за второй періодъ ихъ исторіи.

Начиная съ 1546 года, т.-е. со времени уничтоженія ихъ удѣла и вплоть до первыхъ годовъ XVII ст., дѣятельность князей Трубецкихъ не ознаменовалась почти никакимъ крупнымъ фактомъ или выдающимся лицемъ. Можно отмѣтить только одно, въ высшей степени интересное, явленіе, въ особенности рѣдкое въ концѣ царствованія Грознаго, это то, что въ эпоху террора и страшныхъ казней, ознаменовавшихъ собою послѣдніе годы правленія Іоанна IV и поведшихъ за собою уничтоженіе цѣлыхъ знатныхъ и простыхъ родовъ, грозная десница этого государя почти не коснулась ни одного изъ членовъ дома кн. Трубецкихъ. Правда они не занимали должностей близко стоящихъ къ государю, они не находились постоянно на глазахъ Іоанна и быть можетъ этимъ избѣгли опасности быть у него въ памяти, но, какъ извѣстно, его болѣзненная подозрительность касалось также лицъ находившихся далеко отъ Москвы и престола. Польская граница и Смоленскъ и др. не мало видѣли воеводъ и намѣстниковъ быстро исчезавшихъ по подозрѣнію въ измѣнѣ, а Трубецкіе были ближе. Тѣмъ замѣчательнѣе этотъ фактъ и исторія далеко немногихъ знатныхъ русскихъ родовъ можетъ занести подобный фактъ на свои страницы.

Представителями восьмаго колѣна, начинающаго собою второй періодъ исторіи кн. Трубецкихъ, являются князья *Михаилъ, Василій и Никита Андреевичи*, дѣти кн. Андрея Ивановича, князья *Романъ и Василій Семеновичи*—отъ кн. Семена Ивановича и князья *Александръ и Михаилъ Семеновичи-Богдановичи*, сыновья кн. Семена-Богдана Александровича. Обо всѣхъ нихъ сохранилось немного свѣдѣній; все это, большею частью, голые факты, показывающіе того или другаго въ той или другой должности и нѣкоторые года, встрѣчающіеся изрѣдка въ разныхъ актахъ, грамотахъ и т. п. оффиціальныхъ бумагахъ. Изъ нихъ можно составить лишь общее понятіе, очень недостаточное, о характерѣ ихъ дѣятельности, но не болѣе. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя разъ уже

принятому порядку разсказа о кн. Трубецкихъ, необходимо указать здѣсь и эти отрывочныя данныя.

Старшіе въ родѣ за первую эпоху этого періода, какъ только что было сказано—дѣти кн. Андрея Ивановича (№ 12)—*князья Михаилъ* (№ 17), *Василій* (№ 18), *и Никита Андреевичи* (№ 19). Первый изъ нихъ упомянутъ уже подъ 1536 годомъ, какъ воевода на Рязани «за городомъ». Тѣмъ же онъ оставался и въ слѣдующемъ году, а уже въ 1538 году онъ назначенъ въ Рязаньже намѣстникомъ [1]). Въ этомъ званіи онъ оставался до 1544 года, выходя только два раза въ поле: въ первый разъ въ 1539 г. — въ Коломну, во главѣ Большаго Коломенскаго полка, а второй—въ 1541 г. на Оку, противъ Крымскихъ татаръ. Назначенный въ 1544 году воеводою сторожеваго полка въ Коломнѣ, онъ спустя три года былъ уже воеводой въ Калугѣ, а еще черезъ годъ - въ Тулѣ. Во время Шведскаго похода (въ 1549 году) кн. Михаилъ былъ головою въ государевомъ полку, а въ 1555 г. назначенъ головою Большаго полка Калужскихъ войскъ. Спустя два года, именно 5 декабря 1557 г., онъ скончался и погребенъ въ Трубчевскѣ. Супруга его, княгиня Ксенія (родъ ея неизвѣстенъ) сидѣла первою боярыней на третьей свадьбѣ Іоанна Грознаго (въ 1572 г.); передъ смертью она приняла иночество надъ именемъ Анисьи. Изъ дѣтей у кн. Михаила остался одинъ лишь сынъ, князь Ѳеодоръ Михайловичъ.

Второй сынъ кн. Андрея Ивановича, *кн. Василій Андреевичъ* (№ 18), выступилъ на поприще общественной дѣятельности значительно позже своего брата. Тотъ былъ уже Тульскимъ воеводой и занималъ во время шведскаго похода постъ головы государева полка, когда кн. Василій является въ исторіи въ первый разъ, въ этомъ же походѣ, въ качествѣ 4-го головы въ государевомъ же полку. Въ 1550 г., т.-е. спустя годъ послѣ похода, онъ уже воевода правой руки въ

[1]) Мос. Глав. Архивъ М. И. Д. Портфель Миллера, № 285 IV, тетр. 8, стр. 254.

Калугѣ, а въ 1554 г. стоитъ по разряду 17-мъ бояриномъ въ свадебномъ поѣздѣ Казанскаго царя Семіона. Черезъ годъ послѣ этого онъ вернулся въ Калугу, но уже воеводой сторожеваго полка, оттуда перешелъ на воеводство въ Пронскъ, а въ 1558 г. въ старую отчину кн. Трубецкихъ—въ Трубчевскъ. Пробывъ здѣсь годъ, въ 1559 г. кн. Василій является уже намѣстникомъ Брянскимъ, также въ прежнемъ удѣльномъ владѣніи своихъ предковъ и тамъ умираетъ спустя два года—9-го мая 1561 г. Погребенъ онъ также въ Трубчевскѣ. Супруга его Анастасія, о родѣ которой, также какъ и жены кн. Михаила, не сохранилось никакихъ указаній, сидѣла на третьей свадьбѣ Грознаго рядомъ съ своей золовкой.

Менѣе всего, изъ трехъ сыновей кн. Андрея Ивановича, сохранилось извѣстій о третьемъ и послѣднемъ его сынѣ—*кн. Никитѣ Андреевичѣ* (№ 29). Извѣстно только то, что онъ также является впервые въ Шведскомъ походѣ, 9-мъ головою государева полка, что на свадьбѣ Казанскаго царя Семіона онъ былъ рядомъ съ братомъ Василіемъ и что въ 1558 году сидѣлъ намѣстникомъ въ Бѣлевѣ. Точнаго года его смерти, а также былъ ли онъ женатъ—неизвѣстно. Въ «Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ» [1]) есть его подпись на поручной грамотѣ 1563 г. Этой грамотой онъ обязывается заплатить въ казну 200 р. (по тогдашнему времени сумма весьма порядочная), если бояринъ Левъ Александровичъ Салтыковъ, родственникъ царицы Анастасіи, за котораго онъ ручается, вздумаетъ выѣхать въ чужіе края по неудовольствію на Грознаго.

О дѣтяхъ кн. Семена Ивановича (№ 15) не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что старшій изъ нихъ, *кн. Романъ Семеновичъ* (№ 20), былъ 1558 году воеводою въ Трубчевскѣ и что послѣ него осталось два сына, Никита и Тимоѳей, а младшій, *кн. Василій Семеновичъ* (№ 21), участвовалъ въ Колыванскомъ походѣ 1540 г. и умеръ бездѣтнымъ. Время кончины того и другаго неизвѣстно.

---

[1]) Т. I. стр. 514. № 185.

Хотя больше сохранилось слѣдовъ дѣятельности сыновей кн. Семена-Богдана Александровича (№ 16), кн. *Александра и Михаила Семеновичей-Богдановичей* (№ 22 и 23), но, къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія все-таки далеко не достаточны. Такъ кн. Александръ впервые упоминается въ томъ же Колыванскомъ походѣ (1540 г.) въ званіи 4-го воеводы и есаула въ Государевомъ полку. Въ 1558 г. онъ уже первымъ воеводою въ Василь-городѣ, но оставался тамъ всего одинъ годъ. Куда онъ затѣмъ перешелъ—неизвѣстно, но въ 1560 былъ осаднымъ воеводою въ Трубчевскѣ, а въ 1563 и 1564 г. первымъ воеводою въ Полоцкомъ Острогѣ. За это же время его подпись встрѣчается на поручныхъ записяхъ за кн. Александра Ивановича Воротынскаго и Льва Андреевича Салтыкова [1]. Женатъ онъ былъ на дочери боярина Василія Бороздина, но потомства послѣ себя не оставилъ.

Далеко не такъ счастливъ былъ братъ его, *кн. Михаилъ Семеновичъ* (№ 23). Не успѣвъ еще достигнуть болѣе зрѣлаго возраста, совсѣмъ еще юноша, онъ погибъ въ очень молодыхъ еще лѣтахъ, умерщвленный по приказанію Грознаго, вмѣстѣ съ кн. Дорогобужскимъ и Овчиною, 15 декабря 1535 г. Это—единственный примѣръ гибели кн. Трубецкаго отъ руки Іоанна IV и случился онъ въ самые первые годы его царствованія. Несмотря на то, что къ концу правленія Іоаннъ становился все болѣе и болѣе подозрительнымъ, губилъ и казнилъ сотни лицъ, не обращая вниманія ни на родство съ нимъ, ни на положеніе, значеніе, заслуги ихъ—смерть кн. Александра Семеновича остается единственнымъ подобнымъ фактомъ въ исторіи кн. Трубецкихъ. Кн. Михаилъ погребенъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ Романовыхъ. Тутъ же погребенная княгиня инокиня Евфросинія, изъ дома Романовыхъ была, *быть можетъ*, его мать или супруга [2]).

---

[1]) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ т. I, стр. 488—517.

[2]) Карамзинъ VIII т. пр. 146. Курбскій 9, 1 ст. 7. (Изд. И. Эйнерлинга).

Съ княземъ Өедоромъ Михайловичемъ (№ 24), сыномъ кн. Михаила Андреевича, главой девятаго колѣна, начинается блестящая эпоха дѣятельности Трубецкихъ за второй періодъ и прекращеніе старшей вѣтви этого рода, доселѣ шедшей по прямой линіи отъ Гедимина. Сыновей у него не было, а осталась только одна дочь княжна Анастасія (мужъ ея неизвѣстенъ) и такимъ образомъ старшинство перешло къ его двоюродному брату князю Андрею Васильевичу.

Годъ рожденія кн. Өедора, какъ и вообще большинства дѣятелей до XVII и отчасти даже до XVIII ст.—неизвѣстенъ. Также нѣтъ свѣдѣній, когда выступилъ онъ въ первый разъ на общественную дѣятельность и въ качествѣ чего. Въ первый разъ онъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ уже въ званіи воеводы на Дѣдиловѣ [1]) въ 1564 году, а спустя четыре года онъ уже былъ «по вѣстямъ въ Вязьмѣ полковымъ воеводою» [2]). Въ 1571 году кн. Өедоръ уже воеводой на Калугѣ и принималъ участіе «въ походѣ въ Новѣгородѣ въ дворовыхъ воеводахъ», гдѣ его двоюродный братъ, кн. Никита Романовичъ, былъ «рындою съ большимъ саадакомъ» [3]). Въ томъ же году, Октября 28, праздновалась третья свадьба царя Іоанна IV Грознаго съ боярской дочерью Марөой Васильевной Собакиной. Въ описаніи этой свадьбы, въ одной изъ Разрядныхъ книгъ [4]), упоминается кн. Өедоръ Михайловичъ: «. . . . . а противъ боярынь (сидѣть) кн. Петру Тутаевичу Шейдякову, боярамъ *кн. Өедору Михайловичу Трубецкому*, Ивану Меньшому Васильевичу Шереметеву (и проч.).» На этой свадьбѣ особенный почетъ былъ оказанъ княгинямъ Трубецкимъ. Какъ выше было сказано (стр. 64), первой бобоярыней сидѣла кн. Ксенія, жена кн. Михаила Андреевича, отца кн. Өеодора, второй—кн. Анастасія, жена кн. Василія Андреевича, а супруга кн. Өеодора Михайловича, княгиня Стефанида, третьей [5]). Какъ извѣстно, свадьба эта оказалась

---

[1]) [2]) [3]) Моск. Глав. Арх. М. И. Д. Портф. Миллера № 285. IV, т. 8.
[4]) Вивл. XIII, 92.
[5]) Вивл., ibid.

вероличной: происками соперничествующихъ родовъ царица Марѳа была отравлена и скончалась спустя двѣ съ половиной недѣли послѣ вѣнца (13 ноября).

Весна 1571 года, когда царь Іоаннъ IV предпринялъ, вмѣстѣ съ обоими сыновьями, путешествіе въ Новгородъ, и въ числѣ сопровождавшихъ его былъ кн. Ѳедоръ (см. выше), ознаменовалась военными дѣйствіями съ Ригой и Ревелемъ. Жители этихъ двухъ городовъ уже давно совершали опустошительные набѣги на русскія владѣнія; въ ливонскихъ владѣніяхъ Іоанна не только они, но и Шведы и сами Эстонскіе крестьяне вездѣ нападали на немногочисленныхъ русскихъ и грабили ихъ безжалостнымъ образомъ. Іоаннъ рѣшился наказать ихъ какъ можно строже и съ этой цѣлью двинулся въ походъ самъ, во главѣ громаднаго войска, въ составъ котораго вошли Ногайцы, Мордва, Татары, Черкасы, и всѣ воеводы, кромѣ сторожевыхъ. Ближайшимъ подручнымъ царя былъ бывшій Касимовскій царь Саинъ-Булатъ, который, будучи въ то время христіаниномъ, уже назывался Симеономъ, великимъ княземъ Тверскимъ. Въ этомъ походѣ кн. Ѳедоръ Михайловичъ принималъ дѣятельное участіе. Онъ былъ, между прочимъ, посланъ изъ Пскова съ 5287 солдатами къ Ацелю, Трикату и Вольмару [1]). Этотъ походъ замѣчателенъ тѣмъ, что вопреки всѣмъ ожиданіямъ и предположеніямъ относительно пути Іоанна въ вражескую землю, онъ неожиданно, 25 іюля, вступилъ въ южную Ливонію, гдѣ господствовали Поляки, считавшіе себя въ мирѣ съ Русью. Это-то нарушеніе польской границы и послужило началомъ войны Іоанна съ Стефаномъ Баторіемъ, войны, имѣвшей столь важныя послѣдствія. Походъ кончился очень счастливо для Москвы, но мирныя сношенія съ Ливоніей были уже нарушены и въ 1573 году кн. Ѳедоръ снова идетъ въ походъ подъ Пайду въ качествѣ полковаго боярина. Въ слѣдующемъ году кн. Ѳедоръ уже въ Серпуховѣ дворовымъ воеводою, а въ 1577 году снова идетъ въ походъ въ Лифлян-

[1]) Карам. IX пр. 460.

дію, по возвращеніи откуда «ѣлъ у государя за столомъ въ Володимерѣ бояриномъ» [1]); затѣмъ «былъ въ росписи, какъ идти съ государемъ въ Нѣмцы, дворовымъ воеводою [2])». Неизвѣстно, гдѣ былъ онъ и какое занималъ мѣсто въ теченіи слѣдующихъ трехъ лѣтъ, объ этомъ не сохранилось свѣдѣній и князь Ѳедоръ снова появляется въ лѣтописяхъ, при описаніи свадьбы Іоанна съ Маріей Ѳеодоровной Нагой, въ сентябрѣ 1580 года. За свадебнымъ столомъ кн. Трубецкія, жены кн. Василія Андреевича и Ѳеодора Михайловича опять сидѣли первыми боярынями, а кн. Ѳедоръ—*сидячимъ* бояриномъ противъ боярынь.

Іоаннъ Грозный скончался 18 марта 1584 года. Все время его царствованія кн. Ѳедоръ оставался у него въ большой милости. Несмотря на болѣзненное состояніе послѣднихъ лѣтъ жизни Іоанна, заставлявшее его подозрѣвать въ измѣнѣ всѣхъ и вся и побудившее его къ тѣмъ ужаснымъ казнямъ и пыткамъ въ большинствѣ случаевъ совершенно невинныхъ людей, князь Трубецкой ни разу не подвергся его немилости. Онъ тихо и спокойно продолжалъ служить, не ища ни почета, ни богатства и точно и строго исполняя всѣ свои обязанности, всѣ порученія царя, какъ вѣрный слуга отечества. Расположеніе къ нему Іоанна перешло и къ царю Ѳедору Іоанновичу. Хотя свѣдѣній о службѣ кн. Ѳедора этому государю сохранилось и очень мало, однако, по нѣкоторымъ фактамъ можно думать, что царь Ѳедоръ особенно чтилъ его.

Зимой 1592 года былъ походъ въ Финляндію. Воеводами были назначены «знатнѣйшіе» бояре: кн. Мстиславскій, кн. *Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой,* Иванъ и Степанъ Васильевичи Годуновы, кн. Ноготковъ и Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій [3]). Несмотря на то, что начало дѣйствій было успѣшно, и Русскіе выжгли нѣсколько селеній и городовъ и взяли нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, походъ кончился не совсѣмъ

---

[1]) Мос. Глав. Арх. М. И. Д. Портф. Миллера, ibid.
[2]) Ibidem.
[3]) Карамз. т. X, гл. III, стр. 96.

удачно. Простоявъ безуспѣшно нѣсколько мѣсяцевъ подъ Выборгомъ и Або, воеводы въ концѣ февраля (21) вернулись домой съ жалобами другъ на друга. Кн. Өедоръ Михайловичъ упрекалъ Годуновыхъ въ нерадѣніи царской службѣ, а Годуновы его. Царь имъ всѣмъ объявилъ немилость за раздоръ, вредный для отечества и не велѣлъ съѣзжать со двора отъ Вербной недѣли до Свѣтлаго Воскресенья. Въ лѣтописи [1]) объ этомъ сказано такъ: «Царь же Өеодоръ Іоанновичъ от«пусти бояръ своихъ въ Нѣмецкую землю, а самъ государь «пошелъ по монастырямъ молитися и былъ у Живоначаль«ныя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, да въ Можайскѣ у «Николы Чудотворца, въ Боровскѣ у Чудотворца Пафнутія, «въ Звѣнигородѣ у Саввы въ Сторожевскомъ монастырѣ; и «пришедъ Государь къ Москвѣ на Вербной недѣлѣ въ среду «и положи на бояръ своихъ опалу, кои были подъ Выбор«гомъ, на князя Өеодора Михайловича Трубецкова, что межъ «имъ съ Годуновыми была рознь и за то имъ не повелѣ «Государь съ двора съѣзжати». Однако опала длилась не долго. Вѣроятно и ошибка ихъ была невелика, да и самъ царь былъ слишкомъ добръ и во многомъ потакалъ Годуновымъ, находясь подъ вліяніемъ Бориса, а кн. Өедоръ былъ исконный, вѣрный слуга его отца. Обижать и тѣхъ и другихъ царь Өедоръ едва ли находилъ нужнымъ и вотъ «на «Свѣтлое Воскресеніе Государь ихъ пожаловалъ по прежнему «и опалу съ нихъ свою Государеву сложилъ» [2]).

Въ 1593 году кн. Өеодоръ Михайловичъ «былъ на берегу для приходу Крымскаго царя», а въ 1597—8 годахъ «посыланъ былъ на берегъ на Коломну полковымъ бояриномъ и воеводою» и въ томъ же году, послѣ этого похода «оставленъ на Москвѣ у царевича въ походъ государевъ, да бояринъ кн. Никита Романовичъ Трубецкой и въ осадѣ были» [3]). Это была послѣдняя служба кн. Өедора царю Өеодору Іоанновичу; онъ

[1]) Степен. книга Латухина.
[2]) Ibid. см. также Никон. лѣт. VIII, 25.
[3]) Порт. Миллера, ibidem.

еще упоминается въ числѣ бояръ, бывшихъ при пріемѣ пословъ императора Австрійскаго Рудольфа (22 мая 1597) [1]), а затѣмъ лѣтописецъ сохранилъ намъ замѣчательный отвѣтъ его Борису Годунову, когда послѣдній, вернувшись изъ поѣздки на югъ Россіи и въ Смоленскъ, который онъ укрѣпилъ рвами, стѣнами и окопами, сказалъ царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи*. «Въ тоже время бояринъ кн. Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой противу Борисовыхъ рѣчей глагола сице: какъ въ томъ ожерельѣ заведутся в... и ихъ будетъ и не выжить [2])». «Слово достопамятное, говоритъ лѣтописецъ, оно сбылося: ибо Смоленскъ нами укрѣпленный, сдѣлался твердынею Литвы». Этотъ единственный фактъ, позволяющій судить о степени государственныхъ способностей кн. Ѳедора Михайловича, достаточно показываетъ, что онъ былъ далеко не заурядный дѣятель. Недаромъ его такъ цѣнилъ и Іоаннъ Грозный и Ѳедоръ Іоанновичъ и, какъ будетъ видно далѣе, Борисъ Годуновъ, не смотря на столкновенія кн. Ѳедора и съ нимъ самимъ и съ его родными.

7-го января 1598 года скончался Ѳедоръ Іоанновичъ и Москва присягнула царицѣ Иринѣ, но она постриглась въ монахини; народъ отказался отъ правленія бояръ и призвалъ на царство Бориса Годунова. По избраніи Земскимъ Соборомъ Годуновъ окончательно сдѣлался царемъ. Въ числѣ близкихъ и приближенныхъ къ нему лицъ, не разъ встрѣчается и князь Ѳедоръ. Очевидно, будучи вызванъ еще царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ къ сыну своему царевичу Ѳедору, онъ такъ и остался во дворцѣ и исполнялъ преимущественно службу придворную. Изъ сохранившихся въ лѣтописяхъ свѣдѣній видно, что онъ былъ непремѣннымъ участникомъ всѣхъ торжествъ. Такъ подъ 1600 г. записано [3]): «на Вознесеньевъ день, мѣсяца маія, бояре ѣли у государя въ Золотой Палатѣ: *князь Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой*, да князь Никита Романовичъ Тру-

---

[1]) Карам. т. X, гл. III, пр. 315.
[2]) Степ. кн. Латухина.
[3]) Портф. Миллера, ibid.

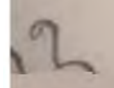
бецкой». Подъ тѣмъ же годомъ, но дальше, сказано: «бояринъ кн. Θ. М. Трубецкой ѣлъ у государя при послахъ Англинскихъ». Въ 1601 г. онъ былъ «съ литовскими послами (Сапѣгою) въ отвѣтѣ и ѣлъ у государя при послахъ». Вѣроятно въ теченіе остальнаго времени, до дня его смерти въ 1601 г., ничего особо выдающагося не случилось; по крайней мѣрѣ имя кн. Θедора болѣе не встрѣчается при описаніи какихъ-либо событій. Извѣстно только, что незадолго до смерти, онъ принялъ иночество подъ именемъ Θеодосія и скончался 5-го января 1602 года. Женатъ онъ былъ на Степанидѣ N. N. (ни отчество, ни фамилія ея неизвѣстны) и оставилъ послѣ себя только дочь—княжну Анастасію (о ней, кромѣ имени, никакихъ нѣтъ болѣе свѣдѣній). Съ княземъ Θедоромъ Михайловичемъ прекратилась старшая линія кн. Трубецкихъ [1]). Главенство перешло къ брату его двоюродному, кн. Андрею Васильевичу, внуку кн. Андрея Ивановича, прямаго потомка Гедимина и главы седьмаго колѣна кн. Трубецкихъ.

Наслѣдникъ имени Трубецкихъ, *князь Андрей Васильевичъ* (№ 25), съ молодыхъ лѣтъ началъ свою службу отечеству. Еще юношей онъ принималъ участіе въ походѣ «въ Великій Новгородъ, а оттуда въ нѣмцы, да Пайду» въ качествѣ рынды при царевичѣ (Θеодорѣ Іоанновичѣ, въ 1573 г.); въ слѣдующемъ году онъ уже былъ 2-мъ головою въ государевомъ станѣ, въ Серпуховскомъ походѣ, а въ 1577 г. получилъ званіе Стольника, былъ головою у ночныхъ стражей и «спалъ»

---

[1]) Въ Академ. Ежемѣс. (1761 г. I, 110) подъ 1598 г. упоминается еще кн. *Юрій Михайловичъ*, какъ младшій сынъ кн. Михаила Андреевича и братъ кн. Θедора Михайловича. Онъ обозначенъ рындою при Борисѣ Годуновѣ, въ Серпуховскомъ походѣ. Очевидно это ошибка и лѣтописецъ просто описался назвавъ его сыномъ кн. Михаила. Нигдѣ въ родословныхъ нѣтъ у кн. Θедора Михайловича брата и онъ показанъ единственнымъ сыномъ у кн. Михаила. Въ портфелѣ Миллера (№ 285 IV, тетр. 8, стр. 254—258) *) въ этой должности, подъ тѣмъ же годомъ и въ томъ же походѣ — стоитъ кн. Юрій *Никитичъ*: „....да Рындою былъ у большаго саадака князь Юрья Никитичъ Трубецкой", — вѣроятно онъ-то и былъ ошибкой названъ сыномъ князя Михаила.

*) Москов. Главн. Архивъ Мин. Иностран. Дѣлъ.

въ государевомъ станѣ, во время Лифляндскаго похода, числясь въ тоже время «есауломъ», ближнимъ къ государю. Спустя годъ кн. Андрей, въ званіи воеводы большаго полку, ѣдетъ въ «Колыванскія мѣста» опустошать ихъ за ослушаніе государю, причемъ беретъ городъ Линсварсъ. Вѣроятно онъ особенно былъ цѣнимъ Іоанномъ Грознымъ, этимъ однимъ изъ подозрительнѣйшихъ людей, потому что въ 1579 и 1580 гг. онъ снова головою ночныхъ стражей и, во время походовъ противъ короля Польскаго, опять «спалъ» у государя въ станѣ. На второй свадьбѣ Іоанна, съ Маріей Нагой, кн. Андрей ѣхалъ «въ поѣздѣ»—отличіе немаловажное, а въ Крымскихъ походахъ 1583—1584 г. былъ опять сторожевымъ головой. Во время пребыванія своего въ Тулѣ первымъ воеводою (съ 28 февр. 1585 г.) онъ получилъ немало знаковъ царскаго расположенія. Подобно брату своему кн. Ѳедору Михайловичу, кн. Андрей пользовался сильнымъ расположеніемъ царя Ѳеодора Іоанновича, а еще болѣе всесильнаго Бориса Годунова. Въ то время какъ этотъ правитель, строго слѣдя за своей популярностью и желая подготовить себѣ путь къ престолу, долженъ былъ прибѣгать иногда къ ссылкамъ и казнямъ болѣе сильныхъ и опасныхъ враговъ, а другихъ лишать возможности вредить себѣ, удаляя ихъ на почетныя должности внѣ Москвы, онъ ни разу не тронулъ ни одного изъ кн. Трубецкихъ. Причина этому скорѣе всего заключалась въ истинной приверженности Трубецкихъ къ государственному порядку, къ отечеству и царю. По крайней мѣрѣ, относительно князей Ѳеодора Михайловича и Андрея Васильевича, ни одинъ лѣтописецъ, ни одна хроника не говорятъ, чтобы они въ чемъ-либо заискивали предъ Годуновымъ, чтобы они дѣйствовали ему въ руку, не разбирая средствъ. Они просто—честно и вѣрно исполняли свой долгъ, зная, что отъ такого отношенія къ дѣлу первыхъ въ государствѣ лицъ и вообще тѣхъ, на кого падаетъ исполненіе важныхъ государственныхъ обязанностей, и зависитъ спокойствіе государства.

Какъ выше было сказано, кн. Андрей Васильевичъ, въ званіи Тульскаго воеводы получилъ много знаковъ довѣрен-

ности и расположенія и себѣ царя. Такъ онъ былъ въ этомъ же званіи посыланъ съ украинскими воеводами на югъ и и самъ занималъ среди нихъ мѣсто воеводы въ большемъ полку. По возвращеніи оттуда, онъ былъ воеводой въ правой рукѣ войскъ съ княземъ Шуйскимъ, причемъ ему было велѣно, что ежели Крымцы пойдутъ на Рязанскія и Мещерскія мѣста, то идти ему помогать въ тѣхъ мѣстахъ и быть воеводою въ большемъ полку съ кн. Хворостининымъ. Это распредѣленіе будущаго показываетъ ясно, насколько цѣнились способности и знанія кн. Андрея. Въ обоихъ случаяхъ онъ стоитъ рядомъ съ лучшими русскими полководцами того времени.

Въ 1590 году вспыхнула война со шведами. Царь Θеодоръ долго терпѣлъ насиліе своихъ буйныхъ сосѣдей: часть Новгородскихъ земель была уже захвачена; Ревель и Эстонія давно были переполнены шведскими войсками, но царь, по своему миролюбивому характеру, все еще колебался предпринять рѣшительныя мѣры. Наконецъ Годуновъ убѣдилъ его и война была объявлена. Объявленію предшествовало требованіе возвратить захваченныя Новгородскія земли и уступить Ревель и Эстонію. 18-го января 1590 г. русскія войска выступили въ походъ. Кн. Θедоръ Мстиславскій начальствовалъ въ большомъ полку, кн. Дмитрій Хворостининъ—передовымъ. Кн. Андрей Васильевичъ былъ головою въ большемъ полку у кн. Мстиславскаго. Походъ былъ удаченъ, но кн. Андрей не долго оставался тутъ. По взятіи, 27 января, города Ямы, онъ былъ назначенъ вторымъ посыльнымъ воеводой въ Новгородъ-Сѣверскъ. Это назначеніе было вызвано настоятельной необходимостью укрѣпить наши границы со стороны Литвы. Войска были усилены въ Путивлѣ, Черниговѣ, Стародубѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ, куда и отправился кн. Андрей. Хотя царь былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ Литвой, однако нерѣшительность и двусмысленность поведенія Сигизмунда, заставили его быть на сторожѣ, тѣмъ болѣе, что въ это же время (1590 г.) Малороссійскіе казаки грабили области Черниговскія, Рыльскія и Путивльскія, а

литовскіе вельможи требовали, чтобы Θедоръ, въ доказательство своего добраго расположенія, велѣлъ царевичу Мурадъ-Гераю идти въ Астрахань для обузданія крымскаго хана, собиравшагося напасть на Литву. Этого исполнено не было и посламъ литовскимъ было отвѣчено, что «Муратъ-Кирей нынѣ въ дальнемъ мѣстѣ ...... а есть у Государя нашего царевичей много....... и посылаетъ къ Сѣверу царевича Арсланъ-Алея съ ратію, а съ нимъ воеводъ своихъ, князя Андрея Васильевича Трубецкаго съ товарищи»[1]. Предполагаемая опасность скоро прошла, но воздвигалась новая, со стороны Польши, и вотъ въ 1591 году кн. Андрей уже переводится первымъ воеводою въ Смоленскъ. Въ этой должности онъ оставался, кажется, довольно долго, хотя въ выпискѣ у Миллера[2]) и сказано, что «въ 7099 г. (1591 г.) кн. Андрей Васильевичъ Трубецкой *годовалъ* въ Смоленскѣ». По крайней мѣрѣ до 1598 г. нѣтъ указаній, чтобы онъ оставилъ это воеводство, только въ этомъ году онъ былъ 1-мъ головою и есауломъ въ государевомъ полку въ Серпуховскомъ походѣ «по Крымскимъ вѣстямъ».

На другой день послѣ коронаціи Бориса Годунова, 4-го сентября 1599 года, кн. Андрей пожалованъ былъ въ бояре и уже въ октябрѣ того же года (29 числа) «судилъ въ отечествѣ», какъ старшій и какъ почетное, родовитое лице, князей Тростенскаго и Лыкова. Съ 1601 по 1604 годъ онъ сидѣлъ воеводой въ Псковѣ и за это время, именно въ 1603 году, при пріѣздѣ жениха дочери Бориса Годунова, Датскаго королевича, первый встрѣчалъ его на меньшей встрѣчѣ, т.-е. на восьмой день по прибытію герцога въ Москву. 28-го сентября была эта встрѣча и торжественное представленіе царю. Всѣ высшіе придворные чины ожидали герцога Іоанна у Краснаго Крыльца и первыми были кн. Андрей Васильевичъ и кн. Черкасскій.

Въ 1605 году умеръ Борисъ. Басмановъ съ войскомъ измѣнилъ сыну Бориса, Θеодору; Годуновы были низвергнуты

[1]) Моск. Глав. Архивъ М. И. Д. Дѣла Польскія № 20, л. 174 и дал.
[2]) Портф. ibid.

и самозванецъ, признанный матерью царевича Димитрія за сына, вступилъ въ Москву. Царствованіе его, однако, продолжалось всего 11 мѣсяцевъ; онъ былъ свергнутъ и царемъ объявленъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Въ эту эпоху смутъ кн. Андрей Васильевичъ показалъ себя истиннымъ русскимъ. Непризнавая Лжедмитрія за царя, отлично видя его самозванство и понимая цѣль, съ которой Польша такъ усердно поддерживала его, онъ былъ однимъ изъ ретивѣйшихъ членовъ Большаго Совѣта въ 1606 г., когда этимъ Совѣтомъ былъ избранъ Шуйскій. За время правленія Шуйскаго дѣятельность его неизвѣстна, но въ 1610 году онъ уже засѣдаетъ «четвертымъ» въ числѣ семи бояръ, составившихъ подъ главенствомъ кн. Мстиславскаго, такъ называемую «Семибоярщину» и управлявшихъ государствомъ до избранія царя. И въ этомъ званіи онъ остался вѣренъ своему отечеству, заботился о скорѣйшемъ возстановленіи мира и спокойствія въ государствѣ и объ избраніи истаго, русскаго царя. Всѣми силами онъ противился польскому вліянію и польскому владычеству и подпись его встрѣчается на грамотѣ 1611 года къ воеводамъ и посламъ русскимъ въ Смоленскъ, осажденный тогда Сигизмундомъ. Эта подпись—послѣднее извѣстіе о кн. Андреѣ Васильевичѣ. Съ этого времени прекращаются всѣ данныя объ его дальнѣйшей жизни и дѣятельности. Вѣрнѣе всего, что онъ скончался около этого времени. Отъ супруги своей княжни Евдокіи (отчество и фамилія неизвѣстны) дѣтей онъ не имѣлъ и такимъ образомъ съ нимъ прекратилась окончательно старшая линія кн. Трубецкихъ, потомство кн. Семена Михайловича, главы пятаго колѣна. Еще въ 1608 году умеръ кн. Никита Романовичъ, четвероюродный братъ кн. Андрея Васильевича, тоже потомства кн. Семена Михайловича и такимъ образомъ старшинство въ родѣ перешло къ сыну кн. Никиты — кн. Юрію Никитичу, передавшемуся Польшѣ. Еще нѣкоторое время продолжается неурядица въ преемственности старшинства дома кн. Трубецкихъ, которое перешло къ младшему брату кн. Юрія Никитича—Алексѣю и лишь по смерти сего послѣдняго, умершаго бездѣтнымъ,

во главѣ становится потомство кн. Юрія Никитича, въ лицѣ его внуковъ, оставшихся вѣрными Россіи и съ этого времени, только, возстановляется порядокъ.

Князь Никита Романовичъ (№ 26), сынъ кн. Романа Семеновича (№ 20), началъ службу свою той же должностью, какъ и кн. Андрей Васильевичъ, но раньше того на два года, именно въ 1571 г. Въ этомъ году онъ названъ «рындою съ большимъ Государственнымъ Саадакомъ» въ походѣ на берегъ Оки «по Крымскимъ вѣстямъ». Это было извѣстное несчастное для Москвы нашествіе Девлетъ-Герай хана. Войскъ русскихъ на лице было мало, большая часть ихъ была разослана по разнымъ крѣпостямъ и въ Ливонію, и въ Москвѣ оставалась главнымъ образомъ опричина. Не будучи въ состояніи противиться врагу, самъ Іоаннъ бѣжалъ въ Ярославль, а воеводы отступили въ предмѣстья Москвы. Ханъ ихъ настигъ и зажегъ всѣ окружающія селенія. Огонь перекинуло на предмѣстья, гдѣ стояли русскія войска и послѣднія должны были отступить въ Китай-городъ. Бросившіеся за ними жители произвели страшную давку; многіе погибли въ огнѣ, другіе утопились, бросаясь вплавь чрезъ Москву рѣку, третьи были задавлены. Пожаръ былъ такъ великъ, что сами Крымцы не рѣшались грабить отступающихъ и ханъ удалился къ селу Коломенскому. Простоявъ нѣкоторое время подъ Москвой безъ толку и услышавъ, что будто на помощь Іоанну спѣшитъ Магнусъ, Девлетъ-Герай удалился. Такъ кроваво было первое крещеніе кн. Никиты Романовича. Въ теченіи своей почти сорокалѣтней службы, онъ не разъ принималъ участіе въ чрезвычайныхъ посольствахъ въ сосѣднія государства, присутствовалъ при пріемахъ иностранныхъ пословъ, отличался въ военномъ ратномъ дѣлѣ и т. д., однимъ словомъ онъ достойно поддерживалъ честь и славу имени кн. Трубецкихъ и являлся достойнымъ сподвижникомъ своихъ родныхъ князей Ѳедора Михайловича, Андрея Васильевича, Тимофея Романовича и другихъ. Переходя изъ одного званія въ другое, онъ постепенно достигъ высшихъ степеній. Два года спустя послѣ нашествія Девлетъ-Герая кн. Никита Романовичъ

былъ уже головою въ государевомъ полку во время Лифляндскаго похода, а въ Серпуховскомъ походѣ, 1574 г.,—первымъ головой въ томъ же полку. Въ 1576 г. онъ былъ пожалованъ въ Стольники и во время пріема цесарскихъ пословъ (Яна Кобенцеля и Даніила Принца) сидѣлъ съ ними за столомъ четвертымъ. Въ 1577 году, въ Можайскомъ походѣ, кн. Никита называется головою и есауломъ, а въ слѣдующемъ, по взятіи Владиміра, былъ за «кривымъ» столомъ у государя. 1579 г. годъ ознаменовался войной съ Стефаномъ Баторіемъ и въ особенности геройской защитой Пскова. Кн. Никита Романовичъ принималъ участіе и въ этомъ походѣ и въ слѣдующемъ—польскомъ 1580 г. Въ обоихъ случаяхъ онъ оставался головою въ государевомъ полку. На свадьбѣ Іоанна съ Маріей Нагой онъ вмѣстѣ съ кн. Андреемъ Васильевичемъ ѣхалъ въ свадебномъ поѣздѣ, а въ годъ кончины Іоанна былъ уже первымъ воеводой правой руки войскъ, стоявшихъ въ Таруссѣ, для наблюденія за крымцами, собиравшимися двинуться на Москву. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, вступивши на престолъ, ознаменовалъ день помазанія своего на царство многочисленными милостями. Между прочимъ онъ пожаловалъ въ бояре представителей нѣсколькихъ старѣйшихъ родовъ и во главѣ ихъ кн. Никиту Трубецкаго, князей Андрея и Василія Іоанновичей Шуйскихъ, кн. Хворостинина, Куракина и др. Въ 1585 году кн. Никита былъ вызванъ изъ Таруссы въ Москву, а въ слѣдующемъ царь послалъ его 3-мъ воеводою въ походѣ противъ шведовъ.

Въ 1586 г. умеръ Стефанъ Баторій. Оставшись безъ правителя польская держава, обезпокоенная междуцарствіемъ, разослала въ сосѣднія государства пословъ съ просьбой о мирѣ, хотябы только до избранія новаго короля. Сверхъ того въ началѣ 1587 г. (6-го апрѣля) пріѣхали въ Москву съ тайной цѣлью послы Черниковскій и князь Огинскій. На торжественномъ пріемѣ ихъ въ числѣ знатнѣйшихъ лицъ присутствовалъ и кн. Никита Романовичъ. Какъ извѣстно ходатайство пословъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и Ѳедоръ Іоанновичъ охотно продлилъ перемиріе. Въ слѣдующемъ году кн.

Никита уже засѣдаетъ въ ближней царской думѣ, а съ 1589 г. является въ новой роли—въ качествѣ судьи представителей старинныхъ родовъ «въ отечествѣ». Мѣстничество, явившееся какъ слѣдствіе уничтоженія удѣловъ и дававшее поводъ съ безконечнымъ спорамъ о старшинствѣ, на основаніи заслугъ, положенія и значенія предковъ, доводило эти споры до самыхъ неблагопристойныхъ, грубыхъ сценъ. Потомки Рюрика, Гедимина, старинныхъ великокняжескихъ домовъ считали себя, конечно, гораздо выше новожалованныхъ, молодыхъ родовъ. Эти послѣдніе не считали заслугъ предковъ тѣхъ достаточнымъ основаніемъ съ старшинству надъ ними и твердо указывали на свои собственныя заслуги, какъ имѣющія болѣе правъ на отличительный почетъ и возвышеніе. Все это приводило къ раздорамъ, страшнымъ обидамъ, часто кровавымъ расправамъ и такъ какъ ни какое важное дѣло или обстоятельство не могли утишить пылъ оскорбленной гордости, то конечно все это очень сильно отзывалось на ходѣ дѣлъ въ государствѣ. Самъ царь далеко не всегда могъ разрѣшить споръ своимъ авторитетомъ, да ему и не хватило бы времени заниматься этимъ, поэтому обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ избиралось лице всѣми уважаемое, извѣстное своими заслугами государству, древняго рода, которому и поручалось разрѣшеніе споровъ. Этотъ судъ и назывался судомъ «въ отечествѣ», т.-е. въ знатности, въ количествѣ предковъ, въ значеніи ихъ заслугъ, для выясненія старшинства представителя того или другаго рода. Выше уже было указано, что такимъ судьей между князьями Тростенскимъ и Лыковымъ былъ кн. Андрей Васильевичъ Трубецкой, князь же Никита Романовичъ избирался такимъ почетнымъ судьей не одинъ разъ. Въ 1589 г. апрѣля 15-го онъ судилъ Алферьева, князей Буйносова, Одоевскихъ и Засѣкина; въ слѣдующемъ—марта 29, судилъ князей Турепина и Буйносова, въ іюлѣ и августѣ того же года—князей Ромодановскаго, Хворостинина, Телятевскаго, Одоевскихъ и Ногтева и т. д. Уже одно перечисленіе этихъ старинныхъ и извѣстныхъ княжескихъ родовъ, показываетъ какое мѣсто занималъ во мнѣніи

русскихъ вельможъ кн. Никита Романовичъ и съ какимъ уваженіемъ относились они къ нему.

13-го іюля того же 1590 г. кн. Никита первымъ встрѣчалъ на второй встрѣчѣ, при представленіи государю, царевичей Мураза-Ахмета и Герая, а въ 1591 г., въ званіи перваго воеводы передоваго полка, стоялъ въ Алексинѣ, ожидая Крымское войско, которое разбилъ и гналъ изъ подъ Москвы вплоть до Серпухова. Это нашествіе Крымцевъ, подъ предводительствомъ самого хана Казы-Гирея (Хаджи-Герая) было одно изъ самыхъ ужасныхъ. Въ памяти царя и войска еще живо было нашествіе Девлетъ-Герая въ 1571 г., столь гибельно отразившееся на Москвѣ. На этотъ разъ были приняты заранѣе всѣ необходимыя мѣры и русское войско восторжествовало. Обрадованный царь щедро одарилъ всѣхъ кому принадлежала честь этого пораженія враговъ. Мстиславскій и Годуновъ получили *медали золотыя Португальскія*, другіе—*корабельники* и *червонцы Венгерскіе*. На Бориса Годунова самъ царь надѣлъ *шубу русскую*, съ своего плеча съ золотыми пуговицами въ 1000 р. и драгоцѣнную цѣпь; ему же подарилъ золотой сосудъ Мамаевскій, три города Важской области и т. д. Кн. Никита Романовичъ также не остался безъ награды. Ему была пожалована дорогая шуба, съ царскаго плеча, сто рублей денегъ, кубокъ въ 7 гривенъ и золотые корабельники, а въ августѣ того же года, 25-го числа, при празднованіи этой побѣды, онъ сидѣлъ за столомъ у царя.

Въ январѣ 1592 года состоялся извѣстный походъ противъ шведовъ, кончившійся неудачей русскихъ войскъ подъ Выборгомъ и Або. Кн. Никита Романовичъ былъ въ числѣ первыхъ воеводъ въ этомъ походѣ, но очевидно не принималъ никакого участія въ раздорахъ между князьями Өедоромъ Михайловичемъ Трубецкимъ и Годуновыми и потому опалѣ не подвергся. Напротивъ, онъ былъ приглашенъ 14 іюля на торжество крещенія царевны Өеодосіи, младшей дочери царя Өеодора, и обѣдалъ за столомъ царя. Въ томъ же іюлѣ опять судилъ «въ отечествѣ» князей Щербатова и Бахтеярова.

Почти всѣ послѣдующіе года онъ занималъ воеводскія мѣста въ различныхъ походахъ и передвиженіяхъ войскъ, выставляемыхъ на сторожевые посты. Такъ въ 1593 г.— первымъ воеводой передоваго полку на берегу рѣки Оки, въ 96 г. первымъ же воеводой сторожеваго полку въ Коломнѣ «противъ крымцевъ», въ 98 г. воеводой у царя «въ походѣ государевомъ» [1]), а передъ вызовомъ въ Москву на эту должность кн. Никита былъ первымъ судьей въ судномъ Владимірскомъ приказѣ. Въ 1601 г. онъ былъ назначенъ вторымъ воеводой передоваго полку въ Дѣдиловъ, а въ слѣдующемъ переведемъ первымъ воеводой въ Смоленскъ. Въ 1603 г. онъ вернулся въ Москву и былъ «въ объѣздѣ въ Кремлѣ для огней».

Наступилъ грозный 1604 годъ. Вспомоществуемый и поддерживаемый Польшей Лжедмитрій быстрыми шагами направлялся къ Москвѣ. Въ своемъ движеніи онъ съ первыхъ же шаговъ встрѣтилъ сочувствіе: воеводы городовъ, стоявшихъ по пути Самозванца, измѣняли одинъ за другимъ Борису и переходили на сторону его врага, жители этихъ городовъ подносили ему хлѣбъ-соль и мало по-малу вскорѣ вся сторона Десны, Свины и Снова была въ рукахъ Лжедмитрія. Бѣлгородъ, Черниговъ и др. города перешли на его сторону и онъ спѣшилъ къ Новгородъ-Сѣверску, колыбели рода Трубецкихъ, но тутъ долженъ былъ остановиться. Защитникомъ роднаго города явился воевода кн. Никита Романовичъ Трубецкой, вмѣстѣ съ Петромъ Ѳедоровичемъ Басмановымъ, не измѣнившимъ тогда еще Борису. Долго боролись они противъ громадныхъ войскъ Самозванца; запасы истощались; люди гибли; крѣпость разрушалась, но они крѣпко отстаивали порученный имъ постъ. Наконецъ, опасаясь, что крѣпость не выдержитъ долгой осады и ожидая помощи изъ Москвы они заключили перемиріе. Это спасло Новгородъ-Сѣверскъ и лѣтописецъ такъ разсказываетъ про это событіе: «Той же «Гришка.... посла и въ иные города, какъ-то Рыльскъ, гдѣ

[1]) Въ Серпуховъ, противъ Крымцевъ.

«воеводу поимаху и связавъ приведоша къ нему, а наконецъ «и въ украйніе города, а имянно Царевъ городъ, Бѣлъго-«родъ, Осколъ, Балуйку, Курскъ и Камарицкую волость, «гдѣ воеводъ переимавъ, вязаху и къ нему посылаху; и «собравыя съ измѣнниками государственными и съ литовскими «людьми, подъ Новгородъ-Сѣверской, чаявше въ немъ та-«кія жъ измѣны. Воеводы въ тѣ поры въ Новгородѣ Сѣвер-«скѣ бояринъ князь Никита Романовичъ Трубецкой, да Петръ «Өедоровичъ Басмановъ; сидяху въ осадѣ и біяхуся съ ними «мужественно, ни на которую прелесть его Разстригину не «прельстившеся». По возвращеніи этихъ воеводъ въ Москву «имъ велію честь воздате».

Защита Новгородъ-Сѣверска была послѣднимъ крупнымъ дѣяніемъ кн. Никиты Романовича. Въ 1605 году скончался Борисъ, а 20 іюля того же года Лжедмитрій вступилъ въ Москву и сѣлъ на царскій престолъ. Но не долго продолжалось его правленіе. Презрѣніе его къ древнимъ обычаямъ, дружба съ Поляками и іезуитами, наконецъ бракъ съ католичкой Мариной Мнишекъ возбудили въ народѣ ненависть и 17 мая 1606 года, на 11-мъ мѣсяцѣ своего царствованія онъ былъ убитъ, а царемъ избранъ князь Василій Іоанновичъ Шуйскій. Кн. Никита Романовичъ былъ 6-мъ совѣтникомъ въ совѣтѣ избравшемъ Шуйскаго царемъ, и вскорѣ затѣмъ сидѣлъ однимъ изъ почетныхъ гостей на свадьбѣ новаго царя. Это послѣднее о немъ упоминаніе. Скончался онъ въ 1608 году, принявъ предъ смертью иночество подъ именемъ Іоны. Супруга кн. Никиты, Евдокія Михайловна N. N. умерла горяздо позже его, именно въ 1629 г. въ Тобольскѣ, тоже принявъ предъ смертью иночество.

Всегда заботливый о благѣ отечества, кн. Никита Романовичъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ исполненіи своихъ обязанностей и службъ, всегда ставилъ на первомъ планѣ интересы отечества и въ эпоху смутъ заботился исключительно о мирѣ и спокойствіи въ государствѣ. Этимъ объясняется то обстоятельство, почему онъ такъ ярый противникъ Лжедмитрія при защитѣ Новгородъ-Сѣверска, при всту-

пленіи на престолъ Самозванца, оказался въ числѣ его, по крайней мѣрѣ, по наружности, вѣрныхъ и близкихъ слугъ, а жена его сидѣла первой на свадьбѣ Лжедмитрія и была статсъ-дамой Марины Мнишекъ. Быть можетъ видя съ одной стороны всеобщее въ народѣ увлеченіе именемъ Димитрія, негодованіе противъ Бориса и, одно время, радость народную при извѣстіи о смерти Годунова и считая несвоевременнымъ открыто и явно подняться противъ узурпатора, онъ ожидалъ спокойно удобнаго момента для изгнанія Поляковъ, а съ ними и ихъ ставленника; а съ другой стороны, быть можетъ и самъ кн. Никита подвергся общему движенію, повѣрилъ молвѣ объ убіеніи Дмитрія Годуновымъ и первое время правленія Самозванца, его добродушіе, находчивость въ занятіяхъ государственными дѣлами, наконецъ, признаніе царицей Мареой въ немъ сына—все это заставило его повѣрить возможности дѣйствительнаго существованія царевича Димитрія и видѣть въ немъ залогъ мира и спокойствія для Россіи. Иначе очень трудно было бы объяснить этотъ временный переходъ на службу къ Лжедмитрію, едва ли принесшій ему какую либо выгоду, и затѣмъ его участіе въ выборѣ Шуйскаго.

У кн. Никиты Романовича осталось три сына: кн. Юрій, Ѳедоръ и Алексѣй, изъ которыхъ первый и третій занимаютъ очень видное мѣсто въ исторіи и знамениты своими діаметрально различными качествами и дѣяніями по отношеніи къ отечеству. Насколько первый прославился своимъ переходомъ въ польское подданство, настолько второй извѣстенъ своей крѣпкой и стойкой привязанностью дому Романовыхъ и Россіи, во имя которой онъ даже земли свои отказалъ по завѣщанію царю Алексѣю Михайловичу. Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, представителямъ десятаго колѣна, на очереди стоитъ еще кн. Тимофей Романовичъ.

Братъ кн. Никиты и отецъ знаменитаго въ исторіи смутнаго времени кн. Дмитрія Тимофеевича, *кн. Тимоѳей Романовичъ Трубецкой* (№ 27) впервые появляется въ Лифляндскомъ походѣ, въ званіи рынды съ копьемъ при Государѣ [1])

[1]) Карамз. т. IX пр. 412.

и полковаго головы [1]). Черезъ два года онъ уже «полковой бояринъ» въ Польскомъ походѣ противъ Стефана Баторія, въ походѣ, прославленномъ геройской защитой русскихъ воеводъ Полоцка и потерей этого славнаго города, возвращеннаго Россіи снова лишь при Екатеринѣ II. Въ 1580 г. кн. Тимофей «сидѣлъ» въ Зубцовѣ и затѣмъ свѣдѣнія о немъ прерываются на цѣлые шесть лѣтъ. Въ 1586 году былъ съѣздъ на устьѣ Плюса, близь Нарвы, пословъ русскихъ и шведскихъ для условія о вѣчномъ мирѣ. Переговоры эти начались еще въ концѣ 1585 г. [2]), когда Дела-Гарди пригласилъ намѣстника Новгородскаго, кн. Скопина-Шуйскаго, начать переговоры, но тогда было лишь заключено перемиріе на четыре года и для окончательной выработки условій былъ выбранъ сентябрь 1586 г. Однако эти переговоры кончились войной. Кн. Тимофей Романовичъ, уже въ званіи боярина и намѣстника Устюжскаго, ѣздилъ также для этихъ переговоровъ и ранѣе «былъ посыланъ въ 7094 г. въ Великой Новгородъ для Свицкова королевича Ягана» [3]), вѣроятно для предварительныхъ переговоровъ. Съ 1588 г. по 92 г. кн. Тимофей былъ бояриномъ и воеводой въ Тулѣ и за это время не разъ отрывался отъ своихъ прямыхъ обязанностей для исполненія различныхъ царскихъ порученій. Такъ въ 1589 г., слѣдовательно на второй годъ своей тульской службы, онъ былъ вызванъ для встрѣчи Крымскаго царевича Муратъ-Кирея (Мурадъ-Герая). Въ это время Крымскій ханъ Казы-Кирей (Хаджи-Герай) собирался идти противъ Россіи и убѣждалъ племянника своего, упомянутаго Муратъ-Кирея, жившаго въ Астрахани, измѣнить царю Ѳедору и перейти къ нему. Въ награду за это онъ обѣщалъ сдѣлать его Калгою Таврической Орды. Для Ѳедора Іоанновича, конечно, важно было удержать у себя этого царевича, очень много помогавшаго ему при усмиреніи Ногаевъ и при свиданіи съ нимъ царь вполнѣ убѣдился въ вѣрности его

[1]) Портф. Миллера.
[2]) 25 октября.
[3]) Ibid.

Россіи [1]). Для этой-то встрѣчи и переговоровъ и былъ вызванъ кн. Тимофей Романовичъ изъ Тулы. Въ 1591 г. король Шведскій Іоаннъ, надѣясь на помощь хана и въ угоду Сигизмунду, нарушилъ перемиріе и генералъ его Морицъ Гринъ вступилъ въ Новгородскую область, не предъувѣдомивъ воеводъ русскихъ и успѣлъ занять нѣсколько городовъ. Ѳеодоръ послалъ противъ него своихъ воеводъ, которые жестоко наказали Шведовъ. Въ числѣ этихъ воеводъ былъ и князь Тимофей Романовичъ, снова вызванный изъ Тулы. Въ 1596 г. онъ былъ въ Коломнѣ полковымъ бояриномъ и воеводой и оставался тамъ и въ 1593 г., когда въ Сторожевомъ полку, тамъ же, былъ царевичъ Шамарханскій Шихимъ, а кн. Тимофей состоялъ при немъ. Въ томъ же году онъ былъ въ числѣ знатнѣйшихъ лицъ, бывшихъ при пріемѣ пословъ австрійскаго императора Рудольфа—Авраама, бургграфа Донавскаго и думнаго совѣтника Юрія Каля. Пріемъ былъ замѣчательно пышенъ и торжественenъ; для участія въ немъ всѣ представители знатнѣйшихъ и старинныхъ родовъ съѣхались во дворецъ по приказу царя и каждому было указано мѣсто и обязанность во время представленія бургграфа. Кн. Тимофей Романовичъ сидѣлъ на лавкѣ въ «Большой въ Грановитой въ Подписной» палатѣ, въ числѣ немногихъ, удостоенныхъ этой чести, вмѣстѣ съ Шуйскими, Годуновыми, Голицынами, Черкасскими, Сицкими, Романовыми и др., на первыхъ мѣстахъ. Во время смерти Ѳеодора, въ началѣ 1596 г., онъ былъ въ Серпуховѣ, полковымъ бояриномъ въ Государевомъ полку, а въ 1599 г., уже при Борисѣ Годуновѣ, «посыланъ въ Украинской разрядъ» полковымъ бояриномъ. Слухи о движеніи Крымскаго хана заставили Бориса быть готовымъ къ походу, а когда эти слухи оправдались и появились вѣсти о нападеніи его на южные города, Борисъ, собравъ громадное войско, двинулся на югъ. Съ нимъ было пять царевичей и всѣ знатнѣйшіе бояре и воеводы. Въ числѣ

---

[1]) Вскорѣ былъ отравленъ въ Астрахани, вѣроятно, по порученію Хаджи-Герая.

послѣднихъ былъ и князь Тимофей Романовичъ, но онъ не пошелъ далеко и остался съ своимъ отрядомъ въ Мценскѣ [1]).

По смерти царя Θеодора Іоанновича (въ 1598 г.) Земскій Соборъ выбралъ на царство Бориса Годунова. Однако у послѣдняго было не мало враговъ, да и самъ онъ, желая, чтобы избраніе его было дѣломъ какъ бы всего государства, а не нѣсколькихъ лицъ, упорно отрекался отъ короны. Межъ тѣмъ положеніе государства было далеко не спокойное: чувствовалась настоятельная необходимость въ главѣ и лишь благодаря упорству Бориса бояре и патріархъ рѣшили дожидаться Великаго Собора, который долженъ былъ собраться на 40-й день смерти Θеодора. Все это, конечно, очень дурно вліяло на ходъ государственныхъ дѣлъ. Борисъ жилъ въ монастырѣ, государствомъ правила Дума, при помощи совѣтовъ патріарха, но указы она писала именемъ царицы Александры и на ея же имя получала донесенія воеводъ. Между тѣмъ оказывались во многихъ мѣстахъ неповиновеніе и безпорядки: въ Псковѣ, Смоленскѣ и др. городахъ воеводы не слушались ни другъ друга, ни предписаній Думы. Въ эти передряги попалъ въ числѣ другихъ и кн. Тимофей Романовичъ. Онъ былъ въ то время воеводой въ Смоленскѣ съ кн. Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ и у нихъ вышли между собой несогласія и споры. Основаніемъ къ этому послужило нежеланіе кн. Голицына считаться на службѣ въ Смоленскѣ меньшимъ воеводой, чѣмъ кн. Тимофей Романовичъ и онъ не сталъ тому помогать, не принималъ отъ того списковъ и вообще на каждомъ шагу тормозилъ дѣло. Кн. Тимофей Романовичъ писалъ объ этомъ царицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ и дѣло было передано патріарху Іову и Думѣ. Жалоба князя Тимофея была признана вполнѣ справедливой и кн. Голицыну былъ посланъ указъ повиноваться кн. Трубецкому. На это кн. Голицынъ рѣзко отвѣтилъ Думѣ и патріарху, что повиноваться кн. Трубецкому онъ не будетъ и не намѣренъ, ибо быть ему меньше Трубецкого «невмѣстно». Тогда всѣ власти и чины съ ца-

[1]) Моск. Глав. Арх. М. И. Д. Порт. Миллера, № 285, IV, т. 8.

рицей и патріархомъ приговорили «его князя Василья, за его воровство и ослушанье, къ боярину и воеводѣ ко князю Тимофею Романовичу Трубецкому послать головою» [1]). Дѣло это тянулось еще долго и окончилось совершенно лишь при Борисѣ Годуновѣ въ 1600 году.

Въ томъ же 1600 году кн. Тимофей Романовичъ былъ взысканъ новымъ актомъ расположенія царя: онъ приводилъ къ «шерти», т.-е. къ присягѣ, на вѣчное подданство Россіи, царевича Казанской Орды Разъ-Магмета. Приводить къ присягѣ, хотя бы даже мелкихъ владѣтелей, всегда поручалось людямъ не только знатнымъ по происхожденію, но и отличавшимся на службѣ, въ дѣлахъ ратныхъ и государственныхъ и это всегда составляло особое отличіе. Уже дѣло кн. Тимофея съ кн. Голицынымъ показало, какъ цѣнили его, а назначеніе приводить къ «шерти» Казанскаго царевича, послѣдовавши вслѣдъ за окончаніемъ столкновенія съ Голицынымъ, показывало особое расположеніе къ нему царя. Въ слѣдующемъ году онъ былъ посланъ въ Мценскъ бояриномъ и воеводою Большаго полка, а въ 1603 г., въ бытность въ Москвѣ жениха Ксеніи Годуновой, царевича Датскаго Іоанна, «ѣлъ во дворцѣ, за столомъ» съ этимъ царевичемъ. Въ томъ же году кн. Тимофей Романовичъ скончался въ монашествѣ, подъ именемъ Ѳеодорита. Супруга его была княгиня Ксенія Семеновна N. N., принявшая также предъ смертью монашество подъ именемъ Каптелины. Послѣ кн. Тимофея Романовича осталось два сына—знаменитый въ исторіи Смутнаго времени кн. Дмитрій Тимофеевичъ и Александръ-Меркурій Тимофеевичъ.

Глава десятаго колѣна, старшій представитель рода кн. Трубецкихъ и старшій сынъ боярина кн. Никиты Романовича—*кн. Юрій Никитичъ* (№ 28) началъ свою службу въ званіи рынды и почти въ теченіе 16 лѣтъ появлялся въ этомъ

[1]) Москов. Главн. Архивъ М. И. Д. Разрядная книга 1598—1604 г. № 130. Какъ иллюстрація къ спорамъ о мѣстничествѣ, вся выписка объ спорѣ кн. Тимоѳея Романовича съ кн. В. В. Голицынымъ помѣщена въ приложеніи № 3.

званіи при различныхъ торжествахъ и празднествахъ и въ особенности при пріемахъ иностранныхъ пословъ. Въ первый разъ онъ является при встрѣчѣ Литовскихъ пословъ въ 1597 году «первымъ рындою, въ бѣломъ платьѣ» въ главной пріемной—въ Грановитой палатѣ. Когда въ Москву пріѣхалъ посолъ «Цесарскаго» императора Рудольфа—Авраамъ бургграфъ Донавскій съ думнымъ совѣтникомъ Юріемъ Калемъ [1]) и имъ былъ устроенъ торжественный и пышный пріемъ, царь Өедоръ Романовичъ принималъ этихъ пословъ «въ Большой въ Грановитой въ Подписной палатѣ», окруженный представителями знатнѣйшихъ и старинныхъ родовъ, боярами, воеводами и другими высшими служилыми людьми. Въ числѣ ихъ были кн. Трубецкіе—Өедоръ Михайловичъ, Никита и Тимофей Ромавовики и др., «а рынды стояли при государѣ «въ бѣломъ платьѣ и золотыхъ чепяхъ: съ правую сторону «отъ государева мѣста кн. Юрій Никитичъ Трубецкой»... Въ Серпуховскомъ походѣ 1598 г. кн. Юрій былъ «рындою у Большаго Саадака». Въ слѣдующемъ, въ Москву пріѣхалъ сынъ Шведскаго короля Эрика, изгнанникъ Густавъ, братъ Сигизмунда, на средства котораго онъ и жилъ нѣкоторое время въ Тарнѣ, проводя остальное время въ скитаніи изъ одного мѣста въ другое. Въ 1599 г. онъ рѣшился принять предложеніе Өедора и Бориса, звавшихъ его въ Россію и предлагавшихъ ему не только временное убѣжище, но и цѣлый удѣлъ, и явился въ Москву. Встрѣчали его на границѣ очень торжественно и на время пребыванія въ столицѣ приставили къ нему свиту, достойную его сана. Кн. Юрій Никитичъ былъ при немъ рындою. Въ этомъ же званіи онъ былъ и при Шведскихъ послахъ и посольствѣ Запорожскихъ Черкассъ въ 1600 году, а въ слѣдующемъ, 1601 г., на пріемѣ Литовскихъ пословъ «въ большой столъ смотрѣлъ» уже въ званіи «чашника». Это повышеніе въ придворномъ чинѣ не исключило все-таки его службу рындою. Въ томъ же году онъ занималъ это положеніе при пріемѣ папскихъ пословъ

---

[1]) Въ 1597 году.

(Климента VIII) Франциска Косты и Дидакъ Миранды, а въ 1602 и 1603 при послахъ Датскаго короля Христіана сенаторахъ Гильденштернѣ, Браге и Гольке и при пріемѣ Датскаго же королевича герцога Іоанна, нареченнаго жениха Ксеніи Годуновой. Съ 1603 г. начинается быстрое повышеніе кн. Юрія Никитича. За различныя отличія и свою добросовѣстную службу онъ сразу получилъ званіе стольника и вслѣдъ за тѣмъ былъ посланъ въ Мценскъ полковымъ воеводою [1]). Съ этого времени онъ идетъ довольно быстро по дорогѣ къ высокимъ отличіямъ и безъ всякаго сомнѣнія достигъ бы очень почетнаго положенія, еслибы не вліяніе тестя его, боярина Михаила Салтыкова, увлекшаго его къ измѣнѣ отечеству. Въ 1603 и 1604 гг. онъ еще исполняетъ свои обязанности стольника при Австрійскихъ и Англійскихъ послахъ и рынды при Кизильбашскихъ послахъ, но уже въ томъ же 1604 г., при возмущеніи народномъ противъ Бориса Годунова, возмущеніи, вызванномъ появленіемъ Лжедмитрія и слухами объ убійствѣ царевича Димитрія, принимаетъ энергичное и дѣятельное участіе въ усмиреніи этого мятежа. Это былъ первый случай, когда кн. Юрій Никитичъ выступилъ уже въ новой роли—не царедворца, а воина. Дальнѣйшія назначенія его и порученія, которыя давались ему государствомъ, показываютъ, что и въ ратномъ дѣлѣ онъ заявилъ себя съ самой выгодной стороны и далеко недюжиннымъ военачальникомъ; въ это же время онъ сдѣланъ былъ воеводою Калужскимъ. Межъ тѣмъ Борисъ Годуновъ умеръ, Басмановъ измѣнилъ съ войскомъ сыну его Өедору, Годуновы были низвергнуты и Самозванецъ вступилъ въ Москву. Какую роль игралъ во все продолженіе царствованія Самозванца кн. Юрій Никитичъ—неизвѣстно; скорѣе всего надо предполагать, что онъ оставался вѣренъ Россіи и былъ въ числѣ противниковъ польскаго владычества и его ставленника. По крайней мѣрѣ, когда, по смерти Лжедмитрія, былъ избранъ царемъ кн. Василій Шуйскій, кн. Юрій является не

[1]) Портф. Миллера, ibid.

только въ числѣ его полководцевъ и воеводъ, но даже пол
зуется еще особымъ отличіемъ со стороны новаго царя.

Смерть Самозванца не только не прекратила волненія, в
вызвала движеніе еще большее: среди приверженцевъ е
распространяли слухъ, что Лжедмитрій не убитъ, а погиб
вмѣсто него какой-то «Нѣмецъ», появился новый Самозв
нецъ, число измѣнниковъ все увеличивалось и во главѣ им
стали появляться такія лица, какъ князь Григорій Петрович
Шаховской, кн. Андрей Телятевскій, Черниговскій воевода
многіе другіе и всѣ громадныя полчища сторонниковъ имен
Димитрія и Поляковъ и противниковъ кн. Шуйскаго двин
лись къ Москвѣ. Почти всѣ южные города отложились о
царя: Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Бѣлгород
Трубчевскъ, Кромы, Елецъ, Ливны и многіе другіе охот
присоединялись къ движенію; воеводы ихъ—кн. Буйносо
въ Бѣлгородѣ, Бутурлинъ въ Осколѣ, Плещеевъ въ Ливнах
Воейковы, Пушкинъ, кн. Щербатовъ и др. погибли въ неп
сильной борьбѣ и граждане, стрѣльцы, казаки, люди боярскіе
крестьяне охотно стекались подъ знамя бунта. Всѣ увѣща
и грамоты царя Василія, посылавшаго, между прочимъ, Кр
тицкаго митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю, свид
тельство царицы-инокини Марфы о смерти обоихъ Дмитріевъ
царевича и Самозванца, спеціальныя посольства—ничто не им
ло успѣха и рать измѣнниковъ быстро подвигалась къ Москв
Кн. Шаховской призывалъ всю Украйну къ своему знаме
разсылалъ указы и грамоты отъ имени Лжедмитрія, прик
дывалъ къ нимъ печать Самозванца, которую ему удало
украсть во время суматохи, послѣдовавшей за убіеніемъ то
и число измѣнниковъ все возрастало и становилось по
знамя Ивана Болотникова, холопа князя Телятевскаго. Им
смѣтливый умъ, нѣкоторыя воинскія познанія и, въ особе
ности, обладая безконечнымъ нахальствомъ и дерзостью, о
сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа. Къ нему пристали
это время еще двое князей Масальскихъ и кн. Михаилъ До
горукій, что еще болѣе увеличило его значеніе среди ко
блющагося народа.

Видя, что только кровавой битвой можно остановить, хотя бы на время, такое быстрое и успѣшное движенiе измѣнниковъ, царь Василiй велѣлъ полкамъ идти къ Ельцу и Кромамъ. Военачальниками были назначены бояринъ Воротынскiй, сынъ побѣдителя Крымскаго хана и молодой кн. Юрiй Никитичъ Трубецкой, стольникъ, удостоенный необыкновенной чести имѣть, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, единственно благодаря личнымъ заслугамъ, подъ своимъ начальствомъ многихъ думныхъ мужей. Воротынскiй близь Ельца разсѣялъ шайки мятежниковъ, но кн. Юрiй Никитичъ былъ менѣе счастливъ. Въ виду несчастныхъ Кромъ Болотниковъ ударилъ громадной толпой на 5000 царскихъ всадниковъ подъ командой кн. Юрiя и заставилъ ихъ дать тылъ. За нимъ ушелъ отъ Ельца и Воротынскiй и оба воеводы, виня другъ друга въ пораженiи и стыдясь показаться въ Москвѣ, разъѣхались по домамъ, сложивъ съ себя свои обязанности.

Дурныхъ послѣдствiй для кн. Юрiя и Воротынскаго ихъ неудача подъ Кромами и отъѣздъ не въ Москву, а къ себѣ домой, никакихъ не имѣла: время было слишкомъ серьезное, чтобы легко жертвовать людьми во всякомъ случаѣ опытными въ ратномъ дѣлѣ и преданными отечеству, да и нельзя было всякую неудачу считать преступленiемъ. Вопросъ кто виноватъ, нерадѣнiе воеводъ, неопытность ихъ или слишкомъ значительныя силы врага и неувѣренность въ своихъ людяхъ — былъ очень трудно разрѣшимъ и оба эти воеводы скоро были снова призваны на службу.

1607-й годъ былъ во многихъ отношенiяхъ роковымъ и для Россiи и для князя Юрiя Никитича. Въ то время какъ Москва праздновала свадьбу царя Василiя, междуусобная война и волненiя все болѣе усиливались. Многiе города объявили себя открыто противъ Москвы; слухъ о появленiи втораго Самозванца уже проникъ всюду и во имя его образовывалось много вольныхъ отрядовъ. разбойничихъ шаекъ и все это грабило и раззоряло Московское государство. Однимъ изъ самыхъ упорныхъ въ бунтѣ городовъ была Калуга. На всѣ увѣщанiя, грамоты и посольства она отвѣ-

чала только одно: *не знаемъ мы никакого царя, кромѣ Дмитрія; ждемъ и скоро его увидимъ.* Посланные противъ нея донскіе казаки клялись въ вѣрности Шуйскому, но при первой же встрѣчѣ съ мятежниками перешли на ихъ сторону и воеводы должны были бѣжать. Самозванецъ уже двигался къ Москвѣ; на помощь ему шло войско изъ Литвы. Однако претерпѣвъ неудачу подъ Брянскомъ (15 декабря 1607 г.) онъ направился на Орелъ, взялъ его и остался тамъ зимовать.

Все это время кн. Юрій Никитичъ не появляется еще въ качествѣ дѣйствующаго лица, можно предположить, что онъ уже перешелъ на сторону противниковъ Шуйскаго, число которыхъ все увеличивалось, такъ какъ своимъ неискреннимъ правленіемъ и нерѣшительностью онъ скоро возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе; быть можетъ также, что именно въ это время кн. Юрійуже подвергся вліянію боярина Михаила Салтыкова, вѣрнаго слуги Поляковъ, на дочери котораго и женился, и подъ давленіемъ тестя, задумалъ отказаться отъ Шуйскаго и перейти на сторону Поляковъ къ королевичу Владиславу или отцу его Сигизмунду. Это предположеніе весьма возможно, тѣмъ болѣе, что въ въ весьма скоромъ времени кн. Юрій открыто заявилъ себя противникомъ царя. Это произошло въ 1608 г., во время битвы царскихъ войскъ съ Самозванцемъ, между Москвою и Калугою.

13-го апрѣля 1608 г. подъ Болховымъ встрѣтились войска Лжедмитрія и Московскія, бывшія подъ начальствомъ лицъ, крайне нелюбимыхъ войскомъ и совершенно неимѣвшихъ воинскихъ достоинствъ: Дмитрія Шуйскаго и кн. Василія Голицына, прославившагося своими измѣнами [1]). Первый вступилъ въ битву кн. Голицынъ и первый же бѣжалъ; однако резервы Куракина остановили бѣгство и даже дали перевѣсъ Московскимъ войскамъ. На слѣдующій день битва возобновилась, но Шуйскій вдругъ велѣлъ, прежде времени,

---

[1]) Выборъ подобныхъ людей и имѣлъ большое вліяніе на увеличеніе нерасположенія къ царю Василію.

спасать тяжелыя пушки и везти ихъ къ Болхову. Это распоряженіе показалось войскамъ признакомъ пораженія, они дрогнули и дали тылъ. Самозванецъ сейчасъ же воспользовался такимъ благопріятнымъ для него моментомъ, ударилъ на нихъ и пораженіе вышло полное. Почти всѣ воеводы бѣжали съ остаткомъ войска къ Москвѣ и только кн. Третьякъ Сеитовъ заперся въ Болховѣ. Не будучи въ состояніи противиться врагу, городъ сдался, войско присягнуло ему въ вѣрности и выступило съ нимъ къ Калугѣ. Но это была лишь не болѣе какъ военная хитрость кн. Сеитова: и подъ знаменемъ Самозванца весь болховской отрядъ былъ оставленъ попрежнему подъ его начальствомъ и онъ, достигнувъ Оки, быстро повернулъ на Москву и явился на помощь царю съ своими 5000 человѣкъ [1]). Василій составилъ новое войско и поручилъ начальство, къ несчастію слишкомъ поздно, знаменитому кн. Скопину и боярину Ивану Романову. Встрѣча произошла на берегахъ Незнани, между Москвой и Калугой. Однако дѣло не дошло битвы: нѣсколько бояръ и воеводъ, крайне недовольные Шуйскимъ и считая, что настало удобное время перейти на сторону его враговъ, стали склонять другихъ къ измѣнѣ. Въ числѣ ихъ были князья Иванъ Катыревъ и Юрій Трубецкой. Измѣна была открыта, заговорщики схвачены и осуждены. Тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ знатнымъ родамъ были наказаны лишь ссылкой, именно: кн. Катыревъ въ Сибирь, кн. Трубецкой—въ Тотьму, Троекуровъ—въ Нижній; менѣе знатные были казнены [2]). Это событіе такъ встревожило царя Василія, что онъ поспѣшилъ отозвать войска къ столицѣ для ея защиты.

Сколько времени находился кн. Юрій Никитичъ въ Тотьмѣ, неизвѣстно; одно можно сказать, что едва ли долго. Слишкомъ много было противниковъ Шуйскаго у сторонниковъ Лжедмитрія втораго и приверженцевъ царевича Владислава,

---

[1]) Карамз. т. XII, пр. 190. Столяр. л. 545 на об. о кн. Третьякѣ Сеитовѣ: и съ Угры рѣки отъ вора отъѣхали и пріѣхали къ царю Василью.

[2]) Ibid пр. 192. Никон. Лѣт. 97.

чтобы такое лицо, какъ кн. Юрій, могъ оставаться долго безъ помощи и защиты своихъ сторонниковъ. Весьма возможно, что его удаленіе въ Польшу произошло именно вслѣдъ за ссылкой въ Тотьму. Извѣстно только, что въ Польшѣ онъ былъ принятъ очень хорошо: его опытность, его знаніе военнаго дѣла, его родъ—одинъ изъ знатнѣйшихъ Московскихъ родовъ—все это имѣло большое значеніе для Поляковъ. Наконецъ фактъ перехода къ нимъ одного изъ знатнѣйшихъ воеводъ и бояръ Московскихъ и отсюда возможность, помощью его, также какъ и другихъ, такихъ же новыхъ слугъ, дѣйствовать въ пользу польской короны, долженъ былъ быть оцѣненъ по достоинству и дѣйствительно кн. Юрій, до конца своей жизни остававшійся въ Польшѣ, пользовался тамъ большимъ почетомъ. Чтобы сильнѣе закрѣпить свое возвращеніе къ «законному» государю [1]) онъ вскорѣ принялъ католицизмъ, подъ именемъ Юрія-Вигунда-Іеронима. Окончательное переселеніе его въ Польшу относится къ 1611 году, до этого же времени онъ былъ вѣрнымъ слугою Польши въ Москвѣ, помогая ея проискамъ своимъ значеніемъ и дѣятельностью.

Оставаясь въ Москвѣ и служа подъ польскими знаменами, кн. Юрій въ 1610 году былъ посланъ подъ Калугу, которая, противясь раньше царю Василію и отстаивая Самозванца, по сверженіи Шуйскаго не захотѣла цѣловать крестъ Владиславу, оставалась вѣрна «Тушинскому вору» и въ своихъ стѣнахъ охраняла какъ его самого, такъ и Марину. Пока живъ былъ Лжедмитрій II, Поляки дѣйствовали за одно съ нимъ и съ Калугой и надежнѣйшимъ оплотомъ ея былъ Сапѣга; но, по убіеніи того, Калужане оказались далеко не такъ привержены къ Владиславу и соглашались признать его лишь подъ условіемъ принятія имъ христіанства. Кн. Юрій Никитичъ ѣздилъ къ нимъ отъ имени короля съ предложеніемъ присягнуть его сыну, но посольство это, благодаря выше указаннымъ требованіямъ Калужанъ не удалось и кн.

---

[1]) Почти всѣ родовыя владѣнія кн. Трубецкихъ принадлежали въ это время Польшѣ. См. также прим. № 4.

Юрій даже былъ захваченъ и заарестованъ; ему удалось однако бѣжать [1]). Послѣдующія историческія событія извѣстны. Въ октябрѣ 1611 г. собралось въ Нижнемъ-Новгородѣ ополченіе, поднятое пламенной рѣчью Козьмы Минина-Сухорукова. Выбравъ себѣ предводителемъ знаменитаго князя Дмитрія Пожарскаго, оно двинулось къ Москвѣ. На пути къ этому ополченію стали присоединяться ополченія другихъ городовъ и наконецъ образовалось грозное войско. Подъ Москвой оно встрѣтилось съ врагами и произошелъ знаменитый трехдневный кровопролитный бой. Польскій начальникъ Ходкевичъ былъ отбитъ; Поляки, сидѣвшіе въ Москвѣ, сдались. Сигизмундъ, шедшій на Москву, узнавъ о сдачѣ Кремля, вернулся обратно и такимъ образомъ кончилось это ужасное время. Тотчасъ же приступили къ избранію царя и великая земская дума, 21 февраля 1613 г., единогласно избрала Михаила Өеодоровича Романова.

Послѣ неудачнаго исхода своего посольства въ Калугу въ 1610 году кн. Юрій Никитичъ совсѣмъ исчезаетъ со страницъ Русской исторіи. Извѣстно, что переселившись окончательно въ Польшу въ 1611 г. и принявъ католицизмъ, онъ былъ принятъ крайне милостиво при этомъ дворѣ. Сигизмундъ даровалъ ему Трубчевскъ на правахъ удѣльнаго князя и половину окружавшихъ его земель: «въ воспоминаніе его вѣрной службы и за то, что онъ покинулъ Москву, дабы служить своему *законному* государю [2]). Въ новомъ своемъ оте-

---

[1]) Карамз. XII т. пр. 708. Лѣтопись о мятежахъ 214. „Литва же то слышавъ о убіеніи воровскомъ, послаша въ Калугу князь Юрья Никитича Трубецкаго, чтобъ цѣловали крестъ королевичу. Изъ Калуги же послаша къ Москвѣ изъ дворянъ, изъ атамановъ, изъ казаковъ, изо всякихъ людей и говориша боярамъ и Литвѣ впрямь: буде королевичъ на Московскомъ государствѣ окрестится въ православную христіанскую вѣру, и мы ему всѣ ради служить, а теперь мы крестъ цѣловати не хотимъ, покамѣсть онъ будетъ на Московскомъ государствѣ, и пойдоша съ Москвы въ Калугу; а князь Юрья изъ Калуги къ Москвѣ не отпустиша, а убѣжалъ онъ къ Москвѣ убѣгомъ“. У Карамзина въ описаніи этого событія (т. XII стр. 168, изд. Эйнерлинга) посломъ въ Калугу названъ кн. Никита (?) Трубецкой, а имя кн. Юрія Никитича въ выпискѣ вышеприведенной отмѣнено (?). Въ это время не было никакого *Никиты* Трубецкаго и посланъ былъ именно кн. Юрій Никитичъ.

[2]) Грамота отъ 20 Января 1621 г.; см. приложенія N. 5.

чествѣ кн. Юрій оставался до самой смерти и уже не возвращался въ Россію. Онъ захватилъ туда и малолѣтнихъ сыновей своихъ кн. Петра и Александра Юрьевичей.

До самой своей смерти кн. Юрій Никитичъ пользовался сильнымъ расположеніемъ польскаго двора. Годъ смерти его, также какъ и супруги, урожденной Салтыковой, неизвѣстенъ.

У князя Юрія Никитича было два брата – князья Ѳедоръ и Алексѣй Никитичи. Насколько первый не выдавался ничѣмъ въ своей дѣятельности и не сохранилъ никакихъ слѣдовъ ея, настолько второй занимаетъ одно изъ виднѣйшихъ и почетнѣйшихъ мѣстъ не только въ исторіи рода кн. Трубецкихъ, но и вообще въ исторіи русскаго государства. Но такъ какъ главная эпоха его дѣятельности относится уже ко времени, послѣдующему за Смутнымъ временемъ, ко времени царствованія первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ и оканчивается лишь во второй половинѣ царствованія царя Алексѣя Михайловича, а къ эпохѣ Смутнаго времени еще относится замѣчательный дѣятель его кн. Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой «спаситель отечества», то вопреки принятаго порядка разсказа о членахъ рода Трубецкихъ по старшинству рожденія, исторія и характеристика кн. Алексѣя Никитича уступаетъ на этотъ разъ мѣсто характеристикѣ дѣятельности его знаменитаго двоюроднаго брата кн. Дмитрія Тимофеевича. Такимъ образомъ не будетъ прервана общая картина того участія, которое разные представители дома Трубецкихъ принимали въ это горестное и тяжелое время для Россіи, и описаніе заслугъ кн. Дмитрія Тимофеевича послужитъ достойнымъ эпилогомъ къ повѣствованію объ этомъ важномъ участіи.

Немногіе изъ членовъ дома Трубецкихъ оставили такъ мало о себѣ свѣдѣній, какъ *кн. Ѳедоръ Никитичъ* (№ 29) братъ двухъ столь извѣстныхъ дѣятелей. Быть можетъ современемъ и отыщатся необходимые документы или какія-либо извѣстія, но пока извѣстенъ лишь годъ его смерти—1608 [1]) и то, что

---

[1]) Кн. П. Доргорукова Россійс. родос. книга ч. I. стр. 321. № 29.

онъ не былъ женатъ — въ противномъ случаѣ были бы извѣстны имена дѣтей. Но замѣчательный фактъ: кн. Ѳедоръ Никитичъ былъ послѣдній изъ рода кн. Трубецкихъ, носившій это имя. Съ его смерти, вплоть до настоящаго времени, т.-е. болѣе чѣмъ за два съ половиной столѣтія, въ родѣ Трубецкихъ нѣтъ ни одного Ѳедора!

Дѣятельность *кн. Дмитрія Тимофеевича* (№ 31) составляетъ одну изъ наиболѣе блестящихъ страницъ не только исторіи самаго рода кн. Трубецкихъ, но и вообще исторіи Руси начала XVII столѣтія въ ея тяжелую годину смутъ, безпорядковъ и анархіи, когда все спасеніе отечества зависѣло вполнѣ отъ появленія нѣсколькихъ твердыхъ въ вѣрѣ въ свою родину, искренно желавшихъ и стремившихся къ ея спасенію, умныхъ и серьезныхъ дѣятелей. Къ числу именно такихъ вѣрныхъ стражей православной Руси, охранителей своей родины, всѣ свои знанія, стремленія, значеніе и силу положившихъ на избавленіе ея отъ того страшнаго, гибельнаго положенія, въ которое ввергло ее междуцарствіе, смуты, возбужденныя появленіемъ Самозванцевъ и польскіе происки, принадлежалъ и кн. Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой.

Въ то время, какъ его отецъ, дядя и двоюродные братья являются, по преимуществу, дѣятелями до 1610—1611 годовъ т.-е. за тотъ періодъ, когда на Руси былъ все-таки царь Шуйскій и ей приходилось бороться съ врагами отъ имени избраннаго народомъ правителя, а борьба партій двухъ Самозванцевъ, Владислава и самого Шуйскаго все-таки нѣсколько ослабляла общее движеніе и смуты, кн. Дмитрій Тимофеевичъ, выступаетъ дѣятелемъ, хотя и кратковременной, но самой тяжелой эпохи перевѣса польской партіи надъ всѣми другими, исчезновенія обоихъ Лжедимитріевъ и отсутствія какого бы то ни было единоличнаго правителя; когда національное чувство взяло верхъ надъ всякими другими, личными стремленіями и когда не только приходилось отстаивать свою національность и православную Русь отъ подавленія ея католической пропагандой, обезличенія ея и полонизированія, но еще надо было исполнить завѣтнѣйшій

долгъ—избрать истоваго, православнаго, русскаго царя, вручить ему бразды правленія и поддерживать его въ неравной борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ, имѣвшемъ еще очень много союзниковъ въ самой Москвѣ и другихъ городахъ-среди бояръ и воеводъ, и разныхъ начальныхъ людей. Немногіе вышли съ честью изъ этой многотрудной и тяжелой борьбы и въ главѣ ихъ стоитъ кн. Дмитрій Тимофеевичъ. Недаромъ онъ получилъ такое высокое и почетное званіе «спасителя отечества».

Подобно многимъ энергичнымъ и самостоятельнымъ личностямъ, силой своего генія выдвигавшихся въ эпоху крупныхъ и замѣчательныхъ политическихъ, религіозныхъ и другихъ государственныхъ переворотовъ, когда для достиженія главной и конечной цѣли имъ приходилось жертвовать не только имуществомъ и положеніемъ, но и своимъ именемъ, честью и убѣжденіемъ, во имя одной великой идеи и за это подвергать тяжелому обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, подобно именно такимъ личностямъ и кн. Дмитрій Тимофеевичъ, признанный въ концѣ концовъ совершенно невиннымъ во всѣхъ возводимыхъ на него обвиненіяхъ, не рѣдко подвергался со стороны историковъ укору въ измѣнѣ отечеству, въ честолюбивыхъ интригахъ, поведшихъ за собой новыя бѣдствія для Руси, въ личныхъ проискахъ, эгоизмѣ и многихъ другихъ подобныхъ дѣйствіяхъ, относящихся не столько къ спасенію отечества, сколько къ достиженію личныхъ цѣлей. Позднѣйшіе историки признали уже, что онъ не только можетъ считаться чистымъ отъ всѣхъ подобныхъ подозрѣній, но что ему по истинѣ принадлежитъ честь и слава освобожденія Москвы отъ ужасовъ господства въ ней польскихъ дружинъ и партизановъ. Конечно, если судить его поступки съ точки зрѣнія строгой нравственности, то онъ окажется далеко не безгрѣшенъ во многихъ дурныхъ дѣйствіяхъ и дурныхъ побужденіяхъ, но такихъ людей можно судить лишь въ примѣненіи къ тѣмъ обстоятельствамъ, эпохѣ и воззрѣніямъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Дальнѣйшій разсказъ о его дѣятельности покажетъ въ чемъ

его дѣйствительно можно обвинить и что даетъ ему полное право на тотъ высокій и почетный титулъ, который поднесли ему современники.

Годъ рожденія, первые годы службы и дѣятельности кн. Дмитрія Тимофеевича совершенно неизвѣстны. Былъ ли онъ уже въ рядахъ служилыхъ людей при Ѳедорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ, пользовался ли онъ такимъ же расположеніемъ ихъ, какъ и его родные—ничего объ этомъ нельзя сказать, за неимѣніемъ данныхъ. Впервые онъ появляется лишь въ 1608 г. въ званіи стольника, что даетъ поводъ предполагать, что Борису Годунову онъ можетъ быть и былъ извѣстенъ, и первый выходъ его является далеко не къ его чести. Это было тотчасъ же послѣ извѣстной битвы на Ходынкѣ съ войсками втораго Самозванца, когда панъ Сапѣга, взявъ Коломну, плѣнивъ воеводу ея кн. Долгорукова и епископа Іосифа, подошелъ близко къ Москвѣ, угрожая ей раззореніемъ. Высланные противъ врага князья Куракинъ и Лыковъ разбили Сапѣгу, а Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ снова заняли Коломну. Но успѣхъ этотъ оказался лишь кажущимся. Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, бросившіеся догонять Сапѣгу, столкнулись съ нимъ между Воздвиженскимъ и Рахманцевымъ [1]) и были разбиты. Побѣдитель гналъ ихъ до самой Москвы, взялъ множество плѣнниковъ и 20 знаменъ. Въ это же время въ Тушино пріѣхала съ отцемъ Марина, признала втораго Самозванца за своего мужа, Лжедимитрія, сторонники ихъ стали повсюду разсылать письма съ предложеніемъ стать подъ его знамена, ибо, писали они, «Дмитрій есть безъ сомнѣнія истинный, когда Марина признала въ немъ мужа». Съ одной стороны пораженіе Шуйскаго Ромодановскаго, съ другой — вышеуказанныя письма возъимѣли свое дѣйствіе и въ Тушинскій станъ стали отовсюду стекаться новые приверженцы Самозванца. Во главѣ ихъ стоялъ кн. Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой [2]). Таково было первое его появленіе на страницахъ исторіи.

---

[1]) Карамз. т. XII, стр. 53, (изд. Эйнерлинга).

Одновременно съ нимъ отправились туда же князья Черкаскій, Сицкій и Засѣкины, Бутурлинъ, Микулинъ, Третьяковъ и многіе «стольники и стряпчіе, и дворяне Московскіе и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскія, и всякіе люди» [2]). Все это было слѣдствіемъ польской интриги, медленно, но вѣрно дѣлавшей свое дѣло и недовольства Шуйскимъ; его неискреннее управленіе, нерѣшительность и поставленіе всюду своихъ фаворитовъ мало давали надеждъ и залоговъ спокойствія государства и приходилось изъ всѣхъ этихъ трехъ золъ выбирать меньшее. Такимъ меньшимъ зломъ именно и казался тогда Тушинскій самозванецъ и къ нему бросились всѣ оказавшіеся впослѣдствіи такими энергичными дѣятелями спасенія Россіи отъ Поляковъ—Ляпуновъ, Черкаскій, Заруцкій и др. Эти обстоятельства всѣ говорятъ въ пользу лицъ передавшихся Лжедимитрію второму съ кн. Дмитріемъ Тимоѳеевичемъ, но конечно, они могли бы въ данномъ случаѣ помочь государству выйти изъ его тяжелаго и гибельнаго положенія и инымъ, другимъ образомъ.

Что всѣ эти лица дѣйствительно и искренно желали спасенія отечества отъ иноземнаго вліянія, каковымъ въ этомъ случаѣ являлось польское, это доказывается тѣмъ, что спустя два года, въ 1610 г., по смерти тушинскаго самозванца, всѣ они являются обратно въ Москву и становятся въ ряды ея вѣрнѣйшихъ защитниковъ. Кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ тотчасъ же получаетъ званіе Калужскаго Воеводы и съ этого времени и начинается его замѣчательная дѣятельность, стяжавшая ему такую славу.

Смерть Тушинскаго вора произвела переворотъ не только среди приближенныхъ ему русскихъ воеводъ, измѣнившихъ Шуйскому, но даже и среди нѣкоторыхъ польскихъ военачальниковъ: такъ злѣйшій врагъ русскихъ, неоднократный побѣдитель ихъ—панъ Сапѣга, писалъ въ началѣ 1611 г. кн. Дмитрію Тимоѳеевичу въ Калугу слѣдующее письмо: «писали мы къ

---

[2]) и [3]) Карамз. т. XII, стр. 54 и пр. 222. „А отъѣхали съ Москвы въ Тушино стольники кн. Дм. Тим. Трубецкой, кн. Дм. М. Черкаскій“ и т. д.

вамъ, господинъ, много разъ въ Калугу о совѣтѣ, но вы отъ насъ бѣгаете за посмѣхъ: мы вамъ никакого зла не дѣлали и впередъ дѣлать не хотимъ; мы хотѣли съ вами за вашу вѣру христіанскую и за свою славу и при своихъ заслугахъ горло свое дать и вамъ слѣдовало бы съ нами совѣтываться, что ваша дума? Про насъ знаете, что люди мы вольные, королю и королевичу не служимъ, стоимъ при своихъ заслугахъ, а на васъ никакого лиха не мыслимъ и заслугъ своихъ на васъ не просимъ, а кто будетъ на Московскомъ государствѣ царемъ, тотъ намъ и заплатитъ за наши заслуги. Такъ вамъ бы съ нами быть въ совѣтѣ и ссылаться съ нами почаще, что будетъ ваша дума, а мы отъ васъ не прочь и стоять бы вамъ за православную христіанскую вѣру и за святыя церкви, а мы при васъ и при своихъ заслугахъ горла свои дадимъ. Намъ сказывали, что у васъ въ Калугѣ нѣкоторые бездѣльники разсѣеваютъ слухи, будто мы святыя церкви раззоряемъ и пѣть въ нихъ не велимъ и лошадей въ нихъ ставимъ, но у насъ этого во всемъ рыцарствѣ не сыщешь, это вамъ бездѣльники лгутъ и смущаютъ васъ съ нами, у насъ въ рыцарствѣ большая половина Русскихъ людей, и мы заказываемъ и бережемъ накрѣпко, чтобъ надъ святыми божіими церквами раззоренія никакого не было а отъ вора какъ уберечься, да развѣ кто что сдѣлалъ въ отъѣздѣ» [1])? Ему отвѣчалъ также бывшій Тушинскій воевода Ѳедоръ Плещеевъ: «отъ Прокофья Ляпунова идутъ къ тебѣ послы о томъ же добромъ дѣлѣ и о совѣтѣ; а совѣту съ тобою Прокофій и всѣ города очень рады, про заслуженное же они такъ говорятъ: не только тогда заплатилъ, какъ будетъ царь на Москвѣ, и нынче рады заслуженное платить». Однако союзъ этотъ не состоялся: уже черезъ мѣсяцъ Сапѣга писалъ въ Кострому уговаривая жителей ея признать опять Владислава: «теперь вы государю измѣнили, пишетъ онъ, и невѣдомо для чего и хотите на Московское государ-

---

[1]) Соловьевъ. Истор. Росс. т. VIII стр. 393—394.

Кремль. Воеводы раздѣлились на отряды и расположились на разныхъ концахъ Москвы. Кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ съ Иваномъ Заруцкимъ сталъ у Воронцова поля [1]). Тотчасъ же начались постоянныя стычки съ врагами, а 6-го апрѣля произошла крупная битва, въ которой особенно отличился Ляпуновъ, получившій за этотъ бой названіе *«львообразнаго стратига»*. Послѣ этого столкновенія воеводы перемѣнили свои мѣста и стали на другихъ пунктахъ. «Кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ перешелъ отъ Воронцовскаго поля и сталъ межъ Яузскихъ и Покровскихъ воротъ», отдѣлившись отъ Заруцкаго, который перешелъ къ самымъ Покровскимъ воротамъ.

Согласіе между вождями продолжалось недолго. Воеводы не хотѣли слушаться другъ друга, считая себя между собой равными, и эти распри очень вредно отзывались на общемъ ходѣ дѣлъ. Наконецъ сами начальники, понимая, что такъ не можетъ долго продолжаться, рѣшились выбрать изъ среды своей одного общаго военачальника, дабы онъ руководилъ всѣмъ дѣломъ освобожденія Москвы; но вмѣстно одного, выбрали трехъ: Прокопія Ляпунова, кн. Дмитрія Тимоѳеевича и Ивана Заруцкаго. Изъ нихъ первые два пользовались особеннымъ уваженіемъ, хотя нѣкоторые голоса укоряли кн. Трубецкаго за службу Тушинскому вору и считали его избранникомъ своей, Тушинской, партіи. Но такихъ было немного и всѣ, даже враги, признавали его выдающимся, умнымъ полководцемъ [2]) и его искреннее желаніе оказать себя достойнымъ

---

[1]) Каразмз. т. XII пр. 739. Никон. лѣтоп. 159: „Придоша же всѣ воеводы изо всѣхъ городовъ къ Николѣ на Угрѣшу и совокупишася вси за едино поидоша подъ Москву; Литовскіе жъ люди выидоша за Яузскіе ворота и поставиша съ ними бою не много, поидоша всѣ въ городъ. Воеводы тѣ придоша подъ Москву и нача становитися подлѣ каменново Бѣлово города: Прокофей Ляпуновъ ста съ ратными людьми у Яузскихъ воротъ, кн. Дм. Тим. Трубецкой да Иванъ Заруцкой сташа противъ Воронцовсково поля, воеводы жъ Костромскіе и Ярославскіе к. Ѳед. Волконскій, Ив. Волынскій, к. Ѳед. Козловской, Петръ Мансуровъ сташа у Покровскихъ воротъ, у Устрѣтенскихъ воротъ Окольничей Артемей Васил. Измайловъ съ товарищи, у Тверскихъ воротъ кн. Вас. Ѳед. Масальской съ товарыщи“.

[2]) Видекиндъ (стр. 290) называетъ его: cautum vigilantemque Ducum Карам. т. XII, пр. 747.

этого высокаго сана. Одинъ Иванъ Заруцкій пользовался дурной славой, которую онъ и не опровергалъ своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ, но въ началѣ и онъ старался помогать своимъ сотоварищамъ.

Тріумвиры, тотчасъ же по избраніи своемъ, стали проявлять энергическую дѣятельность: приводили въ порядокъ стоявшія подъ Москвой войска, собирали отовсюду запасы, оружіе и припасы и разсылали въ другіе города грамоты, не столько требуя людей для войска, сколько денегъ и припасовъ, такъ какъ первыхъ было вполнѣ достаточно. Извѣстна ихъ окружная грамота отъ 23-го іюня 1611 г. въ сибирскіе города *). Эта дѣятельность въ русскомъ войскѣ подняла снова энергію, самая полезная для спасенія Москвы и Россіи, но и это согласіе между продолжалось не долго. Возмутителемъ его явился алчный, корыстолюбивый, отличавшійся низкою душой и поступками, атаманъ Заруцкій. Трудясь вмѣстѣ съ Ляпуновымъ и кн. Трубецкимъ, видя ихъ успѣхи, любовь и уваженіе къ нимъ народа, онъ воспылалъ ненавистью въ особенности къ Ляпунову и сталъ искать случая погубить его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его не оставляли надежда и мысль, которыя онъ глубоко таилъ въ душѣ своей, стать во главѣ русскаго государства, объявивъ царемъ сына Марины и Тушинскаго вора, малолѣтняго Іоанна. Споры между самими тріумвирами, гибель Шеина и кн. Вас. Шуйскаго, интриги Сигизмунда, его прокламаціи и жалобы, приближеніе польскаго войска на помощь осажденнымъ — все дало Заруцкому мысль, что наступило удобное время для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ. Лицемѣря предъ Ляпуновымъ и Трубецкимъ, имѣя тайныя сношенія съ осажденнымъ въ Кремлѣ паномъ Гонсѣвскимъ, взявъ подъ свое покровительство Марину, онъ сталъ успѣшно вербовать себѣ шайку единомышленниковъ, прельщая ихъ прелестію добычи. Однако Ляпуновъ узналъ всѣ его затѣи и рѣшился наказать измѣнника. Несмотря на всѣ многочисленныя препятствія, ему уда-

---

*) Собран. Госуд. Грамотъ и Договоровъ, т. II, стр. 547. См. приложеніе № 6.

лось повести дѣло такъ, что всѣ дворяне, дѣти боярскія и разные служилые люди написали челобитную къ тріумвирамъ о собраніи Земской Думы, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ [1]). Дума эта составилась изъ выборныхъ войска, такъ что Заруцкій не могъ повернуть дѣло по своему, и установила правила для тріумвировъ, утвердивъ ихъ власть. Промахнувшись въ этомъ дѣлѣ, имѣвшемъ все-таки гибельное слѣдствіе—несогласіе между тріумвирами, дошедшее до полнаго раздора, Заруцкій, помощью тайныхъ сношеній съ Гонсѣвскимъ, составилъ подложную грамоту отъ имени Ляпунова ко всѣмъ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ казаковъ въ назначенный день и часъ. Грамоту эту представилъ своимъ товарищамъ соумышленникъ Заруцкаго атаманъ Заварзинъ и Ляпуновъ погибъ подъ ножами разъяренныхъ казаковъ. Заруцкій добился своего и торжествовалъ: воспользовавшись этимъ волненіемъ, Сапѣга явился неожиданно отъ Переяславля, а Гонсѣвскій вышелъ изъ Кремля, напалъ на русскія войска, разбилъ ихъ и вернулся обратно въ Кремль съ Сапѣгой, привезшемъ большіе запасы.

Вся вина этихъ печальныхъ событій, результатомъ которыхъ была гибель вѣрнѣйшаго защитника Москвы и Руси — Прокофія Ляпунова и усиленіе польскихъ силъ, запертыхъ въ Кремлѣ, была на сторонѣ Заруцкаго. Дѣйствуя исподтишка, подпольными интригами, онъ сумѣлъ поселить несогласіе между Ляпуновымъ и кн. Дмитріемъ Тимоѳеевичемъ и, воспользовавшись этимъ, довелъ свой умыселъ до конца. Когда Ляпуновъ открыто заявилъ объ измѣнѣ Заруцкаго и требовалъ созыва Земской Думы, то кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ, безъ сомнѣнія, былъ на его сторонѣ, но фактъ назначенія членами этой думы лишь выборныхъ войска, помимо тріумвировъ, будучи крайне непріятенъ для Заруцкаго, затронулъ, отчасти, самолюбіе и Трубецкаго. Однако по историческимъ сказаніямъ и документамъ совершенно не

---

[1]) См. приложеніе № 7.

видно, чтобы этотъ послѣднiй винилъ въ такомъ обходѣ себя Ляпунова, какъ это дѣлалъ Заруцкiй. Напротивъ, гораздо скорѣй надо предположить, что кн. Дмитрiй Тимоѳеевичъ былъ всецѣло на сторонѣ Ляпунова и вполнѣ сознавалъ вредъ и гибельныя послѣдствiя отъ дарованiя власти Заруцкому и охотно присоединялся къ протесту противъ него. Весьма возможно, что Заруцкiй желая окончательно погубить Ляпунова и не находя желаемой поддержки со стороны кн. Дмитрiя и измыслилъ ужасную подложную грамоту.

Эпоха 1610—1612 годовъ, полная всевозможныхъ смутъ, раздоровъ и распрей между тѣми, на которыхъ лежала тяжелая и вмѣстѣ съ тѣмъ славная обязанность спасти отечество была такова, что поступки и злодѣйства Заруцкаго, всѣмъ извѣстные и очевидные, не помѣшали ему, однако, по прежнему оставаться вмѣстѣ съ кн. Дмитрiемъ Тимоѳеевичемъ во главѣ русскаго войска. Мало того, въ грамотахъ, разсылавшихся Авраамiемъ Палицинымъ въ Россiйскiе города съ призывомъ спѣшить «на избавленiе Москвы отъ иноплеменныхъ», Заруцкiй ставится рядомъ съ кн. Дмитрiемъ, называется такимъ же защитникомъ отечества, какъ и тотъ и вообще продолжаетъ спокойно пользоваться почетомъ и уваженiемъ со стороны вѣрныхъ сыновъ Россiи. Такова напр. грамота Авраамiя отъ 6-го октября 1611 г. [1]). Это можно объяснить лишь тѣмъ, что Заруцкiй, преслѣдуя чисто личныя цѣли, боролся въ сущности противъ того же Владислава, Сигизмунда и Поляковъ, изгнанiе которыхъ и было цѣлью всѣхъ истинныхъ и преданныхъ слугъ своего отечества. Тогда не покажутся странными мелкiя сношенiя Заруцкаго съ Гонсѣвскимъ, двѣ грамоты запертыхъ въ Кремлѣ Поляковъ, отправленныя въ Ярославль и Кострому обѣ «о пребыванiи въ вѣрности избранному великому государю королевичу Владиславу Сигизмундовичу» и «о невспоможенiи стоящимъ подъ Москвою воеводамъ князю Трубецкому и Заруцкому», писанныя 25 и 26 января 1612 г. [2]).

[1]) Собранiе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, т. II, стр. 577—579.
[2]) Ibidem, стр. 580—583.

Пока происходили всѣ эти событія подъ Москвой, въ октябрѣ 1611 г. уже появился въ Нижнемъ-Новгородѣ Мининъ и образовалось знаменитое Нижегородское ополченіе, во главѣ котораго сталъ кн. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Первымъ дѣломъ предводителей этого новаго патріотическаго движенія было разослать по всѣмъ городамъ призывныя грамоты и двинуться на освобожденіе Москвы. Вѣсть объ этомъ движеніи и грамоты Пожарскаго не замедлили произвести самыя отрадныя послѣдствія. Отовсюду стали посылать въ Нижній выборныхъ на совѣтъ, присылали казну, шли ратные люди. Такъ кончился 1611 г. Въ началѣ 1612 г. бояре Московскіе, цѣловавшіе крестъ Владиславу и осажденные въ Кремлѣ, разсылали вышеприведенныя грамоты (25-го и 26-го января) въ Кострому и Ярославль, возбуждая всѣхъ противъ кн. Дмитрія Тимофеевича и Заруцкаго, въ которыхъ обвиняли этихъ полководцевъ въ ужаснѣйшихъ проступкахъ и злодѣяніяхъ. Въ грамотахъ этихъ было много правды. Дѣйствительно Заруцкій съ своими казаками, а за ними и казаки кн. Дмитрія Тимофеевича, не слушаясь своего предводителя, увлеченные своими товарищами, производили неслыханныя злодѣйства. Но что было дѣлать кн. Дмитрію — онъ оказывался безсильнымъ одинъ противъ этой своевольной орды, распаленной алчностью и жаждой грабежа и ему невольно приходилось подчиняться ихъ требованіямъ. Только въ такомъ случаѣ оставалась надежда спасти отечество.

Въ это же время проявился во Псковѣ новый Самозванецъ, Сидоръ, заявлявшій себя законнымъ царемъ Россійскимъ и призывавшій къ себѣ помощниковъ и сотрудниковъ. Однимъ изъ первыхъ отозвался, конечно, Заруцкій съ своими и чужими казачьими отрядами и кн. Дмитрій Тимофеевичъ долженъ былъ послѣдовать за ними. Однако увлеченіе этимъ Самозванцемъ продолжалось недолго и въ мартѣ 1612 года къ кн. Пожарскому, стоявшему тогда на Решмѣ явился Кирилла Чоглоковъ съ грамотой отъ кн. Дмитрія Тимофеевича, Заруцкаго и всего подмосковнаго войска, въ которой они писали, что, «преступя всемірное крестное цѣлованіе—не вы-

бирать государя безъ совѣта всей земли, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ; но теперь они сыскали, что во Псковѣ прямой воръ, а не тотъ, что былъ въ Тушинѣ и въ Калугѣ, отстали отъ него и цѣловали крестъ, что впредь имъ никакого вора не затѣвать и быть съ Нижегородскимъ ополченіемъ въ совѣтѣ и соединеніи, противъ враговъ стоять и Московское государство очищать» [1]). Хотя Пожарскій и Мининъ не вѣрили казацкому, именно, раскаянію, но всетаки не хотѣли съ нимъ враждовать и отпустили посла съ честью.

Что присяга Псковскому Самозванцу со стороны кн. Дмитрія Тимофеевича была вынужденная, можно ясно видѣть изъ грамоты Троицкихъ властей Діонисія, Авраама Палицына и др., которую Пожарскій получилъ уже въ Ярославлѣ, въ первыхъ числахъ Апрѣля [2]). Они писали, что 2-го марта злодѣй и богоотступникъ Иванъ Плещеевъ съ товарищами, по злому воровскому казачью заводу, затѣяли подъ Москвою въ полкахъ «крестное цѣлованье, цѣловали крестъ вору, «который въ Псковѣ называется царемъ Димитріемъ; *боярина «князя Димитрія Тимофеевича Трубецкаго*, дворянъ, дѣтей «боярскихъ, стрѣльцовъ и Московскихъ жилецкихъ людей *при«вели къ кресту неволею*: тѣ цѣловали крестъ, *боясь отъ «казаковъ смертнаго убійства*, теперь князь Дмитрій у этихъ «воровскихъ заводцевъ живетъ въ великомъ утѣсненіи и «радѣетъ соединиться съ вами. 28-го марта пріѣхали въ «Сергіевъ монастырь два брата Пушкины, прислалъ ихъ къ «намъ для совѣта бояринъ князь Дмитрій Тимофеевичъ Тру«бецкой, чтобъ мы послали къ вамъ, и всѣ бы православ«ные христіане, соединясь, промышляли надъ Польскими и «Литовскими людьми и надъ тѣми врагами, которые теперь «завели смуту и т. д.».

Однако обѣ эти грамоты не произвели должнаго впечатлѣнія на Пожарскаго и Минина. Совершенно не довѣряя искренности козаковъ, помня хорошо всѣ дѣйствія и измѣны

---

[1]) *Соловьевъ* VIII т., стр. 427.
[2]) *Ibidem* стр. 428.

Заруцкаго, своеволіе и дерзость казаковъ и зная, что они заботятся не столько объ освобожденіи Москвы, сколько о грабежѣ и личныхъ выгодахъ, предводители Нижегородскаго ополченія, хотя и вѣрили вполнѣ кн. Дмитрію Тимофеевича и знали, что онъ искренно стремиться соединиться съ ними, но во всемъ задерживается своимъ буйнымъ казачьимъ войскомъ, не только не сочли возможнымъ принять предложенія казаковъ, но даже нашли необходимымъ пока объявить ихъ измѣнниками, сторонниками Псковскаго Самозванца. 7-го Апрѣля были отправлены отъ нихъ изъ Ярославля по городамъ грамоты, въ которыхъ указывались различныя бѣдствія, настигшія отечество, призывались всѣ идти на помощь ополченію и между прочимъ было сказано, что «изъ подъ Москвы «князь Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій, и атаманы и «казаки къ намъ и ко всѣмъ городамъ писали, что они цѣ«ловали крестъ безъ совѣта всей земли государя не выбирать, «Псковскому вору, Маринѣ и сыну ея не служить; а теперь «цѣловали крестъ вору Сидоркѣ, желая бояръ, дворянъ и «всѣхъ лучшихъ людей побить, имѣнье ихъ разграбить и «владѣть по *своему воровскому казачьему обычаю*». Конечно многое была истинная правда въ этой грамотѣ и обвиненія, высказанныя въ ней были далеко не безъосновательны, но лишь постольку, поскольку они касались Заруцкаго и казаковъ. Кн. Дмитрій Тимофеевичъ, какъ выше было видно изъ грамоты Троицкихъ властей, былъ совсѣмъ неповиненъ въ цѣлованіи креста Сидору, вынужденный къ тому войскомъ, а тѣмъ болѣе въ тѣхъ страшныхъ грабежахъ и злодѣйствахъ, которыми такъ печально прославились въ это тяжелое время казаки по «своему воровскому обычаю».

Подобное публичное обвиненіе въ такихъ тяжелыхъ преступленіяхъ, конечно, не могло способствовать единенію между ополченіемъ и казаками, а между тѣмъ важность этого Пожарскій понималъ вполнѣ и такой отзывъ о Московскомъ войскѣ можно объяснить лишь желаніемъ предводителей ополченія устрашить казаковъ и заставить ихъ тѣмъ самымъ болѣе повиноваться и подчиняться указаніямъ главныхъ пред-

водителей, которыми становились князья Дмитрій Трубецкой и Дмитрій Пожарскій. Очень можетъ быть, что грамота эта, если только цѣль ея была такова, достигла, до извѣстной степени, этой цѣли. По крайней мѣрѣ уже 6-го іюля было получено изъ-подъ Москвы посланіе, въ которой, какъ говорятъ начальники ополченія въ другой своей грамотѣ, также іюльской, «князь Дмитрій Трубецкой, Иванъ Заруцкій «и всякіе люди повинную прислали грамоту къ намъ, пишутъ, «что они своровали, цѣловали крестъ Псковскому вору, а «теперь они сыскали, что это прямой воръ, отстали отъ «него и цѣловали крестъ впередъ другаго вора не затѣвать «и быть съ нами во всемірномъ совѣтѣ; о томъ же они писали и къ вамъ во всѣ Украинскіе города».

Такимъ образомъ началось устраиваться, мало-по-малу, соглашеніе между двумя войсками, преслѣдующими одну и туже цѣль—освобожденіе Москвы, но идущими къ ней разными путями. Ополченіе шло одушевленное одной лишь мыслью избавить отечество свое отъ враговъ и возстановить въ немъ порядокъ и спокойствіе, откинувъ совершенно въ сторону всякую мысль о личныхъ выгодахъ или эгоистическихъ стремленіяхъ, межъ тѣмъ какъ казаки все время только и думали о грабежахъ и собственныхъ выгодахъ, задерживали вслѣдствіе этого осаду и даже сносились съ врагами. Главнымъ зачинщикомъ въ всемъ этомъ былъ Заруцкій, онъ и тормозилъ все дѣло, преслѣдуя лишь свои цѣли. Имѣя такую массу сторонниковъ среди буйнаго казачества, онъ совершенно парализировалъ дѣятельность кн. Дмитрія Тимофеевича ловко выставляя его въ глазахъ Россіи своимъ единомышленникомъ. Избавившись отъ одного опаснаго противника, бывшаго любимца казаковъ, Ляпунова, онъ старался теперь погубить и Пожарскаго, подсылая къ нему убійцъ. Но покушенія не удались, а кн. Дмитрій Тимофеевичъ настойчиво звалъ Пожарскаго подъ Москву. Къ нему въ это время прибыли отряды изъ Украинскихъ городовъ, но казаки Заруцкаго такъ враждебно встрѣтили ихъ, что кн. Дмитрію Тимофеевичу стоило много труда отстоять ихъ и спрятать у

себя въ лагерѣ. Наконецъ Пожарскій двинулся къ Москвѣ. Приближеніе его развязывало руки кн. Дмитрію Тимофеевичу; къ тому же случилось новое и серьезное происшествіе, когда онъ могъ снова выказать всю свою дѣятельность: Заруцкій завелъ сношенія съ Ходкевичемъ, стоявшимъ въ Рогачевѣ, съ цѣлью перейти на службу полякамъ. Посредникомъ служилъ нѣкто Бориславскій, полякъ, прикинувшійся измѣнникомъ своимъ и явившійся въ подмосковный станъ съ цѣлью служить, будто бы, Россіи. Но другой полякъ, Хмѣлевскій, искренно передавшійся Россіи, открылъ заговоръ и донесъ обо всемъ кн. Дмитрію Тимофеевичу. Бориславскій немедленно былъ схваченъ, пытанъ и сожженъ, а Заруцкій успѣлъ убѣжать съ своимъ отрядомъ въ Коломну. Тотчасъ же послѣ казни измѣнника, кн. Дмитрій Тимофеевичъ послалъ къ Пожарскому атамана Внукова звать ополченіе подъ Москву; вмѣстѣ съ тѣмъ, оставшіеся казаки хотѣли также разузнать какъ относится къ нимъ ополченіе. Посольство было принято очень ласково и вслѣдъ за тѣмъ Пожарскій двинулся къ Москвѣ.

Казалось все устраивалось къ лучшему. Заруцкаго не было, всѣми войсками подъ Москвой начальствовалъ кн. Дмитрій Тимофеевичъ, опытный и дѣятельный полководецъ, къ нему пришелъ на помощь кн. Пожарскій съ нижегородскимъ ополченіемъ и безъ сомнѣнія все клонилось къ полнѣйшему успѣху предпріятія. Но явилось неожиданное и грустное обстоятельство затормозившее дѣло. Это отношеніе кн. Пожарскаго къ кн. Трубецкому. Не смотря на такъ рѣзко измѣнившееся положеніе дѣлъ, на то что казаки находились уже въ полномъ повиновеніи и ими командовалъ кн. Дмитрій Тимофеевичъ, начальникъ ополченія не захотѣлъ пожертвовать, въ данномъ случаѣ, своими убѣжденіями и по прежнему относился презрительно и недовѣрчиво къ Московскому войску. Въ самый день прибытія ополченія къ Москвѣ, кн. Дмитрій Тимофеевичъ безпрестанно посылалъ звать Пожарскаго къ себѣ въ станъ, но воевода и вся рать отвѣчали: «отнюдь не бывать тому, чтобъ стать намъ вмѣстѣ съ каза-

ками». На другой день Трубецкой опять предлагалъ стать вмѣстѣ въ одномъ острогѣ, расположенномъ у Яузскихъ воротъ, но получилъ прежній отвѣтъ: «отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать» и Пожарскій распол ожился у Арбатскихъ воротъ. Подобное отношеніе къ нимъ, конечно, страшно раздражало казаковъ и прямо оскорбляло князя Дмитрія Тимофеевича. Да и на дѣлѣ оно отражалось очень не хорошо. Казаки не забыли еще прежней своей воли, которой они такъ широко пользовались при Заруцкомъ и повиновались кн. Дмитрію Тимоѳеевичу, лишь потому, что видѣли себя безсильными при соглашеніи между нимъ и кн. Пожарскимъ. Теперь въ нихъ опять вспыхнуло прежнее своеволіе, да и начальникъ ихъ былъ глубоко оскорбленъ. Такимъ образомъ это враждебное отношеніе Пожарскаго къ козакамъ и ихъ предводителю сдѣлало то, что, вопервыхъ, личныя отношенія между двумя начальниками не могли быть хорошими; вовторыхъ, въ козакахъ проснулся прежній духъ и, втретьихъ, они уже менѣе стали слушаться своего воеводы, видя что онъ остается совершенно одинъ. И вотъ великое дѣло освобожденія Москвы и всей Руси отъ враговъ, снова было заторможено и испорчено нежеланіемъ предводителей ополченія дѣйствовать совмѣстно съ московскимъ воеводой. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ битвѣ Пожарскаго 21 августа съ гетманомъ Ходкевичемъ, войско кн. Димитрія Тимоѳеевича осталось безучастнымъ зрителемъ и чуть не допустило до пораженія ополченцовъ. То же самое случилось и 23 авуста когда Ходкевичъ двинулся къ Донскому монастырю, чтобы пробиться въ Кремль. Козаки опять не приняли никакого участія въ битвѣ и только благодаря вмѣшательству Авраамія Палицына, они рѣшились подъ конецъ битвы, выйти изъ бездѣйствія и бросились на враговъ. Послѣ довольно продолжительнаго боя поляки были разбиты совершенно и отступили къ Воробьевымъ горамъ, а на другой день бѣжали къ Можайску. Такимъ образомъ соединенными усиліями обоихъ ополченій гетманъ былъ отраженъ и къ сидѣвшимъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ Полякамъ не пропущено припасовъ: надо

было думать о томъ какъ бы стѣснить ихъ окончательно, но пошла опять рознь между ополченіями, т. е. между казаками и дворянами. Князь Димитрій Тимоѳеевичъ, какъ главный и старшій воевода всѣхъ войскъ, стоявшихъ подъ Москвой, какъ бояринъ, требовалъ, чтобы стольникъ князь Пожарскій и торговый человѣкъ Мининъ ѣздили для совѣта въ главную ставку, къ нему, въ таборы; но тѣ никакъ не соглашались, боясь быть убитыми казаками. Лица, которымъ эти споры были на руку, старались изъ всѣхъ силъ усилить вражду между начальниками и дѣйствовали такъ открыто, что вызвали со стороны кн. Пожарскаго грамоту, разосланную по городамъ [1]). Въ ней онъ указываетъ на нѣкіихъ Василія и Ивана Шереметевыхъ, отсутствовавшихъ изъ войска во время битвъ съ поляками и явившихся лишь 5-го сентября, которые «съ старыми заводчиками всякаго зла, съ княземъ Григоріемъ Шаховскимъ, да съ Иваномъ Плещеевымъ, да съ княземъ Иваномъ Засѣкинымъ стали научать козаковъ и атамановъ на всякое зло, чтобъ раздѣленіе и ссору въ землѣ учинить ..... Да Иванъ же Шереметевъ съ княземъ Григоріемъ Шаховскимъ научаютъ атамановъ и козаковъ, чтобъ у насъ *начальника* князя Димитрія Михайловича убить, какъ Прокофья Ляпунова убили ..... и т. д.» Конечно подобные поступки злонамѣренныхъ людей не мало раздражали и ссорили другъ съ другомъ казаковъ и ополченія, а межъ тѣмъ надо было дѣйствовать энергично, чтобы не дать уйти козакамъ изъ-подъ Москвы, слушавшихъ эти наговоры. На помощь явился архимандритъ Діонисій, предложившій казакамъ всю драгоцѣнную утварь монастырскую и священническія одежды. Это не мало подѣйствовало на казаковъ и кн. Дмитрію Тимоѳеевичу удалось обуздать ихъ. Оставалось рѣшить вопросъ о мѣстѣ, гдѣ собираться начальникамъ для совѣта. Кн. Пожарскій упорно отказывался ѣздить къ кн. Дмитрію Тимофеевичу, а этому какъ главному воеводѣ и боярину, совсѣмъ ужь нельзя было рѣшать дѣла въ ставкѣ ополчен-

[1]) Соловьевъ т. VIII, стр. 451—452.

цевъ, тѣмъ болѣе при такихъ дурныхъ отношеніяхъ обоихъ войскъ. Тогда рѣшили выбрать нейтральный пунктъ и такой оказался наиболѣе удобнымъ на Неглинной. Воеводы вслѣдъ за тѣмъ разослали по всѣмъ городамъ грамоты объ этомъ выборѣ: «Были у насъ до сихъ поръ разряды разные, «а теперь по милости Божіей, мы Дмитрій Трубецкой и Дми«трій Пожарскій, по челобитью и приговору всѣхъ чиновъ «людей, стали заодно и укрѣпились, что намъ да выборному «человѣку Кузьмѣ Минину Москвы доступать и Россійскому «государству во всемъ добро хотѣть безъ всякой хитрости, «а разрядъ и всякіе приказы поставили мы на Неглинной, «на Трубѣ, снесли въ одно мѣсто и всякія дѣла дѣлаемъ за«одно и надъ Московскими сидѣльцами промышляемъ...»

Не успѣли уладиться эти дѣла подъ Москвой, какъ пришли вѣсти, что Ходкевичъ идетъ на Москву и хочетъ провести запасы въ Кремль и Китай-городъ. Кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ тотчасъ же принялся энергично загораживать путь врагамъ. Въ Замоскворѣчьи онъ велѣлъ не медля плести плетенищы и копать ровъ и самъ день и ночь наблюдалъ за работой. Путь былъ прегражденъ; воеводы рѣшили идти на приступъ и 22-го октября взяли Китай-городъ. Въ Кремлѣ Поляки держались еще мѣсяцъ; страдая отъ голода, заставлявшаго ихъ ѣсть человѣческое мясо, и чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ, они выгнали вонъ всѣхъ своихъ русскихъ сторонниковъ, бояръ и воеводъ, съ ихъ женами и дѣтьми. Но это не спасло ихъ и 27 ноября Кремль былъ, наконецъ, взятъ. Отрядъ кн. Дмитрія Тимоѳеевича, собравшись у церкви Казанской Божіей Матери, за Покровскими воротами, взявши кресты и образа, двинулся въ Китай-городъ; съ другой стороны шелъ такой же процессіей кн. Пожарскій отъ Арбата и всѣ сошлись у Лобнаго мѣста, гдѣ Троицкій архимандритъ Діонисій служилъ торжественный молебенъ. Москва была освобождена, враги изгнаны. Король Сигизмундъ, узнавъ о полнѣйшемъ пораженіи Поляковъ, двинулся было имъ на помощь, но неудачи подъ Вязьмой и Волокомъ-Ламскимъ (Волоколамскимъ) заставили его отступить и удалиться назадъ въ Польшу. Та-

кимъ образомъ, Россія была, наконецъ, избавлена отъ своихъ исконныхъ враговъ.

Въ освобожденной Москвѣ главнымъ воеводой, диктаторомъ, былъ избранъ кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ. Россія помнила и цѣнила его заслуги на пользу отечества. Она ясно понимала, что если онъ передавался Тушинскому самозванцу, то съ нимъ передалась большая половина Русскихъ, всѣ тѣ, которые искали и ждали истиннаго, православнаго царя. Только польскіе слуги стояли за Владислава и Самозванецъ дѣйствительно казался многимъ истиннымъ Димитріемъ. Лишь по его смерти открылась вся правда и кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ первый, съ Ляпуновымъ и другими Тушинскими воеводами, поспѣшилъ на помощь Москвѣ. Не его вина была, что будучи связанъ по рукамъ и ногамъ своеволіемъ и силой казаковъ, слушавшихся лишь одного Заруцкаго, онъ не могъ совладать съ ними. Но все же его присутствіе, его дѣйствія, клонившіяся всегда на благо Россіи, его старанія при всякомъ удобномъ случаѣ подвинуть впередъ дѣло освобожденія Москвы—все это было ясно и очевидно для народа. Изъ грамотъ Троицкихъ властей видно было, какъ цѣнили его такіе дѣятели, какъ Діонисій и Аврамій Палицынъ и какъ ясно понимали они его положеніе. Если, по удаленіи Заруцкаго, у него пошли несогласія съ кн. Пожарскимъ, то вина далеко не была на его сторонѣ. Уже то обстоятельство, что онъ самъ обращался нѣсколько разъ къ Пожарскому, зовя его въ Москву, что, когда тотъ приближался къ ней, онъ выѣхалъ ему на встрѣчу и принялъ со всевозможнымъ почетомъ, а потомъ, въ Москвѣ уже, предлагалъ неоднократно гостепріимство и свою помощь во всемъ, показываетъ, что онъ не только не имѣлъ къ нему никакой вражды, но даже поступался своимъ званіемъ главнаго воеводы и боярина предъ простымъ стольникомъ, цѣня въ немъ его цѣль, его честную дѣятельность на пользу отечества. Но въ отвѣтъ онъ встрѣтилъ рѣзкій, холодный отвѣтъ и оскорбился; раздраженные такимъ отношеніемъ ополченія къ нимъ, казаки только препятствовали ему придти къ соглашенію и онъ нашелъ одно лишь

средство вліять на свое буйное войско и показать кн. Пожарскому всю странность его отношеній—это въ поддержкѣ правъ и прерогативовъ своего званія главнаго воеводы. Еслибы онъ преслѣдовалъ какія-либо личныя выгоды и цѣли и желалъ бы тормозить всѣ дѣла Пожарскаго, что мѣшало ему сдѣлать это въ самыхъ большихъ размѣрахъ? Казаки явились бы ему охотными и дѣятельными помощниками и онъ легко могъ бы достигнуть всего, чего хотѣлъ. Однако кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ ничего подобнаго не дѣлалъ и лучшіе люди того времени охотно прощали ему всѣ его мелкіе проступки, отъ которыхъ тогда никто не былъ свободенъ, признавая въ немъ вѣрнаго сына Россіи, прекраснаго полководца и искренняго защитника родины своей отъ иноплеменниковъ.

Въ Москвѣ кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ поселился въ Кремлѣ, въ домѣ Годунова, куда ежедневно пріѣзжалъ къ нему для совѣщаній кн. Пожарскій, помѣстившійся на Арбатѣ въ Воздвиженскомъ монастырѣ. Отъ этого времени сохранился важный и интересный документъ—это Евангеліе, въ послѣсловіи котораго, писаннаго въ 1612 году, сказано: «*При благовѣрномъ князѣ Дмитріѣ Тимоѳеевичѣ Трубецкомъ и при его Державѣ*». Такимъ образомъ, этотъ документъ ясно свидѣтельствуетъ, что кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ дѣйствительно былъ, какъ теперь говорятъ, диктаторомъ не только Москвы, но и всей Россіи. Это Евангеліе находится въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ.

Тотчасъ же по приведеніи всѣхъ дѣлъ въ порядокъ приступили къ избранію царя. Прежде всего было постановлено выбирать во всякомъ случаѣ природнаго Русскаго. Это постановленіе повлекло за собой страшные споры; образовались партіи, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые сами стремились на престолъ, пошли подкупы, засылки и другія козни, но никакого результата не оказывалось. Въ одно изъ засѣданій была получена изъ Галича грамота, въ которой указывалось на Михаила Ѳеодоровича Романова, какъ близкаго родственника прежнихъ царей. Нѣкоторые были недовольны этимъ заявленіемъ и громко осуждали его, но вдругъ явился

донской атаманъ и подалъ отъ имени казаковъ такую же грамоту. Это совпаденіе одинакихъ мнѣній рѣшило дѣло: Михаилъ Ѳедоровичъ былъ провозглашенъ царемъ. Народъ, бояре, воеводы, войска всѣ съ восторгомъ подтверждали рѣшеніе совѣта и 21-го февраля 1613 года народъ, наполнявшій Красную площадь, на вопросъ кого желаетъ онъ въ цари, единогласно отвѣчалъ: Михаила Ѳедоровича Романова!

Кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ одинъ изъ первыхъ подалъ голось за избраніе Михаила Ѳедоровича и на торжественной грамотѣ объ этомъ избраніи подписался седьмымъ. При вѣнчаніи на царство [1]), онъ находился въ числѣ почетнѣйшихъ лицъ и несъ скипетръ. Лѣтопись такъ говоритъ объ этомъ: «Людіе же видѣша себѣ свѣтъ и не имаху себѣ вѣры прежде, «не чаяху себѣ быти въ такой радости, и пріидоша къ Го-«сударю всею землею бити челомъ, чтобъ Государь вѣнчался «своимъ царскимъ вѣнцомъ. Онъ же не презрѣ ихъ моленія «и вѣнчася своимъ царскимъ вѣнцемъ того жъ лѣта. Вѣн-«чалъ его царя царскимъ вѣнцемъ Казанской митрополитъ «Ефремъ и всѣ власти Московскаго Государства; а въ чинахъ «были бояре: съ короною князь Ѳедоръ Ивановичъ Мсти-«славскій, *со скипетромъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Тру-«бецкой*, съ шапкою Иванъ Никитичъ Романовъ»....

Молодой Государь зналъ заслуги кн. Дмитрія Тимоѳеевича и не оставилъ ихъ безъ вниманія. Въ это время много еще было враговъ въ Россіи: Шведы сидѣли въ Новгородѣ, Поляки въ Смоленскѣ, въ Псковской области грабилъ Лисовскій, на юго-востокѣ былъ Заруцкій, а внутри Россіи свирѣпствовали казачьи шайки. Царь послалъ лучшихъ своихъ воеводъ противъ враговъ—кн. Одоевскаго противъ Заруцкаго, кн. Пожарскаго на Лисовскаго, а кн. Дмитрію Тимоѳеевичу поручилъ самое трудное, самое опасное и тяжелое дѣло—освобожденія Новгородской области отъ Шведовъ. Первымъ двумъ воеводамъ легко было бороться съ разбойничими шайками, умѣющими лишь грабить, но не воевать, а на долю

---

[1]) 11 іюня 1613 года.

кн. Дмитрія Тимоѳеевича выпало раздѣлываться съ регулярнымъ, превосходнымъ шведскимъ войскомъ, значительно превышавшимъ, къ тому же, его численностью. Такимъ образомъ миссія его не удалась: ни его опытность, ни знаніе военнаго дѣла ничего не могли сдѣлать противъ несоразмѣрной вражеской силы. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ, проводитъ время при дворѣ, пользуясь большимъ почетомъ какъ со стороны царя, такъ и всѣхъ выдающихся представителей духовной и свѣтской славы. Онъ нерѣдко сидитъ у Государя за столомъ, а въ 1619 году онъ получаетъ новое, высокое отличіе, ясно показывающее, какъ высоко стоялъ онъ въ глазахъ Государя: ему поручается встрѣтить отца Михаила Ѳеодоровича—митрополита Филарета Никитича, возвращавшагося въ Россію при совершенномъ, по Деулинскому договору (1618 г.), размѣнѣ плѣнныхъ. Съ кн. Дмитріемъ Тимоѳеевичемъ, представителемъ свѣтской власти, отправился, какъ представитель духовенства, Іона, митрополитъ Сарскій и Подонскій [1]). Встрѣча произошла въ Звенигородѣ. Въ этомъ же году Филаретъ Никитичъ былъ посвященъ въ санъ патріарха и въ первое же его служеніе въ этомъ санѣ, въ недѣлю Вaій, на Вербное Воскресеніе, кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ водилъ «осля» патріаршева [2])—честь, которой удостоивались лишь самыя высокія въ государствѣ лица.

Въ 1623 году, во время отсутствія царя, Москва была поручена охранѣ и наблюденію кн. Дмитрія Тимоѳеевича. Въ 1624 г., на первой свадьбѣ Государя [3]) онъ былъ со стороны царицы, вмѣстѣ съ князьями Одоевскимъ и Сицкимъ. Тутъ

[1]) Съ ними былъ еще окольничій Ѳедоръ Леонтьевичъ Бутурлинъ.

[2]) „7127 г. сентября въ 3-й день бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой былъ у Государя у стола; того же 127 г. встрѣчалъ преосвященнаго митрополита Филарета Никитича на стану; того же 127 г. былъ у стола и осля водилъ Патріаршева и вышедъ изъ водяныхъ воротъ и Государь Святѣйшій Патріархъ велѣлъ сѣсть на лошадь“ (Портр. Миллера № 285, IV тет. 8 стр. 258 Москов. Глав. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

[3]) На княжнѣ Маріѣ Владиміровнѣ Долгорукой. Она умерла въ тотъ же годъ.

у него вышелъ споръ изъ-за мѣста съ кн. Иваномъ Васильевичемъ Голицынымъ, который билъ челомъ, что ему, меньше кн. Трубецкаго «быть не вмѣстно». Несмотря на то, что государь велѣлъ быть «безъ мѣстъ», уговаривалъ его, что, «отечеству его въ томъ порухи не будетъ», грозилъ, наконецъ, опалою, кн. Голицынъ не смирился и сосланъ былъ за то въ Пермь, съ лишеніемъ состоянія, а передъ тѣмъ былъ выданъ кн. Дмитрію Тимоѳеевичу головою.

Въ слѣдующемъ году (1625) кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ отправился на воеводство въ Тобольскъ. Безъ сомнѣнія труды перенесенные имъ ранѣе, за тяжелую эпоху смутнаго времени, сильно пошатнули его здоровье, а такая длинная, долгая и столь тяжелая, въ то время, дорога, не могла не отозваться дурно на общемъ состояніи его и вотъ, прибывъ къ мѣсту назначенія 29-го мая кн. Дмитрій Тимоѳеевичъ, спустя четыре недѣли, 24 іюля 1625 г. скончался, провоеводствовавъ въ Сибири менѣе мѣсяца. Согласно его завѣту, тѣло его было перевезено въ Москву и похоронено въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, рядомъ съ обѣими своими супругами.

Наиболѣе яркимъ образомъ выразилась глубокая признательность благодарнаго отечества кн. Дмитрію Тимоѳеевичу за понесенные имъ столь тяжелые труды на избавленіе родины отъ гибельнаго нашествія иноземцевъ, за его неутомимую энергію въ дѣлѣ спасенія Москвы и православія, въ жалованной грамотѣ отъ «Россійскихъ Архіереевъ и Бояръ» на громадныя помѣстья *Ваги* [1]). Въ этой грамотѣ, писанной въ началѣ 1613 г., сказано, что дана она «за его Боярина князя Дмитрія Тимоѳеевича къ Московскому Государству многіе службы и за радѣніе и за промыслъ, и за дородство, и за храбство, и за правду, и за кровь» пролитую имъ за освобожденіе земли Русской отъ поляковъ измѣнниковъ, когда онъ «видя святымъ церквамъ разоренье и святой вѣрѣ пра-

---

[1]) Грамата жалованная Боярину и Воеводѣ князю Дмитрію Тимоѳеевичу на отчину Вагу, данная отъ Россійскихъ Архіереевъ и Бояръ, во время междоцарствія въ Россіи въ 1613 году. Древн. Росс. Вивліоѳика, ч. VIII, стр. 376—388.

вославной поруганье и такое многое невинное крестьянс
кровопролитіе, хотя врагомъ польскимъ и Литовскимъ люде
ихъ неправду и крестопреступленье и разоренье святыхъ Б
жіихъ церквей и попранье и поруганье православной хр
тіанской вѣры и кроворазлитіе невинные христіанскіе кр
мстити и царствующій градъ Москву отъ нихъ враговъ о
стити». Далѣе говорится, какъ они, то есть тѣ, отъ которы
эта грамота исходитъ «видя злокозненные умыслы Польск
Жигимонта короля и отъ него Московскому Государству
зоренье и крестьянской крови безчисленное пролитье, и
шей истинной крестьянской вѣрѣ поруганье, а по его кн
Дмитрія Тимоѳеевича благопріятному и премудрому совѣт
разуму, видя его на ихъ мщенье всѣмъ сердцемъ подвижи
собрались къ нему и «за его разумъ и премудрость и за
родство, и за храбрость, и за правду, и за ревнительс
по святыхъ Божіихъ церквей и православной крестьянс
вѣрѣ, по великородству его, *въ Московскомъ Государст
правителемъ* изобрали» и при его помощи отобрали мало-
малу у Поляковъ всѣ захваченные имъ части Москвы и
настыри и многихъ враговъ побили; такъ кн. Дмитрій Ти
ѳеевичъ, при взятіи приступомъ кремля «самъ бился не щ
головы своея три дни да три нощи, какъ былъ прогн
Жигимонтъ и какъ они всѣ собравшись въ Соборной и А
стольской церкви «Пречистыя Богородицы честнаго и сл
наго ея Успенія у чудотворнаго ея образа Владимирска
дали «сее» грамоту не большее утвержденіе». Въ концѣ г
моты слѣдуютъ двадцать пять подписей, во главѣ которы
стоитъ «смиренный Кириллъ, митрополитъ Ростовскій
Ярославскій» [1].

Эта грамота служитъ самымъ лучшимъ отвѣтомъ всѣ
тѣмъ, которые такъ яро нападали на кн. Дмитрія Тимоѳ
вича, возводя на него самыя тяжкія обвиненія.

Вага, Важская область, нынѣ городъ Шенкурскъ, Арх
гельской губерніи, принадлежавшая въ XIV ст. Велик

[1]) См. приложеніе № 8.

Новгороду, знаменита и въ географическомъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Расположенная по обоимъ берегамъ рѣки Ваги она занимала въ длину, отъ верховьевъ этой рѣки—на сѣверъ 400 съ лишкомъ верстъ, а въ ширину не менѣе 200 в., заключая въ себѣ южную часть нынѣшней Архангельской губ., сѣверную—Вологодской и восточную—Олонецкой. Коренные жители ея были извѣстны подъ названіемъ «Заволоцкой Чуди». Обильное звѣроловство въ дремучихъ лѣсахъ привлекало туда, издавна, досужихъ и промышленныхъ Новгородцевъ, которые и завладѣли, наконецъ, всей страною, но завладѣли не оружіемъ, а самымъ мирнымъ образомъ — путемъ покупки у мѣстныхъ князьковъ [1]). Подъ Новгородскимъ владычествомъ Важская область была причислена къ Заонежской половинѣ Обонежской Пятины, подъ названіемъ «Важской десятины» и управлялась боярами, присылаемыми Новгородомъ. Съ паденіемъ метрополіи вся Вага поступила въ собственность Великаго князя Московскаго и тамошніе крестьяне стали называться «княжчинскими». При Іоаннѣ Грозномъ всю эту страну называли «Важскимъ уѣздомъ», который дѣлился на 7 становъ, а станы на волости. Управленіе ввѣрено было намѣстнику, но въ 1552 г. Грозный, по прошенію жителей, чтобы умѣрить произволъ своего Намѣстника, придалъ ему для суда и расправы «излюбленныхъ» головъ, по избранію народа. Въ такомъ положеніи находилась Вага, когда была пожалована кн. Дмитрію Тимофеевичу. Однако, хотя она была ему дарована «въ вотчину и его женѣ, и дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ, и въ родъ его въ вѣки неподвижно» съ правомъ *продать, заложить и «по душѣ въ монастырь отдать и роду своему и племени кому похочетъ дати»*, онъ владѣлъ ею лишь пожизненно. Умирая бездѣтнымъ, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ и не желая отдать ее въ потомство кн. Юрія Никитича, предавшагося Польшѣ,

---

[1]) Въ 1315 году Василій Матвѣевичъ Своеземцевъ, богатый Новгородскій бояринъ и, по преданію, тамошній (въ Вагѣ) посадникъ, купилъ всю Вагу у Чудскихъ князьковъ Азики-Хараганца, Родда и Игнаца за 20,000 бѣлокъ и 10 рубл. См. Энцикл. Лексик. 1837 г. т. IV, стр. 541.

кн. Дмитрій Тимофеевичъ возвратилъ ее на смертномъ одрѣ царю и она поступила въ собственность Государя, въ приказъ «Большаго Дворца».

Несмотря на двукратную женитьбу, кн. Дмитрій Тимофеевичъ неоставилъ послѣ себя дѣтей. Первая жена его была княжна Марія Борисовна NN (фамилія неизвѣстна); она скончалась 6-го августа 1617 года и погребена въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, подъ Троицкимъ Соборомъ. Рядомъ съ ней были приготовлены мѣста для второй его супруги, княжны Анны Васильевны (фамилія также неизвѣстна) и для него самого. Прахъ всѣхъ ихъ трехъ и до сихъ поръ покоится тамъ.

Въ «Собраніи портретовъ Россіянъ знаменитыхъ» изданныхъ Платономъ Бекетовымъ [1]) помѣщенъ поясной портретъ кн. Дмитрія Тимофеевича, работы гравера А. Афонасьева [2]). Онъ представленъ въ богатомъ боярскомъ платьѣ, съ широкой густой бородой, зачесанными впередъ волосами, въ поворотѣ en trois quarts. Выраженіе лица сосредоточенное и задумчивое, а глаза устремлены впередъ, въ безконечное пространство. Какая то глубокая дума легла на челѣ «спасителя отечества»....

Съ кн. Дмитріемъ Тимофеевичемъ кончается исторія дѣятельности князей Трубецкихъ за эпоху Смутнаго времени. Онъ былъ не только послѣднимъ и славнѣйшимъ изъ всѣхъ членовъ этого славнаго рода, принимавшихъ участіе въ борьбѣ съ Самозванцами и польскимъ вліяніемъ, но и единственнымъ изъ нихъ увидѣвшимъ конецъ этой почти десятилѣтней борьбы и торжество національной, чисто русской партіи. Всѣ остальные его соратники и кн. Никита Романовичъ и кн. Ѳедоръ Никитичъ и кн. Александръ Тимофеевичъ погибли въ самый разгаръ борьбы, а кн. Юрій Никитичъ, хотя и былъ живъ въ это время, но удалившись окончательно въ Польшу въ 1611 году этимъ совершенно разорвалъ свои

---

[1]) Москва. 1821—1824 г.

[2]) Приложенъ къ настоящему изданію.

связи съ родиной и такимъ образомъ уже не существовалъ для нея. Кн. Дмитрій Тимофеевичъ не только встрѣтилъ зарю новой жизни русскаго народа, взошедшую съ избраніемъ Михаила Ѳедоровича Романова, и встрѣтилъ осѣненный славой, но и пережилъ ея появленіе на цѣлые 12 лѣтъ. Съ его смертью единственнымъ представителемъ рода князей Трубецкихъ въ Россіи остался его не менѣе знаменитый двоюродный братъ, превосходный и замѣчательный дипломатъ XVII ст., «державецъ» Трубчевскій, князь Алексѣй Никитичъ.

Прежде чѣмъ перейти къ біографіи этой замѣчательной личности XVII ст. необходимо сказать нѣсколько словъ о братѣ кн. Дмитрія Тимофеевича, также дѣятелѣ Смутнаго времени, кн. Александрѣ Тимофеевичѣ.

Единственный братъ героя Смутнаго времени, князь *Александръ-Меркурій Тимофеевичъ* (№ 32) не оставилъ послѣ себя почти никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. Изъ рукописи, относящейся къ этой эпохѣ, принадлежащей гр. Толстому и хранящейся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ извѣстно только то, что въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ онъ всюду слѣдовалъ за своимъ братомъ. Сперва онъ служилъ вмѣстѣ съ нимъ «въ Приказѣ» (какомъ?) и вмѣстѣ отправился въ Тушино ко второму Самозванцу. Тамъ онъ пробылъ все время до бѣгства Лжедмитрія въ Калугу, куда послѣдовалъ за нимъ и за братомъ. Это было послѣднимъ мѣстомъ его дѣятельности. Въ 1610 году 22 Августа онъ былъ убитъ тамъ, во время волненія. Былъ ли онъ женатъ неизвѣстно, но потомства послѣ него не осталось.

Подобно своимъ роднымъ и вообще дѣтямъ старинныхъ родовъ кн. *Алексѣй Никитичъ* (№ 30) началъ свою службу при дворѣ, въ тотъ знаменитый годъ, когда, по Деулинскому миру, возвратились, наконецъ, на родину всѣ взятые въ теченіе столь продолжительной и кровавой борьбы съ Поляками— русскіе плѣнные и во главѣ ихъ отецъ царя—митрополитъ Филаретъ Никитичъ. «7127 г. (1619 г.) сентября въ 3-й день князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой смотрѣлъ у Государя въ

большой столъ, 7129 г. (1621 г.) тоже смотрѣлъ» [1]). Такъ онъ оставался при дворѣ въ теченіе 8 лѣтъ и въ 1629 г., совсѣмъ молодой, былъ посланъ Воеводою въ Тобольскъ, въ 1633 г.—въ Астрахань и въ 1642 г.—въ Тулу. Въ этомъ званіи онъ оставался до самой смерти Царя Михаила Θеодоровича (1645 г.). Вступивъ на престолъ, Царь Алексѣй Михайловичъ тотчасъ же отмѣтилъ между многими князя Алексѣя Никитича. Въ 1646 г. именнымъ Царскимъ указомъ пожалованъ онъ изъ дворянъ бояриномъ и дворецкимъ, присутствующимъ въ Сибирскомъ приказѣ и повелѣно ему было быть въ этомъ году въ Тулѣ «по вѣстямъ». Въ слѣдующемъ году онъ сопровождалъ Государя въ его поѣздѣ на богомолье въ Троицкую Лавру и былъ у Царя «за трапезою». Замѣтивъ въ князѣ Алексѣѣ Никитичѣ далеко недюжинныя способности къ дипломатіи и вполнѣ довѣряя ему во всемъ, Алексѣй Михайловичъ назначалъ его быть при переговорахъ съ Литовскимъ посломъ 1647 г. и съ Шведскими и Литовскими въ 1648 г. [3]).

---

[1]) Мос. Глав. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Портф. Миллера. № 285, IV, тетр. 8-я, стр. 258.

[2]) Ibid. „7137 г. былъ въ Тобольску Воеводою, 7141 г. былъ въ Астрахани Воеводою, 7150 г. іюня въ 19 день указалъ Государь быть на Тулѣ Воеводою".

Въ хранящейся въ томъ же Архивѣ „Книгѣ Галицкіе Четверти кормленщикомъ, что кому Государева Царева и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи жалованья денежные оклады нынѣшняго 150 (1642 г.) года" сказано:

„ро̃ (170) рублевъ князь
Алексѣй княжъ Никитинъ
сынъ Трубецкой".

Очень интересна эта сумма (170 рублей) дававшаяся „царскаго жалованья" Воеводѣ, да еще въ такомъ городѣ какъ Тула!

[3]) Портф. Миллера. Ibid. „7154 г. сентября въ 7-й день пожаловалъ Государь изъ дворянъ въ бояре князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, того же году указалъ Государь быть на Тулѣ по вѣстямъ; 7155 г. сентября въ 25-й день былъ у Государева стола у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ за трапезою; того же году августа въ 11-й день былъ въ отвѣтѣ у Литовскаго посла, 7156 г. сентября въ 11-й день былъ въ отвѣтѣ у Свейскихъ пословъ, того же году сентября 7-й день былъ въ отвѣтѣ у Литовскихъ пословъ, того же году генваря въ 16-й день былъ у Государя на свадбѣ".

16-го января 1648 г. состоялась первая свадьба Царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильиничной Милославской, и кн. Алексѣй Никитичъ былъ однимъ изъ почетнѣйшихъ гостей на этой свадьбѣ.

Царь не ошибся отмѣтивъ кн. Алексѣя Никитича какъ человѣка съ большими дипломатическими способностями, и вскорѣ представился случай, когда послѣдній не только вполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него надежды въ этомъ отношеній, не только выказалъ себя искуснымъ и тонкимъ дипломатомъ но еще зарекомендовалъ себя отличнѣйшимъ образомъ и съ другой стороны—въ качествѣ полководца. Это было во время замѣчательнаго историческаго событія—присоединенія къ Россіи Малороссіи и затѣмъ во время похода въ Литву, вызваннаго жестокостью и коварствомъ Польскаго королевства по отношенію къ казакамъ.

Борясь постоянно всѣми силами и средствами съ казачествомъ, государство Польское достигло, наконецъ, повидимому своей цѣли въ сороковыхъ годахъ XVII ст.: число казаковъ было сильно ограничено и находились они подъ начальствомъ у правительственныхъ офицеровъ. Реестровыхъ, настоящихъ казаковъ мало, всѣ они, поневолѣ, спокойны, но условія, которыя заставляли простой людъ Украйны бѣжать въ казаки существовали по прежнему и знамя, подъ которое эти бѣглецы могли становиться, знамя религіозное, по прежнему было готово принять ихъ каждую минуту; не доставало лишь человѣка, вождя возстанія и онъ скоро нашелся. Зиновій Богданъ Хмельницкій, сынъ казацкаго сотника Михайлы Хмельницкаго, убитаго въ сраженіи съ Турками при Цецорѣ, самъ попался въ плѣнъ въ этомъ сраженіи, но скоро освободился отъ него, возвратился къ своимъ казакамъ и получилъ званіе войсковаго писаря. Онъ былъ казакъ видный во всѣхъ отношеніяхъ: храбрый, ловкій, дѣятельный, грамотный. Немудрено, что онъ скоро выдвинулся впередъ и когда у него вышелъ споръ съ Чаплинскимъ, подстаростою Чигиринскимъ, разорившемъ у Хмельницкаго его небольшой хуторъ, причемъ по рѣшенію польскихъ властей Чаплинскій остался безъ

наказанія, вся Украйна оказалась на сторонѣ Хмельницкаго. Въ 1646 году вспыхнуло возстаніе, но оно ознаменовалось пока лишь небольшими кровавыми стычками казаковъ съ поляками. Наконецъ, послѣ жестокаго двойнаго пораженія поляковъ подъ Желтыми Водами и Корсунемъ въ 1648 г. возстала уже вся Украйна и Хмельницкій провозглашенъ былъ гетманомъ. Сперва побѣда и успѣхъ былъ на сторонѣ казаковъ. Разбитые снова подъ Зборовымъ, поляки съ королемъ своимъ, Яномъ-Казиміромъ, заключили миръ, по которому казакамъ возвращены были прежнія права и даны новыя привиллегіи. Конечно поляки не исполняли условій того договора, и возстаніе поднялось снова, однако, на этотъ разъ далеко не такъ удачно, какъ ранѣе. Хотя Хмельницкій призвалъ себѣ на помощь Крымскаго хана и одержалъ нѣсколько удачныхъ побѣдъ, но все же силы казаковъ были малы и собранное Яномъ-Казиміромъ «посполитое рушенье» совершенно подавило казаковъ. Они были разбиты подъ Берестечкомъ и вынуждены были заключить миръ при Бѣлой Церкви. Зная, что впереди ихъ ждетъ несомнѣнная гибель подъ польскимъ владычествомъ, казаки, по совѣту Хмельницкаго, обратились къ «Бѣлому, православному Царю» Алексѣю Михайловичу съ просьбой о принятіи Малороссіи подъ покровительство Россіи. Тутъ то и было возложенона князя Алексѣя Никитича важное и трудное порученіе установить статьи договора, по которому Малороссія присоединялась къ Россіи. Онъ блестящимъ образомъ выполнилъ его, работая совмѣстно съ посланниками Хмельницкаго—Богдановичемъ и Тетерею и всѣ статьи, будучи представлены на одобреніе и утвержденіе царя, были имъ приняты и подписаны безъ измѣненій. По этому договору было между прочимъ установлено постоянное число реестровыхъ казаковъ въ 60.000 человѣкъ и предоставленъ былъ имъ выборъ себѣ гетмана и были подтверждены права и привиллегіи городовъ. Желая особенно отличить за это главнаго автора договора, кн. Алексѣя Никитича, и оказать ему особенное благоволеніе свое и благодарность, царь пожаловалъ его ближнимъ бояриномъ

и намѣстникомъ Казанскимъ и назначилъ старшимъ и главнымъ воеводой въ славномъ, побѣдоносномъ походѣ за освобожденіе Малороссіи. Соловьевъ такъ разсказываетъ приготовленія къ этому походу [1]). «17 марта былъ повѣщенъ походъ въ Брянскъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами. 23 апрѣля въ Кремлѣ было большое торжество по поводу отпуска и угощенія Трубецкаго. Это было Воскресенье; въ Успенскомъ соборѣ служилъ обѣдню великій государь святѣйшій патріархъ; присутствовалъ великій государь царь со всѣмъ синклитомъ, присутствовала царица и стояла на своемъ мѣстѣ за занавѣскою (запоною); налѣво отъ царицына мѣста стояли боярскія жены и прочія женщины; соборъ наполняли: стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и жильцы, полковники и головы стрѣлецкіе, сотники и подьячіе, которые должны были идти въ походъ съ воеводами. Послѣ обѣдни служили молебенъ; когда окончилось чтеніе Евангелія, патріархъ благословилъ бояръ и воеводъ и велѣлъ имъ идти прикладываться къ образамъ и мощамъ; когда они исполнили это, патріархъ и царь подошли къ образу Владимірской Богородицы, Никонъ прочелъ сначала молитву Богородицѣ, потомъ молитвы на рать идущимъ, причемъ помянулъ имена бояръ, воеводъ, дьяковъ и прочихъ начальниковъ; послѣ этого царь поднесъ ему воеводскій наказъ, патріархъ положилъ его въ кіотъ Владимірской иконы на пелену, подозвалъ бояръ и воеводъ и началъ имъ говорить: «Примите сей наказъ отъ престола Господа Бога и упованіе держите неизмѣнное, ибо самъ Господь рекъ: имѣяй вѣру яко зерно горушично и проч. Идите радостно и дерзостно за святыя Божіи церкви, за благочестиваго Государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ и исполняйте государево повелѣніе безо всякаго преткновенія. Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радѣть о государевѣ дѣлѣ, то воспріимите Ананіинъ и Сапфиринъ судъ». Трубецкой принялъ наказъ и поцѣловалъ руки у патріарха. Царь

---

[1]) Исторія Россіи, т. X, стр. 356—360.

вышелъ изъ церкви, поддерживаемый двумя боярами кн. Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ и кн. Григоріемъ Семеновичемъ Куракинымъ и, остановившись у соборныхъ дверей на рундукѣ, позвалъ бояръ и воеводъ къ себѣ хлѣба ѣсть». Затѣмъ уже за трапезой, когда всѣ сидѣли за столомъ, царю принесли списокъ всѣхъ ратныхъ людей, отправляющихся въ походъ и онъ, прочитавъ его, обратился къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ, съ правой стороны, кн. Алексѣю Никитичу съ слѣдующими словами: «Князь Алексѣй Никитичъ съ товарищи! заповѣдую вамъ: «заповѣди Божіи соблюдайте и дѣла наши съ радостью исправляйте: творите судъ въ правду, будьте милостивы, страннопріимцы, больныхъ питатели, ко всѣмъ любовны, примирительны, а враговъ Божіихъ и нашихъ не щадите, да не будутъ ихъ ради правые опорочены; передаю вамъ эти списки вашихъ полчанъ, храните ихъ какъ зеницу ока, любите и берегите по ихъ отечеству, а къ солдатамъ, стрѣльцамъ и прочему мелкому чину будьте милостивы къ добрымъ, а злыхъ не щадите; клеветниковъ и ссорщиковъ не допускайте до себя, особенно же пребывайте въ совѣтѣ и любви и упованіе держите несомнѣнное. Если же презрите заповѣди Божіи и преслушаетесь нашего слова, людей Божіихъ, преданныхъ вамъ презрите, то я предъ Богомъ не буду виноватъ, вы дадите отвѣтъ на страшномъ судѣ». Въ этомъ же родѣ говорилъ царь вслѣдъ за тѣмъ и полчанамъ.

Когда кончился обѣдъ и дворецкій снялъ скатерть, то царь вставши съ своего мѣста, сталъ за столомъ, ступя съ колодки на правую сторону. Въ это время ключарь съ соборомъ совершали хлѣбъ Богородицынъ; пѣвчіе пѣли: «Блажимъ тя вси роди, Богородице» и «Достойно есть»; священники говорили: «Святый Боже» по «Отче нашъ» и кондаки, а ключарь подносилъ панагію съ хлѣбомъ Богородицыномъ къ царю. Государь взялъ съ панагіи часть хлѣба съ опасеніемъ и стоя истребилъ. Ключарь, поклонясь, отдалъ панагію, и, взявши съ стола Богородицыну чашу, поднесъ царю. Государь испилъ трижды и подавалъ чашу боярамъ и воево-

дамъ по чину, начиная съ кн. Алексѣя Никитича, кромѣ окольничихъ; принявъ чашу, бояре цѣловали царю руку. Послѣ этого, отпустивъ ключаря съ панагіею, царь сѣлъ на свое прежнее мѣсто, бояре, воеводы, дьяки и полчане стояли около и началось угощеніе питіями. Бояръ и воеводъ царь угощалъ водкою и краснымъ медомъ, дьяковъ краснымъ и бѣлымъ медомъ, полчанъ бѣлымъ медомъ. Окончивъ угощеніе, Алексѣй Михайловичъ обратился къ боярамъ и воеводамъ съ рѣчью: «Князь Алексѣе-су съ товарищи! Если дастъ Богъ здоровья вамъ и станете на указанномъ мѣстѣ, то, пересмотря нашихъ ратныхъ людей, скажите имъ нашъ указъ: на первой недѣлѣ Петрова поста всѣмъ обновиться св. покаяніемъ и воспріятіемъ тѣла и крови Господни; вѣдаете и сами: аще христіанинъ три лѣта не причастится, нѣсть христіанинъ. Второе вамъ приказываю: если и въ походахъ будете, не оставьте сей Евангельской заповѣди, елико сила ваша можетъ, сотворите плоды послушанія, вѣдаете и сами, чѣмъ пророцы и законъ весь висятъ. Аще сію Христову заповѣдь сохраните и обновитеся святымъ покаяніемъ и пріобщитеся безсмертной трапезѣ, то дерзостно реку вамъ: ей, ополчится Ангелъ Господень окрестъ полка вашего. Третье приказываю Вамъ: непослушниковъ и силою приводить къ святому покаянію; полагаю весь полкъ вашъ на васъ, боярахъ и воеводахъ; если хотя одинъ человѣкъ нерадѣніемъ вашимъ не обновится покаяніемъ, то вы отвѣтъ дадите на страшномъ судѣ Христовѣ».

На эту рѣчь отвѣчалъ кн. Алексѣй Никитичъ: «О царю пресвѣтлый, премилостивый и премудрый, нашъ государь и отецъ и учитель! ей насладились мы душевныхъ и полезныхъ учительныхъ словъ! какого источника живыхъ водъ искали, такой и обрѣли. Пророкомъ Моисеемъ манна дана была Израильскимъ людямъ въ пищу: мы же не только тѣлесною снѣдью напитались отъ твоихъ царскихъ устъ, но и душевною пищею пресладкихъ и премудрыхъ глаголовъ Божіихъ, исходящихъ отъ устъ твоихъ царскихъ, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловѣрны, но

устремляемся мы на всякое послушаніе благое, и Богъ помощникъ намъ будетъ».

Послѣ этого начался отпускъ: первый подошелъ къ царской рукѣ старшій воевода, кн. Алексѣй Никитичъ: царь взялъ обѣими руками его голову и прижалъ къ груди своей, «для его чести и старшинства, потому что многими сѣдинами украшенъ, мужъ благоговѣйный и изящный, мудрый въ божественномъ писаніи, въ воинствѣ счастливъ и недругамъ страшенъ», какъ говоритъ современный лѣтописецъ. Затѣмъ царь отпустилъ и всѣхъ остальныхъ и вышелъ въ сѣни Грановитой палаты, гдѣ сказалъ послѣднее, прощальное слово полчанамъ, упомянувъ о томъ, что и самъ пойдетъ съ ними противъ враговъ вѣры православной. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ единодушный откликъ ихъ съ обѣщаніемъ положить головы свои за царя и вѣру православную.

26-го числа войско выступило въ Брянскъ; оно шло чрезъ Кремль мимо дворца подъ переходы, на которыхъ сидѣли царь и патріархъ, Никонъ кропилъ проходящее войско водою. Когда къ переходамъ подъѣхали бояре и воеводы, то сошли съ лошадей и поклонились по обычаю; государь спросилъ ихъ о здоровьи и они поклонились до земли. Царь сказалъ имъ: «Поѣзжайте да послужите; Богъ съ вами: Той вамъ поможетъ и васъ соблюдетъ». Бояре и воеводы опять поклонились до земли. Всталъ Никонъ, благословилъ ихъ и сказалъ имъ рѣчь: «Упованіе крѣпко и несумнѣнно имѣйте въ умѣ своемъ на Господа Бога и Творца всего созданія и общую заступницу, Пресвятую Богородицу, призывайте въ помощь. Государевы дѣла дѣлайте съ усердіемъ, а во всемъ томъ Господь Богъ утвердитъ васъ и поможетъ вамъ на всякое доброе дѣло; да подастъ вамъ силою животворящаго креста побѣду и одолѣніе и возвратитъ васъ здравыхъ со всякою доброю побѣдою». Окончивъ рѣчь, патріархъ опять благословилъ ихъ и поклонился по обычаю. Поклонившись ему въ свою очередь, кн. Алексѣй Никитичъ держалъ отвѣтное слово: «О всеблаженнѣйшій и пресвятѣйшій отцамъ отецъ, великій государь, пресвятѣйшій Никонъ, всея Великія

и Малыя Россіи патріархъ! Удивляемся и ужасаемся твоихъ государевыхъ учительныхъ словесъ и надѣемся на твое государево благоутробіе, понеже не видимъ ни одного грѣшника кающагося отгоняема и озлобляема отъ тебя государя. Твоему пресвятому поученію, какъ евангельскому благовѣстію, радостною душою и радостными слезами веселимся и утѣшаемся; по волѣ Божіей, по государеву указу и по твоему благословенію и ученію, обѣщаемся съ радостію служить безо всякія хитрости; если же въ безхитростіи или въ недоумѣніи рашемъ преступленіе учинится, молимъ тебя, пресвѣтлѣйшій владыко, о заступленіи и о помощи».

Спустя двѣ недѣли и самъ царь отправился къ войску. Походъ этотъ извѣстенъ, также какъ и результаты его. Одинъ за другимъ сдавались занятые врагами города и Русское войско въ побѣдоносномъ шествіи своемъ подвигалось все далѣе въ глубь страны, наполненной Поляками и по мѣрѣ приближенія его, тѣ оставляли города, мѣстечки, крѣпости и бѣжали домой, уже отстаивать свою, родную землю. Палъ Дорогобужъ, Рославль, Орша, Глубокій, Борисовъ, Гомель, Могилевъ, Мстиславль [1]) и др.

---

[1]) Въ Мстиславскомъ Парафіальномъ костелѣ находится современная этимъ событіямъ картина, изображающая взятіе Мстиславля. На первомъ планѣ нарисованы воины въ древне-римскомъ (!) вооруженіи, въ панцыряхъ и шлемахъ, со щитами, копьями и ружьями (sic) въ рукахъ. Сзади нихъ стоятъ закрытыя фашинами маленькія пушки, въ моментъ выстрѣла. Съ лѣвой стороны горятъ городскія зданія, а съ права, подъ подошвой горы, на которой стоитъ костелъ, проходятъ громадной толпой въ городъ русскіе полки въ тѣхъ же костюмахъ.

Городъ Мстиславль былъ основанъ около 1197 г. кн. Мстиславомъ Романовичемъ, сдѣлавшимся затѣмъ кн. Смоленскимъ. До 1358 г. этотъ городъ принадлежалъ Смоленскому княжеству, но въ этомъ году онъ былъ взятъ Ольгердомъ и съ тѣхъ поръ начался, непрерывавшійся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, споръ между Литвой и затѣмъ Польшей и Смоленскомъ изъ-за обладанія имъ. Но большею частью побѣда оставалась на сторонѣ Польши. Это было, отчасти, понятно, такъ какъ не въ немъ одномъ, а вообще во всемъ Смоленскомъ княжествѣ жило очень много литовскихъ древнихъ фамилій, тяготившихъ къ Польшѣ. И послѣ кн. Алексѣя Никитича Мстиславль былъ снова взятъ Поляками и оставался подъ ихъ владычествомъ, пока Петръ Великій не взялъ его, въ 1708 г., и не присоединилъ окончательно къ Россіи.

Подъ Смоленскомъ сперва русскія войска потерпѣли временную неудачу и имъ долго не удавалось взять его приступомъ. Затѣмъ пали Ковно и Гродно, а казачьи войска дошли въ это время до Вислы. Поляки должны были уступить и заключили миръ. Его охотно желалъ и царь: съ одной стороны шелъ на помощь кн. Радзивиллу, главному врагу Россіи, призванный имъ Шведскій король Карлъ X, съ другой стороны подъ Москвой и въ самой Москвѣ свирѣпствовала моровая язва, начинались волненія противъ «новшествъ» Никона и присутствіе царя было необходимо въ столицѣ. При посредствѣ австрійскаго двора было заключено въ 1656 году перемиріе, по которому Бѣлая и Малая Россія остались за царемъ и онъ прибавилъ себѣ новые титулы князя Московскаго, Волынскаго и Подольскаго.

Какъ относился во время этого похода Алексѣй Михайловичъ къ кн. Алексѣю Никитичу, какимъ близкимъ человѣкомъ къ себѣ считалъ онъ его, видно изъ того, что въ минуты огорченія и печали, которыя много доставляли ему его окружающіе, пользуясь его добротою, онъ сейчасъ же сообщалъ о своихъ огорченіяхъ, мысляхъ и безпокойствахъ только ему одному и въ письмахъ этихъ искалъ себѣ утѣшенія. «А у насъ, пишетъ онъ кн. Алексѣю Никитичу 31 мая 1654 г., вскорѣ по выступленіи въ походъ, ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какъ есть облака: иногда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явится, иногда зломъ и яростію и ненастьемъ всякимъ злохитрѣйшемъ и обычаемъ Московскимъ явится, иногда злымъ отчаяніемъ и погибель прорицаютъ, иногда тихостію и блѣдностію лица своего отходятъ лукавымъ сердцемъ. Коротко вамъ пишу, потому что неколи писать, спѣшу въ Вязьму; а мнѣ, уже Богъ свидѣтель, каково становится отъ двоедушія того, отнюдь упованія нѣтъ. А потомъ здраствуйте и творите всякое дѣло съ упованіемъ къ Творцу своему и будьте любовны между собою, ей Богъ съ вами, а ко мнѣ еслибы не Его Свѣтова милость, ей сокрушеніе бы

моему сердцу малодушіе оныхъ» [1]). Какой безъисходной грустью вѣетъ отъ этого письма, какъ сказывается въ немъ вполнѣ «тишайшій»! Царь зналъ кому писалъ; онъ зналъ, что на кн. Алексѣя Никитича онъ можетъ вполнѣ положиться во всемъ, все ему довѣрить, обо всемъ посовѣтываться; онъ зналъ, что тотъ никогда его не выдастъ, что всякое слово его найдетъ откликъ въ душѣ боярина, что всегда услышитъ отъ него разумное слово, разумное дѣло и за то такъ любилъ Алексѣй Михайловичъ кн. Алексѣя Никитича, такъ цѣнилъ и уважалъ его....

Не долго отдыхалъ послѣ этого похода кн. Алексѣй Никитичъ. Въ 1656 г. скончался гетманъ Богданъ Хмельницкій и на его мѣсто былъ избранъ молодой и неопытный юноша — его сынъ, Юрій Хмельницкій. Искренній сторонникъ Польши, жаждавшій славы и почестей, войсковый писарь Виговскій, женатый на родной сестрѣ Юрія, сперва сталъ дѣйствовать въ свою пользу интригами, а когда набралъ достаточное количество приверженцевъ, силой захватилъ гетманскіе клейноды и провозгласилъ себя гетманомъ. Хотя большинство казаковъ было, конечно, противъ него, но они ничего не могли сдѣлать противъ узурпатора, за которымъ стояла Польша и у котораго явился сильнымъ и грознымъ союзникомъ Крымскій ханъ, пришедшій со всей ордой. Казаки обратились снова къ Москвѣ и на выручку ихъ было послано Московское войско. Снова освободителемъ Малороссіи является кн. Алексѣй Никитичъ; ему было вторично поручено это великое дѣло и онъ сталъ во главѣ войска. 15 января 1659 года выступилъ онъ изъ Москвы, 28-го изъ Сѣвска, 10 марта пришелъ въ Путивль, откуда вышелъ черезъ двѣ недѣли въ мѣстечко Константиновъ на Сулѣ. 10 апрѣля онъ покинулъ это мѣстечко и направился къ Колотоку, гдѣ заперся приверженецъ Виговскаго полковникъ Гуляницкій. Здѣсь, основываясь на показаніяхъ лазутчиковъ и предполагая въ городѣ небольшое количество войска, онъ осадилъ его, по свѣ-

[1]) Соловьевъ, т. X, стр. 363—4.

дѣнія оказались ложными и осада затянулась на полтора мѣсяца. Межъ тѣмъ Виговскій подоспѣлъ съ Татарами, и напавъ на Русское войско ночью, въ расплохъ, разбилъ его на берегахъ рѣчки Сословки и заставилъ отступить. Три дня продолжалось отступленіе и все время Русскихъ преслѣдовалъ Виговскій до рѣки Семи (Сейма), съ Крымскимъ ханомъ, Бѣлогородскими и Нагайскими Татарами, Поляками, Волохами и Молдаванами. Русскихъ было всего 15.000 человѣкъ и несмотря на свою отчаянную храбрость, они не могли заставить Виговскаго прекратить преслѣдованіе, пока не дошли до Путивля. Въ этомъ несчастномъ исходѣ осады Колотока много еще имѣло вліяніе мѣстничество, счеты подначальныхъ кн. Алексѣю Никитичу бояръ и воеводъ, не хотѣвшихъ ему повиноваться и слушать его распоряженій. Впослѣдствіи царь Θедоръ Алексѣевичъ, въ рѣчи своей, говоренной при уничтоженіи мѣстничества, прямо приписываетъ пораженіе подъ Колотокомъ спорамъ, возникшимъ между воеводами о старшинствѣ и преимуществѣ бояръ.

Неудача эта произвела сильное впечатлѣніе въ Москвѣ среди бояръ, завидовавшихъ кн. Алексѣю Никитичу и боявшихся всегда какихъ бы то ни было рѣшительныхъ предпріятій. Но знаменитый дипломатъ, первый основатель Посольскаго Приказа, бояринъ Ордынъ-Нащокинъ, успокоилъ царя. И дѣйствительно, вскорѣ по прибытіи въ Путивль, кн. Алексѣй Никитичъ послалъ отрядъ взять городъ Королъ, преданный Виговскому и городъ этотъ былъ сожженъ и разрушенъ до основанія. Вслѣдъ за тѣмъ ханъ, узнавъ, что Донскіе казаки грабятъ его владѣнія, покинулъ своего союзника, оставивъ ему лишь 15.000 челов. и ушелъ домой. Вслѣдъ за нимъ Виговскій тотчасъ же отступилъ къ себѣ, въ Чигиринъ. По дорогѣ онъ хотѣлъ взять Гадячъ, но былъ отброшенъ съ позоромъ. Кн. Алексѣй Никитичъ двинулся въ глубь Малороссіи, въ «Черкасскіе города»; по дорогѣ, одинъ за другимъ сдавались ему бывшіе приверженцы Виговскаго и присягали на вѣрность Москвѣ. 27 сентября Русское войско пришло къ Переяславлю; полковникъ его, Тимоθей Цецура, встрѣтилъ во-

еводу за пять верстъ отъ города со всѣмъ своимъ полкомъ и отдался въ его распоряженіе. Всѣмъ Переяславцамъ кн. Алексѣй Никитичъ объявилъ, что вина ихъ прощается и что права и вольности ихъ возстановляются по прежнему. Желая прекратить борьбу и дать миръ разстроенной и разграбленной Украйнѣ, онъ послалъ 30 сентября письмо къ Юрію Хмельницкому съ увѣщаніемъ, чтобы онъ, помня милость царскую къ отцу своему и себѣ, служилъ великому государю вѣрно, привелъ въ подданство заднѣпровскіе полки. Пріѣхавшій въ отвѣтъ на эту грамоту посолъ отъ Хмельницкаго и всего войска Запорожскаго, полковникъ Дорошенко, привезъ съ собой согласіе гетмана и всѣхъ радъ служить вѣрно царю Московскому, если имъ сохранятся ихъ прежнія права и привиллегіи. Кн. Алексѣй Никитичъ обѣщалъ имъ это отъ имени царя. Вмѣстѣ съ тѣмъ посолъ звалъ боярина пріѣхать въ станъ къ Хмельницкому, въ монастырь Терехтемировскій, для заключенія условій договора о подданствѣ. Кн. Алексѣй Никитичъ отказалъ. Три раза начинали полковники казацкіе просить объ этомъ, три раза присылали они пословъ съ зовомъ пріѣхать къ нимъ, выставляя разныя причины, мѣшающія будто бы явиться имъ самимъ въ станъ Русскій, въ Переяславль—бояринъ оставался непоколебимъ, настаивая на своемъ. Видя, что сломить его рѣшимость невозможно, Хмельницкій съ полковниками явились, наконецъ, сами, 17 октября 1659 года въ Переяславль и установили статьи, на которыхъ долженъ былъ быть основанъ договоръ. Кн. Алексѣй Никитичъ вполнѣ сознательно отказывалъ въ своей поѣздкѣ въ станъ казаковъ и настаивалъ на ихъ пріѣздѣ къ нему. Онъ отлично понималъ, что поѣздкой этой онъ не только уронилъ бы свое достоинство, какъ представителя царя и всей Россіи, не только умалилъ бы свой престижъ, но что казаки въ *своемъ* станѣ дѣйствовали бы и разговаривали бы иначе и ему трудно было бы согласить между собою всѣхъ полковниковъ казацкихъ. Надо было непремѣнно показать свою нравственную силу и стойкость, показать, что имъ оказывается милость принятіемъ ихъ въ свое

подданство и дарованіемъ, такимъ образомъ, вѣчной и крѣпкой защиты отъ ихъ исконныхъ враговъ, что хотя они и у себя дома, но въ данномъ случаѣ хозяева ихъ *избавители* и *властители*, они же и распоряжаются всѣмъ. Въ противномъ случаѣ, помимо того, что казаки легко могли бы предъявить слишкомъ тяжелыя требованія, держа, такъ сказать, въ своихъ рукахъ русскаго воеводу, среди нихъ могъ сразу найтись и новый Виговскій какой-нибудь и кто знаетъ, что вышло бы изъ этого. Почти всѣ полковники дрались то вмѣстѣ съ Поляками, то вмѣстѣ съ Татарами, то противъ нихъ и надо было вести дѣло очень серьезно. Это какъ нельзя лучше исполнилъ князь Алексѣй Никитичъ и къ договору, который въ сущности былъ повтореніемъ договора 1654 г., прибавилъ нѣсколько новыхъ важныхъ статей, настоявъ на ихъ включеніи въ договоръ. Изъ этихъ дополнительныхъ статей можно отмѣтить здѣсь нѣсколько главнѣйшихъ: 1) гетманъ обязанъ отправлять во всякое время казацкіе полки на службу царскую; безъ указа государева онъ не имѣетъ права помогать никому; 2) онъ обязанъ сохранять вѣрность и не предаваться Полякамъ; возмутителей внутренняго благосостоянія лишать жизни; 3) въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ и Умани, какъ исконныхъ русскихъ городахъ быть русскимъ воеводамъ для обороны отъ непріятелей, но безъ права вступаться въ войсковыя права и вольности; 4) гетману безъ Рады и безъ совѣта всѣхъ простыхъ казаковъ въ полковники и въ другіе начальные люди никого не избирать и отъ этихъ должностей никого не отставлять и т. д.

За такое счастливое окончаніе Малороссійскихъ дѣлъ царь пожаловалъ кн. Алексѣю Никитичу шубу въ 360 р., кубокъ въ 10 гривенокъ, 200 руб. придачи къ прежнему окладу, да прародительскую вотчину городъ Трубчевскъ (Трубецкъ) съ уѣздомъ и съ титуломъ *Державца* Трубчевскаго. Грамота писана 1660 года 17 марта [1]); въ ней, кромѣ самаго города Трубчевска и его уѣзда, т.-е. недвижимой собственности,

---

[1]) См. приложеніе № 9.

объявляются во владѣніе кн. Алексѣя Никитича и всѣ жители, городскіе и уѣздные, всѣ служилые люди, боярскія дѣти, кромѣ тѣхъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, которые были переведены въ Трубчевскъ изъ другихъ мѣстъ, всѣ «хлебные, пушечные запасы, снаряды, оружіе угодья» и всѣ «будные станы которые издавна заведены и ныне заводятъ», и таможенный дворъ, однимъ словомъ все, что тамъ окажется, «за ево къ намъ Великому Государю многіе службы». Однако князь Алексѣй Никитичъ недолго владалъ «прародительской вотчиной» [1]): чувствуя въ себѣ призваніе оставить свѣтъ и удалиться въ монастырь и не желая оставлять свои владѣнія потомству брата своего кн. Юрія Никитича, перешедшаго въ Польшу, онъ, будучи приглашенъ въ 1672 г. на крестины Царевича Петра Алексѣевича (Петра Великаго) въ качествѣ его крестнаго отца, отдалъ ему Трубчевскъ со всѣми землями и угодьями и отказался отъ титула «державца». Собственно онъ еще раньше отказался отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ и послѣдній разъ въ исторіи онъ появляется въ дѣлѣ патріарха Никона.

Сначала любимецъ царя, обласканный имъ и возведенный въ санъ патріарха съ титуломъ «Великаго Государя», чего не удостаивался ни одинъ патріархъ, Никонъ въ концѣ 50-хъ годовъ XVII столѣтія начинаетъ ссориться съ своимъ другомъ—царемъ «Тишайшимъ» и мало-по-малу отдаляетъ его отъ себя. Съ одной стороны причиной перемѣны этихъ отношеній служилъ крутой, неуступчивый нравъ патріарха, съ другой стороны не мало вліяли на расположеніе къ нему Алексѣя Михайловича интриги его многочисленныхъ враговъ, твердыхъ сторонниковъ старины и ярыхъ противниковъ

[1]) Онъ не только не жилъ въ ней, но и посѣщалъ, повидимому, очень рѣдко, что можно замѣтить изъ слѣдующей выписки изъ Архива Трубчевскаго Уѣзднаго Суда: „Царь Алексѣй Михайловичъ 1660 г. за великія службы подарилъ городъ (Трубчевскъ) съ уѣздомъ въ вотчину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, но какъ онъ занимался военными дѣлами и государственными, то вмѣсто него управлялъ человѣкъ его Иванъ Ѳедоровъ Нормацкій". Нормацкій былъ полковникомъ Стрѣлецкаго полка.

«новшествъ», вводимыхъ Никономъ. Мелкія придирки, уколы самолюбія, преднамѣренныя униженія со стороны его враговъ сильно раздражали Никона, а слабость и добродушіе царя, много спускавшаго этимъ недоброжелателямъ, заставляли патріарха, глубоко всѣмъ этимъ оскорблявшагося, прибѣгать къ слишкомъ рѣзкимъ выраженіямъ своего раздраженія. Такимъ образомъ оскорбленіе окольничимъ Богданомъ Хитрово, во время пріѣзда въ Москву Грузинскаго царевича Теймураза лѣтомъ 1658 г., дворянина патріаршева, повело къ тому, что вслѣдствіе рѣзкаго по этому поводу письма Никона царю, Алексѣй Михайловичъ не былъ въ Соборѣ на патріаршемъ служеніи 8 и 10 іюля и сверхъ того черезъ князя Юрія Ромодановскаго выразилъ свое неудовольствіе Никону. Никонъ, взволнованный выговоромъ и отсутствіемъ царя, кончая службу, отрекся съ амвона отъ патріаршества, разоблачился, написалъ письмо царю о своемъ отказѣ и вышелъ изъ собора. Растревоженная толпа его не пускала, а царь, узнавъ подробности, послалъ въ Соборъ «самого сановитаго боярина» князя Алексѣя Никитича [1]), дабы уговорить и успокоить патріарха. Никонъ далъ кн. Алексѣю Никитичу письмо къ царю и сталъ ждать отвѣта. Всѣ ожидали, что царь явится самъ, однако чрезъ нѣкоторое время кн. Алексѣй Никитичъ вернулся обратно съ письмомъ Никона и передалъ ему устную просьбу Алексѣя Михайловича не оставлять патріаршества. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, Никонъ упорно сталъ на желаніи отказаться отъ своего сана и, не смотря на мольбы народа, удалился въ свой Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ). На третій день послѣ этого, 12 іюля, поѣхалъ къ нему туда кн. Алексѣй Никитичъ, въ сопровожденіи діака Ларіона Лопухина, для объясненія по поводу случившагося. «Для чего ты, святѣйшій патріархъ, спрашивалъ князь, поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ, не доложа великому государю и не подавъ ему благословенія? а если бы великому государю было из-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XI, стр. 296.

вѣстно, то онъ велѣлъ бы тебя проводить съ честію. Ты бы подалъ великому государю, государынѣ царицѣ и дѣтямъ ихъ благословеніе, благословилъ бы и того, кому изволитъ Богъ быть на твоемъ мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь Крутицкому митрополиту».— «Чтобъ государь, государыня царица и дѣти ихъ пожаловали меня, простили, отвѣчалъ Никонъ, а я имъ свое благословеніе и прощеніе посылаю, и кто будетъ патріархомъ, того благословляю; бью челомъ, чтобъ церковь не вдовствовала и безпастырна не была, а церковь вѣдать благословляю Крутицкому митрополиту; а что поѣхалъ вскорѣ не извѣстивъ великому государю, и въ томъ предъ нимъ виноватъ; напугался я, что постигла меня болѣзнь и чтобы мнѣ въ патріархахъ не умереть, и впередъ я въ патріархахъ быть не хочу, а если захочу, то проклятъ буду, анаѳема» [1]). Посольство кн. Алексѣя Никитича, безъ сомнѣнія, имѣло успѣхъ уже въ томъ, что Никонъ очень смягчился и письмо его, отправленное съ княземъ къ царю замѣчательно по кротости и смиренію: «Многогрѣшный богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, *бывшій* патріархъ, о вашемъ душевномъ маленіи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога ей-ей со слезами молю и милости у васъ, государей, и прощенія прошу, Бога ради простите мнѣ многое къ вамъ прегрѣшеніе, которому воистину нѣтъ числа. По отшествіи вашего боярина князя Алексѣя Никитича съ товарищи, ждалъ я отъ васъ, великихъ государей, по моему прошенію милостиваго указа, не дождался и многихъ ради болѣзней своихъ велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь». Однако вскорѣ тонъ его слова мѣняется и становится все рѣзче и рѣзче. Смиреніе замѣнилось гордостью и стремленіемъ къ прежней силѣ и власти. Переговоры съ нимъ царя черезъ разныхъ пословъ не привели ни къ чему, а только раздражали Никона и онъ сталъ уже жаловаться на козни враговъ, подсылавшихъ, будто бы, наемныхъ людей извести его и погубить. Такое дѣло по обви-

---

[1]) Соловьевъ, ibid., стр. 297—298.

ненія Крутицкаго митрополита, блюстителя патріаршаго престола и Чудовскаго архимандрита въ подсылкѣ нѣкоего діакона Θедора къ нему, Никону, съ цѣлію отравить его, по его жалобѣ царю, было поручено кн. Алексѣю Никитичу. Это было въ 1660 году. Конецъ исторіи съ Никономъ извѣстенъ: онъ требовалъ для суда надъ собою соборъ вселенскихъ патріарховъ и въ декабрѣ 1666 года былъ лишенъ этимъ соборомъ сана и отправленъ въ Θерапонтовъ монастырь. Разборъ дѣла о діаконѣ Θедорѣ было послѣднимъ участіемъ, которое принималъ въ государственныхъ дѣлахъ князь Алексѣй Никитичъ. Съ этого времени онъ отрѣшается отъ міра, но едва ли принимаетъ монашество тогда же, такъ какъ только въ 1672 г. онъ отдаетъ Трубчевскъ царевичу Петру Алексѣевичу. Вѣроятно утомленный своей долголѣтней дѣятельностью, то въ качествѣ полководца, то въ качествѣ дипломата, а онъ былъ выдающимся и замѣчательнымъ дипломатомъ своего времени, и удрученный преклонными годами [1]), онъ просто удалился на покой въ одно изъ своихъ многочисленныхъ владѣній. Основываясь на этомъ удаленіи съ поприща государственной дѣятельности, какъ кажется, Бантышъ-Каменскій [2]), а за нимъ и кн. П. Долгоруковъ [3]) относятъ смерть его къ 1663 г. Между тѣмъ, кромѣ вышеприведеннаго указанія, что кн. Алексѣй Никитичъ былъ крестнымъ отцемъ Петра Великаго, т.-е. что онъ былъ живъ еще въ 1672 г., въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранится интересный документъ, упоминающій князя Алексѣя Никитича подъ 1678 г. Это «Книга сборныхъ и записныхъ по грамотѣ изъ Ямскаго Приказу съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель четвертныхъ родовыхъ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ сбору» (книга № 1). Въ ней отмѣчено: «Ветлуга. Станъ Воскресенскій. За боя-

[1]) Въ это время ему было болѣе 70 лѣтъ, т. к. годъ его рожденія предносится въ 1590. См. Les Princes Troubetzkoi, par Pr-se E. Troubetzkoi

...ов. Достоп. Людей, т. V, стр. 160.
...оссійс. Родослов. книга, I, стр. 321, № 30.

риномъ за *князь Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ* сельцо Бѣлышово съ деревнями и съ починки четыре чети съ трешникомъ. Платили на Москвѣ». Умеръ князь Алексѣй Никитичъ въ 1680 году, принявъ передъ смертью иночество подъ именемъ Аѳанасія, и погребенъ въ Спасо-Холмскомъ монастырѣ. На стѣнахъ церкви этого монастыря фресковой живописью изображенъ портретъ его во время осады Мстиславля. Женатъ онъ былъ на Екатеринѣ Ивановнѣ N. N. (фамилія неизвѣстна), но дѣтей послѣ себя не оставилъ и не желая, чтобы и другія его владѣнія, какъ и Трубчевскъ, достались потомкамъ кн. Юрія Никитича, отказалъ, на смертномъ одрѣ, все, чѣмъ онъ владѣлъ, царю Алексѣю Михайловичу.

Въ исторіи Государства Россійскаго кн. Алексѣй Никитичъ оставилъ по себѣ неизгладимую память тѣмъ дѣятельнымъ, важнымъ и плодотворнымъ участіемъ, которое онъ принималъ въ дѣлѣ присоединенія къ Россіи Малороссіи. Вообще онъ былъ замѣчательнымъ дипломатомъ XVII ст. и если его военные подвиги не всегда были удачны, то во всякомъ случаѣ его дипломатическіе подвиги съ избыткомъ покрываютъ и изглаживаютъ его военныя ошибки. Въ исторіи рода Трубецкихъ князь Алексѣй Никитичъ является послѣднимъ потомкомъ старшей вѣтви этого рода и почти въ теченіе полустолѣтія единственнымъ представителемъ его въ Россіи, начиная со времени смерти кн. Дмитрія Тимоѳеевича (въ 1625 г.) и до появленія въ Россіи внука кн. Юрія Никитича—Юрія Петровича, переселившагося окончательно въ Москву въ концѣ 60-хъ годовъ XVII ст. Изъ его біографіи ясно видно какимъ замѣчательнымъ былъ онъ представителемъ своего рода и какъ высоко несъ онъ знамя своихъ предковъ. Послѣ его смерти, его внучатный племянникъ становится главой дома кн. Трубецкихъ, а вслѣдъ затѣмъ скоро рушится строй древней русской жизни, Россія переживаетъ тяжелую эпоху коренной ломки всего стараго, дѣдовскаго, являются новыя требованія, новыя условія жизни...

Выше уже было сказано [1]), что кн. Юрій Никитичъ, пе-

[1]) Стр.

реселяясь въ Польшу, взялъ съ собой обоихъ сыновей своихъ кн. *Петра и Александра Юрьевичей.* (№№ 33 и 34). Первый изъ нихъ, кн. Петръ Юрьевичъ пользовался такимъ же расположеніемъ короля Польскаго, какъ и его отецъ. По достиженіи совершеннолѣтія, въ 1634 году, онъ получилъ отъ короля Владислава IV часть Трубчевска, тогда еще принадлежавшаго Польшѣ, въ награду за вѣрную службу князя Юрія, отца его, покойному королю Сигизмунду и за участіе кн. Петра съ братомъ въ походѣ противъ Москвы [1]). Это владѣніе кн. Петръ раздѣлилъ на двѣ части и одну изъ нихъ оставилъ себѣ, а другую отдалъ брату. Но этимъ не ограничилось вниманіе короля: нѣсколькими грамотами [2]) 1635 г. онъ пожаловалъ ему еще нѣсколько владѣній: деревни Средній-Городецъ и Радчинъ въ Трубчевскомъ уѣздѣ, 8-ю часть села Нехина, половину села Злоби, 4-ю часть села Радучина, село Лубцы, деревни Острую Луку и Илинское въ Смоленскомъ воеводствѣ и др. На этотъ разъ награда слѣдовала уже за личныя заслуги кн. Петра Юрьевича, «за вѣрную службу въ мирѣ и войнѣ». Въ 1639 году, апрѣля 3-го, король прибавилъ еще къ этому громадное имѣніе Петруйковичи, находившееся въ Могилевской экономіи и ранѣе отобранное изъ совмѣстнаго имъ владѣнія съ Салтыковыми, но подъ условіемъ платить въ казну ежегодно по 30-ти копъ литовскихъ. Дабы расширить значеніе Трубчевска и увеличить его доходность, Владиславъ актомъ 6 іюня 1640 г. учредилъ въ этомъ городѣ три ярмарки ежегодныя: первую въ день Св. Троицы, вторую 26 іюня въ день Св. Анны и третью 6 января въ день Крещенія Господня. Въ это же время самъ князь Петръ Юрьевичъ получилъ званіе камергера и маршала Стародубскаго. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Елизаветѣ Друцкой-Соколинской и имѣлъ отъ нея лишь одного сына, кн. Юрія Петровича, единственнаго наслѣдника и представителя рода кн. Трубецкихъ въ концѣ XVII ст., родоначальника всѣхъ суще-

---

[1]) Грамота отъ 11 мая, данная подъ Бѣлою.

[2]) Грамоты отъ 16 и 21 апрѣля и 15 декабря.

ствующихъ понынѣ членовъ этого знаменитаго дома. Скончался князь Петръ Юрьевичъ въ 1644 году [1]), а вдова его спустя нѣкоторое время, вышла замужъ, вторымъ бракомъ, за пана Володкевича.

Второй сынъ кн. Юрія Никитича, кн. Александръ Юрьевичъ, также служилъ при Польскомъ дворѣ, но оставилъ послѣ себя гораздо менѣе свѣдѣній, чѣмъ его братъ. За походъ противъ Москвы онъ также награждался помѣстьями и, какъ выше было сказано, владѣлъ Трубчевскомъ пополамъ съ кн. Петромъ. Въ различныхъ литовскихъ и польскихъ грамотахъ имя его встрѣчается нерѣдко. Годъ смерти его неизвѣстенъ и умеръ онъ бездѣтнымъ.

Кн. *Юрій Петровичъ* (№ 35) родился въ Польшѣ, служилъ тамъ и быть можетъ и остался бы навсегда на родинѣ своего отца, еслибы не одно обстоятельство, совершенно измѣнившее и положеніе его и дальнѣйшую его дѣятельность. Это—приглашеніе царя Алексѣя Михаиловича возвратиться въ Россію и занять мѣсто, подобающее единственному представителю столь знаменитаго и славнаго рода. Дабы успѣшнѣе добиться этого, царь, при посредствѣ кн. Алексѣя Никитича, славнаго дѣда кн. Юрія Петровича, потребовалъ отъ его матери, уже вышедшей вторично замужъ за пана Володкевича, его выдачи. Кн. Юрій Петровичъ отправился въ Москву (въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII ст.). Пользуясь его молодостью, король Владиславъ, въ гнѣвѣ за измѣну Польши, секвестровалъ всѣ имѣнія Трубецкихъ и пріобщилъ ихъ къ коронным владѣніямъ. Возмужавъ, кн. Юрій Петровичъ снова вернулся въ Польшу дабы получить обратно все потерянное имущество и король не только призналъ всѣ

---

[1]) Онъ былъ похороненъ въ Трубчевскѣ, подъ соборомъ, но прахъ его не долго покоился тамъ. Спустя два года, „12 февраля 1646 г. брянской стрѣлецъ Лукашка ратной подъ соборомъ *ободралъ* гробъ князя Петра Трубецкаго; посадскій человѣкъ Иванъ Гамовъ доносилъ о семъ Государю и царь приказалъ ратнаго за сей проступокъ безщаднаго казнити“ (Архивъ Трубчевскаго уѣзднаго суда). Надгробной плиты въ усыпальницѣ князя Петра Юрьевича нѣтъ.

иски его вполнѣ надлежащими удовлетворенію и возвратилъ все у него отнятое, но даже отдалъ ему и Трубчевскъ, хотя городъ этотъ принадлежалъ въ это время уже Россіи (по Андрусовскому договору 1667 г.). Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Москву кн. Юрій Петровичъ начинаетъ уже выдвигаться своей служебной дѣятельностью. Въ 1658 году, во время пребыванія въ Москвѣ Грузинскаго царевича Теймураза, на обѣдѣ, данномъ въ честь этого царевича, онъ занимаетъ должность чашника [1]), а въ 1660 году уже пожалованъ стольникомъ. Постепенно возвышаясь, онъ получилъ въ 1671 г. званіе боярина и «государева жалованья 500 руб.», увеличеннаго вскорѣ до 600 р. [2]). Два года спустя кн. Юрій Петровичъ былъ уже воеводой въ Кіевѣ. Отъ времени его воеводства сохранился очень любопытный документъ, это «грамота царя Алексѣя Михайловича» [3]) Кіевскому воеводѣ боярину князю Юрію Петровичу Трубецкому о явившемся на Запорожьи Донскомъ казакѣ, назвавшемся Царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ». Этой грамотой царь поручаетъ своему воеводѣ «учинить о признаваніи его (Самозванца) заказъ тайный, какъ тебя о томъ Богъ вразумитъ», доносить о результатахъ поисковъ, а грамоту самую держать въ тайнѣ. Въ концѣ приложено и описаніе Лжецаревича: «А въ

---

[1]) Древ. Росс. Вивл., т. VIII, стр. 135 (второе изданіе).

[2]) Въ находящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ „Боярской книгѣ (№ 28) о дачѣ боярамъ, стольникамъ, стряпчимъ и проч. чинамъ денежнаго и помѣстнаго жалованья съ 1671 по 1676 годъ“, между прочимъ сказано: „Бояринъ князь Юрья Петровичъ Трубецкой 181 года декабря въ 10-й день по памяти изъ Разряду, за приписью дьяка Васильева Семенова велѣно ему Великого Государя жалованья учинить изъ чети вновь 500 рублевъ, и то Великаго Государя жалованье денежной окладъ заплатить въ книгу. 183 года маія въ 18 день по памяти изъ Разряду, за приписью дьяка Петра Коведяна велѣно Государева жалованья для объявленія благовѣрнаго Государя, Царевича и Великаго Князя Θеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи боярину князю Юрьи Петровичу Трубецкому къ прежнему его денежному окладу придачи учинить въ 500 рублемъ 100 рублевъ, обоего 600 рублевъ“.

[3]) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, томъ IV, стр. 294, № 90. Грамота писана въ 1673 году декабря 15. См. приложеніе № 10.

примѣты тотъ воръ: породою и возрастомъ хорошъ и тонокъ, лицемъ долголикъ, не черменъ и не русъ или смяглъ, мало лѣтъ въ пятнадцать (!); да у него жъ де два знамени, а на нихъ написаны орлы да сабли кривыя». Несмотря на неполноту и неясность этого описанія, оно все-таки усугубляетъ значеніе и интересъ грамоты.

Въ 1676 году скончался царь Алексѣй Михаиловичъ и на престолъ вступилъ его старшій сынъ, Θеодоръ Алексѣевичъ. На торжествѣ коронованія новаго царя князь Юрій Петровичъ исполнялъ важную обязанность; ему порученъ былъ скипетръ и онъ стоялъ рядомъ съ царемъ по правую его сторону [1]) (16 Іюля 1676 года). Спустя три года кн. Юрій Петровичъ скончался (12 іюля 1679 года) и погребенъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Женатъ онъ былъ на сестрѣ знаменитаго любимца царевны Софіи, покорителя Крыма, князя Василія Васильевича Голицына, княжнѣ Иринѣ Васильевнѣ, отъ которой оставилъ двухъ сыновей кн. Ивана и Юрія Юрьевичей. Годъ спустя скончался кн. Алексѣй Никитичъ; въ 1682 было уничтожено мѣстничество, а въ 1689 г. вступилъ на Россійскій престолъ Великій Преобразователь Россіи Петръ I. Дѣтямъ кн. Юрія Петровича суждено было, такимъ образомъ, явиться сподвижниками и дѣятельнѣйшими помощниками этого величайшаго государственнаго генія!

---

[1]) Древ. Росс. Вивл. т. VII (второе изданіе), стр. 304. VI. Чинъ поставленія на царство Государя Царя и Великаго Князя Θеодора Алексѣевича. Стр. 343. И благочестивый Государь Царь и Великій Князь Θеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Царскій скипетръ даде держати боярину князю Юрью Петровичу Трубецкому, по правую сторону; а державное яблоко даде держати боярину Іоанну Θедоровичу Стрѣшневу". Также стр. 359.

Колѣно XV.

Колѣно XVI.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

XVIII ВѢКЪ.

Переломъ въ судьбѣ древнихъ русскихъ родовъ.—Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и уничтоженіе мѣстничества.—Петръ I.—Принципъ признаванія лишь личныхъ заслугъ. Пожалованія почетными титулами.—Табель о рангахъ 1722 года.—Участіе князей Трубецкихъ въ реформахъ Петровскаго времени. — Кн. Иванъ Юрьевичъ, послѣдній русскій бояринъ.—Кн. Юрій Юрьевичъ.—Княжна Анастасія Ивановна, принцесса Гессенъ-Гомбургская.—Иванъ Ивановичъ Бецкій.—Кн. Никита Юрьевичъ, генералъ-прокуроръ.—Кн. Николай Никитичъ, массонъ.

Еще со временъ Іоанна IV цари старались всѣми средствами ограничить мѣстничество — это ужасное зло, такъ страшно вредившее ходу государственныхъ дѣлъ, тормозившее всякое начинаніе, въ конецъ портившее и губившее всякое предпріятіе, всякій актъ государственной дѣятельности. Безконечные споры и ссоры «о мѣстѣ», о старшинствѣ положенія представителей древнихъ родовъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, о томъ «вмѣстно» или «невмѣстно», одному роду быть ниже въ данномъ случаѣ другаго, безпрестанныя судьбища «въ отечествѣ», вмѣсто исполненія своихъ прямыхъ обязанныхъ, отъ которыхъ часто зависѣла судьба всего отечества,— все это отражалось самымъ гибельнымъ образомъ на дѣлахъ государства, на его внѣшнихъ и внутреннихъ успѣхахъ, на его спокойствіи, мирѣ и благосостояніи. Старинный русскій человѣкъ, столь послушный своему государю, передъ которымъ онъ такъ унижался, называя себя его холопомъ, холопишкомъ и другими уничтожительными именами, не только рѣзко ослушивался въ мѣстническихъ случаяхъ, но позволялъ себѣ за обѣдомъ, въ присутствіи царскомъ, спускаться подъ столъ, если его принуждали сидѣть ниже человѣка, ко-

торому онъ не могъ по родовымъ счетамъ уступить, шелъ въ тюрьму, подвергался битью батогами «нещадно», отобранію помѣстій и вотчинъ, но ни за что не исполнялъ воли царской не считаться мѣстами. Причина такого страшнаго и дикаго, на первый взглядъ, упорства, да еще въ русскомъ человѣкѣ, всегда благоговѣйно чтившаго своего великаго государя, заключается въ первоначальномъ источникѣ, откуда возникло мѣстничество. Это—древній, крѣпкій силой своихъ членовъ, родовой союзъ. Какъ бы ни былъ великъ, развѣтленъ и разбросанъ родъ, понятіе о единствѣ всегда сохранялось твердо. Старшіе члены рода наблюдали за младшими, смотрѣли за ихъ нравственностью, за поведеніемъ, хотя бы они уже давно были на службѣ, наказывали его за различные проступки и отвѣчали передъ правительствомъ, которое взыскивало съ нихъ за поведеніе младшихъ. Если одинъ членъ рода оказывался должнымъ сумму денегъ, за него платилъ весь родъ, если былъ оскорбленъ одинъ-оскорбленіе считалось нанесеннымъ всему роду и мстилъ за него уже цѣлый родъ другому. При такихъ условіяхъ, конечно, значеніе отдѣльной личности совершенно исчезало передъ значеніемъ рода и одно лицо было совершенно не мыслимо безъ всего рода. Результатомъ этого являлось то, что, если возвышалось на службѣ одно лице—возвышался цѣлый родъ, если падалъ одинъ членъ рода, падалъ весь родъ. Такимъ образомъ станетъ совершенно понятнымъ, почему человѣкъ имѣвшій высшій чинъ, занимавшій высшую должность, не захочетъ служить ниже или быть товарищемъ человѣка моложе его чиномъ или прежней должностью; почему членъ извѣстнаго рода не захочетъ служить въ товарищахъ съ членомъ другаго рода, если другое лицо одного съ нимъ рода было выше членовъ того, другаго рода. На такихъ основаніяхъ этотъ родовой союзъ держался настолько твердо своихъ родовыхъ традицій, что прекратить это зло могло только или время, подтачивавшее мало-по-малу всѣ преданія старины или же рѣзкое и энергическое вмѣшательство правительственной власти, заручившееся твердой и сильной поддержкой. Родовой

союзъ былъ еще настолько крѣпокъ при Іоаннѣ Грозномъ, да и самъ царь такъ былъ не увѣренъ въ своей силѣ, что немогъ принять никакихъ серьезныхъ мѣръ къ искорененію зла мѣстничаства. Эпоха первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, на долю которыхъ выпала великая и тяжелая обязанность привести въ порядокъ и устроить раззоренное и ослабленное смутами государство, не позволяло сдѣлать этого и они могли только прибѣгать къ единичнымъ указамъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Конечно эти распоряженія не могли имѣть особеннаго значенія для «родовитыхъ» людей и большею частью оставлялись безъ исполненія. Да и сами цари ослабляли значеніо своихъ распоряженій тою легкостью, съ какою они первые нарушали ихъ. Такъ напримѣръ извѣстенъ такой случай: царь Михаилъ приказалъ на границѣ встрѣтить королевича Вальдемара боярину кн. Юрію Сицкому, а за Москвою встрѣтить боярину Михаилѣ Салтыкову и сказано было: «быть безъ мѣстъ»; но кн. Сицкій, потихоньку отъ Салтыкова, билъ челомъ царю, въ *комнатѣ*, глазъ на глазъ и государь велѣлъ дать ему, «невмѣстную» грамоту, что ему можно быть больше Салтыкова и родичей его. Салтыковы успѣли поправить это дѣло лишь при царѣ Алексѣѣ [1]).

Алексѣй Михайловичъ, понимая всю важность если не полнаго уничтоженія мѣстничества, то по крайней мѣрѣ, хоть ограниченія его, указалъ разъ навсегда быть, во время походовъ и военныхъ дѣйствій, всегда безъ мѣстъ. Къ сожалѣнію это важное распоряженіе осталось безъ вниманія со стороны тѣхъ, кого оно прямо касалось. Такимъ образомъ, выше указанная [2]) неудача кн. Алексѣя Никитича подъ Колотокомъ, едва не повлекшая за собой совершенную потерю Малороссіи, была вызвана спорами подчиненныхъ ему воеводъ о мѣстахъ и нежеланіемъ ихъ повиноваться его распоряженіямъ, хотя онъ былъ главнымъ воеводой. И этотъ случай далеко не былъ единичнымъ за все время царствованія

---

[1]) Соловьевъ т. XIII, стр. 75—76.

[2]) стр. 134.

«Тишайшаго». Не говоря уже о спорахъ «домашнихъ», на торжественныхъ пріемахъ и обѣдахъ во дворцѣ, во время поѣздокъ царскихъ, всѣ походы этого времени наполнены подобными спорами и строгія наказанія царя, выдававшаго ослушниковъ головой противнику, лишавшаго ихъ помѣстій, званій и чиновъ, и публично установившаго порядокъ строгимъ осужденіемъ виновныхъ и назначеніемъ приближенныхъ, при разныхъ событіяхъ быть безъ мѣстъ, ничего не могли сдѣлать. Почти навѣрное можно сказать, что Алексѣй Михайловичъ думалъ объ уничтоженіи мѣстничества и готовился совершить это, но смерть помѣшала осуществленію той знаменательной реформы, честь которой всецѣло выпала на долю его старшаго сына и преемника, Ѳеодора Алексѣевича.

Воспитанникъ Симеона Полоцкаго, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вступилъ на престолъ (1676 г.) несовершеннолѣтнимъ юношей, имѣя всего 14 лѣтъ. При такой молодости, да еще при слабомъ здоровьи, немудрено, что онъ попалъ сразу подъ вліяніе своихъ близкихъ родственниковъ, Милославскихъ, и такимъ образомъ первое время его царствованія ознаменовалось грустнымъ событіемъ—гибелью боярина Матвѣева. Кромѣ такого подчиненія своимъ любимцамъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ еще по другимъ причинамъ не могъ приняться за необходимыя внутреннія реформы и, между прочимъ, за дѣло уничтоженія мѣстничества: Алексѣй Михайловичъ оставилъ сыну въ наслѣдство еще три трудныя задачи внѣшней политики: окончаніе дѣла съ Дорошенко, все еще державшимся въ Малороссіи, отклоненіе притязаній Польши отъ буквальнаго исполненія Андруссовскаго договора и войну съ Турціей. Приходилось сперва свести счеты съ этими внѣшними врагами, и, дѣйствительно, вскорѣ Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ заставили отказаться Дорошенко отъ гетманства. Труднѣе было дѣло съ Крымскими Татарами, овладѣвшими Чигириномъ, но и тутъ удалось помѣшать имъ утвердиться въ этомъ городѣ, а въ 1681 г., по Бахчисарайскому миру, Украйна и Запорожье остались за Москвою. Въ концѣ того же года уже засѣдала спеціальная коммиссія, подъ предсѣда-

тельствомъ кн. Вас. Вас. Голицына, назначенная для обсужденія необходимыхъ разныхъ преобразованій. Тяжелый опытъ предшествовавшаго времени показалъ всю несостоятельность тогдашняго военнаго устройства, а войны, веденныя при Өеодорѣ Алексѣевичѣ, еще болѣе подтвердили необходимость реформъ въ этомъ дѣлѣ. Еще раньше, до Өеодорова царствованія, русское войско было преобразовано на новый ладъ, введенъ иноземный строй, приглашены иностранцы-офицеры, но все-таки воинская часть оставалась очень слаба и требовала еще очень многаго. Послѣ долгаго обсужденія, какія мѣры надо принять, прежде всего, для упорядоченія русскаго ратнаго дѣла, коммиссія единогласно пришла къ заключенію, что *все зло* заключается въ мѣстничествѣ и что прежде всего необходимо уничтожить обычай считаться мѣстами; только въ такомъ случаѣ коммиссія находила возможнымъ упорядочить военное дѣло и надѣяться на его совершенствованіе. «И для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ «и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія, говорилось въ докладѣ коммиссіи, указалъ бы великій государь «всѣмъ боярамъ, околничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ «и всѣмъ чинамъ *быть* на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ «у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ «*между собою безъ мѣстъ*, гдѣ кому великій государь укажетъ «и впредь никому ни съ кѣмъ *разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста оставить и искоренить*, «чтобъ впредь *отъ тѣхъ случаевъ* въ ратныхъ и всякихъ «дѣлахъ *помѣшки* не было» [1]).

Кн. Голицынъ доложилъ объ этомъ челобитьѣ царю и 12-го января 1682 г. было назначено «сидѣнье» чрезвычайное, въ присутствіи бояръ, патріарха, архіереевъ и выборныхъ людей отъ монастырей. Царь произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ на все зло, которое приносило и приноситъ постоянно дѣламъ государственнымъ мѣстничество, называлъ его дѣломъ «плевосѣятеля и супостата общаго дьявола», который

---

[1]) Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XIII, стр. 319.

«вѣялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мѣст-«ные случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, «посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая пагуба, «а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе», напомнилъ законъ и примѣръ Христа, заповѣдающаго любовь, привелъ примѣръ дѣда своего и отца, которые уже заботились объ искорененіи мѣстничества, упомянулъ и о собственныхъ стараніяхъ уничтожить зло и заключилъ вопросомъ: «по нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитью, всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или по прежнему быть съ мѣстами?»

На этотъ вопросъ отвѣчалъ патріархъ сильною рѣчью противъ мѣстничества, отъ котораго «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благое начинаніе, яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковое жъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, тобъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе»[1]).

Послѣ этого энергическаго отвѣта патріарха, царь обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ. Всѣ они единогласно присоединились къ мнѣнію патріарха и архіереевъ «чтобы во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ» и Ѳеодоръ Алексѣевичъ приказалъ затѣмъ принесть разрядныя книги и сказалъ: «для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записки о мѣстахъ изволяемъ предать огню, чтобъ злоба эта

---

[1]) Соловьевъ, ibid., стр. 320.

совершенно погибла и впредь не поминалась и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ». Кромѣ того онъ предложилъ всѣмъ имѣющимъ подобныя книги снести въ общую кучу и всю ее сжечь, дабы не осталось никакого воспоминанія «о мѣстныхъ случаяхъ», дабы совершенно уничтожить всѣ попытки къ ихъ возрожденію и чтобы отнынѣ всѣмъ всегда и у всякихъ дѣлъ быть между собою безъ мѣстъ и впредь «никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться и никого не укорять и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься». На это всѣ присутствовавшіе отвѣчали: «да погибнетъ въ огни оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки!» Вслѣдъ затѣмъ въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили костры и разрядныя книги запылали. Такъ было уничтожено, наконецъ, вѣковое зло, нанесшее массу вреда государству, служившее причиной многихъ гибельныхъ неудачъ въ внѣшнихъ дѣлахъ Россіи, ставившее часто ее на край гибели и низведшее всѣ дѣла государственныя до личныхъ счетовъ отдѣльныхъ лицъ между собою. Падая, мѣстничество унесло съ собой и еще одинъ столпъ древняго русскаго быта—родовой союзъ, которымъ были такъ крѣпки и сильны старинные русскіе роды. Круговая порука и отвѣтственность всего рода за каждаго отдѣльнаго своего члена исчезла, крѣпкая, внутренняя связь между отдѣльными его членами рушилась и открылся широкій просторъ личнымъ качествамъ и достоинствамъ отдѣльнаго лица. Но нескоро привился новый порядокъ. Слишкомъ свѣжи были еще традиціи старины, слишкомъ памятны были среди представителей знатныхъ родовъ «мѣстные случаи» и счеты между собою, слишкомъ привязаны были русскіе люди къ завѣтамъ своихъ отцевъ и дѣдовъ, чтобы сразу отрѣшиться отъ нихъ и слишкомъ быстро шли реформы внутренней жизни государства, чтобы дать время приглядѣться къ нимъ, привыкнуть, усвоить ихъ. И вотъ многія, когда-то славныя и знаменитыя фамиліи, начинаютъ съ этого времени захудать, схо-

дить со сцены и уступать мѣсто новымъ, «неродовитымъ» людямъ, съ чуждыми и дикими для стараго русскаго слуха званіями и отличіями.

Уничтоженіе мѣстничества или, вѣрнѣе, актъ его уничтоженія, имѣлъ еще одно, хотя и частное, но тѣмъ не менѣе важное послѣдствіе. Съ сожженіемъ разрядныхъ книгъ исчезли одни изъ главнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ источниковъ древняго русскаго родословія. Споря о «мѣстѣ», судясь «въ отечествѣ», противники должны были, въ подтвержденіе своихъ домогательствъ представлять ясныя и неопровержимыя на то доказательства, а такъ какъ въ подобныхъ спорахъ часто восходили до сравненія служебнаго положенія и званій не только отцевъ и дѣдовъ, но и прадѣдовъ, то и доказательства должны были захватывать эпоху послѣднихъ; такимъ образомъ при каждомъ спорѣ возстановлялись родословныя росписи по восходящей линіи иногда болѣе чѣмъ за цѣлое столѣтіе. И именно теперь, когда изслѣдованія русскаго родословія захватываютъ все большее и большее поле и переходятъ въ громадные и прекрасные историческіе труды, отсутствіе такихъ важныхъ источниковъ, какъ разрядныя книги, становится все болѣе и болѣе ощутительнымъ.

Преобразовывая древній коренной строй русской жизни и вводя реформы во всѣхъ частяхъ государственнаго устройства, въ дѣлахъ военныхъ и статскихъ, въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, измѣняя многое и въ дѣлахъ церковныхъ, Петръ не могъ, конечно, ожидать себѣ истинныхъ и дѣльныхъ помощниковъ среди стараго русскаго боярства, крѣпко держащагося старинныхъ завѣтовъ и съ негодованіемъ смотрѣвшаго на всѣ его новшества. Онъ долженъ былъ обратить вниманіе на иностранцевъ, и дабы крѣпче заронить сѣмя своихъ реформъ въ самомъ государствѣ,—выбирать способныхъ молодыхъ людей, могущихъ подняться до пониманія его завѣтныхъ стремленій и надеждъ, изъ какого бы званія и положенія они ни происходили и подготовлять изъ нихъ будущихъ дѣятелей и помощниковъ въ великомъ дѣлѣ реорганизаціи стараго строя русской жизни. Въ прежнее время,

подобныя дѣйствія — возвышеніе неродовитыхъ людей,—вызвало бы страшную бурю среди представителей древнихъ родовъ, теперь же, съ уничтоженіемъ мѣстничества, дѣло становилось нетруднымъ и такимъ выскочкамъ уже не угрожалъ комплотъ оскорбленныхъ древнихъ родовъ. Такими дѣйствіями Петра значеніе цѣлаго рода, какъ чего то недѣлимаго совершенно было уничтожено и на первый планъ выдвинулось значеніе отдѣльной личности, принципъ личныхъ качествъ и достоинствъ одного лица. Вскорѣ былъ нанесенъ другой ударъ древнимъ титулованнымъ родамъ. До сихъ поръ званіе «князя» было родовымъ званіемъ лицъ, насчитывавшихъ среди своихъ предковъ не мало «владѣтельныхъ» особъ, самостоятельныхъ правителей. Многіе изъ нихъ вели себя отъ Рюрика, другіе отъ Гедимина, третьи отъ татарскихъ, сибирскихъ и черкесскихъ и другихъ восточныхъ правителей и хотя были и нетитулованные ихъ однофамильцы, однако самый титулъ «князя» принадлежалъ лишь истиннымъ потомкамъ этихъ правителей. Жалованныхъ князей не было. Единственный случай пожалованія особеннаго титула былъ при Іоаннѣ Грозномъ, когда онъ даровалъ одному изъ Строгоновыхъ, занимавшемуся врачеваніемъ и лѣчившему заволоками царскаго любимца Бориса Годунова, титулъ «именитаго человѣка». Но и это названіе, которое впослѣдствіи Алексѣй Михайловичъ распространилъ на весь родъ Строгоновыхъ, нельзя считать титуломъ дворянскимъ, такъ какъ оно ставило носившаго его только выше «гостя», но не вводило въ служилое, по тогдашнему понятію, дворянское сословіе.

Петръ I не только сталъ жаловать княжескій титулъ людямъ не имѣвшимъ его ранѣе и, по происхожденію своему, не принадлежавшимъ вообще къ дворянскому сословію, но ввелъ еще два новыхъ титула совершенно чуждыхъ и незнакомыхъ для русскаго уха — титулы «графа» и «барона». Изъ этихъ трехъ «жалованныхъ» титуловъ, по времени возведенія въ него, первымъ является «графскій титулъ» и притомъ не въ одной формѣ — а въ двухъ: графъ Россійской

Имперіи и графъ Священной Римской Имперіи, не считая иноземцевъ съ этими званіями, признанными въ Россіи. Первымъ получившимъ въ Россіи графскій титулъ былъ фельдмаршалъ, генералъ-адмиралъ, бояринъ и посольскихъ дѣлъ президентъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, послѣ него гвардейской бомбардирской роты подпоручикъ Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, а затѣмъ посольскихъ дѣлъ президентъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ. Однако всѣ они были не-русскіе графы [1]), первымъ же собственно русскимъ графомъ былъ фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, получившій графскій титулъ въ 1706 году въ награду за усмиреніе стрѣлецкаго бунта въ Астрахани.

Почти одновременно съ пожалованіемъ Шереметева русскимъ графомъ, Петръ даровалъ, въ первый разъ, титулъ, русскаго же, князя Меньшикову (въ 1707 г.), бывшему уже съ 1705 г. княземъ Священной Римской Имперіи и имѣвшему званія «свѣтлѣйшаго» и «Герцога Ижорскаго». Послѣднимъ былъ введенъ баронскій титулъ; именно въ 1710 г., когда имъ былъ пожалованъ вице-канцлеръ Шафировъ. Эти нововведенія Петра совершенно умалили значеніе древняго княжескаго титула, тѣмъ болѣе, что уже въ XVI ст. начался упадокъ этого званія, продолжавшійся и въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ. Послѣдній ударъ древнему родовому дворянству былъ нанесенъ Петромъ учрежденіемъ въ 1722 году табели о рангахъ. Съ этого времени всѣ права и преррогативы древнихъ фамилій исчезаютъ совершенно и только личныя достоинства, качества, а, еще чаще, извѣстная ловкость и связи имѣютъ значеніе въ дѣлѣ возвышенія на служебномъ и иныхъ поприщахъ. Таково, вкратцѣ, значеніе уничтоженія мѣстничества и реформъ Петра I въ исторіи русскаго родословія. Эпоха этихъ преобразованій является самой черной страницей въ книгѣ бытія древнихъ русскихъ родовъ.

---

[1]) Головинъ получилъ графство 16-го Ноября 1701 г. и Меньшиковъ въ 1702 году отъ римско-нѣмецкаго Императора Леопольда I, а Головкинъ отъ Императора Іосифа I—въ 1707 году.

Какъ выше уже было замѣчено, Петру было очень трудно найти сторонниковъ своихъ преобразованій среди представителей боярства и въ исторіи его царствованія очень мало встрѣчается древнихъ русскихъ титулованныхъ фамилій, тѣмъ болѣе принадлежащихъ крупнымъ дѣятелямъ этой эпохи преобразованій. Эти послѣдніе, если они были русскими, всѣ происходили лишь частью изъ старыхъ дворянскихъ родовъ, въ большинствѣ же случаевъ были «новые» люди, открытые и выведенные въ люди самимъ Петромъ. Изъ числа же представителей древнихъ княжескихъ фамилій, принимавшихъ дѣятельное участіе въ переустройствѣ своего государства, самыми крупными и энергическими дѣятелями являются князья Трубецкіе.

Происходя отъ Гедимина и выйдя въ Россію изъ Литвы въ началѣ XVI ст., кн. Трубецкіе очень скоро совершенно освоились съ своимъ новымъ положеніемъ и мало-по-малу стали въ ряды исконныхъ русскихъ родовъ [1]) и слились съ ними безраздѣльно. Однако, такъ какъ сношенія съ своимъ прежнимъ отечествомъ они не прерывали и постоянно поддерживали эту связь, въ особенности въ XVII ст., когда князь Юрій Никитичъ переселился въ Польшу, а за бездѣтностью кн. Дмитрія Тимоѳеевича и Алексѣя Никитича, его внуки, являясь единственными представителями этого рода и наслѣдниками его славы, вернулись обратно въ Россію, они уже не имѣли свойственнаго всѣмъ истовымъ, древнимъ русскимъ людямъ, того упорнаго, ретрограднаго и консервативнаго образа мыслей, который былъ такъ крѣпокъ въ тѣхъ и который такъ препятствовалъ имъ понять и оцѣнить всю не-

---

[1]) Въ 1663 г. за торжественнымъ обѣдомъ у государя кн. Юрій Никитичъ Трубецкой получилъ назначеніе выше, чѣмъ Никита Шереметевъ. Хотя Шереметевы и знали, что Трубецкіе выше ихъ, однако, какъ Московскому знатному роду, имъ трудно было уступить Гедиминовичамъ-Литовскимъ, роду пришлому и они били царю челомъ, указывая на невмѣстность быть имъ ниже „иноземцевъ“. Царь разсердился и велѣлъ сказать Шереметеву: „Ты князя Юрія обезчестилъ, что назвалъ его иноземцемъ. *Трубецкіе не иноземцы, старый родъ, честной*“. Солов. Истор. Росс. т. XIII, стр. 73.

обходимость нововведеній и преобразованій для отечества вообще и Петровскія реформы въ частности. Это и было первой главной причиной того обстоятельства, что Трубецкіе съ самыхъ первыхъ шаговъ Петра на пути реформаторской дѣятельности, стали въ число его дѣятельнѣйшихъ помощниковъ. Другая же причина этого заключается въ томъ, что они вступали на этотъ путь преобразованій еще совершенно молодыми людьми, т.-е. болѣе пылкими и воспріимчивыми, чѣмъ можетъ быть, они же были бы, будучи въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ.

Ко времени вступленія на престолъ Петра I-го всѣхъ княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ удѣльно-княжескихъ семействъ, несмотря на пресѣченіе многихъ изъ послѣднихъ, считалось 47; изъ нихъ нѣкоторые были очень многочисленны; такъ, напримѣръ, въ эту пору одинъ только родъ князей Гагариныхъ имѣлъ одновременно 27 представителей, а родъ кн. Волконскихъ—30; другіе же роды были близки къ прекращенію, имѣя только по одному представителю, не оставлявшему послѣ себя мужскаго поколѣнія. Изъ потомковъ Гедимина, въ эту эпоху, существовало въ Россіи, кромѣ кн. Трубецкихъ, еще три княжескихъ рода: Голицыны, Хованскіе и Куракины. Изъ нихъ первые въ ту пору насчитывали 22 представителя мужскаго пола, вторые—6, а третьи—5 [1]). Меньше всего имѣли кн. Трубецкіе: послѣ смерти, въ 1679 г. кн. Юрія Петровича и, въ 1680 г., кн. Алексѣя Никитича, на лицо оставалось въ концѣ XVII ст. только двое представителей этого рода—кн. Иванъ и Юрій Юрьевичи, сыновья кн. Юрія Петровича. Они-то и стали родоначальниками всѣхъ нынѣ существующихъ князей Трубецкихъ.

Кн. Иванъ Юрьевичъ Большой (№ 36), прозванный такъ въ отличіе отъ племянника своего, каммергера и юстицъ-коллегіи президента, послѣдній русскій бояринъ, пережившій боярство цѣлымъ полувѣкомъ, родился 18-го августа 1660 года [2]),

---

[1]) Е. П. Карновичъ. Титулы въ Россіи, стр. 10—11 (Истор. Вѣстникъ апрѣль 1885 г.).

[2]) У кн. Долгорукова (Рос. родос. книга, I, стр. 321, № 36) и у Бантышъ-

еще при жизни своего отца и дѣда. Благодаря, вѣроятно, тому значенію, которымъ они пользовались при дворѣ, кн. Иванъ Юрьевичъ, имѣя всего лишь шестнадцать лѣтъ, былъ пожалованъ царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ «въ комнату» [1]), а въ слѣдующемъ году, 1677-мъ, стольникомъ [2]). При воцареніи Петра онъ былъ зачисленъ въ только-что образованный лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ; въ 1693 г. былъ тамъ уже капитаномъ, а за годъ передъ этимъ, апрѣля 3-го дня 1692 года, былъ пожалованъ въ бояре [3]). Служба его въ Преображенскомъ полку шла очень хорошо, такъ что въ 1694 г. онъ былъ уже подполковникомъ. Петръ настолько любилъ его и довѣрялъ ему во всемъ, что, когда мятежная сестра его, Софья, была заключена подъ стражу въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, то надзоръ за ней былъ порученъ кн. Ивану Юрьевичу. Обязанность эта была не только крайне трудна и отвѣтственна, но еще соединялась съ страшной опасностью: приходилось остерегаться не только хитрой и энергичной царевны, вовсе не желавшей уступить даже и силѣ, которой располагалъ ея братъ, но и преданныхъ ей и готовыхъ на все отчаянныхъ стрѣльцовъ. И дѣйствительно, этотъ первый случай оправдать вполнѣ довѣренность государя, чуть было не стоилъ кн. Ивану Юрьевичу жизни, не говоря уже объ опалѣ. Чтобы освободить свою царевну, стрѣльцы рѣшились на дерзкую и опасную попытку сдѣлать

Каменскаго (Слов. достоп. людей, т. V, стр. 160) годъ рожденія поставленъ 1667 г., но въ числѣ матеріаловъ, служившихъ пособіемъ для настоящаго труда, есть выписка, къ сожалѣнію, не отмѣченная, откуда она взята, въ которой этимъ годомъ указанъ 1660 г. Несмотря на неизвѣстность происхожденія этого извѣстія, оно принято авторомъ потому, что годъ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ выпискѣ изъ „Боярскихъ книгъ 1668--1713 г.“ Моск. Арх. Юстиціи, изъ которой видно, что въ 1677 г. кн. Иванъ Юрьевичъ былъ пожалованъ *стольникомъ* (книга 14-я, л. 265). „Пожалованъ въ стольники и велѣно быть у государя въ комнатѣ 185 году іюня въ 8-й день князь Иванъ княжъ Юрьевъ сынъ Трубецкой“. Не могъ же онъ быть стольникомъ въ 10 лѣтъ!

[1]) Бояр. книги 1663—1712 г. М. А. Юстиціи. Кн. 7-я, л. 85.

[2]) См. пр. 2 на стр. 163.

[3]) Бояр. кн. № 11, л. 7.

въ монастырѣ подкопъ подъ самую комнату, у которой стояла стража. Они вели дѣло такъ смѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ осторожно, что не только подкопъ былъ проведенъ весь вполнѣ, но даже имъ удалось проломать полъ въ этой комнатѣ и освободить Софью. Тотчасъ же они бросились на ея стражу и сломивъ ее, устремились на князя. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, онъ успѣлъ уйти отъ враговъ и запереться въ одной изъ келій. Не довольствуясь побѣдой надъ стражей, стрѣльцы бросились искать кн. Ивана Юрьевича, горя желаніемъ отомстить ему за надзоръ надъ царевной и уже приблизились къ тому мѣсту, гдѣ онъ находился, какъ, къ счастью для князя, одинъ изъ товарищей пхъ, бывшій до того у него брадобрѣемъ и очень ему преданный, бросился впередъ, желая будто бы показать дорогу и, поведя ихъ ложнымъ путемъ, далъ, такимъ образомъ, возможность князю спастись. Черезъ нѣсколько дней возмущеніе было подавлено, всѣ виновники схвачены и осуждены на смертную казнь, а Софья вторично заперта въ монастырь подъ болѣе многочисленную и сильную стражу. Казнь была совершена на Красной площади, въ присутствіи молодаго Государя, окруженнаго сановниками и приближенными; въ томъ числѣ былъ и кн. Иванъ Юрьевичъ. Замѣтивъ среди связанныхъ стрѣльцовъ, головы которыхъ уже лежали на плахѣ, брадобрѣя спасшаго ему жизнь, онъ тотчасъ же бросился къ ногамъ Царя, разсказалъ ему поступокъ осужденнаго и умолялъ о его пощадѣ. Тронутый этимъ разсказомъ Петръ простилъ осужденнаго и возвратилъ ему свободу. Но кн. Иванъ Юрьевичъ не удовольствовался исходатайствованіемъ прощенія стрѣльцу: онъ поселилъ его въ одной изъ своихъ деревень и освободилъ навсегда его самого и его потомство отъ всякаго оброка [1]).

Въ 1698 году кн. Иванъ Юрьевичъ былъ назначенъ генералъ-маіоромъ, а затѣмъ Новгородскимъ намѣстникомъ. Вскорѣ случилось обстоятельство, которое надолго оторвало его отъ

---

[1]) Бант.-Каменскій. Слов. достоп. людей т. V, стр. 161--162.

отечества и родной семьи. Обстоятельство это было—Великая Сѣверная война. 18-го апрѣля 1700 года былъ заключенъ миръ съ Турками, а уже на слѣдующій день объявлена война противъ Шведовъ. Петръ шелъ не одинъ,—съ нимъ были въ союзѣ Данія и Польша и каждое изъ государствъ стремилось вернуть свои области, отнятыя побѣдителями, предшественниками Карла XII. Петръ думалъ воротить берега Балтійскаго моря, отрѣзанные по Столбовскому трактату, Ингрію и Корелію, Августъ—Ливонію, а Датчане—Голштинію. Узнавъ объ этомъ союзѣ, Карлъ быстро бросился на Данію, разбилъ датское войско и принудилъ ее къ миру. Отсюда, ободренный блистательнымъ успѣхомъ въ этомъ походѣ, онъ устремился съ большимъ войскомъ на выручку Нарвы, осажденной русскими войсками. При первой вѣсти о его приближеніи, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, находившійся у Везенберга отступилъ къ Нарвѣ, а Карлъ быстро подвигался по его пятамъ и утромъ 19-го ноября, явился передъ русскимъ лагеремъ. Съ нимъ было всего 8,500 человѣкъ войска, противъ 40,000 русской арміи, но обстоятельства такъ ему благопріятствовали, что, казалось, все соединилось, точно нарочно, для того чтобы помочь этому баловню судьбы. Войска его были свѣжи, опытны и бодры; закаленные въ бояхъ полководы отличались искусствомъ; самъ онъ шелъ въ упоеніи отъ блистательной побѣды съ громко предшествовавшей ему славой, а въ русскихъ войскахъ, при плохой дисциплинѣ, при отсутствіи самаго царя, бывшаго въ то время въ Новгородѣ, не было ни одного маломальски опытнаго русскаго генерала и главнокомандующимъ былъ иностранецъ, генералъ австійской службы, герцогъ фонъ-Круи. Кромѣ того, русскія войска, состоившія большею частью изъ молодыхъ и неопытныхъ солдатъ, мало обстрѣленныхъ и плохо вооруженныхъ, были растянуты на всемъ протяженіи своего огромнаго лагеря и прорваться чрезъ ихъ несомкнутые ряды, при неожиданномъ натискѣ, ничего не стоило; состояніе духа арміи было также не крѣпко: ихъ въ особенности волновала неувѣренность въ своихъ иноземцахъ-начальникахъ и подо-

зрительная мысль, будутъ ли эти предводители нѣмцы усердно сражаться противъ своихъ? Наконецъ, даже сама природа какъ будто хотѣла помочь Карлу: въ самый день его прихода стояла ужасная погода; сильная вьюга била прямо въ лице голоднымъ и замерзшимъ отъ страшнаго холода русскимъ солдатамъ—въ 20 шагахъ ничего нельзя было различить. Такимъ образомъ станетъ совершенно понятнымъ, что, когда Шведы ворвались неожиданно въ лагерь, въ рядахъ напуганныхъ русскихъ произошло полнѣйшее смятеніе и всю армію охватило что-то въ родѣ паники. Раздавшіеся со всѣхъ сторонъ страшные крики: «нѣмцы измѣнили»! отняли у бойцовъ послѣднія силы и всѣ бросились бѣжать. Всякая дисциплина исчезла; солдаты уже не слушались офицеровъ и въ страшномъ озлобленіи бросились на иностранцевъ-начальниковъ и стали ихъ бить. Видя это и потерявъ всякую надежду возстановить какой бы то ни было порядокъ, герцогъ фонъ-Круи закричалъ: «пусть самъ чертъ дерется съ такими солдатами», бросился бѣжать съ другими иностранцами и отдался въ плѣнъ Шведамъ. Этотъ фактъ и послужило впослѣдствіи многимъ историкамъ поводомъ къ обвиненію его въ измѣнѣ.

Несмотря, однако, на такое пораженіе русской арміи, побѣда Шведовъ была далеко еще не полная: продолжавшіе стоять твердо, единственные изъ всей арміи, полки Преображенскій и Семеновскій, все еще пугали непріятеля своей стойкостью; кромѣ того также твердо стоялъ и отрядъ генерала Вейде. Являлась возможность отнять у враговъ славу побѣды, тѣмъ болѣе, что русская армія всетаки превышали численностью, а Шведы, къ тому же, возвратившись въ лагерь и найдя тамъ массу вина, съ жадностью набросились на него и страшно перепились. Такимъ образомъ, еслибы уцѣлѣвшія части русскаго войска ударили на нихъ, то побѣда легко могла быть у нихъ отнята. Къ несчастью, державшіеся еще генералы—кн. Я. Ѳ. Долгорукій, царевичъ Имеретинскій Александръ, Автамонъ Головинъ и И. И. Бутурлинъ, не имѣя сношеній съ Вейде, не знали въ какомъ онъ положеніи и считая его взятымъ въ плѣнъ и не желая подвер-

гудѣ (1715 г.) отнятъ былъ лавръ и отъ шведскаго флота. Тогда Карлъ завязалъ переговоры о мирѣ, но смерть помѣшала ему довести эти переговоры до желаннаго конца. Это случилось въ 1718 г. и только спустя три года кончилась *Великая Сѣверная война* Ништадтскимъ миромъ, 30-го августа 1721 года. Россія пріобрѣла Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, часть Кареліи и часть Финляндіи, а во время торжества, сопровождавшаго заключеніе этого мира, Петръ принялъ поднесенный ему благодарнымъ отечествомъ титулъ Императора. При такихъ обстоятельствахъ и такомъ рѣзкомъ повоpотѣ военнаго счастія спиною къ Шведамъ, уже съ 1704 года, русскимъ плѣннымъ едвали жилось пріятно среди раздосадованныхъ, побѣждаемыхъ враговъ; ихъ утѣшала одна мысль, что отечество ихъ не забыло и вотъ въ 1718 г., какъ одно изъ первыхъ условій для переговоровъ о мирѣ, кн. Иванъ Юрьевичъ и его товарищъ по несчастію, взятый одновременно съ нимъ подъ Нарвой же, генералъ Автамонъ Головинъ, были размѣнены на захваченнаго въ битвѣ подъ Полтавой Шведскаго генералъ-фельдмаршала графа Реншильда.

Вернувшись въ Россію, кн. Иванъ Юрьевичъ за свои восемнадцатилѣтнія страданія былъ награжденъ Петромъ, помнившимъ и не перестававшимъ любить его—чиномъ генералъ-лейтенанта [1]), а спустя три мѣсяца [2]), онъ былъ назначенъ командующимъ всѣми кавалерійскими полками на Украйнѣ. Во время празднованія заключенія Ништадтскаго мира, онъ произведенъ въ генералъ-аншефы [3]), получилъ званіе члена Военной Коллегіи и затѣмъ посланъ въ Кіевъ губернаторомъ [4]). Въ этомъ званіи кн. Иванъ Юрьевичъ пробылъ недолго и въ концѣ 1723 года уже отказался отъ губернаторства, желая отдохнуть отъ перенесенныхъ трудовъ и испытаній. Смерть Петра I застигла его на отдыхѣ и онъ уже не предполагалъ бо-

---

[1]) 1-го января 1719 г.
[2]) 8-го апрѣля 1719 г.
[3]) 28-го января 1722 г.
[4]) Съ 12 февраля 1722 г. по 16 декабря 1723 г.

лѣе возвращаться къ какой-нибудь новой дѣятельности, довольствуясь занятіями въ Военной Коллегіи, хотя внукъ Великаго дѣда Петръ II, не забылъ кн. Ивана Юрьевича и перенесъ на него расположеніе Петра и указомъ отъ 25-го февраля 1728 г. возвелъ его въ достоинство генералъ-фельдмаршала.

Но судьба судила иначе и нежданно для кн. Ивана Юрьевича случилось обстоятельство пробудившее въ немъ, несмотря на тяжесть семидесяти лѣтъ, всѣ силы и заставившее его вспыхнуть огнемъ молодости и эта послѣдняя вспышка прибавила ему еще жизни, еще лишнее и сильное право на память и благодарность потомства.

Въ 1730 году умеръ Петръ II-й. Съ его смертью прекратилось мужское потомство Романовыхъ и наслѣдниками престола явились дочь Петра I—Елизавета и внукъ его; но у нихъ было много противниковъ и хотя партій, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не было, всетаки были выставлены и другіе кандидаты, сильно поддерживаемые своими сторонниками. Положеніе было очень тяжелое; большинство незнало что дѣлать, что предпринять. При такихъ обстоятельствахъ, при отсутствіи опредѣленныхъ партій и руководителей, при всеобщемъ недоумѣніи и нерѣшительности, всегда рѣшаетъ голосъ рѣшительнаго человѣка, въ особенности если онъ находитъ рѣшеніе наиболѣе удовлетворительное и высказываетъ его смѣло. Такимъ человѣкомъ явился членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, который заявилъ, что въ виду прекращенія дома Петра I, справедливость требуетъ перейти къ старшей линіи царя Іоанна Алексѣевича; старшую изъ его дочерей, царевну Екатерину трудно выбирать, потому что она замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ, тогда какъ вторая, Анна, герцогиня Курляндская, свободна и одарена всѣми способностями, нужными для трона. Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ и Анна была избрана Императрицей Всероссійской.

Кн. Голицынъ, его братъ, кн. В. В. Долгорукій, графъ Головинъ, кн. А. Долгорукій и другіе члены Верховнаго Тай-

никовъ удалось передать императрицѣ протестъ противъ дѣйствій Верховнаго Тайнаго Совѣта, противъ пунктовъ, ограничивающихъ самодержавіе, и прошеніе, подписанное массою лицъ, съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ во главѣ, объ возстановленіи попранной самодержавной власти русскихъ монарховъ. Бумага эта была подана императрицѣ на утренней аудіенціи, во время засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Анна пригласила ихъ всѣхъ, ничего неподозрѣвающихъ, въ пріемную и тутъ они, пораженные до глубины души, услышали чтеніе этого роковаго документа. Побуждаемая сестрой, герцогиней Мекленбургской, Анна подписала свое согласіе на возстановленіе самодержавія, но не желая, чтобы это прошеніе шло лишь отъ нѣсколькихъ лицъ, она изъявила желаніе знать мнѣніе всего дворянства, и чтобы это мнѣніе было представлено ей тотчасъ же. Противники верховниковъ удалились составлять это заявленіе, сопровождаемые массой дворянъ, а Анна, отправившись обѣдать, пригласила съ собой всѣхъ членовъ Совѣта. Отказаться они не посмѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ были лишены, этимъ приглашеніемъ, возможности обдумать свое положеніе и что-либо предпринять.

Чрезъ нѣсколько часовъ дворянство возвратилось во дворецъ съ новой просьбой, въ которой говорилось [1]): «Когда ваше императорское величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокаѕное наше прошеніе своеручно для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойныхъ себѣ признаемъ къ благодаренію за такъ превосходную вашего императорскаго величества милость. Однакоже усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ, побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство

графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, извѣстный фельдмаршалъ. Умерла она въ 1767 г. Другая дочь кн. Юрія Юрьевича — Марія (1696—1747) была за канцлеромъ кн. Александромъ Михайловичемъ Черкасскимъ.

[1]) Соловьевъ. Истор. Россіи т. XIX стр. 267.

щемъ Сенатѣ, и вслѣдъ за тѣмъ сдѣлала его кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Апостола Андрея Превозваннаго [1]). Удрученный преклоннымъ возрастомъ онъ вполнѣ довольствовался званіями Сенатора и члена Военной Коллегіи, не помышляя даже о болѣе активной и серьезной дѣятельности и въ теченіе десяти лѣтъ аккуратно исполнялъ свои обязанности, когда указомъ, отъ 23 мая 1739 года, Анна Іоанновна назначила его московскимъ генералъ-губернаторомъ. Исполняя повелѣніе своей Государыни онъ принялъ эту почетную должность, но пробывъ на ней менѣе года, онъ, несмотря на это высокое и почетное отличіе, отказался отъ нея, не чувствуя въ себѣ достаточно силъ для точнаго и добросовѣстнаго исполненія этой трудной обязанности и ссылаясь на свои преклонные года: ему въ то время уже минуло 79 лѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ отказомъ онъ просилъ и вообще увольненія отъ всѣхъ дѣлъ. Въ указѣ [2]), изданномъ по этому случаю, Императрица, отдавая еще разъ ему полную справедливость во всѣхъ его дѣйствіяхъ, клонившихся всегда исключительно ко благу отечества, и еще разъ изъявляя ему свою глубокую благодарность за столь долгую и столь добросовѣстную и плодотворную службу, соглашается на его ходатайство объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ только благодаря сознанію, что его преклонные года дѣйствительно требуютъ отдыха и покоя. Несмотря, однако, на искреннее желаніе и твердую рѣшимость провести послѣдніе годы своей жизни въ полномъ покоѣ, ему удалось воспользоваться этимъ лишь не надолго. Императрица Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ своего отца, снова призвала кн. Ивана Юрьевича къ дѣятельности и назначила его къ присутствію въ Правительствующій Сенатъ [3]). Не осмѣливаясь ослушаться дочери своего незабвеннаго государя и друга—онъ принялъ это званіе, но за слабостью и старостью

[1]) 28-го апрѣля того же года.
[2]) 23-го декабря 1739 года.
[3]) 22-го декабря 1741 года.

рѣдко посѣщалъ мѣсто своей послѣдней службы. Спустя девять лѣтъ по воцареніи «дщери Петровой», онъ тихо скончался 16-го января 1750 года, на 90-мъ году отъ рожденія. Прахъ его покоится въ Александро-Невской Лаврѣ, въ церкви св. Лазаря.

Хотя кн. Иванъ Юрьевичъ и началъ свою службу военнымъ, продолжалъ ее и по возвращеніи изъ плѣна и получилъ всѣ высшіе чины и отличія на ней же, его нельзя, однако, причислять къ полководцамъ того времени. Съ воцареніемъ Петра, съ его неустанной заботливостью объ усовершенствованіи и возведеніи на достодолжную высоту русской арміи и флота, настала та пора, когда все военное стало на первый планъ, когда самыя почетныя отличія были воинскія, когда не только каждый потомокъ, знатныхъ и древнихъ родовъ, но и вообще всѣ дворянскія дѣти должны были начинать свою службу военнымъ званіемъ какого бы то ни было рода оружія и, лишь прослуживъ въ этой службѣ, могли переходить въ гражданскую, оформленную окончательно только въ 1722 году изданіемъ «Табели о рангахъ». Исполнилъ это и кн. Иванъ Юрьевичъ и достигъ всѣхъ высшихъ степеней, высшихъ отличій, не будучи, въ сущности, вовсе военнымъ ни по способностямъ, ни по призванію, а благодаря, исключительно, своей замѣчательной добросовѣстности и строгости и аккуратности исполненія всѣхъ своихъ многочисленныхъ и разнородныхъ обязанностей. Его главная заслуга состоитъ въ беззавѣтной и глубоко-вѣрной преданности престолу и отечеству, въ его любви къ правдѣ и справедливости Изъ дѣла уничтоженія замысловъ верховниковъ, изъ дальнѣйшихъ дѣйствій кн. Ивана Юрьевича, когда старанія его партіи восторжествовали, ясно видно какъ далекъ былъ онъ отъ всякихъ заботъ о личныхъ интересахъ, какъ стремился онъ только къ одной высшей цѣли—спасти отечество отъ гибельныхъ послѣдствій двоевластія и дать ходу его жизни настоящій, законный порядокъ, какъ выступаетъ ярко на первый планъ одна лишь забота—забота о своей любимой родинѣ. Лично для себя онъ никогда не искалъ ничего, не

стремился воспользоваться благодарнымъ случаемъ за оказаніе такой важной услугѣ императрицѣ и вполнѣ довольствовался тѣмъ, что получалъ. И за это, за такую любовь и преданность отечеству, принесшую, во всякомъ случаѣ, ему много пользы, оно всегда останется ему глубоко благодарнымъ.

Въ своей обыденной, частной жизни кн. Иванъ Юрьевичъ былъ, по словамъ Нащокина [1]), «человѣкъ житія воздержаннаго и добродѣтельный», что, безъ сомнѣнія, и позволило ему дожить, безъ страха и упрека, до девяноста лѣтъ. Другой современникъ, герцогъ де-Лирія [2]), также отдаетъ ему справедливость за его доброе сердце, но только не выгодно отзывается объ умѣ его, что не помѣшало, однако же, князю исполнить свой долгъ передъ отечествомъ такъ, какъ далеко не всѣ его современники и сотоварищи, быть можетъ, и превосходившіе его и умомъ и способностями. Берхгольцъ [3]), видавшій князя въ 1721 - 1725 годахъ, говоритъ про него, что онъ «чрезвычайно пріятный и красивый мущина съ виду вовсе не похожъ еще на дѣда, какимъ онъ уже есть по дочери своей княгинѣ валахской» [4]). А кн. Ивану Юрьевичу было въ это время уже болѣе 60-ти лѣтъ! Много мѣшало ему только заиканіе, что и было, вѣроятно, отчасти причиной обвиненія его въ излишней гордости [5]).

Въ коллекціи историческихъ предметовъ, относящихся до исторіи рода кн. Трубецкихъ и хранящихся у княгини Е. Э. Трубецкой, рожденной княжны Бѣлосельской-Бѣлозерской, находится медаль, вычеканенная въ память кн. Ивана Юрьевича. Онъ изображенъ въ парикѣ того времени, съ длинными буклями, въ фельдмаршальскомъ мундирѣ и съ Андреевскою цѣпью на шеѣ. Лицо его, обращенное въ профиль, влѣво, съ слегка горбатымъ, римскимъ носомъ, сохраняетъ

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достоп. людей, т. V, стр. 163.
[2]) Ibidem.
[3]) Дневникъ т. II, стр. 13.
[4]) Княжна Анастасія, бывшая замужемъ за Молдавскимъ Господаремъ, кн. Д. К. Кантеміромъ; впослѣдствіи ландграфиня Гессенъ-Гомбургская.
[5]) Герцогъ де-Лирія. См. выше, пр. 2.

въ себѣ слѣды красоты и носитъ печать твердой воли и характера. Кругомъ бюста надпись на латинскомъ языкѣ: «Ioannes Princ. Trubetskoy. Russ. Maresc» [1]).

Женатъ былъ кн. Иванъ Юрьевичъ два раза: первый разъ на княжнѣ Анастасіи Степановнѣ Татевой, дочери послѣдняго князя Татева, Степана Ивановича. Бракъ этотъ былъ безплоденъ и послѣ смерти ея, въ 1690 г., онъ вторично женился на Иринѣ Григорьевнѣ Нарышкиной, дочери боярина Григорія Филимоновича Нарышкина, внучатной сестрѣ царицы Наталіи Кирилловны Нарышкиной, матери Петра I; такимъ образомъ, благодаря этому браку, кн. Иванъ Юрьевичъ еще болѣе сблизился съ Петромъ, ставши его, хотя и отдаленнымъ, родственникомъ. При Елисаветѣ Петровнѣ княгиня Ирина была пожалована статсъ-дамою и скончалась въ этомъ званіи лишь за три года до своего супруга—21 іюля 1746 года. Отъ нея князь Иванъ Юрьевичъ имѣлъ лишь двухъ дочерей—Раису и Анастасію; сыновей у него не было вовсе.

Старшая дочь, *княжна Раиса Ивановна*, вышла замужъ за польскаго дворянина Антонія Дунина-Скржинскаго и поселилась на родинѣ мужа. Король Августъ III, желая чѣмънибудь почтить потомка Гедиминовичей-Трубецкихъ, декретомъ отъ 3-го января 1739 года, датированнымъ Варшавой, пожаловалъ ей многія земли, нѣкогда входившія въ составъ владѣній князей Трубчевскихъ-Трубецкихъ, а въ то время принадлежавшія велико-княжеской коронѣ Литовской. Мужъ ея былъ сдѣланъ регентомъ канцеляріи Большой Печати великаго княжества Литовскаго, полковникомъ королевскаго Пятигорскаго полка, старостой Зегаринскимъ и начальникомъ Витебской округи. Годъ смерти ея неизвѣстенъ.

Если старшая княжна оставила по себѣ такъ мало слѣдовъ, то судьба младшей дочери кн. Ивана Юрьевича, *княжны Анастасіи Ивановны*, составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи кн. Трубецкихъ. Своимъ умомъ, красо-

---

[1]) См. приложенный снимокъ.

той и положеніемъ она достойно поддержала честь своего незапятнаннаго рода и оставила по себѣ блестящую память.

Родившись въ 1700 году, въ годъ злосчастной битвы подъ Нарвой, когда отецъ ея былъ взятъ въ плѣнъ, она, совсѣмъ еще ребенкомъ, была увезена матерью, вмѣстѣ съ своей сестрой, въ Швецію и прожила тамъ почти до самаго возвращенія отца изъ плѣна. Полученное тамъ воспитаніе развило ея богатыя природныя способности, а ея красота, распустившаяся по достиженію ею дѣвичества, выдвигала ея на первый планъ на вечерахъ и пріемахъ во дворцѣ въ Стокгольмѣ, въ которомъ она часто бывала вмѣстѣ съ отцемъ. Вернувшись въ Россію, въ лучшую пору для молодой дѣвушки, она сразу заняла первое мѣсто среди придворныхъ красавицъ того времени и Петръ, восхищенный ею и желая одновременно и почтить ее и отца и доставить дочери своего друга достойнаго супруга, тотчасъ же отмѣтилъ таковаго въ лицѣ своего искренняго друга, бывшаго Господаря Молдавскаго, кн. Кантеміра. Княжна Анастасія ничего не имѣла противъ этого жениха и въ 1717 году свадьба ихъ была пышно и торжественно отпразднована.

Князь Дмитрій Константиновичъ Кантеміръ, потомокъ стариннаго и знатнаго рода, родился въ Яссахъ въ 1663 году. Двадцати одного [1]) года, за оказанныя Портѣ важныя услуги, онъ былъ возведенъ султаномъ въ достоинство Молдавскаго Господаря, но будучи православнымъ, онъ въ этомъ званіи, являлся плохимъ слугой для мусульманъ и при первой же возможности сталъ сноситься съ Петромъ и, во время войнъ турокъ съ русскими, въ 1711 году, открыто перешелъ въ подданство Россіи вмѣстѣ съ своимъ княжествомъ. Это присоединеніе было совершенно очень торжественно и клятва въ вѣрности была публично произнесена кн. Кантеміромъ съ своими боярами, въ день тезоименитства Петра—29 Іюня. Когда русскія войска, вмѣстѣ съ своимъ государемъ и государыней, были окружены турками у Прута и поставлены

[1]) Въ 1684 году.

ими въ безъисходное положеніе, въ числѣ предложеній потребованныхъ визиремъ отъ царя было поставлено условіе sine qua non выдать Кантемира. На это Петръ отвѣчалъ: «я лучше уступлю туркамъ всю землю, простирающуюся до Курска, нежели выдамъ князя, пожертвовавшаго для меня всѣмъ своимъ достояніемъ. Потерянное орудіемъ возвращается, но нарушеніе даннаго слова невозвратимо; отступить отъ чести тоже, что не быть государемъ». Вслѣдъ за тѣмъ, изъ предупрежденія похищенія или убійства князя, визирю было объявлено, что Кантемиръ бѣжалъ изъ лагеря, межъ тѣмъ какъ онъ, по приказанію царя, спрятался въ царской каретѣ, куда одинъ служитель носилъ къ нему пищу. Прутскій договоръ, добытый съ такимъ трудомъ, лишилъ князя его владѣній, но Петръ возвратилъ понесенныя имъ потери—пожаловавъ ему домъ въ Москвѣ, имѣніе подъ Москвой и тысячу дворовъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ, вмѣстѣ съ селомъ Дмитровскимъ, впослѣдствіи городомъ [1]). Кромѣ того кн. Дмитрій Константиновичъ получилъ ежегодную пенсію въ 6000 рублей, портретъ Петра, осыпанный бриллiантами и вмѣстѣ съ титуломъ свѣтлости еще право судить самому выѣхавшихъ съ имъ изъ Молдавіи и Валахіи его бывшихъ подданныхъ, въ числѣ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Это былъ единственный примѣръ русскаго подданнаго пользоваться такой властью. Въ 1715 году, пользуясь этимъ правомъ, кн. Кантемиръ приговорилъ было къ смертной казни трехъ молдавскихъ дворянъ и нѣсколькихъ къ ссылкѣ, за убійство, но потомъ перемѣнилъ ее на тѣлесное наказаніе, что и было утверждено государемъ. По пріѣздѣ въ Россію, князь сперва поселился въ Харьковѣ, откуда, по приглашенію Петра, переѣхалъ сперва въ Москву и затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ встрѣтившись съ княжной Анастасіей Ивановной и пораженный ея красотой, умомъ и образованіемъ, совершенно плѣнился ею. Самъ онъ былъ человѣкомъ выдающимся по образованію и совершенно затмѣвалъ имъ окружающихъ. Помимо восточ-

---

[1]) Орловской губ.; городомъ съ 1782 г.

ныхъ языковъ, арабскаго, турецкаго и персидскаго, знакомыхъ ему съ дѣтства, онъ прекрасно говорилъ, писалъ и читалъ на всѣхъ европейскихъ. Любимымъ занятіемъ его было исторія и послѣ себя онъ оставилъ болѣе пятнадцати сочиненій по части исторіи Если прибавить къ этому его южную красоту, ловкость и любезность, которой онъ блисталъ при дворѣ, станетъ понятнымъ, почему молодая княжна сама красавица, имѣя всего 17 лѣтъ, рѣшилась принять руку пятидесяти четырехлѣтняго вдовца и отца семейства [1]). Его умъ и образованіе не находили достойнаго соперника среди молодежи того времени, а всѣ внѣшнія и внутреннія качества князя Дмитрія Константиновича заставляли забывать и о его вдовствѣ и о его лѣтахъ.

Во время пребыванія своего въ Россіи Кантемиръ продолжалъ носить свой національный костюмъ, богато разсшитый золотомъ и изукрашенный драгоцѣнными каменьями. Передъ женитьбой, по желанію невѣсты, онъ снялъ этотъ костюмъ одѣлся въ европейское платье и обрилъ бороду. Въ самый день свадьбы Петръ произвелъ его въ тайные совѣтники, сдѣлалъ сенаторомъ и пожаловалъ ему шпагу, осыпанную брилліантами и, осыпанные такими знаками расположенія и дружбы царя, молодые поселились въ Петербургѣ, причемъ салонъ ихъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ. Съ одной стороны добродушіе, любезность, прекрасное воспитаніе и образованіе князя, съ другой замѣчательная красота и умъ княгини, привлекали къ себѣ весь высшій свѣтъ, царскую семью, иностранныхъ резидентовъ и знатныхъ иностранныхъ гостей.

Камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, сопровождавшій въ Россію въ 20-хъ годахъ XVIII ст. герцога Голштинскаго [2]), такъ

---

[1]) У него было трое сыновей — знаменитый писатель и дипломатъ Антіохъ, Константинъ и Сергѣй. Кромѣ того еще дочь Марія, сверстница мачихѣ.

[2]) Карла-Фридриха, пріѣзжавшаго въ Россію въ 1721 году. Цѣль его поѣздки была двоякая: сватовство за старшую дочь Петра, царевну Анну и желаніе найти покровительство Петра для возвращенія своихъ владѣній, захваченныхъ Датскимъ королемъ и предъявленіе правъ на Шведскій

описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) первое посѣщеніе княгини Анастасіи Ивановны: «17-го (Іюля 1721 г.) около полудня его высочество [2]) отправился на обѣдъ къ князю Кантемиру Валахскому, съ тайными совѣтниками и со всѣми прочими придворными кавалерами, на двухъ баркахъ, изъ которыхъ одна принадлежала герцогу, а другая была прислана княземъ (Кантемиромъ) для нашей свиты . . . .; такъ какъ барка его высочества ушла немного впередъ, то мы не успѣли нагнать ее и пріѣхали къ князю Валахскому, тогда уже, когда его высочество вошелъ въ домъ. Въ большой комнатѣ, передъ гостиной, гдѣ всѣ собрались, накрытъ былъ столъ на 16 приборовъ, за который вскорѣ и сѣли. Войдя туда, гдѣ стояла княгиня Валахская, я былъ пораженъ красотою ея стана и лица: она, безспорно, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ во всемъ Петербургѣ. Хотя я и прежде имѣлъ счастіе видѣть ее въ Швеціи (гдѣ она нѣсколько лѣтъ находилась въ плѣну съ отцемъ своимъ, генераломъ княземъ Трубецкимъ и одною или двумя [3]) сестрами) при бракосочетаніи нынѣшней королевы и кромѣ того не разъ, и она тогда уже слыла за красавицу, однакожъ теперь нашелъ ее еще красивѣе и пріятнѣе. Она блондинка, высока ростомъ и имѣетъ прекрасныя руки и чудный цвѣтъ лица. На вѣкѣ лѣваго глаза у нея маленькое черное пятно, издали похожее на мушку, но это нисколько не вредитъ красотѣ и живости ея глазъ, напротивъ, дѣлаетъ ихъ еще болѣе выразительными. . . . . Его высочество, знавшій княгиню еще въ Швеціи, очень занимался ею и такъ какъ она женщина весьма пріятная и образованная, то они хорошо проводили время, разговаривая то по шведски, то по нѣмецки».

престолъ. Бракъ его съ царевной Анной совершился уже по смерти Петра, въ Маѣ 1725 года, а Швеція еще раньше признала его права.

[1]) Дневникъ, т. I, стр. 99 и 101.

[2]) Герцогъ Голштинскій.

[3]) Берхгольцъ ошибается; у нея была одна лишь сестра Раиса.

Бракъ княжны Анастасіи Ивановны былъ непродолжителенъ—всего 6 лѣтъ и это кратковременное супружество было омрачено тяжелымъ горемъ, имѣвшимъ гибельныя послѣдствія для князя Дмитрія Константиновича. Кромѣ двухъ сыновей, онъ имѣлъ еще отъ перваго брака одну дочь, княжну Марію, которая и послѣ вторичной женитьбы своего отца, продолжала жить въ его домѣ. Она была сверстница своей мачихи и, не отличаясь красотой, была замѣчательно образована, получивъ отъ отца серьезное, чисто-классическое воспитаніе и изучивъ, сверхъ, того прекраснымъ образомъ языки греческій и итальянскій [1]). Петръ Великій, навѣщая очень часто ея отца и зная ее давно, хотя и любилъ бесѣдовать съ ней, какъ съ рѣдко образованной дѣвушкой, но въ общемъ мало обращалъ на нее вниманія; межъ тѣмъ въ ней, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ геніальнымъ государемъ, проснулся ея южный темпераментъ и она страстно полюбила его. Мало-по-малу ея страсть заставила Петра обратить на нее вниманіе болѣе серьезное, чѣмъ прежде и ея страсть передалась ему. Сильный въ выраженіяхъ своихъ чувствъ и незнавшій имъ препятствій, онъ окончательно увлекся молодой княжной. Это случилось въ годъ войны съ Персіей, въ 1722 году и, отправляясь въ походъ, царь настоялъ, чтобы Кантемиры, въ томъ числѣ и княжна Марія, отправились съ нимъ. Разсказываютъ, что это увлеченіе Петра было настолько сильно и серьезно, что онъ нешутя думалъ развестись съ Екатериной и жениться на Маріи. Насколько вѣренъ этотъ разсказъ — неизвѣстно, но только въ лагерь явилась вдругъ неожиданно Екатерина въ сопровожденіи Меньшикова. Была ли цѣль ихъ пріѣзда воспрепятствовать дальнѣйшему развитію страсти императора и знали ли они объ этомъ—неизвѣстно, но если даже это было такъ, то пріѣздъ ихъ все равно оказался лишнимъ. Судьба не благопріятствовала молодой княжнѣ: она въ это время впала въ тяжелую болѣзнь и умерла, не успѣвъ стать

---

[1]) Берхгольцъ. loc. ct.

матерью. Смерть дочери такъ подѣйствовала на князя Дмитрія Константиновича, горячо и сердечно любившаго своихъ дѣтей, что онъ тотчасъ же оставилъ лагерь, уѣхалъ въ жалованное свое село Дмитровское и тамъ вскорѣ умеръ отъ огорченія, 21-го Августа 1723 г. Похороненъ онъ былъ въ Москвѣ.

Дѣтей отъ этого брака была одна лишь дочь — Смарагда или Екатерина Дмитріевна, родившаяся 19-го ноября 1720 года [1]). Она была замужемъ за княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ св. Андрея Первозваннаго, извѣстнымъ своей благотворительностью. Княжна Смарагда, имѣя отъ природы очень доброе и отзывчивое на горе и нужды окружающихъ сердце, много помогала въ этомъ дѣлѣ своему мужу и чуть ли не была главнымъ иниціаторомъ. По крайней мѣрѣ можно судить объ этомъ изъ того факта, что княгиня Анастасія, передъ смертью пожертвовала очень крупный капиталъ въ пользу Голицынской больницы [2]), основанной ея дочерью и зятемъ и донынѣ прославляющей имена своихъ основателей. Большею часть времени кн. Смарагда провела съ мужемъ за границей, въ Парижѣ, гдѣ и скончалась 2-го ноября 1761 г. [3]). Мужъ ея, оставшись жить въ Парижѣ, погибъ тамъ, во время террора, на эшафотѣ, 19-го сентября 1793 г.

Оставшись вдовой двадцати трехъ лѣтъ, княгиня Анастасія Ивановна вскорѣ вступила во второй бракъ. На этотъ разъ выборъ ея палъ на полковника русской службы князя Людвига-Вильгельма, герцога Гессенъ-Гомбургскаго, потомка Филиппа Великодушнаго [4]), и послѣ свадьбы тотчасъ же она, уѣхала съ

---

[1]) Кн. Долгоруковъ. Родословная т. I. стр. 289, № 49.

[2]) Изъ этого капитала большая часть была назначена на выдачу молодымъ нуждавшимся, русскимъ медикамъ, для доставленія имъ средствъ во время занятій и для путешествія за границу, по окончаніи курса.

[3]) Долгоруковъ. Родос. Ibidem.

[4]) При Филиппѣ Великодушномъ княжество Гессенское было разграблено Карломъ V за принадлежность Филиппа къ ученію Лютера, которому онъ

нимъ въ Германію. Проведя нѣсколько лѣтъ внѣ Россіи, они вернулись въ Петербургъ въ ту знаменательную эпоху, когда волненіе, вызванное смертью Петра II и прекращеніемъ съ нимъ мужескаго потомства Рюрика, хотя и успокоившееся на время избраніемъ Анны Іоанновны, все еще продолжало существовать въ высшихъ классахъ общества и въ арміи, озабоченныхъ мыслію о преемникѣ Анны. Минихъ и Биронъ, игравшіе тогда самую видную и важную роль, тотчасъ же пригласили герцога стать ближе ко двору и онъ получилъ званіе генералъ-фельдцейхмейстера. Однако онъ не сталъ служить проискамъ этихъ хитроумныхъ царедворцевъ; всѣ его симпатіи обратились къ униженной, постоянно оскорбляемой дочери Петра Великаго, Елисаветѣ. Нечего и говорить, что герцогиня Гессенская, какъ происходившая изъ семьи кн. Трубецкихъ, не только вполнѣ раздѣляла образъ мыслей своего мужа, но скорѣй, даже она то и была причиной, по которой тотъ такъ опредѣленно и ясно перешелъ на сторону царевны. Вскорѣ герцогиня Анастасія, стала приближенной статсъ-дамой Елизаветы, вошла совершенно въ ея интимный кружокъ и сдѣлалась однимъ изъ ближайшихъ ея друзей и совѣтниковъ. Межъ тѣмъ Анна Іоанновна умерла, престолъ снова оказался незанятымъ; наслѣдникъ его Іоаннъ V, сынъ племянницы императрицы принцессы Анны Леопольдовны и мужа ея Антона Ульриха, герцога Брауншейгскаго, не могъ конечно, будучи младенцемъ, оказывать какое-либо вліяніе на дѣла

покровительствовалъ. Вмѣшательство принца Морица Саксонскаго, зятя Великодушнаго, спасло это княжество отъ окончательнаго разрушенія, хотя и дорогой цѣной: Филиппъ долженъ былъ просить пощады у Карла, публично, на колѣняхъ. Одинъ изъ сыновей Филиппа, Георгъ Благочестивый и былъ основателемъ линіи Дармштской и Гомбургской. Въ эпоху брака кн. Анастасіи, гессенскій домъ имѣлъ слѣдующія царствующія вѣтви: 1) Кассельскую: 2) Филипштальскую; 3) Баршфельскую (двѣ послѣднія были медіатизированы Наполеономъ I въ 1806 г.) 4)—Рейнфельсъ - Ротенбургскую,—медіатизированную въ 1806 г. и угасшую въ 1834 г.; 5) Ванфридскую, угасшую въ 1755 г.; 6) Дармштатскую, царствующую донынѣ и 7) Гомбургскую, медіатизированную въ 1806 г., и снова объявленную владѣтельной въ 1815 г., по настоянію императора Александра I. Она угасла въ 1886 году.

правленія и регентомъ сдѣлался герцогъ Биронъ. Кратковременное правленіе его хорошо извѣстно его нетерпимостью по отношенію ко всему русскому, жестокими преслѣдованіями, казнями и пытками, которыми онъ старался ослабить своихъ многочисленныхъ явныхъ и мнимыхъ враговъ. Черезъ три недѣли своего правленія, благодаря Миниху, онъ былъ внезапно арестованъ и сосланъ въ Сибирь. Правительницей стала Анна Леопольдовна. Если и раньше, при Биронѣ, положеніе Елизаветы Петровны было очень тяжело, въ особенности, когда послѣдній задумалъ женить на ней своего сына и тѣмъ доставить ему престолъ, то при Аннѣ Леопольдовнѣ оно нисколько не улучшилось. Постоянно опасаясь за судьбу свою и своего сына, Анна видѣла главнаго врага въ Елизаветѣ и старалась всѣми силами обезсилить ее. Ей много помогалъ въ этомъ Минихъ, также опасавшійся за себя въ случаѣ достиженія Елизаветой власти. Сперва они начали дѣйствовать осторожно, по немногу ограничивая царевну во всемъ, потомъ эти мѣры стали дѣлаться все сильнѣе и сильнѣе и дошли, наконецъ, до публичныхъ оскорбленій ея. Въ особенности обрушилась сильно ненависть правительницы на двухъ главныхъ помощниковъ царевны-французскаго посла Маркиза де-ла-Шетарди и домашняго доктора ея Лестока, которые и были главными дѣятелями въ доставленіи послѣдней престола ея отца. Наконецъ дѣло дошло до такого положенія, что Елизавета не могла уже ручаться за свою жизнь. Межъ тѣмъ почти вся гвардія, помнившая ея отца, и горячо ей преданная, была на ея сторонѣ и ждала только знака съ ея стороны для сверженія ненавистныхъ правителей нѣмцевъ. Послѣ одного вечера, въ которомъ правительница высказала Елизаветѣ такія угрозы, что уже терять время становилась опасно, былъ данъ желанный знакъ. Елизавета явилась къ гренадерамъ, позвала ихъ съ собой во дворецъ, арестовала правительницу и была восторженно провозглашена всѣмъ народомъ Императрицей Всероссійской.

Все это время герцогиня Гессенъ-Гомбургская была около Елизаветы ея ближайшимъ другомъ и, посвященная во всѣ

тайны своей царственной племянницы [1]), неустанно поддерживала своими разумными совѣтами ея силы и бодрость духа. Въ самый критическій моментъ она была всюду съ царевной и храбро сопровождала ее и въ казармы къ гренадерамъ и во дворецъ для ареста правительницы. Благодарная Елисавета не оставила безъ награды эти, драгоцѣнныя для нея услуги и на другой день переворота, одѣваясь для перваго пріема въ качествѣ императрицы, сняла съ себя ленту ордена св. Екатерины Большаго креста и надѣла ее собственноручно на герцогиню [2]), а герцогъ, ея супругъ, былъ сдѣланъ генералъ-фельдмаршаломъ. Расположеніе Елисаветы къ нимъ не ограничилось этимъ и она предложила ему занять, освободившійся по смерти Бирона, герцогскій тронъ Курляндіи. Въ ожиданіи этого избранія, герцогиня отправилась во вторичную поѣздку за границу, во время которой мужъ ея скончался, въ 1745 году. По свидѣтельству современниковъ онъ совершенно не соотвѣтствовалъ званію ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго, которое онъ такъ долго носилъ и явился недостойнымъ ни полученныхъ имъ почестей, ни чести быть супругомъ одной изъ очаровательнѣйшихъ женщинъ Европы того времени, какой по справедливости признается всѣми княжна Анастасія. Какъ военный и начальникъ онъ былъ очень требователенъ, грубъ и жестокъ съ подчиненными, что дало поводъ его сотоварищу, генералу Гейту, сказать, что «le prince de Hesse avait passé sa vie á mériter le bâton, mais jamais celui de maréchal».

Во время втораго путешествія герцогиня Анастасія долго

---

[1]) Мать ея Ирина Нарышкина была внучатной сестрой царицы Наталіи, матери Петра.

[2]) Въ собраніи историческихъ родовыхъ предметовъ кн. Е. Э. Трубецкой находится полуоткрытая ваза, съ положеннымъ на днѣ ея орденомъ Св. Екатерины и съ надписью: „Son Altesse Sérenissime madame Anastasie, landgrave de Hesse-Hombourg, née princesse Troubetskoï, à son heure supréme, a cousigné à l'immortalité, en le deposant au foud de ce vase, le grand cordon de l'ordre impérial de Sainte-Catherine dont l'Impératrice Elisabeth se dépouilla pour l'én décorer de ses propres mains, dans cette mémorable nuit, ou pour le boheur de la nation russe, elle parvint à recouvrer sou empire".

жила въ Парижѣ, гдѣ блистала своей красотой и привлекала всеобщее вниманіе, на знаменитыхъ своей элегантностью балахъ королевы Маріи, дочери Станислава Лещинскаго. Сохранившаяся отъ той эпохи гравюра [1]) изображаетъ ее въ изящномъ испанскомъ костюмѣ танцующей королевскій менуэтъ въ Версальскомъ дворцѣ. На другой гравюрѣ [2]) она изображена сидящей въ креслѣ у открытаго окна и съ раскрытой книгой на столѣ. На ней надѣтъ придворный костюмъ времени Людовига XV, съ лентой ордена св. Екатерины чрезъ плечо, съ кружевнымъ воротникомъ и въ характерной прическѣ той эпохи. Черты лица ея вполнѣ передаютъ замѣчательную красоту герцогини, которая такъ привлекала къ себѣ всѣхъ и совершенно затмѣвала другихъ красавицъ.

Вернувшись въ Россію вдовой, она тихо провела послѣдніе годы своей жизни, отдавшись вполнѣ дѣламъ благотворительности и совершая массу добра во имя нѣжно любимой дочери. Скончалась она 2-го декабря 1755 года, и погребена въ Александро-Невской Лаврѣ въ цер. Благовѣщенія. На надгробномъ памятникѣ вырѣзана И. И. Бецкимъ, ея братомъ, краткая надпись: «Здѣсь покоится Анастасія, урожденная княжна Трубецкая». Онъ же вычеканилъ въ память ея три медали: на одной дата ея рожденія, на другой годъ смерти и на третьей посвященное ей изрѣченіе: «In virtutibus magna gloria»! Достойный девизъ, такъ кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно характеризующій всю жизнь княжны Анастасіи Ивановны.

Выше было сказано, что кн. Иванъ Юрьевичъ не оставилъ послѣ себя мужскаго потомства. Это замѣчаніе можетъ относиться лишь къ прямымъ законнымъ наслѣдникамъ его имени, продолжателямъ его рода. Такихъ дѣйствительно, онъ не оставилъ; за то у него былъ одинъ, единственный побочный сынъ, занимающій также видное и важное мѣсто, не только среди дѣя-

---

[1]) Находится у кн. Е. Э. Трубецкой.

[2]) Находится тамъ же. Эта гравюра подарена кн. Е. Э. Трубецкой императоромъ Наполеономъ III, въ 1860 г., въ Парижѣ.

телей Екатерининскаго вѣка, но и вообще въ исторіи просвѣщенія Руси, что имя его вполнѣ достойно стать на ряду съ его титулованными родственниками и дѣятельность его составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи кн. Трубецкихъ. Этотъ незабвенный въ потомствѣ человѣкъ былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій.

Отвезенный, послѣ взятія подъ Нарвой въ плѣнъ, въ Стокгольмъ, кн. Иванъ Юрьевичъ, несмотря на свое положеніе военноплѣннаго, какъ человѣкъ знатнаго происхожденія, носившій, къ тому же, званіе генералъ-маіора, былъ принятъ ко Двору и вращаясь въ придворномъ кругу, своей любезностью и красотою, совершенно плѣнилъ суровыхъ сѣверянокъ, придворныхъ дамъ. Одна изъ нихъ баронесса Вреде [1]), серьезно увлеклась интереснымъ, знатнымъ плѣнникомъ и результатомъ ихъ сближенія былъ мальчикъ, родившійся 3-го февраля 1704 года [2]). Во св. крещеніи онъ былъ названъ Иваномъ. Такъ какъ ему нельзя было дать ни фамиліи отца, ни фамиліи матери, то прозваніе было для него составлено изъ первой, чрезъ оставленіе лишь послѣдняго ея слога— Бецкій (отъ Тру-бецкій) [3]). Княгиня Ирина Григорьевна, ко-

---

[1]) Русс. Архивъ. 1873 г. т. II, стр. 2243; а по свѣдѣніямъ кн. Е. Э. Трубецкой — графиня Шпарръ (Sparre). Существуютъ предположенія, что, не надѣясь на возвращеніе на родину, онъ тайно обвѣнчался съ нею. (Чистовичъ, Матеріалы объ И. И. Бецкомъ. Чтенія, 1863, т. IV, стр. 152).

[2]) Бантышъ-Каменскій, т. I, стр. 166. Точная дата дня и года рожденія Бецкаго не вполнѣ еще установлена и ее относятъ къ 1702 и 1703 годамъ. Мы беремъ здѣсь свѣдѣнія Б.—К. какъ кажущіяся наиболѣе достовѣрными

[3]) Говорятъ, что князь Иванъ Юрьевичъ и княжна Анастасія Ивановна очень желали, чтобы Бецкій принялъ фамилію и титулъ князя Трубецкаго, но И. И. никогда на это не соглашался, даже когда такого рода предложенія шли отъ Императрицъ Елисаветы и Екатерины II. Всегда онъ давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что „онъ извѣстенъ сталъ подъ именемъ Бецкого, то съ этимъ именемъ останется и умретъ“.

жила въ Парижѣ, гдѣ блистала своей красотой и привлекала всеобщее вниманіе, на знаменитыхъ своей элегантностью балахъ королевы Маріи, дочери Станислава Лещинскаго. Сохранившаяся отъ той эпохи гравюра [1]) изображаетъ ее въ изящномъ испанскомъ костюмѣ танцующей королевскій менуэтъ въ Версальскомъ дворцѣ. На другой гравюрѣ [2]) она изображена сидящей въ креслѣ у открытаго окна и съ раскрытой книгой на столѣ. На ней надѣтъ придворный костюмъ времени Людовига XV, съ лентой ордена св. Екатерины чрезъ плечо, съ кружевнымъ воротникомъ и въ характерной прическѣ той эпохи. Черты лица ея вполнѣ передаютъ замѣчательную красоту герцогини, которая такъ привлекала къ себѣ всѣхъ и совершенно затмѣвала другихъ красавицъ.

Вернувшись въ Россію вдовой, она тихо провела послѣдніе годы своей жизни, отдайшись вполнѣ дѣламъ благотворительности и совершая массу добра во имя нѣжно любимой дочери. Скончалась она 2-го декабря 1755 года, и погребена въ Александро-Невской Лаврѣ въ цер. Благовѣщенія. На надгробномъ памятникѣ вырѣзана И. И. Бецкимъ, ея братомъ, краткая надпись: «Здѣсь покоится Анастасія, урожденная княжна Трубецкая». Онъ же вычеканилъ въ память ея три медали: на одной дата ея рожденія, на другой годъ смерти и на третьей посвященное ей изрѣченіе: «In virtutibus magna gloria»! Достойный девизъ, такъ кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно характеризующій всю жизнь княжны Анастасіи Ивановны.

Выше было сказано, что кн. Иванъ Юрьевичъ не оставилъ послѣ себя мужскаго потомства. Это замѣчаніе можетъ относиться лишь къ прямымъ законнымъ наслѣдникамъ его имени, продолжателямъ его рода. Такихъ дѣйствительно, онъ не оставилъ; за то у него былъ одинъ, единственный побочный сынъ, занимающій также видное и важное мѣсто, не только среди дѣя-

---

[1]) Находится у кн. Е. Э. Трубецкой.

[2]) Находится тамъ же. Эта гравюра подарена кн. Е. Э. Трубецкой императоромъ Наполеономъ III, въ 1860 г., въ Парижѣ.

телей Екатерининскаго вѣка, но и вообще въ исторіи просвѣщенія Руси, что имя его вполнѣ достойно стать на ряду съ его титулованными родственниками и дѣятельность его составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи кн. Трубецкихъ. Этотъ незабвенный въ потомствѣ человѣкъ былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій.

Отвезенный, послѣ взятія подъ Нарвой въ плѣнъ, въ Стокгольмъ, кн. Иванъ Юрьевичъ, несмотря на свое положеніе военноплѣннаго, какъ человѣкъ знатнаго происхожденія, носившій, къ тому же, званіе генералъ-маіора, былъ принятъ ко Двору и вращаясь въ придворномъ кругу, своей любезностью и красотою, совершенно плѣнилъ суровыхъ сѣверянокъ, придворныхъ дамъ. Одна изъ нихъ баронесса Вреде [1]), серьезно увлеклась интереснымъ, знатнымъ плѣнникомъ и результатомъ ихъ сближенія былъ мальчикъ, родившійся 3-го февраля 1704 года [2]). Во св. крещеніи онъ былъ названъ Иваномъ. Такъ какъ ему нельзя было дать ни фамиліи отца, ни фамиліи матери, то прозваніе было для него составлено изъ первой, чрезъ оставленіе лишь послѣдняго ея слога— Бецкій (отъ Тру-бецкій) [3]). Княгиня Ирина Григорьевна, ко-

---

[1]) Русс. Архивъ. 1873 г. т. II, стр. 2243; а по свѣдѣніямъ кн. Е. Э. Трубецкой — графиня Шпарръ (Sparre). Существуютъ предположенія, что, не надѣясь на возвращеніе на родину, онъ тайно обвѣнчался съ нею. (Чистовичъ, Матеріалы объ И. И. Бецкомъ. Чтенія, 1863, т. IV, стр. 152).

[2]) Бантышъ-Каменскій, т. I, стр. 166. Точная дата дня и года рожденія Бецкаго не вполнѣ еще установлена и ее относятъ къ 1702 и 1703 годамъ. Мы беремъ здѣсь свѣдѣнія Б.—К. какъ кажущіяся наиболѣе достовѣрными

[3]) Говорятъ, что князь Иванъ Юрьевичъ и княжна Анастасія Ивановна очень желали, чтобы Бецкій принялъ фамилію и титулъ князя Трубецкаго, но И. И. никогда на это не соглашался, даже когда такого рода предложенія шли отъ Императрицъ Елисаветы и Екатерины II. Всегда онъ давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что „онъ извѣстенъ сталъ подъ именемъ Бецкого, то съ этимъ именемъ останется и умретъ“.

торой, по пріѣздѣ ея въ Швецію, мужъ сообщилъ объ этомъ, не только не вознегодовала и не оставила безъ призрѣнія невиннаго ребенка, но изъ человѣколюбія ли, или изъ участія къ нему, приняла въ немъ горячее участіе. Вѣрнѣе всего тутъ дѣйствовало неимѣніе у самой сына, а также и желаніе оградить князя отъ непріятныхъ послѣдствій, еслибы онъ оставилъ его безъ призора. И безъ того уже оскорбленные родители матери ребенка могли сдѣлать изъ этого непріятную исторію, тѣмъ болѣе, что фактъ рожденія послѣдняго былъ всѣмъ извѣстенъ. Какъ бы то ни было, но ребенокъ былъ принятъ въ домъ кн. Ивана Юрьевича и княгиня занялась его воспитаніемъ наравнѣ съ остальными своими дѣтьми. Возвращаясь на родину, въ 1718 году, кн. Иванъ Юрьевичъ взялъ съ собою и Бецкаго, которому въ это время уже минуло 14 лѣтъ, и воспитаніе его закончилось уже въ Петербургѣ Вообще объ этомъ вопросѣ, то-есть гдѣ и какъ воспитанъ былъ Иванъ Ивановичъ, извѣстія расходятся; по увѣренію однихъ, онъ получилъ окончательное воспитаніе въ Копенгагенскомъ (?) кадетскомъ корпусѣ; по свидѣтельству другихъ въ Абовскомъ и потомъ въ Лейпцигскомъ Университетахъ, а иные утверждаютъ, что воспитаніе его было довершено въ Италіи и Франціи. Достовѣрныхъ указаній на справедливость того или другаго мнѣнія и фактовъ, подтверждающихъ какое либо изъ нихъ—нѣтъ, но во всякомъ случаѣ всѣ эти сказанія вполнѣ согласны лишь въ томъ, что онъ дѣйствительно получилъ прекрасное воспитаніе, которое такъ серьезно подготовило его къ будущимъ важнымъ подвигамъ на поприщѣ гражданской дѣятельности.

Въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ Россію, но уже въ послѣднихъ годахъ царствованія Петра Великаго, онъ вступилъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ и пробылъ въ теченіе 19 лѣтъ. Какъ ловкаго и прекрасно образованнаго молодаго человѣка, его часто и очень охотно посылали курьеромъ за границу, но будучи сильно привязанъ

къ отцу своему, онъ старался избѣгать частыхъ отлучекъ изъ Петербурга. Въ особенности часто приходилось ему исполнять такія порученія въ царствованія Петра II и Анны Іоанновны и своимъ добросовѣстнымъ, точнымъ и разумнымъ исполненіемъ всякаго поручаемаго ему дѣла онъ заслужилъ отличительное вниманіе знаменитаго канцлера Остермана, отмѣтившаго его, какъ одного изъ способнѣйшихъ и даровитѣйшихъ молодыхъ дипломатовъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, именно въ 1728 году, будучи въ Парижѣ, онъ близко познакомился съ принцессой Ангаль-Цербстской, будущей матерью Екатерины Великой, и принцесса всегда осталась очень къ нему расположенной, отлично рекомендовавъ его впослѣдствіи Екатеринѣ II, въ бытность послѣдней еще Великой Княгиней. Принцесса не ошиблась въ своемъ выборѣ и, какъ мы увидимъ далѣе, тяжелая обстановка, окружавшая Екатерину первое время ея пребыванія въ Петербургѣ, въ значительной степени смягчалась стараніями Бецкаго, положившаго на это не мало труда и усилій. Благодарная Екатерина не забыла своего, чуть ли не единственнаго, друга ея, какъ наслѣдницы престола и ставъ Императрицей, до самой смерти Ивана Ивановича, не забывала его своей могущественной поддержкой, во всѣхъ его начинаніяхъ, и своими милостями.

Эта поѣздка во Францію, время проведенное пылкимъ и воспріимчивымъ молодымъ Бецкимъ среди блестяще образованнаго, живаго, дѣятельнаго, постоянно мечтавшаго о новыхъ усовершенствованіяхъ и реформахъ парижскаго общества, произвело сильное, неизгладимое впечатлѣніе на него. Онъ совершенно увлекся и проникся духомъ этого общества и навсегда остался ярымъ галломаномъ. Впослѣдствіи враги его и зоилы ставили ему въ серьезную вину эту галломанію и считали именно это причиной, почему всѣ замѣчательнѣйшія созданія Бецкаго въ самомъ началѣ казались не вполнѣ обдуманными, не такъ поставленными, полными недостат-

ковъ [1]). Но никто, однако, изъ нихъ самъ не додумался ни до чего подобнаго и сотни милліоновъ, погибшихъ бы, безъ него безъ призора дѣтей, всегда будутъ чтить имя перваго позаботившагося о нихъ. Дѣйствительно, Иванъ Ивановичъ во всѣхъ своихъ памятныхъ потомству учрежденіяхъ вводилъ уставы и правила, созданные по образцу французскихъ. Какъ всякіе другіе, они были не совершенны, но никто не могъ бы сказать, чтобъ они были хуже другихъ, а рѣдкое какое дѣло, въ особенности такое чуждое, новое и незнакомое для Россіи, какимъ великъ Бецкій, съ самаго своего основанія будетъ безъ недостатковъ. Во всякомъ случаѣ и современники и потомство уже произнесло свой приговоръ надъ его дѣяніями: такихъ приговоровъ мало въ исторіи человѣчества.......

Въ началѣ правленія императрицы Елисаветы Петровны Бецкій былъ уже подполковникомъ; въ продолженіи этого царствованія онъ получилъ, постепенно, чины полковника и генералъ-маіора, а императоромъ Петромъ III произведенъ былъ въ генералъ-поручики. Но до этого времени не представлялась еще возможность высказаться настоящему призванію Ивана Ивановича, доставившаго ему безсмертную славу; обширнѣйшее поприще познаніямъ, дѣятельности и любви къ человѣчеству его открылось лишь со вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II.

Начиная свою замѣчательную дѣятельность при помощи Екатерины, Бецкій приступилъ къ ней не какъ новичекъ, самъ еще не вполнѣ выяснившій себѣ дальнѣйшую программу ея и работалъ не на основаніи лишь того впечатлѣнія и тѣхъ свѣдѣній, которыя вынесъ во время перваго своего путешествія въ 1728 г., будучи всего лишь двадцатичетырехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Главный и окончательный толчокъ его мыслямъ и цѣлямъ былъ данъ второй поѣздкой за границу, въ 1756 году, уже въ званіи генералъ-маіора и

---

[1]) Майковъ. Русс. Архивъ 1873 г. т. 10, стр. 1916.

дѣйствительнаго каммергера, въ зрѣломъ возрастѣ. Во время этого путешествія, волнуемый мыслію создать что-либо подобное и въ своемъ отечествѣ, онъ особенно тщательно обозрѣвалъ всюду различныя человѣколюбивыя и ученыя учрежденія, присматриваясь къ ихъ порядкамъ, программамъ и уставамъ и глубоко вникая въ суть каждаго изъ такихъ учрежденій. Особенно сильно заботила его участь незаконнорожденныхъ, лишенныхъ имени и покрова, которые, или гибнутъ едва увидивъ свѣтъ или же влачатъ свое горькое существованіе безъ воспитанія, семьи, правъ и положенія, обращаясь, въ концѣ концовъ, на путь позора и безчестія. Собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія и выяснивъ себѣ окончательно путь, которымъ надо было слѣдовать для достиженія своей цѣли, онъ вернулся на родину совершенно готовый къ приведенію въ исполненіе своей великой задачи. Но, хотя онъ и былъ осыпанъ милостями Петра III, получивъ отъ послѣдняго званіе генералъ-поручика, орденъ св. Александра Невскаго и назначеніе Главнымъ Директоромъ Канцеляріи отъ строеній — все это были награды за прежнюю дѣятельность, за успѣшное исполненіе оффиціальнаго, служебнаго порученія, вызвавшаго его поѣздку за границу. Время осуществленія его плановъ еще не настало, но ждать этого пришлось не долго: лишь нѣсколько мѣсяцевъ былъ императоромъ Петръ III и уже въ половинѣ 1762 года вступила на престолъ Екатерина.

Для новой Императрицы Бецкій не былъ чуждымъ или малознакомымъ человѣкомъ: еще когда она только что пріѣхала въ Россію, какъ невѣста наслѣдника престола, сопровождавшая ее ея мать тотчасъ же указала ей на Ивана Ивановича, какъ на человѣка, на котораго молодая, совершенно незнакомая ни съ обычаями, ни съ языкомъ своей будущей монархіи, великая княгиня, могла положиться во всемъ и во всемъ ему довѣриться. Дѣйствительно, положеніе Екатерины въ первые годы ея жизни въ Россіи, гдѣ она не нашла со стороны двора ни ласки, ни привѣтливости, было очень тяжело и требовалась сильная поддержка, чтобы хотя немного сохранить ей присутствіе духа и поддерживать въ себѣ бо-

занная Ивану Ивановичу многими свѣтлыми минутами въ своей замкнутой, тихой и грустной жизни, до вступленія на престолъ, Екатерина, съ первыхъ же шаговъ своего царствованія и до самой его смерти, не переставала оказывать ему знаки своего особеннаго расположенія.

20-го іюля 1762 года послѣдовалъ первый указъ Императрицы Бецкому, въ которомъ [1]) она, подтверждая его званіе Главнаго Директора Канцеляріи отъ строеній, передаетъ въ его же завѣдываніе всѣ строенія, сады и дачи, принадлежащіе императорской фамиліи и до этого времени бывшія подъ непосредственнымъ ея вѣдѣніемъ. Въ концѣ того же года, другимъ указомъ [2]) она значительно расширяетъ права и прерогативы его власти предоставленіемъ ему *личнаго права* награжденія и наказанія подчиненныхъ ему лицъ до штабъ-офицерскаго чина. Слѣдующій годъ былъ началомъ всей блестящей и славной дѣятельности Бецкаго.

Работая неустанно, послѣ своего послѣдняго путешествія за границу, надъ окончательной выработкой проекта такого учрежденія, которое служило бы вѣрнымъ и постояннымъ убѣжищемъ для бросаемыхъ на произволъ судьбы незаконнорожденныхъ дѣтей, и не только сохраняло бы имъ жизнь, но давало бы также приличное ихъ положенію воспитаніе и образованіе, а впослѣдствіи, по выходѣ изъ него, указывало бы имъ способы добывать себѣ средства къ существованію службой, работой или какимъ-либо инымъ честнымъ трудомъ и, въ общемъ, сохраненіемъ жизни брошенныхъ дѣтей, служило бы къ увеличенію народонаселенія Россіи—мысль о чемъ постоянно заботила Екатерину, Иванъ Ивановичъ не упустилъ изъ виду и другую категорію лицъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ покинутымъ дѣтямъ и не менѣе ихъ нуждающихся въ правильно организованной, постоянной и безплатной помощи—бѣдныхъ матерей, гибнущихъ въ громадномъ количествѣ отъ недостатка ухода во время родовъ и за отсутствіемъ средствъ

---

[1]) См. приложеніе № 11.
[2]) См. приложеніе № 12.

и возможности попасть въ руки акушерки или хотя бы простой бабки. Заботы о дѣтяхъ навели его на мысль и о бѣдныхъ или имѣющихъ причины скрывать свое положеніе матеряхъ и возбудили въ немъ желаніе устроить такого рода учрежденіе, въ которомъ могла бы оказываться одновременно помощь тѣмъ и другимъ и такимъ образомъ давать и дѣтямъ и матерямъ жизнь и силы на дальнѣйшее ихъ существованіе. Все это и осуществилъ онъ въ видѣ грандіознаго и замѣчательнѣйшаго учрежденія «Воспитательнаго Дома для приносныхъ дѣтей, съ особливымъ госпиталемъ сирымъ и неимущимъ родильницамъ», какъ названъ былъ онъ въ грамотѣ императрицы [1]). Конечно, фактическое осуществленіе этого учрежденія требовало громадныхъ затратъ, на которыя могло не согласиться правительство, и вотъ, въ проектѣ своемъ, Иванъ Ивановичъ указываетъ на открытіе повсемѣстной, въ государствѣ, подписки для покрытія этихъ затратъ. Представленный на разсмотрѣніе Императрицы планъ этого учрежденія, былъ ею одобренъ во всѣхъ его подробностяхъ *1-го сентября 1763 г.*, съ тѣмъ, чтобы подобный домъ былъ основанъ, для начала, въ Москвѣ. Въ особой грамотѣ, данной этому дому, Екатерина беретъ его подъ свое покровительство, даетъ для постройки его особое мѣсто, опредѣляетъ быть ему государственнымъ учрежденіемъ и, въ заключеніе, высказываетъ надежду, что «прямые дѣти отечества, наши подданные, послѣдуя Евангельской любви къ ближнему, гражданскому обязательству къ общей пользѣ и нашему собственному, съ любезнымъ нашимъ сыномъ и наслѣдникомъ, примѣру, каждый, повозможности своей, потщится снабдѣвать боголюбивымъ подаяніемъ, какъ на строеніе сего дома, такъ и на содержаніе сего общаго добродѣтельнаго дѣла, дабы и самые уже близкіе наши потомки, къ славѣ нашего вѣка, могли пользоваться изъ того дѣйствительными плодами» [2]). Въ 1764 году домъ этотъ былъ уже отстроенъ и, такимъ образомъ, завѣтное жела-

---

[1]) См. приложеніе № 13. Формуляръ Грамоты, данной Имп. Восп. Дому.

[2]) См. предъидущее примѣчаніе.

ніе Бецкаго, лелѣянное имъ въ душѣ своей въ теченіе долгихъ лѣтъ и ставшее, въ реальномъ своемъ видѣ, славой и гордостью отечества, наконецъ стало непреложнымъ, дѣйствительнымъ фактомъ.

Пока постройка дома шла своимъ чередомъ, Иванъ Ивановичъ, не жалѣя ни силъ, ни трудовъ, занялся тщательной выработкой правилъ, долженствовавшихъ урегулировать всю внутреннюю жизнь и дѣятельность его дѣтища. Ничто не ускользнуло отъ его вниманія: штаты, должности, спеціальности служащихъ, порядокъ пріема дѣтей и больныхъ женщинъ, уходъ за тѣми и за другими, пища, одежда, занятія, воспитаніе, программа образованія дѣтей, положеніе родительницъ, наемъ кормилицъ и искусственное кормленіе— все это было имъ предусмотрѣно и разработано въ мельчайшихъ деталяхъ и Воспитательный Домъ, съ первыхъ же шаговъ своего существованія, блестящимъ образомъ вознаградилъ своего основателя стройностью и порядкомъ своей жизни. Успѣхъ его, возрастающій со дня на день, побудилъ, вскорѣ, Бецкаго основать и въ другомъ центрѣ такое же учрежденіе и въ 1770 году открылъ свои дѣйствія Петербургскій Воспитательный Домъ.

Несмотря на то, что все это время, съ 1763 по 1770 г., было занято хлопотами по устройству этихъ двухъ домовъ, по разработкѣ ихъ Уставовъ и по установленію порядка ихъ дѣйствій, Иванъ Ивановичъ и тутъ находилъ досугъ для исполненія другихъ порученій Екатерины, не менѣе значительныхъ и трудныхъ. Въ 1763-мъ же году ему была поручена, для приведенія въ порядокъ и исправленія ея Устава, Академія Художествъ, причемъ самъ онъ былъ назначенъ Президентомъ ея. Новый Уставъ, выработанный Бецкимъ былъ утвержденъ 4-го ноября 1764 года, а уже въ слѣдующемъ году онъ принялъ на себя такое же переустройство сухопутнаго (нынѣ 1-го) Кадетскаго Корпуса и долженъ былъ передѣлать Уставъ его съизнова; въ новомъ видѣ уставъ этотъ былъ конфирмованъ 10-го мая 1766 г. Въ то же время, около 1764 года, основалось, по его иниціативѣ, еще одно замѣчательное учрежденіе— «Общество воспи-

танія благородныхъ дѣвицъ» – при такъ называемомъ Смольномъ монастырѣ, перешедшее впослѣдствіи въ Смольный Институтъ. Всѣ эти заведенія и учрежденія, по мѣрѣ возникновенія ихъ въ исправленномъ видѣ или совершенно вновь, поручались въ главное завѣдываніе Ивана Ивановича и такимъ образомъ въ 1767 году онъ носилъ одновременно званія Главнаго Попечителя Воспитательныхъ Домовъ, Шефа Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса и Президента Академіи Художествъ; въ послѣднемъ званіи онъ пробылъ 30 лѣтъ пока не сложилъ его съ себя, за годъ до смерти, въ 1794 году. Завѣдуя всѣми этими заведеніями онъ и тутъ не ограничивался однимъ лишь положеніемъ своимъ какъ главнаго начальника: постоянно заботясь о неимущихъ и бѣднякахъ, онъ содержалъ на свой собственный счетъ нѣсколькихъ воспитанниковъ въ Корпусѣ и Академіи и воспитанницъ въ Смольномъ, и давалъ первымъ—средства на первоначальное устройство, по окончаніи курса, вторымъ—приданое, при выходѣ ихъ замужъ. Этотъ фактъ не ускользнулъ отъ вниманія Императрицы и въ 1776 г., при первомъ выпускѣ воспитанницъ Смольнаго Монастыря, Екатерина, желая ознаменовать этотъ день особой милостію, препроводила Бецкому 100,000 руб. съ тѣмъ, чтобы съ этого времени, выдавалось изъ процентовъ съ этого капитала приданое всѣмъ неимущимъ дѣвушкамъ [1]). Подобный фактъ свидѣтельствуетъ еще разъ, какъ велики были всѣ начинанія Ивана Ивановича, какое производили они дѣйствіе и какъ высоко цѣнились Императрицей. Данный имъ толчекъ къ поддержкѣ неимущей молодежи, вступающей въ жизнь безъ всякихъ средствъ, не остался втунѣ, а нашелъ сильную поддержку, важную именно тѣмъ, что происходила она отъ Верховной власти.

Труды Ивана Ивановича не остались безъ награды — въ 1767 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники «за многія сочиненія и учрежденія о воспитаніи

---

[1]) См. приложеніе № 14.

Россійскаго юношества» [1]), а въ слѣдующимъ году Екатерина возложила на него орденъ св. Апостола Андрея Первозваннаго. Но высшая награда, рѣдко достающаяся кому-либо въ удѣлъ, ждала его немного позже, послѣ основанія имъ въ Петербургѣ Воспитательнаго Дома, при которомъ, по его же мысли, была впервые устроена сохранная и ссудная касса. Хотя его изумительная и замѣчательно плодотворная дѣятельность и была уже отмѣчена Высшей властью высокими наградами, въ то же время она не могла не вызвать во всей странѣ желанія почтить его съ своей стороны наиболѣе достойнымъ образомъ и, явившійся выразителемъ этого желанія, Сенатъ, просилъ у Императрицы разрѣшенія выбить въ честь Ивана Ивановича золотую именную медаль и поднести ее ему въ торжественномъ засѣданіи всѣхъ своихъ отдѣленій. По полученіи разрѣшенія, въ декабрѣ 1772 года состоялось нѣсколько засѣданій Сената для обсужденія этого вопроса, рисунка медали и программы чествованія Ивана Ивановича [2]), а годъ спустя, 18-го декабря 1773 года, состоялось и самое торжество [3]). Приглашенный особой повѣсткой въ экстренное засѣданіе Сената, Иванъ Ивановичъ былъ встрѣченъ у входа особой почетной стражей, а затѣмъ одинъ изъ сенаторовъ, генералъ-прокуроръ, князь Александръ Вяземскій, привѣтствовалъ его отъ имени сената слѣдующей рѣчью: Правительствующій Сенатъ, вѣдая вашего высокопревосходительства старанія и труды, прилагаемыя о воспитаніи ввѣреннаго вамъ юношества, съ особливымъ удовольствіемъ нынѣ видитъ, что вы, ежечасно умножая оныя, и изъ собственнаго иждивенія удѣляете неимущимъ, для доставленія приличнаго ихъ состоянію воспитанія. Таковые подвиги заслуживаютъ благодарность и побуждаютъ другихъ къ подобнымъ дѣйствіямъ. Посему Правительствующій Сенатъ, получа Высочайшее Ея Императорскаго Величества

---

[1]) Бант.-Каменскій. Словарь достоп. людей т. I, стр. 167.

[2]) См. приложеніе № 15.

[3]) См. приложеніе № 16. Бант.—Камен. (стр. 158) считаетъ почему-то этотъ день 10 декабря.

позволеніе и изъявя благодарность свою сею, вручаемою вамъ медалью, означающею любовь вашу къ Отечеству, надѣется побудить и прочихъ согражданъ своихъ къ ревнованію объ общемъ благѣ». Принявъ медаль, Иванъ Ивановичъ отвѣтилъ: «Милостивые Государи! Не вѣдая прямой причины, для которой меня Правительствующій Сенатъ пригласить изволилъ, не могу прямо изъясниться, сколь много чувствую признаніе за сей сдѣланный мнѣ знакъ почтенія. Оное бы еще больше возбудило во мнѣ удовольствіе, ежели бы я находилъ въ самомъ себѣ тѣ достоинства, которыя Правительствующій Сенатъ изобразилъ столь отлично въ семъ засвидѣтельствованіи. Посему, милостивые государи, сами измѣрять можете, сколь лестно для меня, когда я счастіе имѣю получить отъ такого мѣста, которое представляетъ въ себѣ все общество и весь народъ Россійскій, столь имянитый знакъ почтенія за малые мои труды, отъ истиннаго усердія къ моему отечеству происходящіе. Однако же недостатокъ въ моихъ словахъ не можетъ ни малѣйшаго подать Правительствующему Сенату сумнѣнія о чуствительности моего признанія или, лучше сказать, самое мое молчаніе прошу принять за чистосердечную благодарность, съ которою по вѣкъ мой пребуду» [1]).

Медаль, поднесенная Бецкому, имѣла слѣдующій видъ: на лицевой сторонѣ выпуклое, обращенное въ профиль, вправо, грудное изображеніе его самого, съ открытой шеей и цѣпью ордена Андрея Первозваннаго. Надъ изображеніемъ надпись полукругомъ: «*Иванъ Ивановичъ Бецкой*». Внизу имя гравера Латинскими буквами: *C. Leberecht*. На оборотѣ, въ перспективѣ, соединенные фасады трехъ зданій: Воспитательнаго Дома, Академіи Художествъ и Дома Общества Благородныхъ Дѣвицъ; передъ зданіями памятникъ, въ видѣ обелиска, съ

---

[1]) Журналъ 1773 г. декабря 18-го дня Правительствующаго Сената 1-го Департамента, въ статьѣ подъ № 1-мъ. Подписанъ онъ сенаторами Мельгуновымъ, Чичеринымъ, Олсуфьевымъ и кн. Александромъ Виземскимъ. (Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. 1863 г. IV, стр. 135—136. Матеріалы объ И. И. Бецкомъ). Обѣ эти рѣчи существенно разнятся отъ приводимыхъ Бантышъ-Каменскимъ. (Словарь достоп. людей. т. I, стр. 168—170).

изображеніемъ на щитѣ вензелеваго имени Бецкаго. Около ободка медали, надъ памятникомъ, надпись: «*За любовь къ Отечеству*». Щитъ, въ верхней части памятника, поддерживается маленькимъ геніемъ, между тѣмъ какъ другой привязываетъ гирлянду. Передъ памятникомъ Милосердіе, въ видѣ сидящей женщины, привлекающее къ себѣ младенца и полагающее руку на голову другаго малютки, украшающаго гирляндою основаніе памятника. Возлѣ Милосердія видны пеликанъ и слонъ—эмблема попечительности, самоотверженія и благоразумія. Внизу, между двумя чертами, имя гравера русскими буквами: *К. Леберехтъ*, а въ отрѣзѣ надпись: «*Отъ Сената, 20 ноября 1772 года*»[1]).

Еще около 1767 года[2]) Бецкій изложилъ всѣ свои планы и мысли, относительно воспитанія, въ особой книгѣ, носящей заглавіе: «*Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества, съ прочими въ пользу общества установленіями*»[3]). Бывшій въ Петербургѣ, въ 1774 году, Дидро, осмотрѣвъ всѣ учрежденія Бецкаго и придя отъ нихъ въ восхищеніе, рѣшилъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ планами и программами этихъ замѣчательныхъ заведеній. Съ этой цѣлью онъ перевелъ ихъ всѣ на французскій языкъ и провелъ пять мѣсяцевъ въ La Haye[4]) за печатаніемъ своей книги, появившейся въ 1775 году подъ заглавіемъ: «*Les Plans et les Status de différentes établissements ordonnée par Sa Majesté Impériale Catherine II pour l'éducation de la jeunesse et l'utilité générale de son Empire, écrits en langue russe par M. Betzky et traduits en langue française d'après les originaux par M. Clerc. Amsterdam, chez Marc-Michel Rey, 1775*». Такъ какъ, не зная русскаго языка, Дидро не могъ самъ пе-

---

[1]) См. приложенный рисунокъ.

[2]) Бантышъ-Каменскій, т. I, стр. 167.

[3]) Вторично напечатано въ 1789—91 г. въ 8° въ тип. Шнора (Энц. Слов. т. I, стр. 473). Бант.-Кам. невѣрно передаетъ заглавіе: „*Полная система публичнаго и нравственнаго воспитанія обоего пола и различныхъ состояній*“.

[4]) *Девятнадцатый вѣкъ*, т. I, стр. 295.

ревести все это, то онъ и поручилъ переводъ М. Клерку, прибавивъ, съ своей стороны, въ концѣ втораго тома [1]) слѣдующее сужденіе объ учрежденіяхъ Бецкаго: «Lorsque le «temps et la constance de cette grande souveraine (Екате-«рины) les auront conduits au point de perfection dont ils «sont tous susceptibles, et que plusieurs ont atteint, on visi-«tera la Russie pour les connaître, comme on visitait autre-«fois l'Egypte, Lacédémone et la Crète; mais avec une curio-«sité, qui sera, j'ose le dire, et mieux fondée et mieux récom-«pensée. J'en appelle au témoingage de plusieurs étrangers «qui, récemment arrivés à Pétersbourg et incredules dans «les premiers instants, enchérissaient ensuite sur mes éloges».

Кромѣ вышеуказанныхъ учрежденій, Россія обязана Ивану Ивановичу еще другими замѣчательными памятниками въ области искусства и промышленности, которую захватила его кипучая дѣятельность. Такъ, подъ его наблюденіемъ, возникъ въ Петербургѣ знаменитый памятникъ Петру Великому [2]), дворцовая набережная, замѣчательная по красотѣ своей рѣшетка Лѣтняго Сада [3]) и еще нѣсколько художественныхъ памятниковъ. Имъ же была приведена въ порядокъ и усовершенствована гранильная фабрика въ Петергофѣ.

Когда въ 1776 году состоялся бракъ Наслѣдника Цесаревича Павла Петровича, Иванъ Ивановичъ не только былъ въ числѣ близкихъ къ царскому семейству лицъ, но получилъ еще особый знакъ отличія: ему было поручено быть шаферомъ Маріи Θеодоровны и держать надъ ней вѣнецъ во время свадебнаго обряда [4]).

Въ 1782 году состоялся первый выпускъ кадетовъ Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса. Отправляя, согласно Уставу,

---

[1]) Plans et Status, т. II, стр. 157.

[2]) Сохранилось письмо Дидро къ Бецкому съ рекомендаціей Фальконета, какъ замѣчательнаго скульптора и съ условіями контракта (Рус. Арх. 1865 г. стр. 493).

[3]) Она производила такое впечатлѣніе, что разсказываютъ, будто одинъ Англичанинъ пріѣзжалъ спеціально только для того, чтобы взглянуть на нее и затѣмъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Петербурга.

[4]) Бант.-Каменскій loc. cit. стр. 170.

лучшихъ изъ нихъ, четырехъ молодыхъ офицеровъ [1]), произведенныхъ въ поручики гвардіи, заграницу и по Россіи, въ сопровожденіи полковника Кушуева и академика Озерецковскаго, назначенныхъ для руководства этими молодыми людьми, Иванъ Ивановичъ далъ имъ особую инструкцію. Инструкція эта замѣчательна по своему содержанію и по той заботливости о молодыхъ юношахъ, впервые отправляющихся знакомиться съ своимъ отечествомъ и съ европейской образованностью, которая въ ней заключается. Несмотря на ея краткость, въ ней не только подробно изложенъ весь путь по Россіи и заграницей, которымъ они должны слѣдовать, но еще точно указано, на что надо обратить вниманіе, что надо осмотрѣть и изучить, съ чѣмъ слѣдуетъ ближе познакомиться, что запомнить и, для большаго удобства, каждому порекемендовано вести особый журналъ путешествія, «присоединяя собственныя примѣчанія и разсужденія». Цѣль этихъ журналовъ и, вообще путешествія, была, по словамъ инструкціи, «дабы со временемъ принесть существенныя услуги своему отечеству» [2]). Одинъ этотъ фактъ ясно показываетъ какой искренней и вѣрной любовью къ своей родинѣ обладалъ Иванъ Ивановичъ, какъ старался онъ всюду и вездѣ и всяческимъ образомъ отыскать и принести возможно больше пользы своему отечеству!

Въ концѣ того же года, Екатерина собственноручно надѣла на Бецкаго, только-что учрежденный ею орденъ св. Владиміра первой степени, при слѣдующемъ рескриптѣ: «Усердная и ревностная ваша служба, доказанная предъ Нами «особливымъ радѣніемъ въ дѣлахъ вамъ ввѣренныхъ, искус«ствомъ въ порученныхъ частяхъ и личными способностями, «обращаетъ на себя Наше Императорское вниманіе и милость. «Мы, желая изъявить оныя предъ свѣтомъ, Всемилостивѣйше «пожаловали васъ кавалеромъ ордена Нашего Святаго Рав«ноапостольнаго Князя Владиміра большаго Креста первой

---

[1]) Бобринскаго, Болотникова, Борисова и Свѣчина.

[2]) См. приложеніе № 17.

«степени, котораго знаки Мы сами на васъ возложа пове-«лѣваемъ носить установленнымъ порядкомъ. Удостовѣрены «Мы совершенно, что вы, получа сіе со стороны Нашей «одобреніе, потщитеся продолженіемъ службы вашей вяще «удостоиться Монаршаго Нашего благоволенія» [1]).

Надежда на дальнѣйшую дѣятельность Ивана Ивановича, выраженная въ концѣ этого рескрипта, однакожъ не могла осуществиться. Въ это время (1782 г.) ему было уже 78 лѣтъ и года и старость давали себя чувствовать. Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1789 году [2]) онъ уже совсѣмъ не въ силахъ былъ продолжать службу и просилъ увольненія и назначенія себѣ преемника. Нужно только удивляться, какъ это онъ, послѣ столькихъ лѣтъ замѣчательно энергичной, кипучей дѣятельности, находилъ въ себѣ еще достаточно силы продолжать еще до восьмидесятилѣтняго возраста. Надо было обладать не только желѣзнымъ здоровьемъ, но и той страстной любовью къ своей родинѣ, той глубокой привязанностью къ благамъ и нуждамъ своего отечества, какой отличался Иванъ Ивановичъ, чтобы находить въ себѣ достаточно силы воли и характера, и продолжать эту удивительную дѣятельность до послѣднихъ силъ. Сознавая всю справедливость этой просьбы, Екатерина вняла ей и назначила ему преемника. Но этотъ преемникъ оказался негоднымъ для продолженія начатаго Бецкимъ славнаго дѣла. Постоянно больной, онъ не занимался дѣлами и вся тяжесть послѣднихъ падала опять-таки на Ивана Ивановича. Въ одномъ изъ писемъ 1790 года, помѣченномъ 23-го октября, Екатерина пишетъ Бецкому:........ «Сверхъ того уважая, что назначенный вамъ преемникъ долгое время отягощенъ болѣзненнымъ состояніемъ, соизволяемъ, чтобы общимъ совѣтомъ всѣхъ благотворителей и попечителей, другой преемникъ выбранъ и намъ представленъ былъ» [3]). Неизвѣстно каково было постановле-

[1]) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. 1863. IV. Матер. объ И. И. Бецкомъ стр. 90—91.
[2]) Энцикл. Слов. т. V, стр. 473.
[3]) Чтенія, loc. cit. стр. 89, № 7.

ніе совѣта и кто былъ выбранъ, но только въ 1792 году снова назначается на эту должность новый человѣкъ, но и того Бецкій долженъ былъ, несмотря на свою старость, руководить во всѣхъ дѣлахъ [1]). Къ сожалѣнію это лицо— графъ Минихъ, оказался человѣкомъ не только недостойнымъ такого положенія, но крайне грубымъ по отношенію къ Ивану Ивановичу, за которымъ, все-таки, осталась главная власть, и послѣдніе годы жизни этого замѣчательнаго человѣка, были совершенно омрачены и отравлены грубыми и дерзкими дѣйствіями Миниха и Бецкій, съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ, видѣлъ какъ презираются и унижаются всѣ его созданія, которымъ онъ отдалъ всѣ свои силы, душу, здоровье и жизнь, и которыя онъ такъ славно велъ цѣлыя тридцать лѣтъ. Слѣдующее письмо бывшей воспитанницы Бецкаго, жены адмирала, г-жи де-Рибасъ, къ графу Н. И. Салтыкову [2]) лучше всего рисуетъ положеніе всѣми покинутаго спасителя сотенъ тысячъ молодыхъ жизней: «ваше сіятельство Николай Ивановичъ! Найдите, милостивый государь, «средство, чѣмъ успокоить горесть и тоску Ивана Ивановича «Бецкаго. Состояніе его заставляетъ плакать всякаго чело«вѣка, кто его видитъ. Вы, какъ христіанинъ и знатная «особа, окружающая Государя, отъ котораго вамъ ввѣрены «Имперіи Россійской дѣла [3]), захотите ли оставить этого че«ловѣка, въ глубокой старости и служащаго своему отече«ству, на поруганіе графу Миниху, который данъ ему только «въ помощники, а онъ воюетъ крѣпкою и сильною рукой, «какъ бы былъ самъ устроитель сего Дома [4])? Я сама, видя «его безпрестанно въ слезахъ и въ смятеніи, нахожусь въ «превеликой горести, жалѣя объ немъ и страшась потерять «имѣніе его и свое, которое находится въ ономъ домѣ. Ми«нихъ не положилъ тутъ ни 20 коп., а беретъ и занимаетъ, «и другихъ еще награждаетъ нашимъ же имѣніемъ. Въ го-

---

[1]) См. приложеніе № 18.

[2]) Чтенія, ibidem. стр. 118—119, 2.

[3]) Фельдмаршалъ, род. 31 окт. 1736 г., ум. 16 мая 1816 г.

[4]) Петербургскій Воспитательный Домъ.

«родѣ такая жъ молва носится, какъ и въ моемъ сердцѣ, что «никто не надеженъ ни на что, да уже и многія начали «обратно брать свои капиталы [1]). Прошу васъ, милостивый «государь, графъ Николай Ивановичъ, заступить старость «Ивана Ивановича, увѣрить и обнадежить насъ всѣхъ, что «вы также, какъ и Иванъ Ивановичъ, сынъ отечества и «старинной дворянинъ Имперіи Россійской, питаете въ душѣ «вашей чувства, ненавидящія неправосудіе и неблагодарность. «Заставьте меня быть вамъ навсегда благодарной и почитать «то, что уже во многихъ сердцахъ начинаетъ угасать».

Въ такомъ положеніи, полузабытый тѣми, которые нѣкогда считали за особую милость быть ему извѣстнымъ, притѣсняемый поставленными верховной властью ему въ помощники, въ сознаніи отсутствія прежнихъ силъ и энергіи, чтобы снова во всемъ руководить своими созданіями и вести ихъ далѣе, упрочая за ними славу и гордость отечества, доживалъ маститый и великій старикъ свои послѣдніе годы. Но желанный конецъ былъ уже близокъ и, за годъ до кончины, Иванъ Ивановичъ, отказавшись отъ званія президента Академіи Художествъ,—единственное учрежденіе, гдѣ онъ не имѣлъ еще ни помощника, ни преемника, написалъ, 21-го января 1794 года, свое замѣчательное завѣщаніе, такъ ярко рисующее всю величавость его души, всю любовь его къ отечеству, его постоянныя заботы, не оставившія его и за гробомъ, о бѣдномъ и обездоленномъ юношествѣ, о брошенныхъ дѣтяхъ, о собственныхъ его воспитанникахъ и воспитанницахъ, которыхъ было не мало. Это завѣщаніе цѣликомъ приведено въ концѣ настоящаго труда [2]), тутъ же сдѣлана лишь выдержка тѣхъ пунктовъ его, которые прямо относятся къ фамиліи кн. Трубецкихъ. Два параграфа говорятъ объ этомъ—§ 3-й и 4-й. Первымъ изъ нихъ Иванъ Ивановичъ завѣщаетъ образъ Знаменія Богоматери, въ серебрянномъ кивотѣ, *родовой князей Трубецкихъ*, возвратить тому, «кому они сами согласятся»

---

[1]) Здѣсь дѣло идетъ о сохранной и ссудной кассѣ при домѣ, Ломбардѣ.

[2]) См. приложеніе № 19.

а во-второмъ говоритъ: «Въ Невскій монастырь опредѣляю вѣчно, по триста рублей на годъ, для поминовенія князя Ивана Юрьевича и княгини Ирины Григорьевны Трубецкихъ, княгини Настасьи Ивановны Гессен-Гомбургской и меня, также и для содержанія въ чистотѣ надгробій ихъ, что составитъ капиталъ изъ шести тысячъ рублей, который для сего долженъ оставаться на вѣчныя времена при Воспитательномъ домѣ». Изъ этихъ немногихъ строкъ видно, съ какой благоговѣйной памятью чтилъ онъ своего отца и названную мать и сестру. Только здѣсь, въ предсмертномъ распоряженіи, впервые упомянулъ онъ открыто о своей близкой связи съ домомъ Трубецкихъ и то съ тѣмъ замѣчательнымъ тактомъ, съ которымъ онъ всю жизнь отказывался принять фамилію кн. Трубецкихъ и которымъ онъ отличался во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Похороненъ былъ Иванъ Ивановичъ въ Александро-Невской Лаврѣ, давно уже ставшей усыпальницей кн. Трубецкихъ, въ церкви Св. Духа. Надгробное слово было произнесено краснорѣчивѣйшимъ проповѣдникомъ того времени, архимандритомъ, впослѣдствіи архіепископомъ, Анастасіемъ Братановскимъ. «Его любовь къ отечеству, сказалъ между прочимъ проповѣдникъ, не щадила иждевеній не больнымъ токмо подавая помощь, но и самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца». Державинъ написалъ стихи на кончину его, называя его своимъ *благотворителемъ*. Въ десятой строфѣ этихъ стиховъ прекрасно изображенъ характеръ Ивана Ивановича:

Кто въ браняхъ пилъ потоки крови,
Кто грады въ прахъ преобращалъ,—
Ты милосердья полнъ, любви:
Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ—ты устранялся;
Кто богатѣлъ—ты ущедрялся;
Кто расточалъ—ты жизнь берегъ;
Кто для себя—ты жилъ для всѣхъ.

Не смотря на свой крайне-привѣтливый нравъ, хотя на первый взглядъ Иванъ Ивановичъ казался холоднымъ и су-

ровымъ, несмотря на свою дѣятельность, стоящую совершенно въ сторонѣ отъ другихъ и имъ же самимъ созданную, несмотря на то, что въ теченіе всей своей жизни, онъ только и дѣлалъ, что добро,—у него было не мало враговъ, преслѣдовавшихъ его всякими способами и старавшихся какъ можно болѣе повредить, помѣшать ему. Въ числѣ ихъ были и близкіе его родственники—его племянникъ, кн. Петръ Никитичъ Трубецкой и принцъ Гессенъ-Гомбургскій. За то многіе, выдающіеся по уму, образованію и положенію лица, питали къ нему самое искреннее расположеніе. Такимъ былъ въ числѣ прочихъ, поэтъ Княжнинъ [1]), а Потемкинъ, принявъ званіе почетнаго благотворителя Воспитательнаго Дома, отозвался, что «перомъ И. И. Бецкаго водитъ человѣколюбіе [2]).

Еще съ большимъ уваженіемъ относились къ нему европейскіе ученые. Выше былъ приведенъ отзывъ Диро, а позже Le Clerc, въ своей «Histoire de la Russie moderne» [3]) писалъ такъ: «M. Betzky, justement célèbre par la pratique des «vertus morales et citoyennes, est un objet d'admiration pour «tous les Russes».

Всѣ испытанныя Бецкимъ непріятности за его шестидесятилѣтнюю дѣятельность на пользу и благо отечества, тяжело отзывались на его доброй и чувствительной натурѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ служило ему близкое и сердечное расположеніе къ нему Екатерины, постоянно поддерживавшей его во всѣхъ начинаніяхъ, не оставившей его одинокимъ и въ послѣдніе годы его жизни. Она его посѣщала очень часто и прежде, а когда онъ совсѣмъ ослабѣлъ и отказался отъ дѣлъ, еще чаще и приняла сама его послѣдній вздохъ. О степени искренности этой дружбы великой монархини съ однимъ изъ величайшихъ дѣятелей ея вѣка, свидѣтельствуетъ многочисленная переписка ихъ, изданная во многихъ спеціальныхъ журналахъ и книгахъ [4]).

---

[1]) Сборникъ Историческаго Общества, XXIX, стр. 93.

[2]) Бантышъ-Каменскій, loc. cit. стр. 170.

[3]) Томъ I, стр. 192.

[4]) Русскій Архивъ 1865, 1871, и 1873 г., Русская Старина 1870 г., XIX вѣкъ, Щербатовъ, Пятковскій и др.

Иванъ Ивановичъ умеръ 31-го августа 1795 года, лишь за годъ до смерти своей Великой Покровительницы, на девяносто первомъ году отъ рожденія.

Въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей [1]), въ статьѣ «Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ», приведены, въ концѣ, «частныя свѣдѣнія» о немъ. Такъ какъ они представляютъ собой не малый интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ являются источникомъ всетаки требующимъ провѣрки, то и приводятся здѣсь въ заключеніе, отдѣльно, съ незначительными пропусками и сокращеніями. Вотъ что говоритъ объ Иванѣ Ивановичѣ авторъ этой статьи, А. Чистовичъ: «Иванъ Ивановичъ Бецкой былъ росту большаго, 2 арш. 8 вершковъ, «сложенія худощаваго, въ пищѣ и питіи былъ весьма воздер«жанъ и кромѣ воды ничего не употреблялъ, прожилъ до «96-ти лѣтъ (?).

«Князь Иванъ Ивановичъ Трубецкой и дочь его, княжна «Анастасія Трубецкая, бывшая статсъ-дамою при императри«цѣ Елисаветѣ, очень любили его и желали, чтобъ онъ при«нялъ фамилію князей Трубецкихъ; но Иванъ Ивановичъ «Бецкой никогда на это не соглашался. Императрица Ели«савета также неоднократно поручала, по просьбѣ статсъ-дамы, «склонить его это сдѣлать, да и въ царствованіе Императ«рицы Екатерины II-й нѣсколько разъ даваемо было знать «ему о томъ. Но получившіе порученіе Ея Величества или «не осмѣливались того Бецкому сказать, или получали от«зывъ, что «онъ извѣстенъ сталъ подъ именемъ Бецкаго, то «съ этимъ именемъ останется и умретъ».

«Иванъ Ивановичъ былъ обращенія холоднаго и серьез«наго, но всегда человѣколюбиваго обхожденія со всѣми, «встрѣчавшимися съ нимъ, особенно съ подчиненными сво«ими былъ кротокъ, вѣжливъ и обязателенъ, всегда искалъ «быть имъ полезнымъ, но покровительствовалъ, предпочти«тельно передъ другими, воспитанникамъ Академіи Художествъ, «заботясь о распространеніи искусства въ Россіи. Между

[1]) 1863. IV. стр. 151—156.

«прочимъ извѣстенъ такой фактъ: одинъ, очень талантливый «художникъ, Соколовъ, имѣлъ большое семейство, что сильно «обременяло его при недостаточности средствъ. Бецкій взялъ «у него маленькую дочку, Анастасію, желая помочь ему, а «ей дать хорошее воспитаніе и отправилъ ее въ Парижъ съ «княгиней Анастасіей Ивановной Гессенъ-Гомбургской, своей «сестрой. Тамъ дѣвочка поступила къ извѣстной актрисѣ Кле-«ронъ на воспитаніе, а при восшествіи на престолъ Екате-«рины, Бецкій, вытребовалъ ее въ Петербургъ, опредѣлилъ ее «камеръ-юнгферой къ императрицѣ, при которой она и оста-«валась въ теченіе 35-ти лѣтъ. Вскорѣ онъ выдалъ ее замужъ «за бывшаго въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ маіора де-Рибаса, «впослѣдствіи адмирала, командовавшаго гребнымъ флотомъ при «взятіи Измаила, пользовавшагося общимъ уваженіемъ всѣхъ «сослуживцевъ и въ особенности Потемкина, который часто «совѣтывался съ нимъ и очень цѣнилъ послѣдніе». Впослѣд-ствіи, какъ выше было указано, г-жа де-Рибасъ нашла серьез-ный случай отплатить Ивану Ивановичу за всю его заботу о ней.

Посѣщая, ежедневно, Кадетскій Корпусъ или Смольный монастырь или Академію, Бецкій всегда обращалъ особенное вниманіе на воспитанниковъ, заботясь о томъ, чтобы положеніе ихъ было хорошо и, если замѣчалъ, что они были невеселы, то сейчасъ же требовалъ отъ начальства объясненія причины ихъ скучнаго неоживленнаго вида; въ день своихъ именинъ онъ всегда посылалъ имъ корзинами разныя лакомства, за шалости и проступки никогда не подвергалъ ихъ тѣлесному наказанію, но взыскивалъ съ начальства за небрежный уходъ за ввѣренными имъ дѣтьми. Однажды начальники 1-го Кадетскаго корпуса, не будучи въ состояніи справиться съ воспитанниками, просили позволенія наказывать ихъ розгами, но Иванъ Ивановичъ строго воспретилъ это, сказавъ, «вы хотите воспитанниковъ сдѣлать холопами, а я забочусь сдѣлать ихъ дворянами.

Для того чтобы увеличить средства на содержаніе воспитанниковъ Воспитательнаго Дома, которыхъ онъ не имѣлъ

или они были недостаточны, онъ придумалъ открыть ломбардъ для взноса на проценты капиталовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Видя, что мало или никто почти не ввѣряетъ своихъ денегъ [1]) ломбарду въ *Самодержавномъ правленіи* и что средство не достигаетъ цѣли, Иванъ Ивановичъ обратился къ Императрицѣ съ просьбой, въ которой указалъ, что единственное средство для успѣшнаго устройства ломбарда заключается въ томъ, чтобы Указы Ея не имѣли силы и дѣйствія въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Признавая пользу ломбарда для Государства и чтобы внушить довѣріе къ этому учрежденію въ русскихъ и иностранцахъ, Екатерина согласилась на его просьбу и издала особый указъ, которымъ разъяснялось, что указы Ея не имѣютъ ни силы, ни дѣйствія въ Опекунскомъ Совѣтѣ, по отношенію къ вносимымъ въ ломбардъ капиталамъ. Это распоряженіе Императрицы постоянно подтверждалось, съ тѣхъ поръ, Ея преемниками. Благодаря этому, въ Опекунскомъ совѣтѣ, въ скоромъ времени, скопилось, отъ однихъ процентовъ, болѣе ста милліоновъ ассигнаціями. Кромѣ этого, имъ же былъ учрежденъ ломбардъ и для заклада недвижимаго и движимаго имущества, отъ котораго также составился огромный капиталъ.

Иванъ Ивановичъ не ограничивался пріобрѣтеніемъ свѣдѣній и знаній въ одной лишь своей спеціальности—въ дѣлѣ воспитанія и въ покровительствѣ искусству. Онъ былъ очень любознателенъ и всякое научное открытіе и извѣстіе, имѣющее, главнымъ образомъ, утилитарный, прикладной характеръ не только интересовали его, но разъ оно казалось возможнымъ быть приложено на дѣлѣ и въ Россіи—онъ старался его культивировать и распространить въ отечествѣ. Такъ, говорятъ, узнавъ, что въ Китаѣ выводятъ, посредствомъ духовыхъ печей, сразу по нѣскольку тысячъ цыплятъ, онъ тотчасъ же поспѣшилъ достать нужныя свѣдѣнія и ознакомиться

[1]) Чтобы показать примѣръ онъ самъ первый, по учрежденіи ломбарда, продалъ свои гаки въ Курляндіи, полученныя имъ отъ кн. Трубецкихъ, и вложилъ всѣ деньги въ ломбардъ.

со способомъ устройства подобныхъ печей, поставилъ одну изъ нихъ у себя въ домѣ и, занимаясь лично выводомъ цыплятъ, старался въ тоже время распространить и ввести въ употребленіе по всему государству подобныя печи. На одномъ гравированномъ портретѣ онъ, дѣйствительно, изображенъ сидящимъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный бѣгающими цыплятами и держащій въ рукахъ портретъ своей сестры Ландграфини Гессенъ-Гомбургской [1]).

Домъ, принадлежавшій Бецкому, въ которомъ онъ и жилъ постоянно, былъ построенъ въ видѣ растянутаго «покоя»; главнымъ фасомъ онъ выходилъ на набережную Невы, Дворцовую, а боковыми—на Царицынъ Лугъ и къ Лѣтнему Саду; задняя стѣна его шла параллельно Лебяжьей канавкѣ. Внутри двора этого зданія, противъ канавки, во-второмъ этажѣ дома, Иванъ Ивановичъ первый въ Россіи устроилъ висячій садъ (jardin suspendu), на подобіе такъ называемыхъ «Вавилонскихъ садовъ». Садъ этотъ примыкалъ къ рабочему кабинету Бецкаго, и искусственно выведенные имъ цыплята постоянно гуляли тутъ. По смерти Бецкаго домъ этотъ, согласно его желанію, перешелъ во владѣніе двухъ дочерей адмирала де-Рибаса, изъ которыхъ одна была замужемъ за С.-Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ (впослѣдствіи сенаторомъ) Иваномъ Саввичемъ Горголи, а вторая, Софія Осиповна, за гвардіи капитаномъ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Долгорукимъ; при раздѣлѣ, Горголи получила часть дома по набережной, а Долгорукова корпусъ, выходящій на Царицынъ Лугъ, и отчасти по Лебяжьему каналу. Въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія весь домъ этотъ купленъ былъ Е. И. В. принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ. Онъ уничтожилъ висячій садъ и вмѣсто него выстроилъ, во всю величину мѣста, занимаемаго садомъ, танцовальный залъ.

Стремленіе Ивана Ивановича къ такимъ вопросамъ, какъ напримѣръ, разведеніе искусственнымъ путемъ циплятъ—не

---

[1]) Ровинскій Д. Подроб. Словарь русскихъ гравиров. портретовъ т. I, стр. 410—412.

можетъ быть выставлено какъ какой-нибудь единичный фактъ, выходящій изъ ряду вонъ. Оно прямо является отраженіемъ того направленія, которымъ вообще отличалось царствованіе Екатерины - направленія чисто практическаго, утилитарнаго. Въ этомъ отношеніи особенно много подвизался другой замѣчательный дѣятель конца прошлаго столѣтія, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ. Ему принадлежитъ трудъ составленія устава Медицинской Коллегіи, которой онъ и былъ первымъ Президентомъ. Въ этомъ званіи онъ оказалъ величайшую услугу отечеству, введя оспопрививаніе и давъ, такимъ образомъ, возможность спасать милліоны дѣтей и взрослыхъ отъ гибельныхъ послѣдствій оспы. Ввести это ему стоило много труда:—въ обществѣ онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе, а народъ прямо возставалъ противъ него. Только когда барону удалось убѣдить Императрицу выписать изъ Англіи извѣстнаго въ то время оспопрививателя Димсдаля и дать ему позволеніе практиковать въ Россіи, и когда Императрица сама позволила привить себѣ оспу, а затѣмъ тоже сдѣлала и Наслѣднику, общество убѣдилось въ безопасности этой операціи и, мало-по малу, эта благодѣтельнѣйшая мѣра окончательно распространилось по всей Россіи [1]).

Кромѣ этого, баронъ А. И. Черкасовъ, въ бытность свою Президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества, первый поднялъ вопросъ о разведеніи въ Россіи картофеля. Эти старанія, также какъ и хлопоты его о введеніи оспопрививанія, встрѣтили рѣзкое противодѣйствіе, въ особенности со стороны простаго народа, который называлъ картофель неиначе, какъ «чертовымъ яблокомъ» и барону не мало стоило трудовъ довести это дѣло до всеобщаго признанія его несомнѣнной пользы. Потомство вполнѣ оправдало старанія барона Черкасова и нѣтъ теперь въ Россіи ни одного человѣка, кото-

---

[1]) См. подробности о бар. А. И. Черкасовѣ въ статьѣ барона Ѳ. А. Бюлера: Два эпизода изъ царствованія Екатерины II-й. Эпиз. I. стр. 33—39. (Русскій Вѣстникъ 1870 г. Январь).

рый не носилъ бы на рукахъ слѣдовъ оспопрививанія и не зналъ бы картофеля...

Переходя опять къ характеристикѣ Ивана Ивановича Бецкаго, нелишнимъ будетъ отмѣтить тотъ характеристичный фактъ, что онъ никогда не обѣдалъ внѣ дома и всячески старался избѣгать этого. Если же ему и приходилось бывать на торжественныхъ обѣдахъ, отъ которыхъ нельзя было отказаться, то, напримѣръ, во дворцѣ, ему всегда подавалось, въ такихъ случаяхъ, его особенное кушанье. Проведя почти всю свою молодость за границей, онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя привычки, большею частію, шведскія, отъ которыхъ не могъ отрѣшиться всю жизнь. Такъ, онъ никогда не употреблялъ чай, а всегда пилъ по утрамъ кофе; что же касается до перваго, то подавался онъ исключительно для гостей.

Какъ раньше было сказано, Екатерина часто посѣщала Бецкаго въ его домѣ; кромѣ нея и иностранныя царственныя особы, пріѣзжавшія въ Петербургъ, бывали у него, какъ напримѣръ, Императоръ Австрійскій Іосифъ II и Шведскій король Густавъ Ваза. Что же касается до просто знатныхъ иностранныхъ особъ, то всѣ они, бывая въ Петербургѣ, считали своимъ долгомъ, по представленіи во Дворцѣ, дѣлать ему визитъ.

Изъ всей жизни и всѣхъ дѣйствій Ивана Ивановича можно вывести ясное и опредѣленное заключеніе, что онъ былъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновеннаго характера—твердаго, самостоятельнаго, нисколько не честолюбиваго, вполнѣ безкорыстнаго и самоотверженнаго, что онъ всегда горѣлъ искреннимъ желаніемъ быть полезнымъ своей горячо-любимой родинѣ, былъ очень человѣколюбивъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова и если и искалъ славы, то лишь для своего отечества, для своей Государыни, но никакъ не для себя. Во всю свою жизнь онъ всегда отказывался отъ пожалованія ему Императрицей деревень, земель, денежныхъ наградъ; напротивъ, самъ много жертвовалъ на общественную пользу, изъ своихъ собствен-

---

Ibidem, стр. 42—101 (январь и февраль).

ыхъ средствъ. И благодарное отечество никогда не забудетъ ıени Ивана Ивановича Бецкаго!

Прекрасно очерчивается вся его дѣятельность въ слѣдую-емъ двустишіи, помѣщенномъ подъ бюстомъ его, подарен-ɔмъ И. С. Горголи барону Ѳ. А. Бюлеру:

Да будетъ твердъ, какъ днѣсь, тотъ памятникъ въ вѣкахъ
Что Бецкій созидалъ въ своихъ полезныхъ дняхъ. [1])

Единственный братъ князя Ивана Юрьевича, настоящій ɔдоначальникъ и глава всѣхъ нынѣ существующихъ князей рубецкихъ, бояринъ, князь *Юрій Юрьевичъ* (№ 37), родился ъ 1668 году и еще четырнадцати лѣтъ отъ роду былъ ɔжалованъ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ столь-ики [2]); въ 1683 году онъ былъ назначенъ комнатнымъ тольникомъ къ царевичу Петру Алексѣевичу (Петру Вели-ɔму) [3]), а десять лѣтъ спустя получилъ званіе боярина [4]). то случилось въ 1693 году, а черезъ 7 лѣтъ, въ 1700 году, нязь Юрій Юрьевичъ выступаетъ на новомъ и трудномъ ɔприщѣ—поприщѣ дипломата.

Сталкиваясь на каждомъ шагу, съ самого начала своего

---

[1]) Вообще Бецкому посвящено было довольно много стихотьореній, разно-разнѣйшаго содержанія. Напр. извѣстно шутливое стихотвореніе:

Иванъ Ивановичъ Бецкій
Человѣкъ Нѣмецкій,
Воспитатель дѣтскій,
Носилъ парикъ шведскій и т. д.

Кромѣ того, подъ однимъ изъ его гравированныхъ портретовъ находятся ѣдующіе, довольно безграмотные, стихи:

Хотя и смущенъ но? Духомъ непоколѣбимъ.
Полнъ добродѣтелей. И истинной любимъ.
Зря намракъ и вредные пары
Твердь, какъ верхъ высокіе Горы.

(Ровинскій Д. А. loc. cit. 411) и много другихъ.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Бояр. кн. № 7, л. 90. „Въ 190 (1682 г). ɔжалованъ.....“.

[3]) Ibid. Выписки изъ бояр. списковъ 1688—1713 гг., кн. 21, л. 15.

[4]) Ibid. Бояр. кн. № 11, св. 102.

царствованія, съ своимъ великимъ сѣвернымъ сосѣдомъ - Швеціей, ежеминутно ожидая полнаго съ ней разрыва и не увѣренный въ счастливомъ для себя исходѣ этой борьбы, если бы пришлось вести ее единолично, одними своими лишь силами, Петръ всѣми силами старался заручиться, на этотъ случай, поддержкой какой-нибудь другой державы и выборъ его палъ на Пруссію, которая, дѣйствительно, могла быть опаснымъ противникомъ и сильнымъ союзникомъ. Такимъ образомъ, 18-го мая 1697 г. въ Кёнигсбергъ прибыло торжественное посольство, состоявшее изъ Лефорта, Головина и Возницына; въ посольствѣ этомъ участвовалъ инкогнито и самъ царь, подъ видомъ плотника Петра Михайлова. Пріемъ былъ сдѣланъ очень торжественный и цѣль посольства—заключить съ курфюрстомъ вѣчный союзъ, вступить съ нимъ въ дружественныя отношенія, и оказывать другъ другу взаимную помощь противъ общихъ враговъ «такимъ обычаемъ, «чтобы единъ другаго прибыли и блага безъ опасенія и со«держанія искати и вспомогати, убытокъ и уронъ, по воз«можности остерегати и отвращати долженъ былъ и хотѣлъ [1])» —была достигнута, повидимому, вполнѣ. Одно лишь упустили изъ виду наши дипломаты, что Прусскій дворъ настоялъ *не всѣ* статьи договора изложить письменно и главный пунктъ его, ради котораго и было снаряжено посольство, о взаимной помощи противъ враговъ «*и наипаче противъ Шведовъ* [2])» обусловилъ лишь въ *словесномъ договорѣ* [3]). Петру, всегда высоко ставившему честное исполненіе принятыхъ на себя

---

[1]) Мос. Глав. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Прусскія дѣла, 1697 г. св. 5; прусскій журналъ пріема посланниковъ.

[2]) Ibid. св. 5.

[3]) Въ концѣ этого „тайнаго словеснаго договора“ сказано „И того ради обѣщаютъ они, великій государь его царское величество и курфирстскія пресвѣтлость другъ другу, предъ лицемъ Божіемъ, что ту статью, о которой министры ихъ на письмѣ въ договорѣ не положили, дабы не сочинить оныхъ подозрѣнія; а именно: чтобы въ удобный и потребный случай другъ другу противъ всѣхъ непріятелей, а особливо противъ Шведа, вспомогать всѣми своими силами по всякой возможности, содержать истинно и пребывать до скончанія въ непремѣнной притомъ союзѣ дружбѣ, и давъ на томъ другъ другу руки, цѣловались и клятвами утвердили“.

обязательствъ, хотя бы они не были закрѣплены *письменнымъ актомъ*, конечно не могло придти въ голову, что сдѣлано это курфюрстомъ *съ цѣлью*; но печальныя послѣдствія такой неопытности юнаго государя сказались очень скоро...

Въ 1700 году вспыхнула Великая Сѣверная война. Петръ долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы не дать погибнуть своему государству подъ стремительнымъ натискомъ «послѣдняго Викинга». Много разъ напоминалъ онъ о Кенигсбергскихъ обѣщаніяхъ и напоминалъ тщетно... Прусскій союзъ за все это время оставался пустой формой, несмотря даже на то, что еще въ 1698 году отъ курфюрста пріѣзжалъ посолъ, — фонъ-Принценъ, просить поддержки своему государю въ дѣлѣ о захватѣ города Эльбинга, *что и было исполнено* Петромъ. Когда же настала достопамятная война со Швеціей, Петръ думалъ, что тутъ-то курфюрстъ сдержитъ свое обѣщаніе и окажетъ ему помощь, которая была такъ необходима и на которую онъ сильно разсчитывалъ, въ особенности послѣ пріѣзда фонъ-Принцена. Съ этой цѣлью онъ послалъ къ Фридриху специальнаго посла, который могъ бы убѣдить курфюрста сдержать свое обѣщаніе и посломъ этимъ былъ выбранъ стольникъ и гвардіи капитанъ князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой.

Тяжело было порученіе, возложенное на князя: кромѣ того, что онъ долженъ былъ ѣхать тайно, скрывая цѣль своей миссіи, онъ долженъ былъ еще, по пріѣздѣ въ Берлинъ, добиться секретной аудіенціи у курфюрста, чего старательно избѣгалъ Фридрихъ, разсказать ему объ обидахъ, нанесенныхъ царю Шведской короной, въ особенности объ оскорбленіи въ Ригѣ, за которыя царь намѣренъ де отмстить тотчасъ по заключеніи мира съ Оттоманской Портой и сообщить, что короли Датскій и Польскій вступили уже съ Россіей въ наступательный союзъ противъ Швеціи, къ которому приглашается нынѣ и курфюрстъ Бранденбургскій, *по обязанію, какъ сами между собою съ царскимъ величествомъ его курфюрстская пресвѣтлость персональнѣ обязались думати будучи въ Пруссѣхъ, и ради приращенія впредь всякія между собою*

дружбы и прибыточнаго у пограничныхъ обоимъ отыскания» [1]).

Посольство оказалось неудачно: въ Берлинѣ [2]) его встрѣтили холодно и избѣгали всякихъ болѣе близкихъ сношеній, оставаясь на почвѣ самыхъ тонкихъ и вѣжливыхъ отношеній къ личности Русскаго царя. Въ одномъ изъ своихъ писемъ боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину [3]) князь не только не скрываетъ своей неудачи, но прямо говоритъ, что охотно уѣхалъ бы изъ Берлина, но не можетъ сдѣлать этого безъ указа царя, а межъ тѣмъ «жить мнѣ здѣсь не для чего, того ради, *что отказали мнѣ вовсе въ моемъ дѣлѣ*».

Главной причиной отказа Берлинскаго двора заключить наступательный союзъ противъ Швеціи было недовѣріе этого двора къ возможности мира между Россіей и Турціей. Въ отвѣтѣ курфюрста князю, по его представленіи, прямо говорится: «а изъ Вѣны и иныхъ мѣстъ его курфюрстской пресвѣтлости вѣдомость получена, что *нѣтъ надежды дабы миръ съ Турками состоялся, чего ради его царскому величеству помогати союзникамъ будетъ невозможно*... Такимъ образомъ, Петръ имѣлъ полное основаніе надѣяться, что въ случаѣ заключенія этого мира, курфюрстъ болѣе не станетъ отказывать въ помощи, весьма настоятельной въ это время и, лишь только мирный договоръ былъ подписанъ, бояринъ Головинъ сейчасъ же увѣдомилъ о томъ князя Юрія Юрьевича, для немедленнаго сообщенія объ этомъ курфюрсту.

Князь былъ въ это время въ Гамбургѣ. Такъ какъ миссія его была тайная и онъ долженъ былъ скрывать ее ото всѣхъ и, въ особенности, отъ польскаго резидента, то, по совѣту фонъ-Принцена, онъ и отправился на нѣсколько дней въ Гамбургъ, дабы вселить этимъ въ польскомъ посланникѣ убѣжденіе, что онъ пріѣхалъ въ Берлинъ «чтобы гулять, а ежели бы за дѣломъ былъ присланъ, и ему бы де-отъѣхать было не

---

[1]) Сборникъ Москов. Глав. Архива М. И. Д. вып. I. А. Путята, стр. 96.
[2]) Въ іюнѣ 1700 года.
[3]) 26 іюля 1700 года.

возможно». Получивъ извѣстіе о мирѣ съ Портой, князь собрался сейчасъ ѣхать въ Берлинъ, но «не нашелъ на чемъ ѣхать» и потому выѣхалъ лишь на другой день, 11-го сентября и пріѣхалъ въ столицу Пруссіи 15-го. Курфюрстъ былъ въ это время въ Гольцѣ (въ 9 миляхъ отъ Берлина) и князь «нанявъ фурмана» немедленно отправился туда. Получивъ аудіенцію у курфюрста, князь доложилъ ему о состоявшемся соглашеніи между Россіей и Портой, что послѣдній выслушалъ «съ нарочитымъ удовольствіемъ», донесъ, что Петръ началъ уже войну со шведами и просилъ Фридриха «съ великимъ прилежаніемъ» о томъ, чтобы онъ «показалъ «дружбу на дѣлѣ, чтобъ изволилъ начать войну, такожде «противъ короны свейской, немедленно, по обязанію своему, «какъ сами между собою съ царскимъ величествомъ его «курфюрстская пресвѣтлость персональнѣ обязались душами «будучи въ Прусѣхъ и ради приращенія впредь всякія между «собою дружбы». Фридрихъ высказалъ много любезностей по отношенію къ Петру, желалъ счастливаго союза въ борьбѣ со Шведами, заявилъ, что онъ всегда радъ его «волю чинить», хочетъ показать свою дружбу не только на словахъ, но и на дѣлѣ и въ концѣ концовъ заявилъ, что нынѣ такъ дѣйствовать ему все-таки невозможно «а для чего невозможно, и о томъ тебѣ (князю) отъ меня дано вѣдать на письмѣ, за моею печатью». Послѣ этой неудачной аудіенціи у курфюрста князь Юрій Юрьевичъ отправился къ фонъ-Принцену за объясненіями и такъ доносилъ объ разговорѣ съ нимъ въ письмѣ своемъ Головину отъ 29 сентября 1700 г.

«И я того-жъ числа (16 сентября) видѣлся съ Принценомъ и говорилъ ему о томъ же довольно; и между многими словами говорилъ я ему отъ себя, что ежели курфирстъ при нынешнемъ случаѣ не покажетъ на дѣлѣ дружбы къ государю моему, что вскорѣ не зачнетъ войны противъ короны Свейской, то и опасаюсь, чтобы вмѣсто дружбы не выросла отъ государя моего недружба, того ради, что всегда другъ у друга смотритъ не на словахъ токмо, но на дѣлѣ».

На другой день фонъ-Принценъ передалъ князю объ-

щанное письмо курфюрста съ изложеніемъ причинъ, почему Пруссія не находитъ возможнымъ дѣйствовать въ настоящій моментъ, согласно обѣщанію. Курфюрстъ опасался, главнымъ образомъ, чтобы его не постигла участь Датскаго короля, дѣйствовалъ поэтому крайне осторожно и хотя приготовлялъ въ тайнѣ свое войско къ походу, но соглашался открыто стать на сторону Петра только въ томъ случаѣ, если тотъ убѣдитъ Голландцевъ и Англичанъ отстать отъ Шведскаго союза. «И надежду имѣетъ въ томъ курфюрстъ, что не станетъ желати того великій государь, ему курфюрсту, чтобъ самъ себѣ, курфюрстъ сдѣлалъ стыдъ и раззореніе и убытковъ такъ, какъ король Датскій, а тайно курфюрстъ его царскому величеству помогать чѣмъ возможно вседушно радъ, то-есть воинскими припасы и начальными людьми и протчая».

Обстоятельства Россіи были таковы, во время этихъ переговоровъ, что обижаться этимъ отказомъ было неумѣстно, а нужно было, не смотря ни на что, добиться, во чтобы то ни стало, фактической помощи со стороны Пруссіи. Князю Юрію Юрьевичу, по полученіи донесенія о вышеизложенномъ, было въ отвѣтѣ предписано употребить всѣ мѣры, исчерпать всѣ способности, приложить все стараніе и добиться этой помощи, не брезгуя никакими средствами. Въ грамотѣ этой подъ конецъ звучитъ даже довольно энергичный укоръ по адресу Прусскаго двора: «Если его курфюрстская пресвѣтлость спомоществовать и къ сему дѣйство свое показати не изволитъ, то уже преявное отступленіе не то что того, поставленнаго тайнаго персональнаго между обоими высокими персонами союза учиненнаго, но и явнаго, который по обычаю всего свѣта поставленъ есть, и никогда не нарушимая дружба еще между прежними обоихъ государствъ предками нарушима и презрѣнна будетъ».

Получивъ этотъ наказъ, князь Юрій Юрьевичъ не могъ видѣть тотчасъ же курфюрста, бывшаго тогда въ Потсдамѣ, а фонъ-Принценъ сказалъ ему, что раньше двухъ недѣль онъ не добьется аудіенціи, и узнавъ отъ князя объ угрозѣ Петра, въ случаѣ отказа Фридриха помочь ему, опять сталъ указы-

вать на опасность оказанія такой помощи для самой Пруссіи со стороны союзниковъ Швеціи [1]). Вообще, въ немъ видимо было стараніе отговорить князя отъ свиданія съ курфюрстомъ. Несмотря, однако, на это, князь добился, всетаки, аудіенціи и очень скоро. Къ сожалѣнію и это свиданіе имѣло такой же отрицательный результатъ какъ и предъидущія. Фридрихъ твердо стоялъ на своемъ и упорно отказывался выступить на помощь Россіи. Эта аудіенція была 8 октября, а 12-го фонъ-Принценъ выѣхалъ въ Москву, къ Петру, съ письмами курфюрста, выясняющими обоюдное положеніе обоихъ государствъ.

Въ концѣ 1700 года Фридрихъ короновался королемъ Прусскимъ. Церемонія происходила въ Кенигсбергѣ и князь послѣдовалъ туда за курфюрстомъ, стараясь во чтобы то ни стало добиться своей цѣли. Но нежеланіе Прусскаго двора было слишкомъ упорно, чтобы можно было его сломить, тѣмъ болѣе, что Пруссія вступила въ это время въ союзъ съ Австріей противъ Франціи и курфюрстъ указывалъ, что теперь онъ уже окончательно не можетъ выступить противъ Шведовъ, такъ какъ опасается «Цесаря и всего Римскаго государства». Такимъ образомъ, несмотря на всѣ усилія князя, на самый энергическій образъ дѣйствій его, попытка русскаго правительства неудалась и князь получилъ изъ Москвы предписаніе возвратиться назадъ и уѣхать также тайно, какъ и пріѣхалъ. Послѣ прощальной аудіенціи у короля, гдѣ присутствовали лишь «каммергеръ» и переводчикъ, князь выѣхалъ изъ Берлина [2]). Первая попытка вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ Пруссіей кончилась, повидимому, неудачно. Но только повидимому. Король самъ ясно понималъ всѣ выгоды такого союза, а энергичныя заявленія князя, его настойчивость и упорство въ своихъ требованіяхъ —показали ему какъ

---

[1]) Сборникъ М. Г. А. М. И. Д. вып. I, цит. статья А. Путяты стр. 101.

[2]) Обстоятельства первыхъ сношеній Россіи съ Пруссіей и миссія князя Юрія Юрьевича подробно изложены въ цит. статьѣ А. Путяты, въ Сборникѣ Мос. Глав. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, вып. I-й, откуда и почерпнуты настоящія свѣдѣнія.

опасно было бы доводить русскій дворъ до крайности. Будь на мѣстѣ князя другое лицо, менѣе настойчивое и менѣе твердое—Богъ знаетъ, какія бы уступки потребовало бы прусское королевство за свою помощь, болѣе чѣмъ необходимую тогда для Россіи. Однако князь такъ дипломатически велъ свое дѣло, что хотя главный результатъ и не былъ достигнутъ, но дружескія отношенія между обоими дворами нисколько не нарушились, а напротивъ, еще болѣе утвердились. Послѣдствія показали тѣ важные результаты, къ которымъ привели всѣ старанія князя.

Миссія князя кончилась въ первой четверти 1701 года, когда онъ возвратился въ Москву. Здѣсь свѣдѣнія о его дальнѣйшей дѣятельности совершенно прерываются. Въ теченіе цѣлыхъ 18 лѣтъ, т.-е. до 1719 года, онъ какъ бы исчезаетъ со страницъ исторіи. Можно только предполагать, что все это время онъ продолжалъ военную службу, участвуя въ Великой Сѣверной войнѣ, такъ печально отозвавшейся на братѣ его, князѣ Иванѣ Юрьевичѣ. Что онъ служилъ эти 18 лѣтъ именно въ военной, а не въ какой-либо другой службѣ,—можно вывести изъ того, что въ 1719 году, марта 17-го, онъ былъ произведенъ въ бригадиры, пройдя, такимъ образомъ, нѣсколько ступеней отъ капитана гвардіи. Спустя годъ, 13-го февраля 1720 года, онъ уже назначенъ Президентомъ городоваго Магистрата. Въ теченіе семи лѣтъ оставался онъ въ этой должности, получивъ за это время слѣдующій чинъ генералъ-маіора [1]), а, въ 1727 году, Императрица Екатерина I назначила его губернаторомъ въ Бѣлгородъ, игравшій тогда весьма важную роль, какъ пограничная крѣпость. Вслѣдъ за этимъ назначеніемъ онъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта [2]), а Императрица Анна Іоанновна, переведя его на статскую службу съ производствомъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники [3]), назначила, вмѣстѣ съ тѣмъ и Сенато-

[1]) 21-го октября 1721 г.

[2]) 7-го марта 1727 г.

[3]) 28 апрѣля 1730 г.

ожъ, 9-го марта 1730 года. Это было послѣднее мѣсто служенія князя Юрія Юрьевича. Въ теченіе цѣлыхъ 9 лѣтъ занималъ онъ его и, 8-го сентября 1739 года, тихо скончался. Погребенъ онъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Князь Юрій Юрьевичъ былъ женатъ два раза; первый разъ на княжнѣ Еленѣ Григорьевнѣ Черкасской, а второй— на Ольгѣ Ивановнѣ Головиной. И отъ того и отъ другаго брака у него остались дѣти—отъ перваго четверо сыновей—извѣстный въ лѣтописяхъ русской исторіи XVIII ст., князь Никита, кн. Иванъ, кн. Алексѣй и князь Яковъ и двѣ дочери—княжна Марія и княжна Прасковія; отъ втораго брака было лишь двое сыновей—князья Александръ и Димитрій.

Въ своемъ «Дневникѣ» [1]) Берхгольцъ сохранилъ слѣдующее интересное описаніе втораго брака князя, которое и приводится здѣсь цѣликомъ:

«7-го (ноября) [2])», пишетъ онъ, послѣ обѣда, его королевское высочество [3]) былъ на свадьбѣ князя Трубецкаго, человѣка уже пожилаго и имѣющаго внучатъ 8-ти и 9 лѣтъ [4]). Невѣста же его—одна изъ красивѣйшихъ и пріятнѣйшихъ женщинъ въ Петербургѣ, не старѣе двадцати лѣтъ: она урожденная Головина, дочь старика Ивана Михайловича [5]). Когда герцогъ въ первый разъ подъѣзжалъ къ дому князя, женихъ только-что поѣхалъ за невѣстой; поэтому, его высочество остался нѣсколько времени въ длинной аллеѣ, которая недалеко оттуда, и ужъ подъѣзжая къ нему во второй разъ, встрѣтилъ жениха и невѣсту, ѣхавшихъ въ сопровожденіи множества экипажей, въ каретѣ Императрицы, шестеркою. Передъ ними ѣхалъ маршалъ съ жезломъ, въ открытомъ че-

---

[1]) Т. I, стр. 221 и 224.

[2]) 1721 года.

[3]) Герцогъ Голштинскій.

[4]) Ему было въ то время 53 года, а невѣстѣ—17 лѣтъ.

[5]) Бояринъ, адмиралъ, учился вмѣстѣ съ Петромъ за границей, участвовалъ въ азовскомъ походѣ и гангудскомъ сраженіи и ходилъ съ Петромъ въ Астрахань.

тырехъ-колесномъ кабріолетѣ, въ шесть лошадей, а передъ нимъ двѣнадцать шаферовъ, верхомъ, при звукахъ трубъ и литавръ.

8-го (ноября), послѣ обѣда, его высочество опять ѣздилъ къ князю Трубецкому, куда снова былъ приглашенъ вчера вечеромъ. Ихъ Величества Императоръ и Императрица были уже тамъ до насъ. Молодая новобрачная изъ первыхъ бросилась мнѣ въ глаза. На ней было великолѣпное, вышитое золотомъ и серебромъ, штофное платье, бѣловатаго цвѣта и большой брилліантовый уборъ на головѣ и груди. Новобрачная была въ этотъ день необыкновенно хороша. Императоръ и Императрица и здѣсь, какъ всегда, были посаженнымъ отцемъ жениха, а императрица посаженою матерью невѣсты. Въ этотъ второй свадебный день я не замѣтилъ ничего особеннаго противъ перваго дня, кромѣ развѣ того, что въ первый, при началѣ обѣда, было только два выхода— обѣихъ подругъ невѣсты и дружки, а тутъ прибавился еще одинъ, по порядку первый—выходъ новобрачнаго. Онъ вошелъ подобно тѣмъ, предшествуемый трубачами, шаферами и маршаломъ; до его появленія, противъ его мѣста сняли нѣсколько блюдъ и поставили поперегъ стола рядъ опрокинутыхъ тарелокъ, а у стола стулъ, на который молодой потомъ сталъ и по тарелкамъ прошелъ на свое мѣсто. Подойдя подъ вѣнокъ, висѣвшій надъ невѣстою, онъ сорвалъ его и, сѣвъ на мѣсто, подержалъ нѣсколько надъ ея головою, потомъ поцѣловалъ молодую и снова держалъ его ей предъ глазами и надъ головою.

Послѣ обѣда начались танцы, сперва церемоніальные, а по окончаніи ихъ, его высочество пригласилъ императрицу на польскій; потомъ его высочество танцовалъ съ новобрачною менуэтъ».

Изъ дочерей князя Юрія Юрьевича—старшая Марія, родившаяся въ 1696 г. была замужемъ за канцлеромъ кн. Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ. У ней былъ замѣчательный, по тому времени, собственный домашній оркестръ; она очень любила музыку и очень много занималась сама оркестромъ.

Собой она была необыкновенно хороша, какъ говорилъ Берхгольцъ [1]). Другая дочь—княжна Прасковія Юрьевна, была замужемъ за фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ.

Изъ шести сыновей князя Юрія Юрьевича, четверо были женаты и стали родоначальниками нынѣ существующихъ четырехъ вѣтвей княжескаго дома Трубецкихъ. По своей службы, два изъ нихъ особенно выдаются среди русскихъ дѣятелей того времени—князья Никита и Иванъ Меньшой Юрьевичи.

Занимающій такое видное мѣсто въ лѣтописяхъ русской исторіи прошлаго столѣтія, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-прокуроръ и дѣйствительный тайный совѣтникъ, *князь Никита Юрьевичъ* (№ 38) родился 26-го мая 1699 года [2]). Одинъ изъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», человѣкъ обширнаго и по своему времени просвѣщеннаго ума, другъ князя А. Д. Кантеміра и М. М. Хераскова, съ которымъ былъ, сверхъ того, связанъ узами родства [3]), покровитель князя Я. П. Шаховскаго, онъ, въ теченіе цѣлыхъ *восьми* царствованій [4]), удержалъ за собою постъ въ ряду наиболѣе замѣтныхъ государственныхъ дѣятелей, видѣлъ паденіе многихъ крупныхъ силъ и возвышеніе другихъ, нерѣдко принималъ участіе въ гибели первыхъ и поддержкѣ вторыхъ и самъ благополучно, смѣло и настойчиво миновалъ всѣ многочисленные подводные камни скользкаго пути придворной и государственной службы прошлаго столѣтія. Сохранившійся до нашего времени собственноручный дневникъ его [5]), несмотря на свою краткость и сухость въ изложеніи, доставляетъ много драгоцѣнныхъ данныхъ для его біографіи и позволяетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дополнить и исправить существующія его печатныя біо-

---

[1]) Дневникъ. т. I. стр. 222.

[2]) У Бант.—Каменскаго (Словарь т. V. стр. 164) невѣрно показанъ 1700 годъ.

[3]) Кн. Н. Ю. былъ женатъ на матери Хераскова, послѣ смерти ея мужа.

[4]) Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, Іоанна, Елисаветы Петровны и Екатерины II-й.

[5]) См. приложеніе № 20. Подлинникъ принадлежитъ княгинѣ Е. Э. Трубецкой. Копія съ него напечатана Н. П. Дуровымъ въ Рус. Стар. 1870. I, 10.

графіи. Дневникъ этотъ начатъ былъ княземъ въ очень молодыхъ лѣтахъ, вскорѣ послѣ возвращенія его изъ «нѣмецкой земли въ 1717 году» [1]) и первое упомянутое имъ событіе — сговоръ его съ дочерью графа Г. И. Головина, Анастасіей—3-го іюня 1719 года, отъ какого времени онъ уже безпрерывно продолжается до 1763 года. Такимъ образомъ свѣдѣній о первыхъ годахъ жизни кн. Никиты Юрьевича все таки не сохранилось и лишь на основаніи только что приведенной отмѣтки о началѣ дневника можно думать, что молодой князь получилъ свое образованіе, такъ выдвигавшее его впослѣдствіи среди современниковъ, за границей и доканчивалъ его уже на родинѣ. Проведя еще нѣсколько лѣтъ дома, почти наканунѣ своей свадьбы [2]), князь Никита Юрьевичъ, именнымъ указомъ отъ 28 января 1722 года, зачисляется на службу въ Преображенскій полкъ сержантомъ. Спустя два года онъ былъ произведенъ въ прапорщики того же полка въ Москвѣ, а еще черезъ два года Екатерина I пожаловала его ко двору камеръ-юнкеромъ, съ оставленіемъ, по-прежнему, въ полку. Петръ II подтвердилъ его званіе камеръ-юнкера, а Императрица Анна Іоанновна, вступивъ на престолъ, произвела князя Никиту Юрьевича въ чинъ генералъ-маіора и подпоручика кавалергардскаго корпуса въ Москвѣ [3]). Такимъ образомъ кн. Никита Юрьевичъ, едва имѣя отъ роду 30 лѣтъ, былъ уже генераломъ. Спустя годъ, въ 1731 г., онъ былъ произведенъ въ маіоры Преображенскаго полка и вскорѣ занялъ новый, выдающійся, вполнѣ самостоятельный, хотя и очень отвѣтственный постъ.

Въ началѣ 1733 года скончался польскій король Августъ II-й и престолъ Польши остался вакантнымъ. Прямыхъ, законныхъ наслѣдниковъ король не оставилъ послѣ себя; предстояло намѣтить кандидатовъ, созвать сеймъ, предложить ему на выборъ этихъ претендентовъ и представить окончательное рѣ-

---

[1]) Русс. Стар. 1870. т. I, стр. 10.

[2]) Она была 16 августа 1722 г.

[3]) 1730 года 10-го марта.

шеніе сему собранію. Такъ какъ Польша уже давно составляла предметъ раздора между сосѣдними государствами—Россіей, Пруссіей, Австріей, Франціей и Швеціей, стремившихся, каждое въ отдѣльности, упрочить тамъ свое именно вліяніе и, если возможно, увеличить свои собственныя владѣнія насчетъ наслѣдія Гедимина, то нисколько не было удивительнымъ или страннымъ, что эти государства приняли дѣятельное участіе въ избирательной борьбѣ. Кандидаты на корону Пяста скоро опредѣлились и главными изъ нихъ были: Станиславъ Лещинскій и курфюрстъ Саксонскій Августъ. За перваго стоялъ примасъ королевства, большая часть магнатовъ, Швеція и, главнымъ образомъ, Франція, оказывавшая очень сильную поддержку и совѣтомъ, и деньгами, и оружіемъ. Не менѣе силенъ былъ и второй кандидатъ—Августъ: онъ былъ выставленъ и поддерживаемъ Россіей, за которой слѣдовала остальная часть магнатовъ и Австрія.

Видя опасность борьбы съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ Франція, и желая заранѣ поддержать своего кандидата и показать, что она ни предъ чѣмъ не остановится въ твердомъ намѣреніи доставить Августу польскую корону, Екатерина II, задолго еще до самого избранія, отправила грозное письмо примасу, въ которомъ требовала исключенія Станислава Лещинскаго изъ кандидатовъ на польскій престолъ: «Понеже вамъ и всѣмъ чинамъ Рѣчи Посполитой давно извѣстно, писала она, что ни мы, ни другія сосѣднія державы избраніе онаго Станислава или другаго такого кандидата, который бы въ той же депенденціи и интересахъ быть имѣлъ, въ которыхъ оный Станиславъ находится, по вѣрному нашему доброжелательству къ Рѣчи Посполитой и къ содержанію оной покоя и благополучія и къ собственному въ томъ имѣющемуся натуральному великому интересу, никогда допустить не можемъ, было бы къ чувствительному нашему прискорбію, ежели бы мы для препятствованія такого намѣренія противу воли своей иногда принуждены были иные дѣйствительные способы и мѣры предвоспріять» [1]). Представители Россіи, графы Левен-

[1]) Соловьевъ. Истор. Росс. т. XX стр. 6.

вольды, съ своей стороны, высказывали различныя угрозы, если не будетъ избранъ курфюрстъ саксонскій: «...... Если всѣ разумныя представленія останутся тщетными, говорили они, то она (Императрица) найдетъ средства наказать своихъ враговъ и поддержать общее спокойствіе [1])»; представитель Австріи, графъ Вильчекъ, поддерживалъ своего русскаго собрата, но всѣ труды ихъ мало увѣнчивались успѣхомъ.

25-го августа 1733 года начался избирательный сеймъ и начался ссорами и распрями! Появились новые кандидаты, раздались могущественные голоса магнатовъ, объявляющіе, что они примутъ лишь такихъ кандидатовъ, которые не вовлекутъ Польшу въ войну съ иностранными государствами и что, поэтому надо отказаться отъ Станислава, какъ уже навлекающаго на Польшу грозу появленія русскаго войска. Лучше всего представить всѣмъ вполнѣ свободный выборъ. Это было открыто высказано краковскимъ воеводой кн. Любомирскимъ [2]) и рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе: ряды сторонниковъ Станислава стали рѣдѣть, но все же большинство оставалось еще у него. Волненія, ссоры, брань, распри не прекращались. Цѣлыя три недѣли продолжалась эта неурядица и лишь 12-го сентября окончательно выяснилось, что избранъ, всетаки, Станиславъ. Вслѣдъ за тѣмъ, его приверженцы излили всю свою ненависть на представителяхъ Россіи и Саксоніи. Домъ русскаго посольства былъ разграбленъ; саксонское посольство взято кровопролитнымъ приступомъ. Отвѣтомъ Россіи было появленіе; 30 сентября, на правомъ берегу Вислы, 20000 войскъ подъ начальствомъ Ласси [3]).

Еще за недѣлю до появленія русскихъ войскъ, 22-го сентября, Станиславъ, въ сопровожденіи своихъ главныхъ приверженцевъ и французскаго и шведскаго пословъ, отправился въ Данцигъ, куда къ нему на помощь легко могли явиться моремъ французы, а быть можетъ и другіе союзники—мор-

---

[1]) Ibidem, стр. 9.
[2]) Ibidem, стр. 19.
[3]) Ibidem, стр. 21.

имъ или сухимъ путемъ. Эта-то поѣздка короля и послули поводомъ къ оставленію Ласси бо̀льшей части своего йска подъ Варшавой и быстрому передвиженію съ остальй частью къ Данцигу. Къ сожалѣнію, Ласси не могъ взять собою болѣе 12000 человѣкъ и хотя уже въ январѣ 1734 да былъ взятъ имъ Торнъ, жители котораго присягнули густу и приняли русскій гарнизонъ, но бороться противъ еданнаго Станиславу и прекрасно укрѣпленнаго Данцига, ъ былъ не въ силахъ. Кромѣ того, недостатокъ во всемъ жномъ и неблагопріятное время года еще болѣе затрудли осаду крѣпости, а въ Петербургѣ торопились, боясь веы и съ ней французскихъ кораблей, и потому на смѣну сси явилась первая тогда военная знаменитость въ Россіи льдмаршалъ Минихъ. 30 іюля 1734 Данцигъ былъ взятъ, Станиславъ бѣжалъ переодѣтый въ матросскую одежду.

Во время этой войны, князь Никита Юрьевичъ, несмотря свою молодость, былъ назначенъ Генералъ-Кригсъ-Коммисромъ, т. е. Генералъ-Интендантомъ дѣйствующей арміи. зъ всякаго сомнѣнія, онъ отправлялъ эту должность, таю важную и отвѣтственную, съ той же точностью и доброзѣстностью, съ какой онъ вообще относился къ многоразчнымъ своимъ обязанностямъ и служебному долгу въ теніе всей своей жизни. По крайней мѣрѣ, по окончаніи этой мпаніи, ему было поручено подготовлять всѣ необходимые пасы продовольствія для ожидавшейся войны съ Турціей. сь 1735 годъ онъ провелъ на Украйнѣ, въ городѣ Изюмѣ, при ободскихъ полкахъ [1]), занимаясь этимъ, и, при открытіи енныхъ дѣйствій въ 1736 г., занялъ и при этой арміи ту же лжность Генералъ-Кригсъ-Коммиссара и оставался въ ней 1740 года.

Описывая въ «Запискахъ» эту турецкую кампанію, Манейнъ осуждаетъ князя въ медленномъ, при самомъ началѣ, набженіи транспортовъ необходимою упряжью и въ недоаткѣ съѣстныхъ припасовъ, а другой историкъ этого вре-

---

[1]) См. приложеніе № 20. Дневникъ.

мемы[1]) прямо обвиняетъ его въ злоупотребленіяхъ по коммиссаріатской части. Даже Минихъ, который всегда былъ очень расположенъ къ князю Никитѣ Юрьевичу и во многомъ помогалъ и способствовалъ ему, и тотъ, на судѣ, бывшемъ надъ нимъ въ началѣ 1742 года, упрекалъ себя, что дѣло продовольствія арміи поручилъ князю[2]). Однако эти обвиненія едва ли справедливы. Тотъ же Манштейнъ, въ тѣхъ же «Запискахъ», обозрѣвая кампанію 1736 года, винитъ уже фельдмаршала, «что онъ поспѣшилъ двумя мѣсяцами открытіемъ военныхъ дѣйствій; повелъ въ отдаленную сторону (Крымъ) многочисленное войско, надѣясь, что *можетъ быть*, оно получитъ продовольстіе у непріятеля[3])». — Такимъ образомъ, тутъ виновникомъ является уже не князь Никита Юрьевичъ, а самъ главнокомандующій. Что же касается до Миниха, то въ минуту грозившей ему опасности онъ только и думалъ какъ бы спастись, хотя бы это и было цѣной оговора и гибели другихъ. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что если князя Никиту Юрьевича и можно было упрекнуть въ чемъ-нибудь за время этого несчастнаго похода, то развѣ въ очень немногомъ и незначительномъ, служитъ полученная имъ монаршая награда въ 1737 году—производство его въ генералъ-лейтенанты; въ слѣдующемъ же году онъ былъ утвержденъ Генералъ-Кригсъ-Коммиссаромъ всей арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ Президентомъ Военной Коллегіи, а при объявленіи мира съ Турціей[4]) сама Императрица лично возложила на него орденъ св. Александра Невскаго. Но на этомъ не остановились милости къ нему Императрицы:—почти одновременно съ пожалованіемъ ордена, князю Никитѣ Юрьевичу былъ предложенъ постъ губернатора Сибири, но онъ его не принялъ и этимъ отказомъ обнаружилъ всю дальновидность: постъ Сибирскаго губернатора былъ въ то время болѣе чѣмъ тяжелымъ и отвѣтственнымъ.

---

[1]) Обзоръ глав. пров. Вейдем. II. 31.
[2]) Щебальскій. Чтенія изъ русс. исторіи. IV, 183.
[3]) Бантышъ-Каменскій. Словарь дост. люд. т. V. стр. 165.
[4]) 30 го марта.

Страшныя злоупотребленія всѣхъ сибирскихъ властей давно уже стали притчей во языцѣхъ въ Петербургѣ, но всѣ принимаемыя противъ нихъ мѣры вели или къ суду надъ губернаторами же, или же къ ихъ отказу: человѣкъ, занимавшій этотъ постъ или самъ долженъ былъ покрывать злоупотребленія и дѣлаться какъ бы соучастникомъ ихъ, или же гибнуть отъ доносовъ. Только немногіе, и то лишь благодаря очень сильнымъ связямъ при дворѣ, избѣгали той или другой участи, но эти случаи были очень рѣдки. Уже имѣя у себя много враговъ и вполнѣ справедливо предполагая, что, если онъ приметъ этотъ постъ, то враги тотчасъ же постараются погубить его, запутавъ съ самаго начала въ какое-нибудь преступное дѣло, князь Никита Юрьевичъ, рискуя навлечь на себя неудовольствіе Императрицы, предпочелъ отказаться отъ такого мѣста. Отказъ его былъ принятъ милостиво и 28 апрѣля 1740 года онъ былъ пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-прокуроромъ [1]). Съ этой-то поры и начинается самая блестящая эпоха его дѣятельности.

17-го октября 1741 года Императрица Анна Іоанновна скончалась, оставивъ регентомъ, пріобрѣтшаго такую печальную извѣстность, Герцога Бирона. Къ счастью, дикое его правленіе продолжалось лишь три недѣли; замѣнившая герцога, правительница Анна Леопольдовна еще менѣе правила государствомъ и 25-го ноября 1741 года вся Брауншвейгская фамилія была арестована и на престолъ взошла дочь Петра Великаго, Цесаревна Елисавета Петровна.

Съ первыхъ дней новаго царствованія начались реформы въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, появились новыя лица и дѣятели предшествовавшаго смутнаго времени почувствовали явленіе грознаго судьи за свои гибельныя для Россіи дѣянія. Вѣрные слуги престола и отечества наперерывъ старались помочь своей Государынѣ въ ея благихъ начинаніяхъ: теперь они дышали свободно и могли открыто и вполнѣ проявить всѣ свои силы, всѣ свои старанія, подав-

---

[1]) См. приложеніе № 20. Дневникъ.

Зло, причиненное и Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и Кабинетомъ достаточно извѣстно;—еще ярче выступаетъ значеніе этой реформы князя Никиты Юрьевича, если посмотрѣть первое время дѣятельности возстановленнаго Сената и на высказанные въ указѣ Императрицы, по этому случаю, мотивы къ уничтоженію Кабинета и програму будущей дѣятельности Сената. Указъ явился 12-го декабря 1741 года и въ немъ читалось, что Императрица усмотрѣла нарушеніе, порядка государственнаго управленія, какъ онъ былъ при отцѣ ея: происками нѣкоторыхъ вновь изобрѣтенъ Верховный Тайный Совѣтъ, потомъ сочиненъ Кабинетъ въ равной силѣ, какъ былъ Верховный Совѣтъ, только имя перемѣнено, отчего *произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло.* Поэтому, для отвращенія прежнихъ непорядковъ, императрица повелѣвала, чтобы правительствующій Сенатъ имѣлъ прежнюю свою силу и власть, какъ было при Петрѣ Великомъ; повелѣвала *всѣ указы и регламенты Петра Великаго наикрѣпчайше содержать и по нихъ неотмѣнно поступать*, не отрѣшая и послѣдующихъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые *съ состояніемъ настоящаго времени несходны* и пользѣ государственной противны [1]). Засѣданія Сената должны были происходить въ императорскихъ покояхъ; смотря по надобности, императрица сама выразила намѣреніе присутствовать на нихъ; сенаторамъ предоставлено было право доносить, безъ всякаго пристрастія, о происходящемъ вредѣ въ Государствѣ и о беззаконникахъ имъ извѣстныхъ. Однимъ словомъ, все велось къ тому, чтобы поставить это высшее учрежденіе въ Россіи на должную высоту.

Князь Никита Юрьевичъ горячо принялся за дѣло. Будучи по природѣ человѣкомъ гуманнымъ и справедливымъ, имѣя въ рукахъ такую обширную власть, онъ началъ вести дѣло Сената со свойственными ему тактомъ и умомъ. Не успѣлъ Сенатъ открыть свои дѣйствія, какъ уже представился удоб-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс. т. XXI стр. 174.

нѣйшій случай выказаться князю во всѣхъ отношеніяхъ и показать себя, какъ смотритъ онъ на свои обязанности. Въ Сибири случилось страшное происшествіе: четырнадцатилѣтняя дѣвочка убила двухъ другихъ маленькихъ дѣвочекъ, а въ Уложеніи и послѣдующихъ указахъ не было означено, до которыхъ лѣтъ дѣти освобождаются отъ пытки и смертной казни; надобно было дѣлать постановленіе и *генералъ-прокуроръ* объявилъ, что по указу Петра Великаго, въ такихъ случаяхъ Сенатъ обязанъ былъ собрать всѣ коллегіи и сообща мыслить и толковать. Коллегіи были собраны въ лицѣ своихъ президентовъ и нѣкоторыхъ членовъ; генералъ-прокуроръ предложилъ дѣло и потомъ *поставилъ на столъ песочные часы, по которымъ дано времени на разсужденіе два часа* [1]); послѣ обсужденія этого дѣла, Сенатъ единодушно объявилъ свое мнѣніе, *что малолѣтными* надобно считать *до 17 лѣтъ*; *до этого возраста* преступки, подлежащіе *ссылкѣ, кнуту или смертной казни*, отъ *нихъ освобождаются*, подвергаются *только* наказанію плетьми и отсылкѣ на 15 лѣтъ въ монастырь на покаяніе. Правда и смягченіе это, на современный взглядъ, было не очень велико, но замѣчателенъ именно фактъ тѣхъ гуманныхъ началъ, которыя вводились княземъ Никитою Юрьевичемъ, и стремленія къ упорядоченію и урегулированію и пополненію, сообразно съ требованіями времени, россійскихъ законовъ. Слѣдующій фактъ является еще болѣе характеристичнымъ: въ одно изъ засѣданій, на которомъ присутствовала Императрица, князь представилъ, что во многихъ дѣлахъ въ титулѣ императорскомъ являются описки *по простотѣ*, а межъ тѣмъ виновные отсылаются въ тайную канцелярію и страдаютъ, а въ дѣлахъ происходитъ остановка. Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ князя, Елисавета приказала о такихъ погрѣшностяхъ впредь *болѣе неслѣдовать, описки переправлять*, только подтвердить чтобъ писали осмотрительно. Не менѣе интересно и дѣло о московскомъ священникѣ при церкви Св. Сер-

[1]) Ibid. стр. 175.

гія, въ Рогожской, открывшее сильныя злоупотребленія въ духовной «дикастеріи»[1]).

И Сенатъ и генералъ-прокуроръ работали такъ не только при самомъ началѣ дѣятельности ихъ, но и все время царствованія Елисаветы Петровны. Изъ послѣдующихъ ихъ дѣйствій является крайне интереснымъ дѣло о соли. Это дѣло настолько замѣчательно и такъ характеристично для князя Никиты Юрьевича, что вполнѣ будетъ умѣстно привести его цѣликомъ, такъ, какъ объ этомъ разсказываетъ намъ извѣстный историкъ [2]): «Въ самомъ началѣ года (1744), говоритъ «онъ, сенатъ и генералъ-прокуроръ должны были обратить «все свое вниманіе на большую бѣду для народа: недостатокъ «въ соли, потому что соль, шедшая изъ пермскихъ Строганов-«скихъ варницъ, остановилась за мелководіемъ. 13 Февраля «тайный совѣтникъ баронъ Строгановъ съ братьями подалъ «въ сенатъ доношеніе, чтобъ правительство помогло имъ, ибо «они потерпѣли убытокъ, именно, чтобъ велѣло набрать 9500 «рабочихъ, не упуская времени, а безъ такой помощи въ по-«ставкѣ соли исправитьси имъ невозможно, вольныхъ рабо-«чихъ людей съ печатными паспортами достать нельзя. Стали «торговаться; Строгановъ уступилъ, *согласился*, чтобъ прави-«тельство дало ему 5000 рабочихъ, нарядивъ съ обывателей «за его жалованье, потомъ сбавилъ свое требованіе на 4500 «рабочихъ. Сенатъ согласился и отправилъ для скорѣйшаго «доставленія соли генералъ-маіора Юшкова. А между тѣмъ «народъ терпѣлъ недостатокъ въ соли, увеличиваемый скуп-«щиками изъ солдатъ, которые продирались первые къ ма-«газинамъ, оттѣсняя черный народъ. Генералъ-Прокуроръ «объявилъ сенату, что въ Москвѣ изъ лавокъ казенную соль «продаютъ больше разночинцамъ, солдатамъ и скупщикамъ, а «крестьянство и прочіе подлые люди едва могутъ купить, нѣ-«которые же за тѣснотою никакъ не достанутъ; что онъ, «генералъ-прокуроръ, 9 февраля въ одиннадцатомъ часу утра

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem. стр. 307.

«ѣздилъ къ лавкамъ, но уже продажи соли не засталъ, на-«шелъ у лавокъ крестьянъ и прочей подлости многое число, «которые ему объявили, что уже нѣсколько дней не могутъ «добиться купить соли. *По предложенію генералъ-прокурора* се-«натъ приказалъ: казенную соль въ лавкахъ продавать одно-«му только крестьянству и прочимъ подлымъ людямъ цѣлый «день; солдатамъ изъ лавокъ не продавать, а по требованію «военной коллегіи и прочихъ командъ, отпускать соляной «конторѣ помѣсячно за деньги, чтобы солдаты, подъ предло-«гомъ своей покупки, другимъ и скупщикамъ лишнею цѣною «перепродавать не могли; также не продавать изъ лавокъ въ «знатные и прочіе дома и разночинцамъ, чтобъ крестьянству «и прочимъ подлымъ въ покупкѣ соли остановки и задержа-«нія не было, а продавать имъ съ солянаго двора, а ежели «цаловальники продадутъ соль скупщикамъ, а скупщики бу-«дутъ перепродавать ее лишнею цѣною, то, какъ цаловаль-«никовъ, такъ и скупщиковъ, бить кнутомъ нещадно. По го-«родамъ отправлены были чиновники для открытія и преслѣ-«дованія скупщиковъ».

Это дѣло было далеко не единственнымъ: много другихъ въ этомъ же родѣ приходилось рѣшать Сенату и всегда рѣшенія его отличались замѣчательной обдуманностью, полнымъ пониманіемъ истиннаго положенія даннаго вопроса и искреннимъ стремленіемъ къ справедливости. Время это было однимъ изъ цвѣтущихъ періодовъ дѣятельности Сената и онъ по справедливости многимъ въ этомъ обязанъ своему генералъ-прокурору.

Болѣе двадцати лѣтъ князь Никита Юрьевичъ занималъ эту трудную должность и занималъ ее со славой. Онъ входилъ во все, даже незначительныя, дѣянія Сената: никакая мелочь, разъ она клонилась ко благу государства, не ускользала отъ него. Работая самъ безъ устали, не зная ни отдыха, ни покоя, онъ хотѣлъ, чтобы и другіе члены сената также исполняли свои обязанности, но это была одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ: не привыкшіе къ энергической дѣятельности, сенаторы очень лѣниво собирались на засѣданія

и еще лѣнивѣе и невнимательнѣе обсуждали дѣла. Большихъ усилій стоило князю настоять на томъ, чтобы они хоть разъ въ недѣлю собирались пораньше: такимъ днемъ была избрана пятница и время съѣзда назначено въ седьмомъ часу утра [1]). Тоже самое происходило и въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ—коллегіяхъ, канцеляріяхъ и приказахъ. По представленію князя предписано было президентамъ и членамъ этихъ учрежденій собираться также въ седьмомъ часу утра, но, къ сожалѣнію, тамъ еще труднѣе было достигнуть этого [2]).

За все время своей генералъ-прокурорской дѣятельности, князь Никита Юрьевичъ не однажды получалъ Высочайшія награды и почетныя назначенія. Такъ, въ день коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны [3]) онъ былъ верховнымъ маршаломъ и получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и табатерку, осыпанную бриллiантами; въ 1756 г., указомъ отъ 5 сентября, онъ былъ пожалованъ въ генералъ-фельдмаршалы и др. Незадолго до кончины Императрицы князь оставилъ должность генералъ-прокурора и былъ сдѣланъ сенаторомъ и президентомъ Военной Коллегіи [4]), а Петръ Третій, по вступленіи на престолъ, сдѣлалъ его подполковникомъ Преображенскаго полка [5])—званіе въ то время очень высокое. Есть мнѣніе, что онъ былъ тамъ полковникомъ, но что будто Екатерина II объявила ему, по вступленіи своемъ на престолъ: *«что желаетъ служить съ нимъ въ одномъ полку и увѣрена, что онъ уступитъ ей начальство надъ онымъ»* [6]). Однако, въ дневникѣ князя [7]), хотя и упомянуто объ этомъ, но поставлено самимъ княземъ въ скобки. При погребеніи Императрицы Елисаветы Петровны, 5 февраля 1762 г., князь былъ опредѣ-

[1]) Ibidem стр. 175.
[2]) Ibidem стр. 247.
[3]) 25 апрѣля 1742 года. см. „Дневникъ".
[4]) 16 августа 1760 г. Ibid.
[5]) 27 декабря 1761 г. Ibid.
[6]) Бантышъ-Каменскій. Словарь дост. люд. т. V. стр. 166.
[7]) См. приложеніе № 20.—2 іюля 1762 года. По словамъ кн. Шаховскаго Петръ III былъ „*отмѣнно къ нему милостивъ*" и б. м. существовало предположеніе назначить князя и полковникомъ.

ленъ главнымъ распорядителемъ этой церемоніи, а при торжествѣ Коронаціи Екатерины Второй былъ верховнымъ маршаломъ, и полгода спустя, утомленный службой и преклонными годами, подалъ прошеніе объ отставкѣ. Указомъ 9 іюля 1763 года его прошеніе было принято Императрицей, причемъ князь былъ уволенъ съ полнымъ пансіономъ, съ единовременной наградой въ 50,000 рубл. и повелѣно было давать ему, не въ примѣръ прочимъ, «пристойный» караулъ, когда онъ будетъ находиться въ столицахъ. Скончался князь 16 октября 1767 года.

Важныя и многотрудныя должности, исправляемыя княземъ Никитою Юрьевичемъ въ теченіе многихъ лѣтъ при Императрицахъ Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ служатъ лучшимъ доказательствомъ и свидѣтельствомъ его обширныхъ способностей, знаній, добросовѣстнаго и честнаго исполненія своего долга и обязанностей по отношенію къ отечеству; многочисленныя высокія награды лучше всего свидѣтельствуютъ насколько высоко цѣнили его службу, а покровительство, оказанное имъ многимъ замѣчательнымъ, впослѣдствіи, лицамъ, какъ напримѣръ князю Якову Петровичу Шаховскому, доказываетъ, какъ умѣлъ онъ цѣнить и различать людей. Несмотря на массу дѣла и занятій, князь Никита Юрьевичъ, будучи человѣкомъ очень образованнымъ и имѣя большую любовь къ просвѣщенію и утонченный вкусъ, находилъ досугъ для мирнаго занятія и изученія литературы [1]). Тѣснѣйшая дружба связывала его съ княземъ Антіохомъ Кантеміромъ, который говоритъ, что все время отсутствія его изъ Россіи [2]), единственнымъ утѣшеніемъ служила ему переписка съ княземъ Никитою Юрьевичемъ. Онъ посвятилъ князю седьмую сатиру, а когда до него дошла вѣсть о назначеніи его друга на постъ Генералъ-Прокурора, онъ выразилъ свои чувства по этому поводу въ особомъ посланіи, описалъ въ стихахъ обязанность

---

[1]) См. прим. къ стиху 43 сатиры (VII) Кантеміра, посвященной князю, гдѣ указывается на занятіе его литературой. Сочиненія кн. А. Кантеміра. Изд. Глазунова. стр. 160 т. I.

[2]) Кантеміръ долго былъ Россійскимъ посломъ въ Парижѣ.

на него возложенную, «въ общей пользѣ» совѣтывалъ находить собственную, надѣялся, что князь, оставивъ богиню войны, украсившую чело его лаврами [1]), прерветъ долговременное молчаніе:

И такъ довольно терпѣлъ я урону.
Косно безъ писемъ мнѣ скучны дни течь мнятся,
Какъ попамъ праздникъ безъ пиру, безъ звону.....

Сатира (VII), посвященная князю, трактуетъ «о воспитаніи»; въ концѣ ея есть обращеніе къ князю съ извиненіемъ, что авторъ, начавъ говорить объ одномъ (осмѣивалъ суевѣрно злобнаго человѣка), кончилъ совсѣмъ о другомъ: о воспитаніи.

Никита, другъ! можетъ быть, слово то разсудно
Явится тѣмъ, кои, жизнь чая время скудно,
Лучше любятъ осудить вдругъ, что ихъ не сходно
Мысли, нежели выслушать доводы свободно.
Тѣхъ я людей увѣрять не ищу, ни годенъ,
Да всякъ открывать свое мнѣніе свободенъ,
Если вредно никому, и законовъ сила
Чтительна нужду молчать въ томъ не наложила.
Пусть не чтетъ, кто мои мнитъ мнѣнія неправы,
Съ досугу стишки пишу для твоей забавы.
Ты лишь меня извини, что одно я дѣло
Начавъ, рѣчью отскочилъ на другое смѣло.
Порядокъ скученъ вездѣ, и немножко труденъ:
Блистаетъ въ сумятицѣ умокъ въ чину скуденъ,
И если бъ намъ требовать, чтобъ дѣло за дѣломъ
Разсуждать, и не скончавъ одно, въ недозрѣломъ
Разговорѣ не ввернуть не кстати другое
Въ цѣлой толпѣ говорить чуть станутъ ли двое.....

Въ своихъ письмахъ Кантеміръ описываетъ князя «что онъ съ нравомъ *честнымъ*, *тихимъ*, соединялъ *совѣсть чистую*»; съ такой же стороны отзываются о немъ и немногочисленные его біографы; но существуютъ и противуположныя мнѣнія, какъ напр. Семевскаго [2]) который считаетъ отзывъ Кантеміра пристрастнымъ, и отдаетъ предпочтеніе Щербатову, счи-

---

[1]) Намекъ на должность Генералъ-Кригсъ-Коммиссара во время войнъ 1733—1740.

[2]) 1-й годъ царств. Елис. Петровны, Русс. Слово 1859, № 6, стр. 239.

тавшаго князя Никиту Юрьевича великимъ льстецемъ, и хотя умнымъ, но честолюбивымъ, злымъ и мстительнымъ. Несомнѣнно однако то, что всѣ мнѣнія лицъ независимыхъ, какъ Кантеміръ—всѣ благопріятны, мнѣніе же Щербатова—человѣка, служившаго въ Петербургѣ одновременно съ кн. Никитою Юрьевичемъ и, вѣроятно, сталкивавшагося съ послѣднимъ по службѣ — неблагопріятно. Изъ этого ясно, какое именно мнѣніе можно признать пристрастнымъ.

Князь Никита Юрьевичъ былъ женатъ два раза и имѣлъ много дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось десять человѣкъ. Первая жена его была дочь Графа Гаврилы Ивановича Головкина, канцлера,—графиня Анастасія Гавриловна, на которой онъ женился 16-го апрѣля 1722 года. Этотъ бракъ продолжался 13 лѣтъ—до смерти графини въ 1737 году, апрѣля 27. Отъ нея князь имѣлъ пять сыновей: Александра (р. 1723 г. 21 авг.), Петра (род. 1724 г. авг. 4), Ивана (1725 г. іюня 20), Сергія (1731 г. іюля 20) и Александра (1733 г. мая 28). Первый и послѣдній скончались очень молодыми—старшій 3 лѣтъ—1726 г. окт. 26 и младшій 4 лѣтъ—1737 года авг. 20. Спустя семь мѣсяцевъ по смерти первой жены, князь вступилъ во второй бракъ съ вдовою маіора Матвѣя Андреевича Хераскова, Анной Даниловной, урожденной княжной Друцкой, матери знаменитаго поэта прошлаго столѣтія. Отъ этого брака онъ имѣлъ 8 сыновей—Юрія [1]), Николая [2]), Алексѣя [3]), Николая [4]), Николая [5]), Александра [6]), Александра [7]) и Василія [8]) и 5 дочерей—Анну [9]), Марію [10]),

---

[1]) р. 1736 г. ноября 2.
[2]) р. 1738 г. окт. 9.
[3]) р. 1739 г. окт. 30.
[4]) р. 1741 г. янв. 31.
[5]) р. 1744 г. нояб. 6.
[6]) р. 1749 г. фев. 25.
[7]) р. 1751 г. іюня 8.
[8]) р. 1752 г. декаб. 15.
[9]) р. 1737 г. окт. 9.
[10]) р. 1742 г. апр. 6.

Елену [1]), Елену [2]) и Екатерину [3]). Изъ нихъ осталось живыми 7, остальныя 6 умерли въ молодыхъ лѣтахъ [4]). Такимъ образомъ, по смерти князя Никиты Юрьевича, осталось всего 10 человѣкъ дѣтей, составившихъ старшую теперь линію кн. Трубецкихъ.

Изъ остальныхъ пяти сыновей князя Юрія Юрьевича, ни одинъ не достигъ такой высоты положенія, такой власти и такой извѣстности; нѣкоторые даже не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ, но тѣмъ не менѣе необходимо упомянуть здѣсь обо всемъ что до нихъ касается и что сохранила намъ исторія объ ихъ жизни и дѣятельности.

Второй сынъ кн. Юрья Юрьевича, *князь Иванъ Юрьевичъ* (№ 39), прозванный *Меньшой*, въ отличіе отъ дяди своего тоже кн. Ивана Юрьевича (№ 37),родился въ 1703 г. Онъ принималъ участіе въ событіяхъ, ознаменовавшихъ собою вступленіе на престолъ Анны Іоанновны, причемъ, вмѣстѣ съ дядей и братомъ, былъ противникомъ верховниковъ. Анна Леопольдовна сдѣлала его каммергеромъ, а императрица Елисавета Петровна, указомъ отъ 25 декабря 1742 г., произвела его въ дѣйствительные каммергеры и въ томъ же году пожаловала ему орденъ Св. Анны (первой степени) и назначила президентомъ юстицъ-коллегіи. Въ 1744 году [5]) онъ скончался 41-го года и погребенъ въ подмосковномъ с. Чудовѣ. Женатъ князь Иванъ Юрьевичъ былъ на Маріи Яковлевнѣ Глѣбовой и оставилъ послѣ себя одного сына *князя Николая Ивановича* (№ 51), женатаго на княжнѣ Татіанѣ Алексѣевнѣ Козловской и четырехъ дочерей: *Аграфену* (ум. 1794 г.) [6]) бывшую за мужемъ за княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ [7]);

---

[1]) р. 1743 г. мая 17.

[2]) р. 1745 г. дек. 27.

[3]) р. 1747 г. апр. 14.

[4]) Николай (2)—1740 г. фев. 11; Алексѣй (3)—1759 г. мая 1; Николай (4) 1742 г. окт. 28; Александръ (6)—1749 г. нояб. 20; Марія (10)—1742 г. окт. 27; Елена (11)—1744 г. іюня 7.

[5]) 14-го сентября.

[6]) Погребена Костромской губ. въ с. Ильинскомъ.

[7]) Сенаторъ, дѣйствит. тайн. совѣтникъ.

Варвару—за княземъ Андреемъ Даниловичемъ Друцкимъ, *Екатерину* и *Прасковію*, умершую дѣвицей 18-ти лѣтъ.

Князь Алексѣй Юрьевичъ (№ 40), былъ капитаномъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и женатъ на Аннѣ Львовнѣ Нарышкиной [1]), дочери извѣстнаго боярина и оружейника Льва Кирилловича Нарышкина, которая была, такимъ образомъ, двоюродной сестрой императора Петра Великаго. При погребеніи Петра, княгиня Анна Львовна, какъ близко принадлежащая къ императорской фамиліи, шла за самымъ гробомъ, въ глубокомъ траурѣ, сопровождаемая ассистентами и пажемъ, несшимъ ея шлейфъ. При императрицѣ Елисаветѣ она была статсъ-дамой, а въ 1764 году, будучи 60 лѣтъ отъ роду, уволилась отъ придворной службы, причемъ получила значительный пансіонъ, и переѣхала въ Москву, гдѣ и скончалась 18 сентября 1776 г. [2]). У князя Алексѣя Юрьевича остались два сына: *князь Иванъ Алексѣевичъ* (№ 52), женатый на Маріи Аѳанасьевнѣ N. N. и *князь Сергій Алексѣевичъ* (№ 53), умершій въ ноябрѣ 1831 года. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Несвицкой.

Третій сынъ князя Юрія Юрьевича отъ перваго брака—*князь Яковъ Юрьевичъ* (№ 41), не оставилъ по себѣ никакихъ свѣдѣній. Надо полагать, что онъ скончался въ младенчествѣ.

Изъ двухъ сыновей отъ втораго брака кн. Юрія Юрьевича, старшій—*князь Александръ Юрьевичъ* (№ 42), родился въ 1727 году. Онъ имѣлъ сперва званіе камеръ-юнкера, а затѣмъ каммергера и скончался въ 1750 году отъ чахотки, что и было причиной его нежеланія вступить въ бракъ. Нащокинъ въ своихъ запискахъ такъ отзывается о немъ: «человѣкъ какъ природы былъ знатный, такъ и воспитанъ «съ преизряднымъ ученіемъ. Острый имѣлъ разумъ и благо-«склонность въ обхожденіи. Достоинства его оказывали по

---

[1]) Род. 9 декабря 1704 года.

[2]) Погребена въ Донскомъ монастырѣ.

«продолженіи лѣтъ быть знатнѣйшимъ министромъ и придвор-«нымъ человѣкомъ».

Единственный братъ предыдущаго, *князь Дмитрій Юрьевичъ* (№ 43), скончавшійся 9 декабря 1792 г., былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Одоевской и имѣлъ одного сына—*князя Ивана Дмитріевича* (№ 54) (ум. 1-го марта 1827 г.), женатаго на Екатеринѣ Александровнѣ Мансуровой [1]) и трехъ дочерей—*княжну Екатерину Дмитріевну*, замужемъ за генераломъ-отъ-инфантеріи княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ Волконскимъ, *княжну Анастасію Дмитріевну*—въ первомъ бракѣ за Константиномъ Ивановичемъ Повало-Швейковскимъ, а во второмъ за N. N. Левашевымъ и *княжну Прасковію Дмитріевну* [2]), бывшую также два раза въ замужествѣ: 1—за княземъ Василіемъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ и 2—за польскимъ камергеромъ барономъ Може. Княгиня Варвара Ивановна скончалась 4 февраля 1788 года.

Дочери князя Юрія Юрьевича обѣ были въ замужествѣ старшая, *княжна Марія* [3]), за канцлеромъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, а младшая, *княжна Прасковія* [4]) за фельдмаршаломъ княземъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ.

Дѣтьми князя Юрія Юрьевича кончается четырнадцатое колѣно рода князей Трубецкихъ и представителями слѣдующаго являются уже его внуки и, во главѣ ихъ, дѣти князя Никиты Юрьевича.

Какъ выше было сказано, у князя Никиты Юрьевича осталось всего 10 человѣкъ дѣтей—7 сыновей и 3 дочери. Старшій сынъ его—*князь Петръ Никитичъ* (№ 44), родился 4 августа 1724 года [5]) и девятнадцати лѣтъ вступилъ въ военную службу. Въ 1758 году [6]) изъ поручиковъ гвардіи онъ

---

[1]) Ум. 20-го октября 1834 г.

[2]) Ум. 8-го октября 1801 г.

[3]) Р. 1696 г.—ум. 1747 г.

[4]) Ум. 1767 г.

[5]) Воспріемниками были—Петръ Великій и принцесса Анна Петровна.

[6]) 31-го октября.

былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ, а 28 декабря 1761 года дѣйствительнымъ каммергеромъ съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ Правительствующаго Сената. Спустя три года, 23 января 1764 г., онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ, въ 1773—въ дѣйствительные тайные совѣтники. Князь Петръ Никитичъ очень любилъ заниматься русской словесностью и даже писалъ самъ стихи. Въ его замѣчательной библіотекѣ было собрано очень много документовъ, относящихся до исторіи кн. Трубецкихъ и въ томъ числѣ была и извѣстная, подлинная, грамота земскаго собора князю Дмитрію Тимоѳеевичу [1]). По дружбѣ своей съ извѣстнымъ историкомъ кн. Щербатовымъ, всѣ эти документы онъ подарилъ Герольдіи.

Какъ государственный дѣятель онъ пользовался большимъ значеніемъ и вліяніемъ при дворѣ. Императрица Екатерина II очень уважала и любила его и когда, въ 1765 году, Станиславъ Августъ, король польскій, прислалъ ей четыре знака ордена Бѣлаго Ордена для награжденія ими наиболѣе достойныхъ лицъ, то первый, на кого она возложила этотъ орденъ—былъ князь Петръ Никитичъ [2]).

Въ 1746 году князь Петръ Никитичъ женился на княжнѣ Наталіи Васильевнѣ Хованской. Свадьба происходила въ Москвѣ. Отъ этого брака онъ имѣлъ одного сына—*князя Василія Петровича* (№ 55), родившагося 2 апрѣля 1752 и скончавшагося 7 іюля 1771 г., девятнадцати лѣтъ отъ роду. Четырнадцати лѣтъ кн. Василій былъ отправленъ на воспитаніе въ Лейпцигъ, откуда вернулся въ 1770 г. и вступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Погребенъ онъ въ Александро-Невской лаврѣ; кромѣ него, у кн. Петра Никитича было еще двѣ дочери—*княжна Екатерина* [3]), фрейлина Двора Ея Величества, бывшая за мужемъ за оберъ-каммерге-

---

[1]) Впервые напечатана Новиковымъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ.

[2]) Correspondance diplomatique des ambassadeurs anglais près la Cour de Russie.

[3]) Р. 1744 г.—ум. 20-го января 1815 г.

ромъ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ и, вторая, *княжна Анастасія*,, вышедшая замужъ за Виктора Ивановича Древновскаго.

Второй сынъ князя Никиты Юрьевича—*князь Иванъ Никитичъ* (№ 45), родился 20 іюля 1725 года и скончался въ 1803 году. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Карповой, скончавшейся 13 апрѣля 1780 года. Бракъ этотъ былъ безплоденъ.

Князь Сергѣй Никитичъ (№ 46), третій сынъ князя генералъ-прокурора, родился 20 іюля 1731 года; воспріемницею его была императрица Анна Іоанновна, а воспріемникомъ канцлеръ графъ Головкинъ. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ вступилъ въ военную службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и въ 1760 г. изъ поручиковъ былъ произведенъ въ подполковники Кирассирскаго полка, шефомъ котораго былъ тогда наслѣдникъ престола, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, впослѣдствіи императоръ Петръ Третій. По вступленіи на престолъ, императрица Екатерина II перевела князя въ 3-й Кирассирскій полкъ съ назначеніемъ его полковникомъ, а пять лѣтъ спустя, произвела его въ бригадиры. До сихъ поръ служба князя Сергѣя Никитича шла тихо и мирно въ Петербургѣ, но въ слѣдующемъ году ему пришлось принять участіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Въ 1763 году Россія и Пруссія, вслѣдствіе жалобы бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго на притѣсненія православныхъ, потребовали сравненія правъ диссидентовъ съ правами католиковъ. Сеймъ долго противился этому требованію; наконецъ уступилъ, но лишь тогда только, когда въ самой Польшѣ мнѣнія по этому вопросу раздѣлились и образовались двѣ конференціи—Слуцкая (православная) и Торнская (протестантская) и когда представители католической партіи (Солтыкъ, Залусскій, Ржевусскій и др.) были взяты и отправлены въ Россію. Слабость Польши въ это время, благодаря политическому неустройству магнатовъ (liberum veto), достигла крайнихъ предѣловъ. Несмотря однако на это, католическая партія образовала въ 1768 г. Барскую конфе-

дерацію съ цѣлью свергнуть Понятовскаго и отнять права у диссидентовъ. Тогда Россія, въ союзѣ съ Пруссіей, открыли военныя дѣйствія и Польша пала.

Князь Сергій Никитичъ принималъ дѣятельное участіе въ этой компаніи и, произведенный въ началѣ [1]) ея въ генералъ-маіоры, былъ въ Берлинѣ и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ прусскими войсками. Онъ такъ и оставался въ военной службѣ до самой отставки, въ которую вышелъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Скончался онъ въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1812 году и похороненъ въ Болховскомъ (Орловской губ.) монастырѣ. Отъ супруги своей, княгини Анны Ивановны, урожденной Ладыженской, онъ имѣлъ пятерыхъ сыновей и одну дочь. Всѣ дѣти его мало оставили послѣ себя слѣдовъ. О старшемъ сынѣ его, *князь Александръ Сергѣевичъ* (№ 56), извѣстно только то, что онъ былъ женатъ на Варварѣ Алексѣевнѣ Ананьевой и умеръ въ 1826 году, о второмъ—*князь Николаѣ Сергѣевичѣ* (№ 57), нѣсколько больше. На службу вступилъ онъ въ 1767 году и былъ до 1795 года предсѣдателемъ Верховнаго земскаго суда въ Казани. Въ этомъ году онъ переведенъ былъ въ Архангельскъ прокуроромъ и, вѣроятно, тамъ и скончался. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Мещерской. Дѣтей у него было три сына и двѣ дочери. Третій сынъ князя Сергія Никитича—*князь Петръ Сергѣевичъ* [2]) (№ 58) былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и скончался 57-ми лѣтъ, въ 1817 году. Женатъ онъ былъ два раза—первый разъ на княжнѣ Даріи Александровнѣ Грузинской, царскаго рода [3]) и второй разъ—на Марѳѣ Петровнѣ Кроминой. Отъ перваго брака онъ имѣлъ 4 сыновей и одну дочь, отъ втораго — одного сына. Четвертый и пятый сыновья князя Сергія Никитича менѣе всѣхъ оставили по себѣ свѣдѣній: извѣстно только, что *князь Дми-*

---

[1]) 22-го сентября 1768 г.
[2]) Р. 14 іюля 1760 г.
[3]) Ум. въ 1796 году.

трій Сергѣевичъ (№ 59), былъ флота капитанъ-командоръ и умеръ въ 1800 г., а *князь Михаилъ Сергѣевичъ* (№ 60), вѣроятно скончался въ очень молодыхъ лѣтахъ, такъ какъ кромѣ факта его рожденія болѣе ничего о немъ неизвѣстно. Единственная сестра ихъ, *княжна Екатерина Сергѣевна*, скончалась въ 1826 году, но была ли она замужемъ или нѣтъ— неизвѣстно.

Князь Юрій Никитичъ (№ 47), четвертый изъ оставшихся въ живыхъ сыновей князя Никиты Юрьевича и первый сынъ его отъ второй жены, родился 2 ноября 1736 года, въ Малороссіи, въ г. Переяславлѣ, гдѣ отецъ его заготовлялъ въ то время припасы для арміи Миниха. Въ 1751 году, пятнадцати лѣтъ отъ роду, вступилъ онъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, былъ капитаномъ гвардіи и въ 1763 году [1]) назначенъ полковникомъ Вятскаго пѣхотнаго полка.

Въ 1768 году вспыхнула первая турецкая война [2]), продолжавшаяся семь лѣтъ (до 1774). Князь вступилъ подъ начальство главнокомандующаго арміей фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго и 1-го января 1770 года получилъ чинъ генералъ-маіора. За отличіе, оказанное имъ въ битвахъ при Ларгѣ, гдѣ былъ разбитъ крымскій ханъ и при Кагулѣ, когда 15000 турокъ должны были уступить значительно меньшимъ силамъ русскаго войска, онъ получилъ ордена Св. Георгія 3-го класса и Св. Анны [3]). По окончаніи этой войны, онъ, въ 1775 году, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку. При возшествіи своемъ на престолъ, императоръ Павелъ переименовалъ его въ тайные совѣтники съ назначеніемъ сенаторомъ въ Москву [4]), а въ слѣдующемъ году пожаловалъ его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Въ этомъ званіи князь Юрій Никитичъ пробылъ 15 лѣтъ и скончался 22 августа 1811

---

[1]) 17-го февраля.

[2]) Поводомъ къ ней послужило сожженіе турками села Балты; окончилась она знаменитымъ Кучукъ-Кайнарджисскимъ миромъ.

[3]) 27-го іюня 1770 года.

[4]) 20-го декабря 1796 г.

года. Онъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Аннѣ Петровнѣ Салтыковой [1]). Отъ этого брака онъ имѣлъ одну лишь дочь, скончавшуюся въ младенчествѣ. Вторая супруга его была сестра фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, графиня Дарія Александровна [2]), по первому мужу своему графиня Вальдштейнъ. Она отличалась искреннимъ и примѣрнымъ благочестіемъ и была даже посхимлена, хотя и не жила въ монастырѣ. Отъ этого брака Юрій Никитичъ имѣлъ одного сына *кн. Александра Юрьевича* (№ 61), родившагося въ 1765 году и скончавшагося 30 октября 1805 года въ чинѣ статскаго совѣтника. Женатъ онъ былъ на Аннѣ Петровнѣ Левашевой, которая, овдовѣвъ, вышла вторымъ бракомъ за графа де-Брогліо. Дѣтей у нихъ не было.

Единственная дочь князя Юрія Никитича, также отъ втораго брака, *княжна Прасковья* [3]) была два раза замужемъ. Первымъ бракомъ за генералъ-маіоромъ княземъ Θедоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ [4]) а вторымъ за полковникомъ Петромъ Александровичемъ Кологривовымъ.

Слѣдующій за кн. Сергіемъ Никитичемъ, братъ его, *князь Николай Никитичъ* (№ 48) родился 6-го Ноября 1744 года. Подробности о службѣ его мало извѣстны; онъ замѣчателенъ, главнымъ образомъ, какъ близкій другъ Новикова и какъ одинъ изъ главныхъ членовъ общества мартинистовъ. Общество это, находясь въ тѣсной связи съ франкъ-массонами и иллюминатами, имѣло въ концѣ XVIII ст. массу развѣтвленій въ Россіи и Германіи. Членами его были многіе изъ царственныхъ и высокопоставленныхъ иностранныхъ особъ, какъ напримѣръ герцогъ Брауншвейгскій, герцогъ Кассельскій, Велькнеръ, прусскій первый министръ и др. Всѣ они, какъ и многіе изъ русскихъ членовъ—Иванъ Лопухинъ, Иванъ Тургеневъ, Кутузовъ, Татищевъ, Чеботаревъ и др.

---

[1]) Р. 24-го сентября 1736 г., скончалась въ 1758 г. и погребена въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ.

[2]) Скончалась въ 1801 г. и погребена въ Александро-Невской лаврѣ.

[3]) Род. въ 1762 г., умерла 1848.

[4]) Ум. въ 1794 г.

находились въ дружеской и постоянной перепискѣ съ княземъ Николаемъ Никитичемъ. По обычаю мартинистовъ, всѣ члены его носили особыя имена и девизы. Такимъ образомъ, кн. Николай назывался Порректъ (Porrectus) и имѣлъ девизомъ «Nicolai ab aguila boreali», а братъ его, князь Юрій Никитичъ, который также былъ членомъ общества мартинистовъ, имѣлъ имя Неаста (Neastes) и девизъ: «Georgi a fortitudine».

Цѣли сего общества были очень обширны: одновременно они обнимали и религію и политику и общественную жизнь. Это обстоятельство не могло пройти незамѣтнымъ для Екатерины II, тѣмъ болѣе, что она подозрѣвала наслѣдника, Цесаревича Павла Петровича, въ участіи въ занятіяхъ и дѣйствіяхъ мартинистовъ. Отношенія ея къ Павлу извѣстны и говорить о нихъ было бы излишнимъ и уже одного этого подозрѣнія было достаточно, чтобы мартинисты были преслѣдуемы, какъ государственные преступники; но сюда примѣшивались и другія соображенія. Видя страшные результаты тѣхъ философскихъ ученій, которымъ она такъ покровительствовала въ началѣ и пораженная тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое оказывали якобинскіе клубы на политику, Екатерина, при первомъ же извѣстіи объ открытіи общества мартинистовъ, рѣшила пресѣчь это зло въ самомъ его корнѣ. Была назначена особая коммиссія для разслѣдованія этого вопроса и во главѣ ея были поставлены князь Прозоровскій и извѣстный Шешковскій: всѣ арестованные мартинисты были переданы въ ихъ руки. Однако, несмотря на всѣ средства, пущенныя въ ходъ, чтобы добиться отъ обвиняемыхъ сознанія въ политическомъ преступленіи, въ дѣйствіяхъ направленныхъ къ сверженію существующаго порядка, несмотря на то, что были употреблены пытки и допросы «съ пристрастіемъ», можно было только установить, и безъ того извѣстный фактъ нелегальнаго существованія тайнаго общества. Этого было вполнѣ достаточно для судей и всѣ обвиняемые были осуждены на ссылку. Князь Николай Никитичъ былъ отправленъ въ Воронежскую губернію, подъ надзоръ полиціи и съ воспрещеніемъ выѣзда оттуда куда бы то ни было. Однакожь изгнаніе это было не-

продолжительно. Декабря 8-го 1796 года Императоръ Павелъ, именнымъ указомъ, возвратилъ свободу князю (и Тургеневу), съ назначеніемъ его сенаторомъ въ Москву и произвелъ его въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники [1]). Скончался князь Николай Никитичъ въ 1821 г., семидесяти лѣтъ, въ Костромѣ, куда онъ переѣхалъ изъ Москвы еще въ 1812 году, уходя отъ приближенія Наполеона. Женатъ былъ онъ на княжнѣ Варварѣ Александровнѣ Черкасской, [2]) которая въ теченіе всей своей жизни являлась достойной помощницей и подругой своего мужа. Привыкнувъ къ роскошной жизни, рожденная въ Вѣнѣ, гдѣ она вращалась въ высшемъ кругу, она твердо переносила всѣ несчастія и бѣдствія ссылки. Будучи лишена всего состоянія, благодаря осужденію князя, она ни разу не пожалѣла о прошломъ и вполнѣ довольствовалась небольшой пенсіей, удѣляемой ей и мужу его родными. Она пережила князя двѣнадцатью годами и скончалась въ 1833 году, восьмидесяти пяти лѣтъ отъ роду. Погребена она рядомъ съ своимъ мужемъ. Отъ брака ихъ остался одинъ только сынъ — *князь Петръ Николаевичъ* (№ 62) родившійся въ 1773 г. и скончавшійся въ 1811 г., ноября 6-го. Женатъ онъ былъ на Надеждѣ Ивановнѣ Пестовой.

Изъ остальныхъ двухъ сыновей князя Никиты Юрьевича, *князь Александръ Никитичъ* родился 15-го іюня 1751 г. и служилъ въ гвардіи. Впослѣдствіи, выйдя въ отставку, получилъ званіе каммергера. Извѣстенъ какъ талантливый актеръ-любитель при Екатеринѣ II (1776 г.). Скончался двадцати семи лѣтъ въ 1778 г., 19-го Января, и погребенъ въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ. Отъ супруги своей, Даріи Матвѣевны Рульской, имѣлъ одну лишь дочь — *княжну Елену*, вышедшую, впослѣдствіи, замужъ за князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго.

Послѣдній сынъ князя Генералъ-Прокурора, *князь Василій Никитичъ* (№ 50) родился въ Москвѣ 15-го декабря 1752 года и

[1]) 1800 г.
[2]) Род. въ 1748 г.

также служилъ въ гвардіи. Выйдя въ отставку полковникомъ, онъ вскорѣ скончался и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Женатъ онъ не былъ.

Изъ трехъ дочерей князя Никиты Юрьевича, старшая, *княжна Анна* [1]) была замужемъ за Александромъ Ивановичемъ Нарышкинымъ [2]); вторая, *княжна Елена* [3]), за преемникомъ своего отца по должности, Генералъ-Прокуроромъ, княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ [4]), а третья, *княжна Екатерина* [5]), лишившись на 21-мъ году своего отца [6]), такъ была поражена этимъ несчастіемъ, что постриглась въ монахини и скончалась инокиней, 44-хъ лѣтъ. Погребена она въ Донскомъ монастырѣ.

Выше уже было упомянуто о дѣтяхъ князей Ивана (№ 39), Алексѣя (№ 40) и Дмитрія (№ 43) Юрьевичей; теперь остается указать потомство этихъ дѣтей и тогда будетъ законченъ и перечень членовъ XVI колѣна князей Трубецкихъ и весь третій періодъ исторіи этого рода.

У князя *Николая Ивановича* (№ 51), сына князя Ивана Юрьевича, отъ супруги его, княжны Татіаны Алексѣевны Козловской, было только двое дѣтей—сынъ, *князь Иванъ Николаевичъ* (№ 63) женатый на княжнѣ Наталіи Сергѣевнѣ Мещерской и скончавшійся въ 1844 г. и дочь—*княжна Варвара Николаевна*, бывшая замужемъ за Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Алексѣемъ Ильичемъ Мухановымъ.

Двоюродный братъ кн. Николая Ивановича— *князь Иванъ Алексѣевичъ* (№ 52), старшій сынъ кн. Алексѣя Юрьевича имѣлъ также только двоихъ дѣтей—сына, *князя Алексѣя Ивановича*, (№ 64) женатаго на Евдокіи Семеновнѣ Гурьевой и скончавшагося 3-го Февраля 1813 года и дочь—*княжну Екатерину Ивановну*, бывшую замужемъ за Иваномъ Михайлови-

---

[1]) Род. 9-го октября 1737 г. (отъ перваго брака).

[2]) Свадьба была во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы 7 апр. 1760 г.

[3]) Р. 27-го декабря 1745 г.; сконч. 14-го октября 1832 г.

[4]) Р. 3-го августа 1727 г.; ум. 8-го января 1793 г.

[5]) Р. 1747 г. ум. 24-го декабря 1791 г.

[6]) Ум. 16-го октября 1768 г.

чемъ Волынскимъ; братъ его, *кн. Сергій Алексѣевичъ* (№ 53), оставилъ болѣе многочисленное потомство—трехъ сыновей и двухъ дочерей. О двухъ старшихъ сыновьяхъ его сохранилось очень мало извѣстій. Извѣстно лишь, что старшій—*князь Алексѣй Сергѣевичъ* (№ 65) дослужился до чина бригадира и умеръ въ 1780 г., а второй оставилъ потомству лишь свое имя *кн. Александра.* (№ 66), Сравнительно больше данныхъ имѣется о младшемъ его сынѣ—*князь Василій Сергѣевичъ.* (№ 67).

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи князь Василій Сергѣевичъ родился въ 1776 г., воспитаніе получилъ домашне и затѣмъ поступилъ на гражданскую службу, никогда не помышляя, даже, о военной. Благодаря блестящимъ способностямъ, онъ сразу выдвинулся впередъ и въ 1805 г., 29 лѣтъ отъ роду, былъ уже Тайнымъ Совѣтникомъ. Къ этому времени относился и его первый бракъ, на принцессѣ Биронъ и въ этомъ же году, одушевленный патріотизмомъ, онъ, не смотря на то, что только что женился, оставилъ гражданское поприще и молодую жену и поступилъ въ армію волонтеромъ, съ чиномъ маіора. Военная служба такъ увлекла его, что онъ въ ней оставался до конца жизни. Въ 1806 году вспыхнула война съ Турціей, вызванная нарушеніемъ послѣднихъ трактатовъ. Князь Василій Сергѣевичъ принялъ въ ней дѣятельное участіе, сперва подъ начальствомъ Каменскаго, а затѣмъ Кутузова. Въ 1812 г. онъ воевалъ противъ Наполеона, получилъ званіе Генералъ-Адьютанта, а за битву при Лейпцигѣ (4-го Октября 1813 года) былъ произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты. По окончаніи войнъ съ Наполеономъ, князь продолжалъ оставаться въ военной службѣ и въ 1826 году былъ произведенъ въ Генералъ отъ Кавалеріи. Спустя четыре года, въ 1830 г., онъ былъ отправленъ посломъ въ Англію, а по возвращеніи оттуда, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ имѣлъ ордена: св. Александра Невскаг ои св. Владиміра первой степени [1]. Скон-

---

[1]) Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, къ которому автору настоящаго изслѣдованія нерѣдко случалось обращаться за совѣтомъ и указаніями и который всегда крайне охотно дѣлился своими свѣдѣніями, былъ почти увѣренъ, что гене-

чался онъ 11-го Февраля 1841 года, прослуживъ, такимъ образомъ, въ военной службѣ 36-ть лѣтъ, послѣ того, какъ уже былъ Тайнымъ Совѣтникомъ. Женатъ былъ князь Василій Сергѣевичъ два раза: первая супруга его была принцесса Екатерина-Фредерика-Вильгельмина Бенигна Биронъ, герцогиня Саганская [1]), которая только что предъ этимъ [2]) развелась съ первымъ своимъ мужемъ—княземъ Юліаномъ-Армандомъ-Людвигомъ Роганъ, австрійскимъ генералъ-маіоромъ. Этотъ бракъ князя былъ непродолжителенъ и, спустя годъ, онъ развелся съ нею [3]) и женился вторично, на Софіи Андреевнѣ Вейссъ. Всѣ дѣти, которыхъ онъ имѣлъ, именно пять сыновей и шесть дочерей, были отъ втораго брака.

Изъ двухъ вышеуказанныхъ дочерей князя Сергія Александровича старшая, *княжна Екатерина* [4]), была замужемъ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ [5]), а вторая, *княжна Анна*, была за дѣйствительнымъ же тайнымъ совѣтникомъ барономъ (впослѣдствіи графомъ) Григоріемъ Александровичемъ Строгановымъ.

ралъ-адъютантъ князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой имѣлъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, и былъ настолько любезенъ, что для разъясненія всякаго по этому вопросу сомнѣнія, обратился съ письменнымъ запросомъ къ проживающему въ Одессѣ старшему, изъ находящихся въ живыхъ, сыновей князя, генералъ маіору князю Александру Васильевичу и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Отецъ мой умеръ не имѣя Андреевской ленты, Самъ Императоръ Николай Павловичъ высказался въ томъ смыслѣ, что былъ увѣренъ, что онъ ее имѣетъ. По крайней мѣрѣ я слышалъ это отъ моей матери. Государь присутствовалъ на похоронахъ моего отца и во время ихъ говорилъ Министру Двора, князю Петру Михайловичу Волконскому: *„Досадно, совсѣмъ забылъ дать голубую ленту Трубецкому; все думалъ, что онъ давно уже ее имѣетъ. Очень, очень жалѣю“*. Эти слова тогда же были переданы княземъ Волконскимъ моей матери.

[1]) Р. 8 февраля 1781 г.

[2]) 7-го марта 1805 г., а за князя В. С. вышла 5-го мая того же 1805 г.

[3]) Въ третій разъ она вышла 8-го окт. 1819 г за австрійскаго каммергера Графа Карла-Рудольфа Шулленбурга.

[4]) Р. 22:го Октября 1763 г.; ум. въ 1830 г.

[5]) Ум. въ 1814 г.

[6]) Род. 8-го мая 1765 г.; ум. 21-го октября 1824 г.

Послѣдними представителями XVI колѣна являются дѣти князя Ивана Дмитріевича (№ 54), единственнаго сына князя Дмитрія Юрьевича (№ 43). Ихъ было пятеро—два сына и три дочери. Объ отцѣ ихъ не сохранилось почти никакихъ извѣстій; даже М. П. Погодинъ, бывшій учителемъ его младшихъ дѣтей и тотъ почти не упоминаетъ о немъ въ своемъ «Дневникѣ» [1]), хотя и передаетъ о своихъ сношеніяхъ съ «старымъ княземъ», когда онъ исполнялъ, нѣкоторое время, обязанности его личнаго секретаря. Вообще, князь Иванъ Дмитріевичъ является, какъ выражается біографъ Погодина [2]), какимъ то «миѳомъ». Жилъ онъ крайне замкнутой жизнью, въ семьѣ появлялся рѣдко и всегда держался отъ остальныхъ особнякомъ. Было ли это слѣдствіемъ какого-либо душевнаго недуга, или какая-нибудь тайна молодости, или тутъ была совсѣмъ другая причина—сказать очень трудно.

Старшій сынъ кн. Ивана Дмитріевича—*кн. Юрій Ивановичъ* (№ 68) также оставилъ мало по себѣ слѣдовъ. Изъ его жизни извѣстно лишь, что умеръ онъ въ 1850 году въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и что женатъ онъ былъ два раза: въ первый разъ на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской [3]), а второй на Ольгѣ Ѳеодоровнѣ N. N. Отъ перваго брака онъ имѣлъ одну дочь, *княжну Варвару Юрьевну*, вышедшую замужъ за дальняго родственника своего—*князя Петра Петровича Трубецкаго* (№ 100). Отъ втораго—остался одинъ сынъ и двѣ дочери—*кн. Иванъ Юрьевичъ* (№ 89) *и княжны Анастасія и Софія Юрьевны.*

Второй сынъ кн. Ивана Дмитріевича, *князь Николай Ивановичъ*, (№ 69), воспитанникъ Погодина, былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Андреевнѣ Гудовичъ и имѣлъ одну лишь дочь [4]) вышедшую замужъ за князя Николая Алексѣевича Орлова [5]). Кн.

---

[1]) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. т. I. 1888 г.

[2]) Ibidem. стр. 65.

[3]) Свадьба была 19-го Апрѣля 1825 г.

[4]) У кн. Долгорукова въ его „Родословной“ кн. Н. И. показанъ безъ потомства (№ 69).

[5]) Россійскій посолъ въ Парижѣ и, затѣмъ, въ Берлинѣ. Ум. 12 мар. 1885 года.

Николай Ивановичъ, долго живя заграницей, перешелъ въ католицизмъ и пріобрѣлъ близъ Фонтенебло имѣніе, Belle Fontaine, гдѣ и скончался въ 1874 году. Прекрасныя имѣнія его: подмосковное Знаменское и с. Сторожилово, Ряз. губ. куплены были: первое М. Н. Катковымъ, и второе П. Г. Фонъ-Дервизомъ. Изъ трехъ сестеръ князя Николая Ивановича старшая, *княжна Аграфена Ивановна*, была замужемъ за своимъ двоюроднымъ братомъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ, Александромъ Павловичемъ Мансуровымъ, Россійскимъ посланникомъ при Ганноверскомъ дворѣ; вторая *княжна Софія Ивановна* [1]), за Александромъ Всеволодовичемъ Всеволожскимъ [2]) и третья—*княжна Софія Ивановна* за княземъ Николаемъ Ивановичемъ Мещерскимъ [3]). Скончалась она въ 1873 году.

Этими лицами заканчивается третій періодъ исторіи князей Трубецкихъ.

---

[1]) Р. 1800 г.; ум. 1852 г.

[2]) Отецъ нынѣшняго директора Императорскихъ театровъ Ив. Алекс. Всеволожскаго.

[3]) Сынъ ихъ, кн. Эммануилъ Николаевичъ, женатъ на княжнѣ Маріи Михайловнѣ Долгоруковой, младшей сестрѣ кн. Юрьевской, а дочь, княжна Екатерина Николаевна, была замужемъ за посломъ въ Берлинѣ Павломъ Петровичемъ Убри.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

XIX вѣкъ.

отъ Гедимина колѣно XVII.

№№ по порядку.		№ отцовскій.
70.	Князь Сергѣй Николаевичъ	57
71.	Князь Платонъ Николаевичъ, жен. на N. N. Барановой	57
72.	Князь Николай Николаевичъ, жен. на Елисаветѣ Александровнѣ Лопухиной	57
	Княжна Елена Николаевна	57
	Княжна Софія Николаевна, за Борисомъ Ивановичемъ Пестелемъ	57
73.	[1]) Князь Сергѣй Петровичъ, род. 29 августа 1790 г. † 22 ноября 1860 г., полковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка; съ 1826 г. по 1856 г. провелъ въ ссылкѣ въ Сибири за участіе въ событіи 14 декабря 1825 г; предполагаемый «диктаторъ» Россіи въ случаѣ достиженія своей цѣли тайнымъ обществомъ. Жен. на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Лаваль, послѣдовавшей за нимъ въ ссылку и тамъ скончавшейся въ 1853 г. (1 сынъ въ Сибири и 2 дочери)	58
74.	Князь Александръ Петровичъ, полковникъ, род. 18 августа 1792 г. † въ апрѣлѣ 1853 г. Жен. на Луизѣ Валентиновнѣ Росцишевской	58

---

[1]) У кн. Долгорукова почему-то *пропущенъ* (т. I, стр. 325) и подъ № 73 помѣщенъ братъ его, кн. Александръ Петровичъ.

Колѣно XVIII.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

XIX вѣкъ.

Три вѣтви рода князей Трубецкихъ—въ началѣ текущаго столѣтія—князя Никиты, (№ 38), князя Ивана (№ 39) и князя Алексѣя (№ 40) Юрьевичей.—14-е Декабря 1825 г. и князь Сергѣй Петровичъ, „диктаторъ". Супруга его, княгиня Екатерина Ивановна, урожденная графиня Лаваль.—Князь Александръ Петровичъ—массонъ.

Какъ выше уже было сказано, по смерти, въ 1663 г., боярина князя Алексѣя Никитича, «Державца Трубчевскаго», главою дома князей Трубецкихъ явился единственный внукъ его, князь Юрій Петровичъ, находившійся въ то время въ Польшѣ, на польской службѣ. Узнавъ о кончинѣ дѣда, онъ тотчасъ же поспѣшилъ вернуться въ Россію, принялъ православіе и вскорѣ женился на сестрѣ знаменитаго «Оберегателя Царственныя Большія Печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ» князя Василія Васильевича Голицина, княжнѣ Иринѣ. Отъ этого брака и происходятъ всѣ нынѣшніе князья Трубецкіе.

Изъ двухъ сыновей князя Юрія Петровича—старшій, князь Иванъ, былъ, какъ извѣстно, бездѣтенъ; второй же, князь Юрій, оставилъ послѣ себя шесть сыновей [1]). Изъ нихъ князья Яковъ (№ 41) и Александръ (№ 42) не имѣли дѣтей, потомство князя Дмитрія (№ 43) прекратилось въ началѣ текущаго столѣтія [2]) и, такимъ образомъ, до настоящаго вре-

---

[1]) Никиту (№ 38), Ивана (№ 39), Алексѣя (№ 40), Якова (№ 41), Александра (№ 42) и Дмитрія (№ 43).

[2]) Сынъ кн. Ивана Дмитріевича (№ 54), князь Николай (№ 69), не имѣлъ мужскаго потомства.

мени сохранились лишь три вѣтви дома князей Трубецкихъ, къ которымъ и принадлежатъ всѣ нынѣ существующіе члены этого рода – именно потомство трехъ остальныхъ сыновей князя Юрія Юрьевича,—князей Никиты (№ 38), Ивана (№ 39) и Алексѣя (№ 40). Для бо̀льшей ясности исторія дѣятельности князей Трубецкихъ въ XIX в. будетъ раздѣлена на три части: на разсказы о потомкахъ князя Никиты, князя Ивана и князя Алексѣя, т. е. исторіи этихъ трехъ вѣтвей нашего столѣтія будетъ идти для каждой изъ нихъ отдѣльно, по старшинству ихъ родоначальниковъ.

Вѣтвь князя Никиты Юрьевича (№ 38). Раньше [1]), при изложеніи дѣятельности князя Никиты Юрьевича, извѣстнаго Генералъ-Прокурора, было указано, что онъ оставилъ послѣ себя семь сыновей [2]); изъ этихъ послѣднихъ только двое—князья Сергѣй (№ 46) и Николай (№ 48) имѣютъ своихъ потомковъ въ XIX столѣтіи;—первый, отъ двухъ сыновей своихъ, князей Николая (№ 57) и Петра (№ 58) Сергѣевичей и второй, отъ единственнаго сына,—князя Петра (№ 62) Николаевича.

У князя Николая Сергѣевича (№ 57), женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Мещерской [3]), было три сына и двѣ дочери, которые и стоятъ во главѣ XVII колѣна, начинающаго собою четвертый періодъ. Старшій изъ нихъ, *князь Сергѣй Николаевичъ* (№ 70), былъ женатъ на крестьянкѣ Надеждѣ Ивановнѣ N. N., которая въ началѣ пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія была сослана въ Сибирь за жестокое обращеніе съ крѣпостными [4]). Отъ этого брака была

---

[1]) Стр. 241.

[2]) Кн. кн. Петра (№ 44), Ивана (№ 45), Сергѣя (№ 46), Юрія (№ 47) Николая (№ 48), Александра (№ 49) и Василія (№ 50).

[3]) Стр. 246, № 57.

[4]) О княгинѣ Надеждѣ Ивановнѣ упоминаетъ нѣкто И. С. Персинъ, въ своихъ „Замѣткахъ на воспоминанія Л. Ѳ. Львова („Русскій Архивъ“, 1885 г., Декабрь, стр. 56), видѣвшій ее, уже сосланной въ Сибири. Онъ описываетъ ее какъ супругу *князя Сергѣя Трубецкаго, племянника* князя Сергѣя Петровича, декабриста, но отечество этого князя не приводитъ. У кн. Сергѣя Петровича былъ *одинъ* лишь *племянникъ*, носившій одно съ нимъ имя—именно *князь Сергій Платоновичъ* (№ 92), совѣтникъ Томскаго Губернскаго Суда

одна лишь дочь, *княжна Анна Сергѣевна*, вышедшая замужъ за N. N. Леонова. Второй, *князь Платонъ Николаевичъ* (№ 71) женатый на N. N. Барановой, оставилъ послѣ себя трехъ сыновей, стоящихъ во главѣ XVIII колѣна: *князя Николая Платоновича* (№ 91), бывшаго, въ 1858 году, адъютантомъ герцога Мекленбургъ-Стрелѣцкаго, *князя Сергія Платоновича* (№ 92), совѣтника Томскаго Губернскаго Суда (въ 1875 г.),— оба брата не были женаты,—и *князя Григорія Платоновича* (№ 93), женатаго на N. N. Чернышъ (оставилъ ли онъ потомство или нѣтъ, неизвѣстно) и двухъ дочерей—*княжну Елисавету Платоновну* и *княжну Екатерину Платоновну*. Третій сынъ князя Николая Сергѣевича, *князь Николай Николаевичъ* (№ 72) былъ женатъ на Елисаветѣ Александровнѣ Лопухиной и имѣлъ пять сыновей и двухъ дочерей, а именно: *князя Алексѣя Николаевича* (№ 94), бывшаго товарищемъ оберъ-прокурора 1-го Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, *князя Юрія Николаевича* (№ 95), *князя Владиміра Николаевича* (№ 96), *князя Николая Николаевича* (№ 97), нынѣ генералъ-маіора и Минскаго губернатора, женатаго на Елисаветѣ Александровнѣ Безакъ (3 сына и 2 дочери) и *князя Дмитрія Николаевича* (№ 98), товарища прокурора Владимірскаго Окружнаго Суда, и *княженъ Наталію Николаевну*, вышедшую замужъ за Алексѣя Сергѣевича Мусина-Пушкина, и *Екатерину Николаевну*—въ замужествѣ за каммергеромъ Дмитріемъ Александровичемъ Всеволожскимъ. Изъ нихъ одинъ лишь (?) князь Николай Николаевичъ (№ 97) имѣетъ потомство въ лицѣ трехъ сыновей: *князей Александра* (№ 117), *Николая* (№ 118) и *Мануила* (№ 119) *Николаевичей* (не женатые) и двухъ дочерей: *княжны Любови Николаевны*, замужемъ за Алексѣемъ Борисовичемъ Нейдгартъ и *княжны Натальи Николаевны*, которые и начинають собою XIX колѣно.

(1875 г.); такимъ образомъ, основываясь на показаніи г. Персина, княгиню Надежду Ивановну надо было бы считать супругой князя Сергѣя Платоновича, но это невѣрно: она была жена *двоюроднаго брата* князя Сергѣя Петровича, князя Сергѣя Николаевича (№ 70).

Изъ двухъ дочерей князя Николая Сергѣевича (стр. 266), о старшей, *княжнѣ Еленѣ Николаевнѣ*, свѣдѣній не нашлось, а вторая, *княжна Софія Николаевна*, была замужемъ за Сибирскимъ губернаторомъ Борисомъ Ивановичемъ Пестелемъ, сыномъ извѣстнаго Московскаго почтъ-директора (1790 г.).

Такова краткая исторія линіи *перваго* внука кн. Никиты Юрьевича—кн. Николая Сергѣевича; теперь слѣдуетъ линія *втораго* его внука—князя Петра Сергѣевича (№ 58).

Въ началѣ XIX ст. потомство князя Петра Сергѣевича выражалось пятью его сыновьями и одной дочерью [1]). Біографія старшаго изъ нихъ, князя Сергія Петровича, является вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе интересной страницей IV періода, благодаря тому участію, которое онъ принималъ въ извѣстномъ событіи 14-го декабря 1825 года.

Князь Сергѣй Петровичъ (№ 73) (пропущенный почему-то въ «Родословной книгѣ» кн. П. Долгорукова), родился 29-го августа 1790 года. Воспитаніе онъ получилъ, вѣроятно, домашнее, какъ и большинство тогдашнихъ молодыхъ людей высшаго общества и, затѣмъ, вступилъ въ военную службу, въ Лейбъ гвардіи Преображенскій полкъ. Съ самаго начала своей военной карьеры, молодому князю пришлось попасть въ періодъ наиболѣе активной дѣятельности арміи—въ знаменитую войну 1812 года, въ которой такъ отличался дядя его, кн. Василій Сергѣевичъ [2]). Не смотря на свою молодость - ему въ это время было 22 года—онъ успѣлъ выказать такіе подвиги беззавѣтной храбрости и неустрашимости, въ моменты крайней опасности, что сразу выдвинулся изъ среды своихъ сотоварищей. Такъ, въ знаменитой битвѣ при Бородинѣ, онъ, оставаясь все время совершенно спокойнымъ и хладнокровнымъ, въ теченіе четырнадцати часовъ безъ перерыва, подъ страшнымъ огнемъ Французовъ, съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа распоряжался своею частью и точно исполнялъ всѣ приказанія начальствующихъ лицъ. Въ

---

[1]) Кн. Сергій (№ 73), Александръ (№ 74), Петръ (№ 75), Павелъ (№ 76), Никита (№ 77) и княжна Елисавета.

[2]) № 67. См. стр. 252.

битвѣ подъ Люценомъ, въ ту минуту, когда изъ Лейпцига явился неожиданно принцъ Евгеній съ сорока орудіями и открылъ противъ русской гвардіи смертельный огонь, князь, не обращая никакого вниманія на страшную опасность, спокойно игралъ съ товарищами, перебрасывая отъ одного къ другому комки земли. Наконецъ, въ сраженіи подъ Кульмомъ, когда два батальона Семеновскаго полка были посланы, не имѣя ни одного заряда, выбить штыками засѣвшихъ въ сосѣднемъ лѣсу Французовъ, князь Сергѣй Петровичъ, командуя, за недостаткомъ офицеровъ, однимъ изъ этихъ батальоновъ, хладнокровно шелъ впереди его, играя шпагой и выдѣлывая ею разныя фигуры надъ головой. Такихъ примѣровъ его замѣчательнаго спокойствія въ пылу сраженія и умѣнья владѣть собою и сохранять присутствіе духа въ критическіе моменты, не мало сохранили лѣтописи 1812 года. И безъ сомнѣнія, продолжая свою службу отечеству и далѣе съ той же энергіей, онъ навѣрное достигъ бы очень высокаго положенія и явился бы однимъ изъ выдающихся дѣятелей XIX в. въ Россіи. Его движеніе по службѣ, по окончаніи войны за освобожденіе Германіи, назначеніе въ штабъ 4-го армейскаго корпуса, стоявшаго въ Кіевѣ и назначеніе, въ 20-хъ годахъ, полковникомъ Преображенскаго полка,— служатъ не малымъ подтвержденіемъ этой мысли, но обстоятельства рѣшили иначе. Скучная, однообразная, втиснутая въ строго опредѣленныя рамки дѣятельность его, какъ офицера въ мирное время, только подавляла, но не удовлетворяла его. Молодыя, бьющія ключемъ, силы искали себѣ болѣе живой, кипучей, даже бурной дѣятельности; смутныя желанія и идеи бродили въ горячей душѣ молодаго, серьезно образованнаго и прекрасно ознакомленнаго съ обстановкой жизни на Западѣ, съ ея правами и требованіями, офицера, и вотъ, при первомъ же случаѣ, онъ беззавѣтно, всѣмъ сердцемъ и душей отдался дѣлу, цѣль котораго рисовалась ему такой высокой, такъ необходимой и настоятельной для его отечества. Но онъ былъ не одинъ; не всѣ одинаково понимали то, къ чему стремились, и не всѣ шли къ одной и той

же цѣли одинаковыми путями. Рѣзкія, крайнія дѣйствія фактическихъ главъ движенія привели все дѣло къ гибели, а съ нимъ и къ своей собственной и всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ участниковъ его....

Въ 1816 году, когда Якушкинъ съ княземъ Сергѣемъ Петровичемъ были въ гостяхъ у братьевъ Муравьевыхъ, жившихъ въ казармахъ Семеновскаго полка, пріѣхали къ нимъ Александръ и Никита Муравьевы и предложили имъ принять участіе въ тайномъ обществѣ, цѣль котораго, по ихъ мнѣнію, состояла въ благѣ отечества. Намѣреніе свое они, впрочемъ, привели въ исполненіе не ранѣе февраля 1817 г., когда привлеченный въ это общество Н. М. Муравьевымъ, П. И. Пестель составилъ уставъ для общества, названнаго ими «Союзомъ спасенія, или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества» [1]). Общество это, подражавшее во многомъ обрядамъ массонства, существовало не долго и уже въ концѣ того же года 1817 г., оно распалось, преобразовавшись вслѣдъ за тѣмъ въ «Союзъ Благоденствія».

Уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія французское вліяніе крѣпко захватило въ свои руки высшее русское общество, но тогда оно отразилось, главнымъ образомъ, на внѣшности, на манерахъ, на языкѣ, не проникая глубже и лишь слегка культивируя идеи свободы и равенства, бродившія уже во Франціи, но и въ ней самой не вполнѣ еще выяснившіяся. Кратковременное царствованіе Петра III, съ его нѣмецкими симпатіями, не могло подавить или заглушить стремленіе къ подражанію во всемъ Европѣ, подъ именемъ которой, въ сущности, чаще всего подразумѣвалась Франція; со вступленіемъ же на престолъ Екатерины II вліяніе это достигло своего апогея. Увлекаясь идеями Руссо, Дидро, д'Аламбера и другихъ энциклопедистовъ, придавая особое значеніе перепискѣ своей съ Вольтеромъ и обмѣну съ нимъ мыслями касательно вопросовъ политики и соціальнаго устрой-

---

[1]) С. Муравьевъ-Апостолъ, Союзы „Спасенія“ и „Благоденствія“ (Рус. Ст. 1873. Май. 659).

ства, приглашая энциклопедистовъ къ себѣ въ Петербургъ и принимая ихъ съ почетомъ, переводя, наконецъ, на русскій языкъ сочиненія западныхъ ученыхъ и беря для «Наказа» цѣликомъ идеи и положенія Беккарія и Монтескье, она этимъ самымъ дала полныя права гражданства западнымъ идеямъ и вѣяніямъ и какъ бы покровительствовала ихъ развитію и ихъ распространенію въ русскомъ обществѣ. Когда же вспыхнула Великая Французская революція, и то, что выходило прекраснымъ на бумагѣ, въ философскихъ разсужденіяхъ, на дѣлѣ оказалось полнѣйшимъ отрицаніемъ всѣхъ признаваемыхъ до того времени священными основъ власти и государственнаго строя, съ кровавымъ доказательствомъ безцѣльной и безсмысленной рѣзни несогласныхъ съ новымъ порядкомъ вещей, Екатерина круто измѣнила свои взгляды. Всякій намекъ на исповѣданіе принциповъ и идей болѣе свободныхъ, всякое подозрѣніе къ сглаживанію рѣзкой границы между положеніемъ и правами высшаго и низшаго классовъ, влекло за собой строгое преслѣдованіе и часто суровое наказаніе. Къ числу «неудачниковъ», все еще державшихся принциповъ первой половины царствованія Екатерины принадлежалъ напр., Новиковъ, который за основаніе «Ученаго Дружескаго Общества», имѣвшаго цѣлью изданіе дешевыхъ, полезныхъ книгъ для людей небогатыхъ и для народа, и помощь бѣднѣйшимъ молодымъ людямъ, желавшимъ учиться, подвергся ссылкѣ, его друзья—аресту, а «Общество» уничтоженію. Тоже самое, но еще въ худшей степени случилось и съ другимъ «неудачникомъ»—Радищевымъ. Но, конечно всѣ эти мѣры явились слишкомъ поздно. Общество успѣло уже созрѣть на западныхъ идеяхъ и принципахъ и сродниться съ ними, а молодое поколѣніе, какъ болѣе пылкое и увлекающееся, не смотря на старанія старшихъ, уже отказавшихся отъ этихъ же самыхъ идей и на ихъ, быть можетъ, впрочемъ, не всегда искренніе протесты, все болѣе и болѣе утверждалось въ желаніи «новшествъ» и подавить это движеніе было уже трудно. Четырехлѣтнее царствованіе Павла, рѣзко перевернувшее весь общественный строй жизни и поставив-

шее ее въ болѣе опредѣленныя и тѣсныя рамки, со строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, затронуло «свою рубашку» и многихъ «вольтерьянцевъ», которая, конечно, была «ближе къ тѣлу», чѣмъ чужая и какъ бы придавило и прекратило на время движеніе въ пользу новыхъ направленій. Но это подавленіе было болѣе кажущимся: во многихъ распоряженіяхъ, указахъ, законахъ, изданныхъ за это время, наконецъ даже въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ самого Павла замѣтно стремленіе отвѣчать современнымъ требованіямъ и, благодаря этому, преслѣдуемое движеніе только пріостановилось на время, въ тихомолку укрѣпляясь и набираясь новыхъ силъ.

При такомъ положеніи вещей началось царствованіе Александра I. Мягкій, добрый и гуманнѣйшій государь самъ стремился произвести коренныя преобразованія въ государствѣ и еслибы въ его царствованіе страна наслаждалась внѣшнимъ миромъ,—безъ сомнѣнія всѣ тѣ преобразованія, которыя были намѣчены имъ и его сотрудниками и только часть которыхъ онъ успѣлъ выполнить, были бы совершены спокойнымъ, законнымъ и мирнымъ путемъ и большинство недовольныхъ statu quo, навѣрное удовольствовалось исполненіемъ этихъ предначертаній, во многомъ отвѣчающихъ ихъ желаніямъ. Казалось, все вело къ этому и права и вольности, дарованныя Польшѣ и Финляндіи, служили залогомъ, что мысль объ измѣненіи основъ государства не останется лишь мыслью. а сдѣлается непреложнымъ фактомъ, но начавшіяся, черезъ четыре года по вступленіи на престолъ Александра, внѣшнія войны, захватившія половину его царствованія, съ одной стороны отложили всякія преобразованія надолго, а съ другой имѣли результатомъ рѣзкій вызовъ и попытку къ ихъ осуществленію помимо существующей власти.

Въ 1805 г. происходитъ знаменитый бой подъ Аустерлицомъ и Австрія тотчасъ же заключаетъ миръ съ Наполеономъ, а Россія идетъ на помощь Пруссіи. Одно за другимъ, кровавыя пораженія подъ Іеной и Фридландомъ приводятъ къ Тильзитскому миру, въ 1807 году, но это не даетъ от-

дыха Россіи: еще за годъ до него вспыхиваетъ война съ Турціей, а въ 1808 г.—со Швеціей, окончившаяся извѣстнымъ Фридрихсгамскимъ миромъ. Турецкая война затянулась на нѣсколько лѣтъ и не успѣла она окончиться, какъ наступилъ грозный 1812 годъ, потребовавшій массы жертвъ и потоки крови, разорившій Россію и перешедшій въ народную войну. Кончившись изгнаніемъ Французовъ, онъ повлекъ за собой новую кампанію—войну за освобожденіе Германіи и только въ 1815 г. этотъ десятилѣтній непрерывный рядъ потоковъ крови, ужасовъ, разоренія цѣлыхъ государствъ, закончился, наконецъ, миромъ.

Всѣ эти походы и войны, то за собственную безопасность, то за освобожденіе другихъ государствъ, требовали страшнаго напряженія силъ отъ Россіи и не могли, конечно, не отозваться слишкомъ тяжело на ея экономическомъ положеніи. Всѣ историки Александровской эпохи согласны въ томъ, что, несмотря на блистательные подвиги русскихъ войскъ во время отечественной и другихъ войнъ, многое въ государствѣ находилось тогда далеко не въ блестящемъ положеніи: торговля и промышленность находились въ упадкѣ, повсѣмѣстно казнокрадство и взяточничество, въ отдѣльныхъ частяхъ внутренняго управленія полная неурядица, все болѣе и болѣе увеличивавшееся вліяніе Аракчеева и его идей—все это тяжело отзывалось на общемъ порядкѣ хода дѣлъ и тяжело ложилось на души мечтавшихъ о лучшихъ временахъ, о лучшихъ порядкахъ... Идеи реформъ и преобразованій, на время войнъ уступившія мѣсто патріотизму, по заключеніи мира вспыхнули съ новой силой, вылились въ опредѣленную, ясную форму, въ точно формулированныя желанія. «Россія «стояла тогда на высочайшей степени славы, говоритъ въ «своихъ «Запискахъ» князь Сергѣй Петровичъ [1]); послѣдняя «война породнила ее съ Европой. Успѣхи образованія въ «этой части свѣта имѣли болѣе нежели отголосокъ въ Россіи.

---

[1]) Записки князя Трубецкаго. 2-е изд. стр. 98. (Международная библіотека т. III. Лейпцигъ 1875 г.).

«Тѣсная связь, соединившая всѣ европейскія государства и «укрѣпленная священнымъ союзомъ, заключеннымъ сильнѣй«шими государствами, обѣщавшими всѣмъ народамъ усовер«шенствованія государственныхъ постановленій сообразно «степени того просвѣщенія, которое въ послѣдніе годы раз«вилось въ Европѣ; признаніе ими представительнаго прав«ленія за необходимость вѣка, введеніе его во Франціи, въ «нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и въ Царствѣ Польскомъ, «доказывавшее, что оно не есть принадлежность одной Анг«ліи—все это заставляло предполагать, что и обширная Рос«сійская Имперія не всегда будетъ управляема на суще«ствующихъ тогда началахъ. И Императоръ Александръ I не «разъ выражалъ убѣжденіе свое въ превосходствѣ предста«вительнаго правленія надъ самодержавнымъ; онъ, по личному «Своему желанію ввелъ его въ Царствѣ Польскомъ (1803 г.), «обѣщавъ распространить и на польскія губерніи, прежде къ «Имперіи присоединенныя. Еще ранѣе, оставивъ Финляндіи «прежній образъ ея правленія, ввелъ его въ Выборгской гу«берніи; наконецъ далъ свободу крестьянамъ губерній: Вы«боргской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Россіяне «имѣли право надѣяться, что не однимъ завоеваннымъ ими «народамъ суждено пользоваться правами свободы».

Это не было лишь его личнымъ взглядомъ; напротивъ, тѣ же мысли волновали многихъ, тѣ же убѣжденія были убѣжденіемъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя, въ 1807 г., выйдя изъ «общества спасенія», образовали новое общество—«Союзъ Благоденствія» и составленіе устава поручили *кн. Сергѣю Петровичу*, А. Н. и М. Н. Муравьевымъ и П. Колошину. Какъ образецъ имъ данъ былъ уставъ нѣмецкаго «Союза Добродѣтели» (Tugenbunde), вывезенный изъ-за границы княземъ Ильей Долгоруковымъ.

Главная цѣль устава этого общества состояла въ слѣдующемъ: «одно благо отечества есть цѣль его; что сія цѣль «не можетъ быть противна желаніямъ правительства, кото«рое, не смотря на свое могущество, имѣетъ нужду въ содѣй«ствіи частныхъ лицъ; что учреждаемое ими общество хочетъ

«быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ и, не скрывая «своихъ намѣреній отъ гражданъ благонамѣренныхъ, будетъ «трудиться въ тайнѣ для избѣжанія нареканій, злобы и не«нависти» [1]). Общество дѣлилось на 4 группы: предметомъ дѣятельности первой было человѣколюбіе; второй—умственное и нравственное образованіе; третьей—дѣйствіе судовъ и правосудіе въ нихъ; четвертой—предметы политической экономіи. Задача первой группы состояла въ распространеніи частной и общественной благотворительности, въ увѣдомленіи правительства о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ въ нихъ, равно и въ изысканіи средствъ исправленія и усовершенствованія. Задача второй группы состояла въ распространеніи познаній, заведеніи училищъ, особенно Ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіе воспитанію юношества. Задача третьей группы состояла, какъ въ наблюденіи за правосудіемъ, такъ и принятіи на себя различныхъ судебныхъ должностей, для оказанія содѣйствія правосудію по мѣрѣ возможности. Задача четвертой группы состояла въ извлеканіи и опредѣленіи непреложныхъ правилъ общественнаго богатства, въ распространеніи всякаго рода промышленности, утвержденіи общаго кредита и истребованіи монополій. Такія цѣли и задачи способствовали обширному распространенію общества въ 1819 и 1820 годахъ [2]).

Кромѣ участія въ составленіи устава «Союза Благоденствія», князь Сергѣй Петровичъ много работалъ и надъ другими вопросами, касающимися различныхъ преобразованій. Въ его бумагахъ найденъ былъ неполный проектъ формы представительнаго правленія, записки о крѣпостномъ состояніи крестьянъ и о необходимости отмѣны его и др. [3]). Дѣя-

---

[1]) См. Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи.

[2]) „Русская Старина“ 1873 г. Май, стр. 660.

[3]) В. И. Семевскій въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в.“ (Рус. Стар. 1887 г. Ноябрь, стр. 397—398) приводитъ слѣдующее извлеченіе изъ „Записокъ“ князя С. П., относящееся къ этому вопросу: „Язва крѣпостнаго состоянія крестьянъ располагаетъ Россію къ большимъ бѣдствіямъ въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ (какъ

тельность его съ самаго вступленія въ «Союзъ» вскорѣ привела къ тому, что онъ былъ единогласно избранъ «диктаторомъ» въ предполагаемомъ переворотѣ, а помощникомъ его, по распорядительной части, былъ выбранъ А. М. Булатовъ, командиръ 12-го егерскаго полка.

Находя, что цѣли, преслѣдуемыя «Союзомъ Благоденствія» дѣйствительно крайне необходимы для блага отечества и что неисполненіе ихъ поведетъ лишь къ еще большему ухудшенію положенія Государства, члены «Союза» старались распространить его возможно больше и какъ можно больше привлечь на свою сторону союзниковъ. Достигнуть своей цѣли они надѣялись завербовавъ себѣ членовъ изъ лицъ, занимавшихъ высшіе посты въ государственной іерархіи и, заручившись ихъ помощью и содѣйствіемъ арміи и гвардіи,

---

былъ примѣръ тому во времена Пугачева), нежели всякое другое европейское государство. Развитіе промышленной образованности, несоединенное съ развитіемъ нравственнаго въ той же степени просвѣщенія, могло заставить крѣпостныхъ съ нетерпѣніемъ сносить свое состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи о желаніи Государя дать свободу крестьянамъ должны были представить помѣщиковъ, какъ единственное препятствіе къ полученію ея". Далѣе, онъ указываетъ на весьма неодинаковое положеніе низшаго класса въ Россіи: „Въ Финляндіи свобода, въ народахъ магометанской вѣры и идолопоклонническихъ также; въ прибалтійскихъ губерніяхъ только-что она возникала (въ 1809), въ Царствѣ Польскомъ существовала въ законѣ, но не въ самомъ дѣлѣ. Одни только христіане, и то, большею частью, православные, подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ. Крестьяне казенные велико-россійскіе и украинскіе, такъ называемые казаки, одни изъ русскихъ не несутъ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ также весьма неравное: одни оброчные, другіе пахатные, третьи фабричные, четвертые—и то и другое и третье вмѣстѣ. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ повинности. Помѣщикъ полагаетъ ее по произволенію, изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему разсудится, или, отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичьихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и польской Украйнѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго; пьянство одна отрада ихъ и отъ него лучшій доходъ помѣщика. Государственные доходы, основанные на безнравственности народа; правосудіе—продажное; взятки—должный доходъ чиновника! Вотъ зло, съ которымъ должно было вступить въ борьбу и черезъ его только истребленіе можно было надѣяться водворить въ отечествѣ благосостояніе". (Записки. стр. 100—102).

представить проэктъ кореннаго измѣненія формы правленія и необходимыхъ преобразованій, на благоусмотрѣніе Императора Александра, рѣшивъ что только въ самомъ крайнемъ случаѣ они прибѣгнутъ къ угрозамъ, къ насилію... Но судьба рѣшила иначе и неожиданная кончина Императора Александра Павловича измѣнила все. Отреченіе отъ престола цесаревича Константина Павловича, неизвѣстность сопровождавшихъ его обстоятельствъ, двойная присяга ему и Вел. Кн. Николаю Павловичу, наконецъ увѣренность, что подносить подобные проэкты Николаю Павловичу немыслимо и что все дѣло ихъ будетъ такимъ образомъ проиграно съ первой же минуты вступленія Великаго Князя на престолъ, все это привело ихъ къ мысли о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, воспользовавшись тѣмъ неопредѣленнымъ положеніемъ государства, въ которомъ оно находилось въ періодъ времени съ 29 ноября 1825 года. Планъ дѣйствій былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными Императору, которому присягнули, въ чемъ Общество и не ошиблось, и составленъ былъ слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро полки будутъ собраны для новой присяги и солдаты окажутъ упорство и не захотятъ или будутъ колебаться дать ее, то офицеры будутъ стараться вывести ихъ съ дворовъ, на которыхъ они будутъ собраны, и первый полкъ съ барабаннымъ боемъ долженъ идти къ другому, который къ нему пристанетъ. Такимъ образомъ надѣялись имѣть не только тѣ полки, на которые разсчитывали, но увлечь и другіе; лейбъ-гренадерскій долженъ былъ прямо идти къ арсеналу и занять его; собраннымъ полкамъ собраться на Петровской площади [1]) и заставить Сенатъ: 1) издать манифестъ, въ которомъ прописаны будутъ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія и для рѣшенія которыхъ приглашаются въ назначенный срокъ выбранные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія: за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ; 2) учредить временное правленіе, пока не будетъ утвержденъ новый Импе-

---

[1]) У памятника Петра Великаго, противъ Сената.

раторъ общимъ соборомъ выбранныхъ людей. Общество намѣревалось предложить въ временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова; срокъ службы военной для рядовыхъ уменьшить до 15 лѣтъ. Временное правленіе должно было составить проэктъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу просвѣщенныхъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По обнародованіи сенатомъ манифеста, войско должно было выступить изъ города и, притянувъ къ себѣ 2-ые батальоны, расположиться въ окрестностяхъ. Это было условіе, на которомъ было обѣщано содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, которые требовали, чтобы имена ихъ оставались неизвѣстными [1]).

Приведеніе этого плана въ исполненіе выпало на 14-е декабря 1825 г. и сопровождающія его обстоятельства и его послѣдствія достаточно извѣстны. Для настоящаго труда важны лишь факты и событія, касающіеся непосредственно князя Сергѣя Петровича.

Въ моментъ возмущенія, роли главныхъ дѣятелей «Союза» были распредѣлены такимъ образомъ: Булатовъ и Якубовичъ начальствовали надъ возмутившимися войсками и руководили ими, а князь Сергѣй Петровичъ, какъ диктаторъ и лицо, которому принадлежало руководство и распоряженіе въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, ожидалъ результатовъ въ домѣ зятя своего, графа Лебцельтерна, австрійскаго посла. О причинѣ, побудившей его быть въ это время, въ этомъ, именно, домѣ, онъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ» [2]) слѣдующее: «Многіе «бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались «въ домѣ моей тещи, и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сто- «ронъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская, предложила «ей ночлегъ въ своемъ домѣ, а сестра жены моей, графиня

---

[1]) „Записки“, стр. 114—115.

[2]) Стр. 23. По разсказамъ другихъ, въ посольство пріѣхалъ министръ Иностранныхъ Дѣлъ графъ К. В. Нессельродъ и лично потребовалъ отъ посла выдачи князя; затѣмъ онъ-же отвезъ его во дворецъ.

«Л., предложила въ своемъ женѣ моей и мнѣ. Это послѣ при «числено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домѣ иност- «раннаго посланника». Разсказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ передаемъ его словами [1]).

«Ночью съ 14-го на 15-е число г. Ланской приходитъ «меня будить и говоритъ, что Императоръ меня требуетъ. «Я, одѣвшись, вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ у него «графа Нессельрода въ полномъ мундирѣ, шурина его «графа Александра Гурьева, который пришелъ изъ любо- «пытства и съ которымъ мы размѣнялись пожатіемъ руки, и «флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича Голицына, «который объявилъ мнѣ, что Императоръ меня требуетъ. Я «сѣлъ съ нимъ въ сани; когда пріѣхали во дворецъ, онъ въ «прихожей сказалъ мнѣ, что Императоръ приказалъ потре- «бовать у меня шпагу; я отдалъ и онъ повелъ меня въ ге- «нералъ-адъютантскую комнату, а самъ пошелъ доложить. «У каждой двери стояло по три часовыхъ; вездѣ около дворца «и по улицамъ къ нему ведущимъ стояло войско и были разве- «дены большіе огни. Меня позвали. Императоръ вышелъ ко мнѣ «на встрѣчу въ полной формѣ и лентѣ, и, поднявъ указательный «палецъ правой руки прямо противъ моего лба, сказалъ: «Что было въ этой головѣ, когда вы, съ вашимъ име- «немъ, съ вашей фамиліей, вошли въ такое дѣло? «Гвардіи полковникъ! князь Трубецкой! какъ вамъ «не стыдно быть вмѣстѣ съ такою дрянью»! Послѣ этого послѣдовалъ краткій допросъ о Пущинѣ и 4-мъ кор- пусѣ и затѣмъ Императоръ, давъ князю листъ бумаги, при- казалъ ему писать показаніе, показавъ ему мѣсто на диванѣ, на которомъ передъ этимъ сидѣлъ и съ котораго теперь всталъ. «Прежде нежели я сѣлъ, Императоръ началъ опять говорить: Какая фамилія! Князь «Трубецкой! Гвардіи полковникъ! и въ такомъ дѣлѣ! «Какая милая же- на [2])! Вы погубили жену! Есть у «васъ дѣти?—

---

[1]) Ibidem, стр. 24 и дал.

[2]) Урож. графиня Лаваль.

«*Я.* Нѣтъ...

«*Императоръ*: Вы счастливы, что у васъ нѣтъ дѣтей. «Ваша участь будетъ ужасная! И приказавъ: пишите «все, что знаете», ушелъ въ другой кабинетъ. Я остался «одинъ, видѣлъ себя въ положеніи очень трудномъ. Не хотѣлъ «скрывать своей принадлежности къ Тайному Обществу, «что и не привело бы ни къ чему доброму, потому что ясно «было изъ прочтенныхъ мнѣ [1]), многихъ исписанныхъ разными «почерками листовъ, что болѣе извѣстно, нежели бы я же-«лалъ. Но между тѣмъ и не хотѣлъ имѣть возможность упре-«кать себя, что я кого бы то ни было назвалъ. И потому я «въ своемъ отвѣтѣ написалъ, что принадлежу къ Тайному «Обществу, которое имѣло цѣлью улучшеніе правительства; «что обстоятельства, послѣдовавшія за кончиной покойнаго «Императора, казались Обществу благопріятными къ испол-«ненію намѣреній его и что оно, предпринявъ дѣйствіе, из-«брало меня диктаторомъ; но что, наконецъ, увидя, что бо-«лѣе нужно мое имя, нежели лицо и распоряженіе, совер-«шенно удалился отъ участія. (Этой уверткой я надѣялся «отсрочить дальнѣйшіе вопросы, къ которымъ не былъ при-«готовленъ)...

«Когда я окончилъ писать, подалъ листъ вошедшему Толю. «Онъ унесъ его къ Императору. Нѣсколько погодя Толь по-«звалъ меня въ другой кабинетъ. Едва я переступилъ порогъ, «какъ Императоръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу «въ сильномъ гнѣвѣ: Что вы на себя нагородили! а что «надобно того не сказали! И взявъ со стола четверку ли-«ста, показалъ мнѣ и спросилъ: что это? это ваша рука?

«*Я.* Моя.

«*Императоръ.* Вы знаете, что я могу васъ сейчасъ «разстрѣлять!

Я. Разстрѣляйте, Государь, это Ваше полное право!

«*Императоръ*: Не хочу!

---

[1]) Передъ тѣмъ какъ писать, Толь прочелъ князю ранѣе добытыя показанія другихъ.

«Я снова вышелъ въ первый кабинетъ, куда также во«шелъ Императоръ и началъ мнѣ снова говорить о моемъ «родѣ, о достоинствахъ моей жены, о судьбѣ, которая меня «ожидаетъ. Наконецъ, подведя меня къ столу, на которомъ я «писалъ и, подавъ мнѣ лоскутокъ бумаги, сказалъ: Пишите «къ вашей женѣ». Я сѣлъ, Государь остался стоя. Я началъ писать: «Другъ мой, будь спокойна и молись Богу... «Императоръ меня прервалъ: Что тутъ много писать! На«пишите только: *я буду живъ и здоровъ*». Я написалъ: Го«сударь стоитъ возлѣ меня и велитъ написать, что я живъ и «здоровъ: Я подалъ Ему; Онъ прочелъ и сказалъ: я живъ «и здоровъ буду, припишите *буду* въ вверху». Я испол«нилъ; онъ взялъ письмо и велѣлъ мнѣ идти за Толемъ. Толь, «выведя меня, передалъ тому же князю Голицыну, который «меня привезъ и который теперь, взявъ конвой кавалер«гардовъ, отвезъ меня въ Петропавловскую крѣпость и пе«редалъ коменданту Сукину. Вслѣдъ затѣмъ князь былъ помѣщенъ въ № 7 Алексѣевскаго равелина [1]), гдѣ и оставался почти все время до произнесенія приговора—9 іюля 1826 г. и лишь за нѣсколько дней до отправки въ Сибирь, былъ переведенъ въ № 3 Невской Куртины, въ виду его болѣзненнаго состоянія. За все время пребыванія въ заключеніи ему

---

[1]) О своемъ помѣщеніи въ этомъ № князь такъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ (стр. 29). „Когда меня привели въ назначенный мнѣ номеръ равелина, велѣли раздѣться и, оставя на мнѣ только рубашку и нижнее бѣлье, подали халатъ и короткія туфли, которыя черезъ нѣсколько дней перемѣнили на большія; изорванныя. Окно мое не было замазано подобно другимъ окнамъ; причины тому я никогда не могъ узнать. Окошечко въ дверяхъ, завѣшанное снаружи, давало возможность видѣть меня во всякое время, а мнѣ воспрещало видѣть, что дѣлается въ коррндорѣ, На ночь горѣла на окнѣ лампада, которую зажигали, какъ скоро погасала. Мебель состояла изъ очень жесткой постели, маленькаго столика и стула. Вечеромъ подавали свѣчу и щипцы, у которыхъ обломанъ былъ кончикъ; ножей и вилокъ не давали, посуда была оловянная. Чрезъ нѣсколько дней жена моя прислала мнѣ бѣлья, и мнѣ давали его въ перемѣну. Осматривали пристально чтобъ не было ничего остроконечнаго, даже булавки. Пищу давали: поутру чай съ бѣлой булкой, обѣдать супъ или щи, говядину и кашу или картофель; вечеромъ чай и ужинъ.“

позволяли писать женѣ сколько онъ хотѣлъ, а весной 1826 г. позволили видѣться сперва съ сестрой, а затѣмъ и съ женой. Особенно сильно было впечатлѣніе свиданія съ послѣдней. «Видъ ея и разговоръ съ нею укрѣпили во мнѣ упо«ваніе въ Бога, и я съ тѣхъ поръ совершенно покорился «волѣ провидѣнія, предавшись всѣми моими чувствами съ «полною покорностью всему, что Ему угодно будетъ мнѣ «послать въ будущности».

Коммиссія, которой было поручено слѣдствіе, начавъ свои дѣйствія уже 17 декабря 1825 года, скоро окончила свои занятія и въ Маѣ 1826 г. передала всѣ добытые ею результаты Верховному Суду, спеціально назначенному для постановленія приговора. Въ рѣшеніи судъ этотъ раздѣлилъ всѣхъ участниковъ заговора на 12 категорій, сообразно ихъ участію и вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣлилъ и наказанія соотвѣтственно принадлежности къ той или другой категоріи. По этому рѣшенію, лица, подведенныя подъ первую категорію — Пестель, Рылѣевъ, Бестужевъ, Каховскій и Муравьевъ, были осуждены на четвертованіе; подпавшія подъ вторую, въ количествѣ 31 человѣка и во главѣ ихъ князь Сергій Петровичъ—на смертную казнь чрезъ отсѣченіе головы. Всѣмъ остальнымъ дарована была жизнь и они подлежали ссылкѣ въ каторжныя работы, на разные сроки и разныхъ степеней.

9 Іюля 1826 года Верховный Судъ представилъ свое рѣшеніе на конфирмацію Императора, который сильно смягчилъ наказаніе всѣмъ осужденнымъ, замѣнивъ четвертованіе лицъ первой категоріи повѣшеніемъ, обезглавленіе второй—ссылкой въ пожизненную каторжную работу; также и по остальнымъ категоріямъ. Въ день исполненія конфирмованнаго уже приговора, князь Сергѣй Петровичъ былъ выведенъ вмѣстѣ съ другими на эшафотъ, лишенъ воинскаго званія и мундира, причемъ надъ головой его была переломлена шпага княжескаго достоинства, и соединенныхъ съ нимъ правъ и преимуществъ; всѣ доспѣхи осужденныхъ, снятые съ нихъ, тутъ же были сожжены. Послѣ этого ихъ всѣхъ одѣли въ

халаты и отвели назадъ въ казармы, а черезъ нѣсколько дней отправили къ мѣсту ссылки—въ Нерчинскъ.

Въ 1827 г. черезъ Нерчинскіе заводы проѣзжалъ, съ нѣсколькими товарищами, А. А. Бестужевъ, по дорогѣ въ Читу, куда была отправлена эта группа, [1]) и вотъ что пишетъ въ своихъ «запискахъ» о положеніи кн. Сергѣя Петровича и его товарищей [2]) въ Нерчинскѣ: «Бурнашевъ, начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, истый заплечный мастеръ, назначилъ ихъ «въ ближайшій заводъ отъ своей резиденціи съ повелѣніемъ: «содержать ихъ наистрожайшимъ образомъ. Подчиненные «знали своего владыку и постарались угодить ему. Всѣхъ «семерыхъ заперли въ темную, грязную, вонючую конуру, «гдѣ они не только не могли двигаться, но даже должны были «спать въ три яруса отъ недостатка помѣщенія. Постоян«ные жильцы всѣхъ тюремъ—три рода насѣкомыхъ, питаю«щихся плотью и кровью несчастныхъ заключенниковъ, бук«вально покрывали ихъ съ головы до ногъ, мучили ихъ днемъ «и ночью, лишали сна, лишали силъ; необходимыхъ для тя«желой работы въ глубокихъ рудникахъ, такъ что они, про«мысливъ скипидару, натирали имъ все тѣло и несмотря на «то, что все тѣло ихъ горѣло какъ въ огнѣ, что ихъ кожа «сходила лоскутами, голодные тунеядцы не оставляли сво«ихъ жертвъ...

«Въ заключеніе приведу сѣтованіе этого заплечнаго ма«стера Бурнышева: «Чертъ побери, повторялъ онъ, какія «глупыя инструкціи даютъ нашему брату: содержать строго «и беречь ихъ здоровье! Безъ этого смѣшнаго требованія я «бы выполнилъ какъ должно, инструкцію и въ полгода вы«велъ бы ихъ *въ расходъ*.

«Лепарскій, (комендантъ Чесмы) объѣзжая заводы, чтобы «выбрать мѣстность для постройки главнаго каземата, былъ «ихъ ангеломъ избавителемъ: онъ ихъ присоединилъ къ чи-

---

[1]) Русская Старина 1870 г. Августъ.

[2]) Кн. кн. Волконскій и Оболенскій, Артамонъ Муравьевъ, Якубовичъ и два брата Борисовы.

«тинскимъ собратамъ и они прибыли туда за нѣсколько не-«дѣль передъ нашимъ прiѣздомъ.

Переводъ изъ Нерчинскихъ рудниковъ въ Читу былъ только началомъ смягченiя положенiя сосланныхъ. Уже здѣсь они пользовались гораздо лучшей пищей и, затѣмъ, въ изобилiи, чаемъ, когда же ихъ стали переводить ни поселенiе, участь ихъ значительно улучшилась. Никто не отбылъ полнаго срока наказанiя и князь Сергѣй Петровичъ уже около 1840 г. былъ избавленъ совсѣмъ отъ работъ и былъ переведенъ на поселенiе, въ слободу Оёкъ, въ 40 съ небольшимъ верстахъ отъ Иркутска по Якутскому тракту. Въ 1841 г., по случаю бракосочетанiя наслѣдника Александра Николаевича, Государь издалъ указъ, по которому сосланные могли отдавать дѣтей своихъ въ «дворянскiя» учебныя заведенiя, причемъ эти дѣти, по окончанiи курса, получили всѣ утраченныя ихъ родителями права. Вообще съ 40-хъ годовъ положенiе сосланныхъ уже ничего не имѣло общаго съ тѣмъ, къ чему они были присуждены, а въ 1856 г., со вступленiемъ на престолъ Императора Александра Николаевича, для всѣхъ «декабристовъ» настала заря освобожденiя. Немногiе дожили до этого дня, но въ числѣ испытавшихъ счастiе увидѣть себя снова на родинѣ, свободнымъ, пользующимся всѣми правами, съ забвенiемъ всего прошлаго—былъ и князь Сергѣй Петровичъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ воспользоваться царской милостью и уже осенью 1857 года былъ въ Кiевѣ, гдѣ и поселился на постоянное жительство. Скончался князь 22 ноября 1860 года.

Въ своихъ «Запискахъ», неоднократно цитированныхъ въ настоящемъ трудѣ, онъ такъ говоритъ о своей судьбѣ [1]. «Съ «младенчества моего вкоренена въ сердцѣ моемъ увѣренность, «что Промыслъ Божiй ведетъ человѣка ко благу, какъ бы «путь, которымъ онъ идетъ ни казался тяжелъ и несчастливъ. «Эта увѣренность не уменьшилась, но укрѣпилась еще съ «тѣхъ поръ, когда обстоятельства моей жизни приняли обо-

[1] Стр. 81—82.

«ротъ, для всякаго посторонняго зрителя несчастный. Въ те-
«ченіе этого времени я имѣлъ случай познать всю благость
«Вышняго Промысла и научился благословлять его за все
«посылаемое счастіе и несчастіе. Я убѣжденъ, что еслибы
«я не испыталъ жестокой превратности судьбы и шелъ бы
«безъ препятствій блестящимъ путемъ, мнѣ предстоявшимъ,
«то со временемъ сдѣлался бы недостоинъ милостей Божіихъ
«и утратилъ бы истинное свое достоинство человѣка. Нынѣ-
«же я благославляю десницу Божію, проведшую меня по
«терновому пути и тѣмъ очистившую сердце мое отъ стра-
«стей, имъ обладавшихъ, показавшую мнѣ, въ чемъ заклю-
«чается истинное достоинство человѣка и цѣль человѣческой
«жизни, и между тѣмъ наградившее меня и на земномъ по-
«прищѣ ни съ какимъ другимъ несравненнымъ счастіемъ се-
«мейной жизни и неотъемлемымъ духовнымъ благомъ — спо-
«койствіемъ совѣсти».

Князь Сергѣй Петровичъ провелъ въ Сибири ровно 30 лѣтъ: въ 1826 г. онъ былъ отправленъ туда, въ 1856 г. прощенъ и въ томъ же году выѣхалъ въ Россію. Если ему удалось твердо перенести всѣ ужасы первыхъ годовъ каторги, всѣ неудобства и лишенія поселенца, подъ постояннымъ и строгимъ надзоромъ, отсутствіе правъ, страданія за дѣтей и тоску по родинѣ, если все это отразилось на немъ не такъ гибельно, какъ можно было ожидать, и удалось дожить до зари освобожденія и провести еще нѣсколько лѣтъ на свободѣ на родинѣ, въ кругу родныхъ и друзей — то все это благодаря лишь тому ангелу-хранителю, который въ теченіи почти всей жизни въ Сибири, ни на шагъ не удалялся отъ него, облегчалъ тысячами заботъ и ласокъ его тяжелое положеніе, поддерживалъ въ немъ своей твердостью бодрость духа, заставлялъ забывать ужасы обстановки и своей чудной душой ниспосылалъ на больную и измученную душу князя миръ и спокойствіе. Этимъ ангеломъ-хранителемъ была его жена, княгиня Екатерина Ивановна, урожденная графиня Лаваль.

Но прежде чѣмъ говорить о княгинѣ, интересно взглянуть на то впечатлѣніе, которое оставилъ по себѣ въ средѣ декаб-

ристовъ и окружавшихъ ихъ сибирскихъ жителей, эти великія женщины, добровольно отказавшіяся отъ благъ молодости, положенія и состоянія, добровольно осудившія себя на тяжелый, самоотверженный подвигъ—подвергнуться, наравнѣ съ своими мужьями и женихами, всѣмъ тяжестямъ, лишеніямъ и послѣдствіямъ слѣдованія за ними и совмѣстной съ ними жизни. Одинъ изъ сибиряковъ, свидѣтель жизни декабристовъ, такъ пишетъ въ своихъ «Замѣткахъ» [1]: «Въ заключеніе я хотѣлъ бы сказать многое о женахъ декабристовъ: написать что либо отъ себя лично въ ихъ защиту я считаю излишнимъ. Обѣлять бѣлое ненужно. Оставленіе родины, близкихъ сердцу родныхъ и друзей, принесеніе въ жертву долга своего общественнаго положенія и матеріальныхъ средствъ, лишеніе не только всѣхъ удобствъ жизни, но и всѣхъ правъ и взамѣнъ того поѣздка къ мужьямъ въ глубь Сибири, въ ссылку, на встрѣчу всевозможнымъ неудобствамъ и даже оскорбленіямъ, какъ это и было на самомъ дѣлѣ: все это говоритъ само за себя, я приведу здѣсь только отзывы о женахъ декабристовъ, товарищей ихъ мужей, которые, раздѣляя съ ними продолжительное изгнаніе, должны считаться лучшими ихъ цѣнителями.

«Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, давно уже умершій на Кавказѣ, въ альбомѣ покойной княгини Маріи Николаевны Волконской, 25-го Декабря 1829 года, о пріѣздѣ ея и другихъ подругъ ея къ мужьямъ своимъ, говоритъ между прочимъ такъ:

Вдругъ Ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены . . . . .

и затѣмъ далѣе, что съ пріѣздомъ ихъ

. . . . лились въ темницы дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули

---

[1]) Г. Евфимовъ. Замѣтки на воспоминанія Л. Ѳ. Львова. (Рус. Архивъ 885 г. т. XII. стр. 563—564.) Г. Львовъ, между прочимъ, находилъ женъ декабристовъ достойными лишь осужденія!? . . . . . .

И лишь, они страшились одного,
Чтобы Ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

«Бѣляевъ же, Александръ Петровичъ, черезъ полстолѣтіе слишкомъ послѣ того, что сказано выше княземъ Одоевскимъ, въ «Запискахъ» своихъ о женахъ своихъ товарищей, говоритъ такъ: «Кто кромѣ Всемогущаго Мздовоздателя, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя, ангелоподобныя существа, слава и краса вашего пола, слава страны васъ произрастившей, слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности такихъ чудныхъ и идеальныхъ женъ. Вы стали, по истинѣ, образцомъ самоотверженія, мужества, твердости, при вашей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши»!

«Женщины, заканчиваетъ Г. Ефимовъ, о которыхъ съ такимъ увлеченіемъ говорятъ отдѣленные промежуткомъ времени болѣе полустолѣтія, поэтъ, недостигшій тогда еще 30-лѣтняго возраста и скромный составитель записокъ о прожитомъ имъ времени, 80-лѣтній старецъ, должны пользоваться полнымъ уваженіемъ каждаго хорошаго человѣка. Что же касается насъ, сибиряковъ, то мы и черезъ полвѣка вспоминаемъ о нихъ, какъ о живыхъ примѣрахъ всего добраго чистаго и прекраснаго и хранимъ глубокую благодарную память по этимъ добровольнымъ изгнанницамъ».

Въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи, посвященномъ женамъ декабристовъ, Некрасовъ такъ выражаетъ чувства, заставившія ихъ отправиться къ мужьямъ въ ссылку:

Найдемъ мы униженныхъ скорбныхъ мужей,
Но будемъ мы имъ утѣшеньемъ,
Мы кротостью нашей смягчимъ палачей,
Страданье осилимъ терпѣньемъ.
Опорою гибнущимъ, слабымъ, больнымъ
Мы будемъ въ тюрьмѣ ненавистной
И рукъ не положимъ, пока не свершимъ
Обѣта любви безкорыстной“! . . . . . .

Супруга князя Сергѣя Петровича, княгиня Екатерина Ивановна, была урожденная графиня Лаваль. Отецъ ея, графъ

Иванъ Степановичъ, управлялъ 3-ей экспедиціей канцеляріей Министерства Иностранныхъ дѣлъ [1]). Онъ оставилъ по себѣ память остроумнаго и весьма начитаннаго собесѣдника и притомъ вліятельнаго и очень доброжелательнаго начальника. Онъ имѣлъ великолѣпный домъ по Англійской набережной, возлѣ сената, гдѣ устраивалъ пышныя празднества для царской фамиліи и постоянно, по середамъ бывало высшее избранное общество и весь дипломатическій корпусъ. Въ этой то блестящей обстановкѣ и вращалась всю свою молодость княгиня Екатерина Ивановна, тутъ же она встрѣтилась съ княземъ Сергѣемъ Петровичемъ, и, окруженная блестящей обстановкой, при всеобщей увѣренности въ несомнѣнномъ счастіи, вступала она въ новую жизнь съ любимымъ человѣкомъ.

Недолго наслаждалась молодая княгиня счастьемъ новой жизни: не прошло и полугода послѣ ихъ свадьбы, какъ разразилось 14-го декабря. Князь былъ арестованъ, заключенъ въ крѣпость, бумаги его всѣ захвачены и впереди всталъ страшный призракъ ..... Обезумѣвшая отъ горя молодая княгиня просила одной лишь милости: позволенія видѣться съ мужемъ, но получила отказъ. Но она не потеряла надежды и послѣ почти полугодичныхъ терзаній, хлопотъ, просьбы и моленій, добилась, наконецъ, своего. Свиданіе было назначено на второй день Пасхи. «Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ, пишитъ князь въ «Запискахъ» [2]), я имѣлъ неожиданное счастіе обнять мою жену. Не легко изобразить чувства «наши при этомъ свиданіи. Казалось, всѣ несчастія были за«быты; всѣ лишенія, всѣ страданія, всѣ безпокойства исчез«ли. Добрый, вѣрный другъ мой—она ожидала съ твердостью «всего худшаго для меня, но давно уже рѣшилась, если толь«ко я останусь живъ, раздѣлить участь мою со мной, и не «показала ни малѣйшей слабости. Она молилась, чтобы Богъ

---

[1]) Скончался въ 1846 г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

[2]) Стр. 62—63.

«сохранилъ мою жизнь, и далъ мнѣ силы перенести съ твер-
«достью теперешнее и будущее положеніе мое. Наше сви-
«даніе было подобно свиданію моему съ сестрой, въ присут-
«ствіи коменданта, который какъ будто бы для того, чтобы
«дать намъ болѣе свободы, притворился спящимъ въ своихъ
«креслахъ. До сихъ поръ я не имѣлъ никакой надежды уви-
«дать когда-нибудь жену мою; но это свиданіе заставило ме-
«ня надѣяться, что мы опять будемъ когда-нибудь вмѣстѣ; и
«поэтому, можетъ быть, часъ разлуки не такъ показался
«мнѣ тягостнымъ, какъ должно было ожидать. Воспоминаніе
«о проведенныхъ вмѣстѣ часахъ сладостно занимало меня
«многіе дни. Я благодарилъ Бога отъ глубины души за то,
«что онъ милостію своею такъ поддержалъ ее и въ чув-
«ствахъ внутреннихъ и въ наружномъ видѣ. Ничего отчаян-
«наго, убитаго, не было ни въ лицѣ, ни въ одеждѣ; во всемъ
«соблюдено пристойное достоинство. Видъ ея и разговоръ съ
«нею укрѣпили во мнѣ упованіе въ Бога и я съ тѣхъ поръ
«совершенно покорился волѣ Провидѣнія, предавшись всѣми
«моими чувствами, съ полною искренностью, всему, что Ему
«угодно будетъ мнѣ послать въ будущности».

Мысль слѣдовать за мужемъ и не покидать его гдѣ бы и въ какихъ обстоятельствахъ и обстановкѣ онъ ни находился, явилась у княгини сейчасъ же, какъ она узнала, что князь не будетъ казненъ и сейчасъ же эта мысль превратилась въ твердое, неизмѣнное намѣреніе. Но если добиться свиданія съ мужемъ представляло страшныя трудности, то это ея рѣшеніе встрѣтило еще большее сопротивленіе со стороны и родныхъ, и знакомыхъ, и власти. Но молодая женщина не остановилась передъ препятствіями: ни угрозы, ни ужасы жизни къ каторгѣ, ни лишенія, сопряженныя съ слѣдованіемъ за мужемъ, не могли ея остановить; она употребила въ дѣло всѣ убѣжденія, мольбы, просьбы, связи, родство, сама ѣздила умолять Государя и въ концѣ концовъ восторжествовала. Позволеніе слѣдовать за мужемъ было дано. Недѣли за двѣ до отъѣзда князя состоялось второе свиданіе его съ женой и тутъ онъ узналъ о разрѣшеніи ей ѣхать за нимъ и что

онъ увидится съ ней послѣ. Княгиня не стала долго дожидаться и на другой же день послѣ отправки мужа послѣдовала за нимъ.

Княгиня Екатерина Ивановна выѣхала изъ Петербурга въ Сибирь *первая* изъ числа женъ декабристовъ и такимъ образомъ ей принадлежитъ первый шагъ. «Она первая проложила путь далекій, неизвѣстный, сопряженный съ такими трудностями, предъ которыми остановилась бы женщина съ меньшимъ запасомъ душевныхъ силъ, съ меньшею любовью. Заслуга ея, какъ передовой изъ этихъ женщинъ-героинь, очень велика; ея отъѣздъ оказалъ сильное вліяніе на рѣшеніе женъ другихъ декабристовъ; она вынесла всѣ тѣ неудобства, которыя обыкновенно выпадаютъ на долю иниціаторовъ» [1]).

Во время поѣздки, княгиню сопровождалъ секретарь ея отца и пока они ѣхали вмѣстѣ, она, при его помощи, еще могла пользоваться кое-какими удобствами. Но въ Красноярскѣ онъ заболѣлъ и княгиня должна была продолжать путь безъ него. Не успѣла она выѣхать изъ Красноярска, какъ сломалась ея карета; чтобы не терять времени, княгиня пересѣла въ тарантасъ и поскакала дальше. Эти случаи—болѣзнь провожатаго и поломка экипажа были лишь предвѣстниками тѣхъ испытаній и задержекъ, которыя ей пришлось перенести при дальнѣйшемъ пути. Пріѣхавъ въ Иркутскъ и узнавъ, что князь Сергѣй Петровичъ находится въ Нерчинскѣ, въ 700 вер. отъ Иркутска, она ни мало не медля обратилась къ губернатору, генералу Цейдлеру, съ просьбой дать ей проводника и свѣдѣнія, необходимыя для дальнѣйшаго путешествія. Но тутъ ее ждало жестокое разочарованіе. Цейдлеръ еще раньше получилъ приказаніе ставить всевозможныя преграды женамъ декабристовъ и убѣдить ихъ оставить намѣреніе жить съ мужьями. Онъ исполнилъ предписаніе, но лишь наполовину: онъ убѣждалъ, но не убѣдилъ. Напрасно описывалъ онъ въ самыхъ яркихъ краскахъ княгинѣ предстоящее ей житье среди

---

[1]) М. М. Хинъ. Жены декабристовъ. Истор. Вѣстникъ 1884 г. декабрь, стр. 667—670.

5,000 каторжниковъ, грабителей и убійцъ, безъ прислуги, на правахъ жены каторжнаго, напрасно говорилъ, что женщинамъ придется исполнять въ острогѣ всякую черную работу, мытье половъ и т. п. — разсказы его не напугали княгиню. На другой день повторилось тоже самое, причемъ Цейдлеръ предложилъ кн. Екатеринѣ Ивановнѣ подписать отреченіе отъ правъ на имущество, которымъ владѣетъ и которое можетъ получить въ наслѣдство. Княгиня съ радостью исполнила требованіе губернатора и лишь настаивала на своемъ желаніи ѣхать скорѣе въ Нерчинскъ. Цейдлеръ ушелъ, не давъ ей ни разрѣшенія, ни лошадей. Нѣсколько дней не выходилъ онъ къ княгинѣ и не принималъ ея, ссылаясь на болѣзнь. Наконецъ онъ пришелъ къ ней самъ и сталъ умолять ее оставить свое намѣреніе. Когда же и просьбы его не подѣйствовали, онъ объявилъ, что можетъ отправить ее къ мужу только пѣшкомъ, съ партіей ссыльныхъ, связанною канатомъ съ другими каторжниками. Княгиня сейчасъ же заявила согласіе на это условіе и только упрекнула его, что онъ такъ долго откладывалъ эту отправку ее съ ссыльными. Тогда Цейдлеръ, растроганный этой идеальной привязанностью къ мужу, не выдержалъ, заплакалъ и воскликнулъ: «вы поѣдете!» и велѣлъ сейчасъ же готовить лучшихъ лошадей и экипажъ для княгини [1]). Въ это время пріѣхала въ Иркутскъ кн. Волконская и отсюда онѣ уже вмѣстѣ отправились въ Благодатскій рудникъ. Генералъ Лепарскій, которому порученъ былъ главный надзоръ за декабристами, проѣзжая въ это время чрезъ Иркутскъ, значительно облегчилъ имъ дальнѣйшій путь. Пріѣхавъ въ Благодатскъ, обѣ княгини наняли помѣщеніе возлѣ каземата, гдѣ были заключены ихъ мужья и поселились тутъ и съ тѣхъ поръ уже не оставляли своихъ мужей, гдѣ бы они ни были. Какое вліяніе имѣлъ этотъ замѣчательный ихъ подвигъ на жизнь и существованіе ихъ мужей, какой свѣтлой страницей

---

[1]) Всѣ эти переговоры съ Цейдлеромъ—фактъ вполнѣ достовѣрный и Некрасовъ цѣликомъ взялъ его, какъ и другія подробности поѣздки княгини, для своего прекраснаго стихотворенія „Русскія Женщины“.

проходитъ ихъ дѣятельность въ скрытой лѣтописи жизни декабристовъ до прощенія, какъ высокъ, какъ великъ подвигъ этихъ молодыхъ, любящихъ существъ — это ясно для всѣхъ. Все, что выше было сказано вообще о женахъ декабристовъ — все это въ равной мѣрѣ относится и къ каждой въ отдѣльности. Онѣ дѣйствительно были своимъ мужьямъ ангелами-хранителями и такихъ страницъ въ исторіи человѣчества мало...

Княгиня Екатерина Ивановна провела въ Сибири 27 лѣтъ, все время неотступно слѣдуя за мужемъ, облегчая ему его страданія, утѣшая его, наводя на душу миръ и спокойствіе и своимъ присутствіемъ заставляя забывать окружающую его тяжелую обстановку. Но эта великая женщина не дождалась зари освобожденія и не удалось ей еще разъ, передъ смертью, взглянуть на дорогую родину, на родныхъ и знакомыхъ. Освобожденіе было въ 1856 г., отецъ ея умеръ въ 1846 г., а сама она, измученная и совершенно сломленная 27 лѣтнимъ пребываніемъ въ Сибири и затратой всѣхъ своихъ силъ и своей нечеловѣческой энергіи, скончалась въ 1853 году на рукахъ нѣжно любимаго мужа, всего лишь за три года до того великаго момента, когда Царственное Слово Величайшаго изъ Государей возвратило ея мужу и его товарищамъ полное прощеніе и совершенное забвеніе прошлаго, возвратило ихъ снова къ жизни, къ службѣ на пользу и славу дорогой для нихъ родины, когда ея собственный подвигъ и подвиги ея товарокъ были всенародно признаны и окружили этихъ великихъ женщинъ, такими невыносимыми страданіями заслуженнымъ, ореоломъ святыхъ подвижницъ....

Во время пребыванія въ Сибири у князя Сергѣя Петровича родилось трое дѣтей, сынъ, *князь Иванъ Сергѣевичъ* (№ 99), умершій ребенкомъ въ Сибири же, и три дочери: *княжна Александра Сергѣевна*, вышедшая замужъ за сенатора Николая Романовича Ребиндеръ, *княжна Зинаида Сергѣевна* - бывшая замужемъ за Николаемъ Дмитріевичемъ Свербеевымъ и *княжна Елисавета Сергѣевна* — вступившая въ бракъ съ Петромъ Васильевичемъ Давыдовымъ.

Такимъ образомъ мужскаго потомства онъ послѣ себя не оставилъ.

Дѣятельность князя Сергѣя Петровича была наиболѣе выдающимся фактомъ въ исторіи князей Трубецкихъ за XIX столѣтіе, какъ благодаря эпохѣ и событію, къ которымъ она относится, такъ и благодаря массѣ историческихъ о немъ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, составленіе болѣе подробныхъ біографій остальныхъ членовъ IV періода, частью вслѣдствіе недостаточности о нихъ извѣстій, дающей, такимъ образомъ, неравномѣрную полноту біографій каждаго отдѣльнаго лица, частью вслѣдствіе затруднительности говорить о лицахъ, дѣятельность которыхъ еще не окончилась — совершенно немыслимо.

Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ разсказѣ придется ограничиться почти однимъ перечисленіемъ представителей XVII—XX колѣнъ съ указаніемъ лишь на болѣе рѣзкіе или выдающіеся факты.

Какъ выше было упомянуто [1]), у князя Петра Сергѣевича (№ 58), было, кромѣ князя Сергѣя Петровича, еще четыре сына и 1 дочь, а именно:

а) *Князь Александръ Петровичъ* (№ 74), родившійся 18 августа 1792 года и скончавшійся, въ чинѣ полковника, въ апрѣлѣ 1853 года. Онъ былъ однимъ изъ членовъ извѣстной массонской ложи «Соединенныхъ Славянъ», основанной въ началѣ текущаго столѣтія, на югѣ Россіи, въ Кіевѣ. Сначала эта ложа не была самостоятельнымъ учрежденіемъ и входила въ составъ Великой ложи «Астреи», въ которой всѣхъ низшихъ ложъ считалось 24, и обозначалась тамъ № 17; она и тогда же находилась въ Кіевѣ. По превращеніи въ самостоятельный центръ пропаганды массонства, она приняла это свое названіе «Соединенныхъ Славянъ» и терминомъ своего учрежденія стала показывать 12 марта 1818 года—годъ наибольшаго учрежденія въ Россіи массонскихъ ложъ. Всѣхъ членовъ въ ней считалось 53; кромѣ того, 9 «отсутствую-

---

[1]) Стр. 268.

щихъ» и 19 «почетныхъ». Дѣйствительные члены подраздѣлялись на «чиновниковъ», т.-е. лицъ, изъ коихъ состояла администрація ложи, и на «братьевъ 3-й, 2-й и 1-й степеней», къ которымъ принадлежали всѣ остальные члены ложи. Князь Александръ Петровичъ былъ «братомъ 3-й степени». Въ числѣ лицъ, носившихъ, по ложѣ, одно съ нимъ званіе, былъ нѣкто губернскій маршалъ (губернскій предводитель дворянства) Валентинъ Росцишевскій, на дочери котораго, Луизѣ Валентиновнѣ, и женился, впослѣдствіи, князь Александръ Петровичъ. Отъ этого брака у него было *двое* сыновей — 1) *князь Владиміръ Александровичъ* (№ 100), родившійся въ 1825 году, бывшій воронежскимъ губернаторомъ, затѣмъ членомъ совѣта Министерства Государственныхъ имуществъ и скончавшійся въ 1879 году въ званіи егермейстера Двора Его Императорскаго Величества. Женатъ онъ былъ на Маріи Алексѣевнѣ Пещуровой, скончавшейся 6 декабря 1889 г., и имѣлъ *одну* (?) лишь дочь, *княжну Дарью Владиміровну*, фрейлину Двора Ея Императорскаго Величества; 2) *князь Петръ Александровичъ* (№ 101), родившійся въ 1829 году, камеръ-юнкеръ Высочайшаго Двора, состоявшій при кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ генералъ-губернаторѣ, и *двѣ* дочери: *княжна Дарья Александровна*, вышедшая замужъ за N. N. Рыльскаго и *княжна Марія Александровна*—въ бракѣ за N. N. Модейскимъ.

б) *Князь Петръ Петровичъ* (№ 75), родившійся 23 августа 1793 года и скончавшійся, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 13 августа 1840 года. Онъ былъ женатъ два раза:—первый разъ на Елисаветѣ Николаевнѣ Бахметевой, скончавшейся въ 1825 году, отъ которой имѣлъ *четырехъ* дочерей:—*княжну Варвару Петровну*, бывшую замужемъ за генералъ-маіоромъ, графомъ Егоромъ Петровичемъ Толстымъ; *княжну Дарью Петровну*,—вышедшую за статсъ-секретаря, сенатора, тайнаго совѣтника князя Дмитрія Александровича Оболенскаго; *княжну Агаѳоклею Петровну* бывшую за членомъ государственнаго совѣта, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ П. Н. Клушинымъ и *княжну Елисавету Петровну*, писательницу, бывшую за княземъ Сергѣемъ Петровичемъ Урусовымъ. Вто-

рой супругой князя Петра Петровича была княжна Клеопатра Константиновна Гика. Отъ этого брака дѣтей онъ не имѣлъ.

в) *Князь Павелъ Петровичъ* (№ 76), родившійся 16 января 1795 г. и скончавшійся ребенкомъ въ 1802 году и

г) *Князь Никита Петровичъ* (№ 77), родившійся 6 августа 1804 года и скончавшійся въ 1855 году членомъ Капитула Орденовъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ званіи церемоніймейстера Двора Его Императорскаго Величества. Отъ брака своего съ Александрой Александровной Нелидовой, онъ имѣлъ *двухъ* сыновей и *двухъ* дочерей. Старшій сынъ, *князь Петръ Никитичъ* (№ 102), родившійся въ 1827 году, въ Петербургѣ, крестникъ Императрицы Маріи Θеодоровны, былъ воспитанъ теткой его матери—фрейлиной Императрицы, Екатериной Ивановной Нелидовой [1]), игравшей выдающуюся роль при дворѣ Павла I, послужившей безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ интригановъ, стремившихся посѣять раздоръ между Императоромъ и Императрицей, тогда еще не вступившими на престолъ [2]). Въ этомъ-то событіи и

---

[1]) Е. И. Нелидова родилась 12 декабря 1756 года. Воспитывалась она въ Смольномъ Институтѣ, откуда вышла 20 лѣтъ и въ 1777 году была назначена фрейлиной къ великой княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ. Въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ оставалась она въ этомъ положеніи, когда обстоятельства заставили ее просить объ увольненіи. Но сдѣлать это ей удалось лишь въ 1793 году. По вступленіи на престолъ Павла Петровича, она снова была призвана ко двору и въ день коронаціи получила званіе камеръ-фрейлины. Однако это вторичное пребываніе при дворѣ было непродолжительно: черезъ два года, въ 1798 году, она снова удалилась отъ придворной жизни, на этотъ разъ окончательно, и, по прежнему, поселилась въ Смольномъ монастырѣ. Разсказываютъ, что она предчувствовала трагическую кончину Императора и писала ему, предостерегая отъ окружающихъ. Но письмо возъимѣло совершенно обратное дѣйствіе и ей было предписано оставить Петербургъ. Она выѣхала въ замокъ Лоде, близь Ревеля и уже тамъ узнала о кончинѣ Императора. Вернувшись снова въ Петербургъ, по вступленіи на престолъ Александра I, Е. И. и на этотъ разъ поселилась въ Смольномъ монастырѣ, который и не оставляла уже до самой смерти, пользуясь уваженіемъ и расположеніемъ Императоровъ Александра I и Николая I. Время свое она посвятила воспитанію племянницы своей Ал. Ал. Нелидовой, а когда та вышла замужъ за князя Никиту Петровича, стала воспитывать ихъ первенца. Скончалась она 2 января 1839 г., 82 лѣтъ.

[2]) Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. 2-е изданіе, стр. 388.

сказался весь ея замѣчательный умъ, разрушившій всѣ козни интригановъ [1]). Фактъ достаточно извѣстенъ и подробности его, въ данномъ случаѣ, излишни.

По удаленіи отъ двора, Е. И. посвятила себя воспитанію племянницы своей, Александры Александровны Нелидовой, а когда она вышла замужъ за князя Никиту Петровича, она взяла на себя дѣло воспитанія ихъ перваго сына. Такимъ образомъ, князь Петръ Никитичъ съ самыхъ первыхъ шаговъ своего существованія былъ окруженъ атмосферой глубокаго ума и образованія, что и отразилось на всей его жизни, на всей его дѣятельности. Достигнувъ юношескаго возраста, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, а по окончаніи курса былъ принятъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и былъ причисленъ къ посольству въ Константинополѣ. Когда вспыхнула Крымская война и посольство наше выѣхало изъ Константинополя, князь Петръ Никитичъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ дѣйствующую армію и счастливо окончилъ всю кампанію. Во время коронаціи въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, онъ былъ коронаціоннымъ церемоніймейстеромъ, а затѣмъ, пробывъ нѣкоторое время при посольствахъ въ Римѣ и Парижѣ, вернулся въ Петербургъ, оставаясь въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и получилъ назначеніе въ члены Редакціоннаго Комитета по устройству положенія крестьянъ. Въ 1863 году князь Петръ Никитичъ былъ избранъ дворянствомъ С.-Петербургской губерніи своимъ предводителемъ дворянства и долго стоялъ во главѣ его. Въ то же время онъ оставилъ окончательно службу при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1877 году его постигло страшное несчастіе—онъ ослѣпъ; но недолго продолжались его страданія: черезъ три года, 15 апрѣля 1880 года, его не стало. Онъ былъ камеръ-юнкеромъ Высочайшаго Двора, скончался въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Прахъ его покоится въ церкви его помѣстья Елисаветино (по Балтійской ж. д.)

---

[1]) Ibidem, стр. 392.

Князь Петръ Никитичъ былъ женатъ (1852 г.) на фрейлинѣ Ея Императорскаго Величества княжнѣ Елисаветѣ Эсперовнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Отъ этого брака у нихъ было 2 сына и четыре дочери, а именно: *князь Сергѣй Петровичъ* (№ 120), родившійся 7 октября 1854 года и скончавшійся въ слѣдующемъ году и *князь Александръ Петровичъ* (№ 121), родившійся въ 1867 году, нынѣ камеръ-пажъ Двора Его Императорскаго Величества, *княжна Елена Петровна*, родившаяся въ 1853 г., въ бракѣ за шталмейстеромъ Павломъ Павловичемъ Демидовымъ, княземъ Санъ-Донато, *княжна Александра Петровна*, фрейлина Ея Императорскаго Величества,— за шталмейстеромъ Владиміромъ Николаевичемъ Охотниковымъ, *княжна Ольга Петровна*, фрейлина Ея Императорскаго Величества, скончавшаяся въ 1887 году и *княжна Марія Петровна*, родившаяся въ 1870 году.

Второй сынъ князя Никиты Петровича,—*князь Сергѣй Никитичъ* (№ 103), родился въ 1829 году и дѣятельность свою началъ на военномъ поприщѣ, въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Въ 1885 году онъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, состоялъ, по Высочайшему повелѣнію, при главнокомандующемъ Кавказскою арміею, затѣмъ былъ назначенъ управляющимъ придворной конторой, завѣдующимъ Императорскимъ Эрмитажемъ и въ 1889 г. пожалованъ въ оберъ-гофмаршалы. Женатъ князь Сергѣй Никитичъ на княжнѣ Софіи Ираклієвнѣ Багратіонъ-Мухранской и имѣетъ двухъ сыновей – *князя Петра Сергѣевича* (№ 122) и *князя Никиту Сергѣевича* (№ 123).

Какъ выше (стр. 295) было сказано, кромѣ двухъ сыновей, князь Никита Петровичъ (№ 77), имѣлъ еще двухъ дочерей, а именно: *княжну Екатерину Никитишну*, фрейлину Ея Величества, бывшую за предсѣдателемъ Конюшенной Конторы, шталмейстеромъ, княземъ Павломъ Васильевичемъ Голицинымъ и *княжну Александру Никитишну*, род. 26 августа 1835 года,—за гофмейстеромъ, состоящемъ при Ея Императорскомъ Величествѣ Государынѣ Императрицѣ, княземъ Иваномъ Михайловичемъ Голицинымъ.

Дочерей у князя Петра Сергѣевича (№ 58) [1]) была лишь одна,—*княжна Елисавета Петровна*, бывшая два раза замужемъ: въ первомъ бракѣ—за графомъ Сергѣемъ Павловичемъ Потемкинымъ, и во второмъ—за сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайномъ совѣтникомъ, Ипполитомъ Ивановичемъ Подчасскимъ.

Княжной Елисаветой Петровной кончается краткая исторія линіи *втораго* внука князя Никиты Юрьевича—князя Петра Сергѣевича [2]); теперь идетъ линія *третьяго* его внука, князя Петра Николаевича (№ 62), сына князя Николая Никитича (№ 48).

У князя Петра Николаевича (№ 62), женатаго на Надеждѣ Ивановнѣ Пестовой, было два сына и двѣ дочери [3]). Старшій изъ сыновей, *князь Юрій Петровичъ* (№ 78), былъ женатъ на Людовикѣ Игнатьевнѣ Чайковской, скончавшейся 15 августа 1862 года, и имѣлъ двухъ дѣтей—*князя Юрія Юрьевича* (№ 104), умершаго 14 сентября 1885 года и дочь, *княжну Надежду Юрьевну*, въ замужествѣ за N. N. Кушковскимъ. Второй - *князь Григорій Петровичъ* (№ 79), служившій въ Статсъ-Секретаріатѣ Великаго Княжества Финляндскаго и бывшій камергеромъ и герольдомъ ордена св. Екатерины, имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; свѣдѣній о немъ не удалось получить. Изъ дочерей князя Петра Николаевича, старшая, *княжна Анна Петровна*, родилась 29 декабря 1793 года и скончалась въ молодыхъ лѣтахъ 29 марта 1827 года въ бракѣ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Степановичемъ Кожуховымъ, и вторая, *княжна Елена Петровна*, не оставила о себѣ свѣдѣній.

Вѣтвь князя Ивана Юрьевича (№ 39). Потомство князя Ивана Юрьевича, камергера и юстицъ-коллегіи президента въ началѣ XIX столѣтія выражалось тремя его правнуками, дѣтьми князя Ивана Николаевича (№ 63) [4]), отъ брака его съ княжной Наталіей Сергѣевной Мещерской. Старшій изъ нихъ, *князь Николай Ивановичъ* (№ 80), родившійся въ 1796 году,

[1]) См. стр. 268 и 293.
[2]) См. стр. 263.
[3]) См. стр. 250.
[4]) См. стр. 251.

скончался 23 мая 1873 года, имѣя званія оберъ-гофмейстера, сенатора и члена Государственнаго Совѣта, занимая должности предсѣдателя Московскаго присутствія Опекунскаго Совѣта и президента Московской дворцовой конторы и будучи кавалеромъ ордена святаго Андрея Первозваннаго. Онъ былъ женатъ на графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Мусиной Пушкиной [1]), но имѣлъ только двухъ дочерей *княженъ*: *Екатерину Николаевну*—за камергеромъ Всеволожскимъ и *Наталію Николаевну*—за Алексѣемъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Второй—*князь Петръ Ивановичъ* (№ 81), родился въ 1798 году, 1 апрѣля. Онъ служилъ въ военной службѣ, былъ, впослѣдствіи, смоленскимъ, а затѣмъ орловскимъ военнымъ губернаторомъ и скончался 22 мая 1871 года сенаторомъ, генераломъ-отъ кавалеріи и кавалеромъ ордена святаго Александра Невскаго. Отъ брака своего съ княжной Эмиліей Петровной Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, дочерью Русскаго фельдмаршала, онъ имѣлъ *пять* сыновей и *трехъ* дочерей [2]). Третій—*князь Алексѣй Ивановичъ* (№ 82), родился въ 1806 году, былъ виленскимъ вице-губернаторомъ и скончался въ 1855 году въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, нося званіе камергера. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Надеждѣ Борисовнѣ Четвертинской [3]),—нынѣ кавалерственная дама. Отъ этого брака былъ *одинъ* сынъ и *двѣ* дочери [4]). Такимъ образомъ, представителями линіи князя Ивана Юрьевича, въ XVIII колѣнѣ, являются дѣти князей Петра и Алексѣя Ивановичей.

Изъ *пяти* сыновей князя Петра Петровича (№ 81), старшій, *князь Петръ Петровичъ* (105), имѣлъ званіе камеръ-юнкера и женатъ былъ на дальней родственницѣ своей княжнѣ Варварѣ Юрьевнѣ Трубецкой [5]). Отъ этого брака онъ имѣлъ

---

[1]) Род. 1796 г. † 1829 г.

[2]) См. ниже.

[3]) Род. 21 августа 1815 года.

[4]) См. ниже, послѣ дѣтей кн. Петра Ивановича.

[5]) Дочь кн. Юрія Ивановича (№ 68), сына кн. Ивана Дмитріевича (№ 54), сына кн. Дмитрія Юрьевича (№ 43), т. е. она была четвероюродная тетка кн. Петра Пётровича.

двухъ дочерей—*княжну N. N. Петровну*, вышедшую замужъ за графа Гонто-Биронъ и *княжну Надежду Петровну*, фрейлину Ея Императорскаго Величества; *второй,—князь Иванъ Петровичъ* (106), родился въ 1825 году и скончался 7 ноября 1887 года, въ Москвѣ. Женатъ онъ былъ на Екатеринѣ Петровнѣ Мельгуновой и имѣлъ *двухъ* сыновей—*князей Алексѣя* (№ 124) *и Ивана* (№ 125) *Ивановичей*; *третій—князь Николай Петровичъ* (№ 107) родился въ 1828 году и нынѣ, имѣя чинъ тайнаго совѣтника и званіе почетнаго опекуна Московскаго присутствія Опекунскаго Совѣта, управляетъ больницей Императора Павла I въ Москвѣ и членъ Совѣта Елисаветинскаго Училища по хозяйственной части. Женатъ онъ былъ два раза; въ первый разъ на графинѣ Любови Васильевнѣ Орловой-Денисовой и отъ этого брака имѣетъ *одного* сына *князя Петра Николаевича* (№ 126), родившагося въ 1857 году, кандидата правъ Московскаго университета, камеръ-юнкера, московскаго уѣзднаго предводителя дворянства, женатаго на княжнѣ Александрѣ Владиміровнѣ Оболенской [1]) и *двухъ* дочерей—*княжну Софію Николаевну* (род. въ 1854 г.), замужемъ за Владиміромъ Петровичемъ Глѣбовымъ и *княжну Марію Николаевну* (род. 1859 г.)—за Григоріемъ Ивановичемъ Кристи.

Отъ второго брака, съ Софіей Алексѣевной Лопухиной, князь Николай Петровичъ имѣетъ *3 сыновей — князя Сергѣя Николаевича* (№ 127), род. въ 1862 г., приватъ-доцента по каѳедрѣ философіи въ Московскомъ Университетѣ [2]), женатаго на княжнѣ Прасковіи Владиміровнѣ Оболенской [3]), *князя Евгенія Николаевича* (№ 128), род. въ 1863 г., приватъ-доцента по каѳедрѣ Государственнаго права въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ въ Ярославлѣ, женатаго на княжнѣ Вѣрѣ Александровнѣ Щербатовой и *князя Григорія Николаевича* (№ 129), род. въ 1873 году *и 6 дочерей - княжну Антонину*

---

[1]) Дѣти отъ этого брака: *князь Владиміръ Петровичъ* (№ 132), родился въ 1884 г., *княжна Софія Петровна*, родилась въ 1886 г. и *княжна Любовь Петрова*, родилась въ 1888 г.

[2]) Нынѣ магистръ философіи.

[3]) Имѣютъ одну дочь, *княжну Любовь Сергѣевну*, родилась въ 1888 г.

Николаевну (род. въ 1864 г.)—за Θедоромъ Дмитріевичемъ Самаринымъ, *княжну Елисавету Николаевну* (род. въ 1865 г.)—за Михаиломъ Михайловичемъ Осоргинымъ, *княжну Ольгу Николаевну* (род. въ 1867 г.). *княжну Варвару Николаевну* (род. въ 1870 г.), *княжну Александру Николаевну* (род. въ 1872 г.) и *княжну Марину Николаевну* (род. въ 1877 г.).

Четвертый сынъ князя Петра Ивановича—*князь Александръ Петровичъ* (№ 108), скончался въ 1872 году въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ званіи каммергера и будучи Харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Отъ брака съ Надеждой Николаевной Всеволожской онъ имѣлъ *одного* сына—*князя Сергѣя Александровича* (№ 130) и *трехъ* дочерей—*княжну Эмилію Александровну*, скончавшуюся въ 1878 году, *княжну Марію Александровну*—за полковникомъ Владиміромъ Θедоровичемъ фонъ-деръ-Лауницъ и *княжну Вѣру Александровну*—за N. N. Гудимъ-Левковичемъ.

Пятый сынъ князя Петра Ивановича—*князь Павелъ Петровичъ* (№ 109) [1])—камергеръ, бывшій Московскій уѣздный предводитель дворянства. Отъ брака съ Маріей Григорьевной Иловайской († 1889) онъ имѣетъ *одного* сына — *князя Александра Павловича* (№ 131).

Дочерей у князя Петра Ивановича было четыре, а именно: *княжна Марія Петровна*—замужемъ за почетнымъ опекуномъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Павломъ Васильевичемъ Зиновьевымъ, *княжна Наталія Петровна* (род. въ 1835 г. † въ 1851 г.), *княжна Елисавета Петровна*—за N. N. Винклеромъ и *княжна Ольга Петровна*—за княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ Долгорукимъ.

Какъ выше (стр. 299) было сказано, у князя Алексѣя Ивановича (№ 82) брата князя Петра Ивановича, остался *одинъ* сынъ—*князь Алексѣй Алексѣевичъ* (№ 110), родившійся въ 1847 году, бывшій совѣтникомъ губернскаго правленія въ г. Ломжѣ и Звенигородскій, Московской губерніи, уѣздный предводитель дворянства и *двѣ* дочери—*княжна Наталія Алексѣевна*—замужемъ за княземъ Николаемъ Ивановичемъ Ша-

[1]) Авторъ труда „Памятная книга для уѣзднаго предводителя дворянства“

ховскимъ и *княжна Надежда Алексѣевна*, фрейлина двора Ея Императорскаго Величества. Этими лицами заканчивается вѣтвь князя Ивана Юрьевича.

Вѣтвь князя Алексѣя Юрьевича (№ 40). Потомство князя Алексѣя Юрьевича выражалось въ XIX ст. дѣтьми двухъ его внуковъ—князя Алексѣя Ивановича (№ 64) и князя Василія Сергѣевича (№ 67).

Князь Алексѣй Ивановичъ, скончавшійся 3-го февраля 1813 года [1]), отъ супруги своей, Евдокіи Семеновны Гурьевой, оставилъ *двухъ* сыновей—*князя Ивана Алексѣевича* (№ 83), имѣвшаго одного сына, *князя Юрія Ивановича* (№ 111) и дочь, *княжну Ольгу Ивановну*, вышедшую замужъ за графа Бобринскаго, и *князя Александра Алексѣевича* (№ 84), не оставившаго потомства. Этими лицами и исчерпывается старшая вѣтвь линіи князя Алексѣя Юрьевича.

Князь Василій Сергѣевичъ, второй внукъ князя Алексѣя Юрьевича, генералъ отъ кавалеріи и членъ государственнаго совѣта [2]), былъ женатъ два раза: въ первомъ бракѣ на принцессѣ Екатеринѣ Биронъ и, во второмъ, на Софіи Андреевнѣ Вейссъ. Первый бракъ былъ безплоденъ, и все потомство его происходитъ отъ втораго. Всѣхъ дѣтей у него было *пять* сыновей и *шесть* дочерей, а именно:

а) *Князь Александръ Васильевичъ* (№ 85), генералъ-маіоръ, родившійся въ 1813 г. и скончавшійся 17 Апрѣля 1889 г. Въ Крымскую кампанію командовалъ Новомиргородскимъ ополченіемъ и авангардомъ у Евпаторіи, а 1868 году былъ генеральнымъ консуломъ въ портахъ Средиземнаго моря. Отъ брака съ графиней Маріей Жильберъ-де-Вуазенъ, дочерью знаменитой Тальони, онъ оставилъ *четырехъ* сыновей—*князя Сергѣя Александровича* (№ 112), родившагося въ 1852 году и скончавшагося 26 января 1882 года въ Парижѣ, *князя Юрія Александровича* (№ 113), *князя Александра Александровича* (№ 114)—оба офицеры запаса и *князя Алексѣя*

---

[1]) Стр. 251.

[2]) Стр. 252.

Александровича (№ 115) и *дочь, княжну Маргариту Александровну,* родившуюся въ 1835 году (въ замужествѣ).

б) *Князь Сергѣй Васильевичъ* (№ 86), родился въ 1815 году, скончался въ 1859 году. Онъ служилъ въ военной службѣ на Кавказѣ и отличился при взятіи Ахульго. Женатъ былъ на Екатеринѣ Петровнѣ Мусиной-Пушкиной и имѣлъ *одну* лишь дочь, *княжну Софію Сергѣевну,* бывшую замужемъ за Шарлемъ-Августомъ-Луи - Іосифомъ, герцогомъ де-Морни, президентомъ Законодательнаго Корпуса и министромъ при Императорѣ Наполеонѣ III.

в) *Князь Андрей Васильевичъ* (№ 87), родился въ 1824 г. и скончался въ 1881 г., имѣя званіе церемоніймейстера Высочайшаго Двора. Женатъ онъ былъ на Софіи Николаевнѣ Смирновой и отъ этого брака имѣлъ *одного* лишь сына, *князя Василія Андреевича* (№ 116), носящаго нынѣ званіе камеръ-юнкера и *двухъ* дочерей, состоящихъ въ замужествѣ за иностранцами.

г) *Князь Владиміръ Васильевичъ* (№ 88), родившійся въ 1825 году и скончавшійся въ 1850 г. Онъ былъ адъютантомъ фельдмаршала князя Паскевича-Эриванскаго во время управленія послѣднимъ Царствомъ Польскимъ и женатъ былъ на Елисаветѣ Маврикіевнѣ Коніаръ. Свѣдѣній о потомствѣ его нѣтъ.

д) *Князь Николай Васильевичъ* (№ 89), почетный мировой судья Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

е) *Княжна Елена Васильевна,* родилась въ 1817 г., скончалась въ 1831 г.

ж) *Княжна Марія Васильевна,* родилась въ 1819 г. Въ замужествѣ два раза: въ первомъ бракѣ за флигель-адъютантомъ, полковникомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Столыпинымъ († 1847 г.), во второмъ—за генералъ-адъютантомъ, генераломъ отъ инфантеріи, свѣтлѣйшимъ княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ († 1883 г.).

з) *Княжна Ольга Васильевна,* родилась въ 1820 г., также была два раза замужемъ — въ первомъ бракѣ за камергеромъ Михаиломъ Александровичемъ Устиновымъ, во второмъ за N. N. Бланко.

и) *Княжна Софія Васильевна*, родилась 1823 г.—въ замужествѣ за церемоніймейстеромъ Высочайшаго двора графомъ Иваномъ Александровичемъ Рибопьеръ († 1871).

і) *Княжна Александра Васильевна*, родилась 1827 г., въ первомъ бракѣ – за графомъ Θедоромъ Степановичемъ Апраксинымъ († 1863); во второмъ – за Шарлемъ-де-Бопъ, Бельгійскимъ посланникомъ и

к) *Княжна Вѣра Васильевна*, родилась въ 1829 г., скончалась 20 февраля 1861 г.; въ замужествѣ была за графомъ Антоніемъ Эстергази, барономъ де-Галанта, наслѣдственнымъ графомъ Форкенштейнъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 1-й.

(къ стр. 51).

Александръ Божею Милостю Великій Князь Литовскій и Русскій.

Билъ намъ чоломъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкій и клалъ передъ Нами листы отца Нашаго Короля Его Милости, штожъ отецъ Нашъ Король Его Милость далъ былъ отцу его князю Юрю Михаиловичу Трубецкому тую половину Трубецка, што перво сего онъ же держалъ со всимъ, потому какже былъ Его Милость далъ небожчику Пану Гринку Воловичу и тежъ какъ держалъ князь Иванъ Чарторыйскій, и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему тую половицу Трубецка отца его дѣльницу потвердили Нашымъ листомъ, ино *Мы ему и его жонѣ и ихъ детемъ тую его половицу Трубецка потвержаемъ симъ Нашымъ листомъ, нехай онъ тую половицу Трубецка держитъ вѣчно со всимъ* потому, какжо и отецъ его держалъ и какъ князь Иванъ Чарторыйскій, и тежъ Панъ Гринко Воловичъ держали. Писанъ у Вилни февраля 4-й день индикта 13 (1494 года) *).

Приложеніе № 2-й.

(къ стр. 51).

Вырокъ межи княземъ Андреемъ а княземъ Иваномъ Семеновичами, съ дядкомъ ихъ княземъ Иваномъ Трубецкимъ о имѣнія Трубецкія.

Александръ Божею Милостю Король Польскій, Великій Князь Литовскій и пр. и пр.

Смотрѣли есмо того дѣла жаловали Намъ дворяне Наши *князь Андрей*, а *князь Иванъ Ивановичи Семеновича* на дядка своего *князя Ивана Юревича Трубецкаго* штожъ имъ нехочетъ ровнаго дѣлу дати у отчине у Трубецку и во всѣхъ имѣняхъ Трубецкихъ, а дедъ ихъ, съ его отцемъ, и отецъ ихъ съ нимъ промежи себе недельни были у отчинѣ и стояли передъ нами очевисто и о томъ мовили и *князь Иванъ* поведалъ передъ нами, штожъ о томъ делу ничого

---

*) Метрическіе акты 3-го Департамента Правительствующаго Сената, книга записей № 5, стр. 26.

неведаетъ, нижли перво сего отецъ его *князя Юрей* отездилъ въ Москвѣ и въ тотъ часъ тую его дельницу державъ отъ отца Нашого короля Его милости князь Иванъ Чорторыйскій, а послѣ князя Ивана тую жъ дельницу державъ въ держаны конюшій отца Нашаго Панъ Гринко Воловичъ и потомъ какъ Панъ Гринко вмеръ и отецъ ихъ, съ Москвы приехавши, билъ чоломъ королю Его Милости о тую свою отчину, што державъ князь Иванъ Чорторыйскій и Панъ Гринко Воловичъ и отецъ Нашъ Его Милость далъ отцу его *князю Юрю* и ему самому тую дельницу половину Трубецка и на то имъ и листъ свой далъ, и *князь Иванъ* послѣ того билъ намъ чоломъ абыхмо тую дельницу половину Трубецка потвердили ему Нашимъ листомъ подлугъ листу отца Нашаго и Мы ему тую дельницу потвердили Нашимъ листомъ водле листа отца Нашаго короля Его Милости; и мовилъ *князь Иванъ* штожъ о томъ дѣлу дедъ *князя Андреевъ и князя Ивановъ* и отецъ ихъ *князь Иванъ* и ни они сами ничого не вспоминали за короля Его милости, и *князь Андрей и князь Иванъ* рекли штожъ отецъ ихъ неоднокроть о томъ делѣ вспоминался при отцѣ Нашомъ королѣ Его Милости и послѣ отца Нашаго какъ Мы остали господаремъ на отчине Нашей на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и они Намъ о томся делѣ вспоминали и мы казали были ихъ тою отчиною на полы поделити и поровнати наместнику Бранскому князю Федору Ивановичу и Окольничому Смоленскому Борису Семеновичу, *князь Иванъ* передъ тыми дельчими ся нестановилъ и тою отчиною съ ними нехотелъ дѣлити и Мы тыми разы казали князю Ивану положити передъ Нами листъ отца Нашаго и Нашъ листъ потверженый и онъ листовъ отца Нашого передъ нами неположилъ, нижли положилъ нашъ листъ потверженый и въ Нашемъ листу потвержаномъ стоитъ написано штожъ отецъ Нашъ король Его Милость далъ отцу его и ему самому листъ свой на половину Трубецка а мы ему то потвердили были Нашимъ листомъ подлугъ листу отца Нашого, ино коли отецъ ихъ о тотся(?) делъ вспоминалъ отцу Нашому королю Его Милости, а они тежъ послѣ отца своего о томъ дѣлу Намся вспоминали а *князь Иванъ дядко* ихъ доводу па то никоторого невчинилъ ижбы дедъ ихъ со отцемъ его промежи себе дѣлъ мели у вотчине своей въ Трубецку и во всѣхъ именіяхъ Трубецкихъ, и Мы того досмотрѣвши *князя Андрея и князя Ивана Ивановичовъ* въ томъ есмо правыхъ нашли и присудили есмо и казали тый вси именья Трубецкии змешавши посполу *князя Ивановы и князя Александровы князя Андреевы* и брата его *Ивановичовъ* розделити на полы и поровнати и дельчихъ есмо па то имъ дали князя Дмитрея Василевича Горскаго, а Дворянина нашого Капусту, а казначея Бранскаго Григоря Жинева и казали есмо имъ самый Трубческъ и вси именья Трубецкии на полы подѣливши и жеребьи кинути которымся доставетъ которая половина, тый маютъ того въ держаніи бытии и рокъ есмо тому дѣлу положили Светого Юря день естьли *Панъ князь Иванъ и братъ его Александро* невосхотятъ передъ тыми дельчими стати а тою ся отчиною делити и мы казали тымъ же делчимъ тыи вси именья отчину ихъ на полы поделивши и поровнавши и въ одну половину *князя Андрея а князя Ивана* моцно увязати князю Капусте. Писанъ въ Городне февраля 15-го день Индиктъ второй (1499 г.). Янушко писаръ *).

---

*) ibid. Книга записей № 6, стр. 217—218

Приложеніе № 3-й.

(къ стр. 87).

Счетное дѣло

Боярина Князя Тимофея Романовича Трубецкаго съ Княземъ Андрѣемъ Голицинымъ.

(выписка изъ столбца о службѣ 7084/1579 года, подъ № 4).

Списокъ съ грамоты слово въ слово отъ Царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа Руси въ пашу отчину въ Казань воеводѣ нашему Князю Григорью Андрѣевичу Булгакову. Писалъ еси къ намъ: велѣно тебѣ быти на нашей службѣ въ Казани на княжъ Ондрѣево мѣсто Ивановича Похтева и дѣла наши всякіе велѣно тобѣ да воеводѣ Богдану Юрьевичу Сабурову дѣлати за одинъ; и воевода де Богданъ Юрьевичъ для нашихъ дѣлъ на нашъ дворъ къ тебѣ на съѣздъ не ѣздитъ, а тобя тѣмъ безчествуетъ и нашихъ дѣлъ никакихъ не дѣлаетъ. И мы къ нему писали, а велѣли ему для нашихъ дѣлъ на нашъ дворъ къ тебѣ по прежнему пріѣзжати, какъ напередъ того къ большому воеводѣ наши воеводы другіе пріѣзжали. А къ Богдану къ Сабурову есмя писали; а тыбъ воевода нашъ князь Григорей и Богданъ Сабуровъ дѣлали наши всякіе дѣла по нашему наказу, а розни бы межъ вами въ нашихъ дѣлѣхъ ни которые не было, а нашему дѣлу въ томъ мотчанья и порухи одноличпо не было. Писанъ на Москвѣ 7087 Апреля 20.

87 Мая въ 10 день привезъ грамоту Тимоха Еропкинъ, а надпись діака Кирея Горина.

И бояринъ князь Тимофей Романовичъ Трубецкой выслушавъ грамотъ сказалъ: хоти такова грамота ко Князю Григорью послана для промыслу, а безмѣсная грамота на Князя Григорья Богдану Сабурову дана, и нынѣ та грамота у Богдана, и Князь Григорей Куракинъ пріѣхавъ изъ Казани па Богдана не билъ челомъ; и Князь Ондрѣй Голицинъ сказалъ: потому Князь Григорей Куракинъ на Богдана пе билъ челомъ, что Богдану Сабурову на Князя Григорья Куракина грамота невмѣстная не дана, да въ томъ слались на розрядъ и на записку.

И діакъ Ондрей Щелкаловъ сказалъ боярамъ, что онъ по Государеву приказу Богдану Сабурову безмѣстную далъ.

И въ розрядѣ сыскано: 7087 въ Казани воевода Князь Григорей Ондрѣевичъ Булгаковъ, да въ Казани жъ бояринъ Богданъ Юрьевичъ Сабуровъ; а вѣдать Князю Григорью большой городъ, а Богдану вѣдать и береженье держать въ посадѣ, а быть имъ без мѣстъ, а Богданъ Сабуровъ былъ со Князь Тимофѣемъ въ Смоленску въ 95 году.

Да Князь Андрей жъ Голицинъ подалъ грамоту, а въ грамотѣ пишетъ:

Отъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ нашу отчину въ Казань воеводамъ нашимъ: Князю Григорью Ондрѣевичу Булгакову, да Бог-

дану Юрьевичу Сабурову с товарищи, да дьяку нашему Михайлу Битяговскому Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ; и ты Князь Григорей у воеводы нашего у Князя Ивана Нохтева Литву и стрѣльцевъ всѣхъ прибыльныхъ взялъ къ себѣ, и были бъ они съ вами; а со Княземъ Иваномъ съ Нохтевымъ и съ Артемьемъ Колтовскимъ быти есмя велѣли дѣтемъ боярскимъ прибыльнымъ, которые нынѣ остались розныхъ городовъ по росписи, а гонцовъ есмя Князю Ивану отъ себя особныхъ къ Москвѣ посылать не велѣли, а которые отъ него къ намъ росписки будутъ, и онъ бы посылалъ тѣ отписки съ тѣми гонцы, которые отъ тебя отъ Князя Григорья къ намъ погонятъ и подорожныхъ бы отъ себя не писалъ Князь Иванъ мимо тебя большово Князя Григорья, велѣли есмя Князю Ивану быть с тобою, и дѣлать за одинъ, и пріѣзжать къ тебѣ, а промышляли бы есте нашимъ дѣломъ за одинъ. А какъ Микифоръ Чепчуговъ изъ Казани поидетъ, и выбравъ стрѣльцовъ прибыльныхъ Московскихъ и Ржевскихъ и Литовскихъ людей отдали Микифору Чепчукову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7092 Декабря въ 12 день.

И бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой выслушавъ грамоту сказалъ, что грамота воровская, а въ грамотѣ написано: Князю Григорью Куракину, да Богдану Сабурову с товарищи; а на подписи написано: Князю Григорью Куракину с товарищи, а Богданово имя Сабурова на подписи ненаписано.

И Князь Ондрей Голицинъ подалъ память, а въ памяти пишетъ:

Были воеводы по Угрѣ по полкомъ: въ большомъ полку дѣдъ мой Князь Данило Васильевичъ Щеня, да отецъ мой Князь Ондрей Ивановичъ Булгаковъ, да Окольничей Петръ Яковлевичъ, да Князь Федоръ Дмитріевичъ Пронской; а въ передовомъ полку былъ дядя мой Князь Михайло Ивановичъ Булгаковъ, да Князь Иванъ Михайловичъ Воротынской; а въ Торусѣ были воеводы: бояринъ Григорей Федоровичъ, а окольничей Ондрей Васильевичъ Сабуровъ.

Подъ Смоленскомъ были боярѣ и воеводы: въ большомъ полку дѣдъ мой Князь Данила Васильевичъ Щеня, да съ нимъ бояринъ и воевода Князь Иванъ Михаиловичъ Репня; а въ передовомъ полку въ другихъ былъ Ондрей Васильевичъ Сабуровъ; въ правой рукѣ дядя мой Князь Михайло Ивановичъ Щенятевъ, да Федоръ Буторлинъ; въ лѣвой рукѣ отецъ мой Князь Ондрей Ивановичъ Булгаковъ, да Михайло Ондреевичъ Плещіевъ.

Нарядъ къ Казани со Княземъ Федоромъ съ Бѣльскимъ: въ большомъ полку Князь Федоръ Ивановичъ Бѣльской; а въ правой рукѣ Юрій Захарьичъ, а Юрій былъ на Вѣдроши у дѣда у моего у Князя Данила Васильевича въ сторожевомъ полку; а въ судовой былъ Князь Иванъ Суздальской Барбаша, да Михайло Константиновичъ Беззубцовъ, да Семенъ Карповичъ, да Ондрей Васильевичъ Сабуровъ, а Михайлс Константиновичъ Беззубцовъ былъ съ дѣдомъ моимъ со Княземъ Даниломъ Васильевичемъ Щенятемъ, какъ дѣдъ мой ходилъ къ Вяткѣ.

И бояринъ Князь Тимофей Романовичъ сказалъ: такихъ розрядовъ не упомнитъ, да слался на Государевы розряды.

И сыскано въ розрядѣ лѣта 7020 на Угрѣ: въ большомъ полку бояринъ и воевода Князь Данило Васильевичъ, да въ большомъ же полку со Княземъ Даниломъ воеводы Князь Андрей Ивановичъ Булгаковъ, да окольничей Петръ Яковличъ, до Князь Федоръ Дмитріевичъ Пронской; въ передовомъ полку Князь Михайло Ивановичъ Булгаковъ, до Князь Иванъ Михаиловичъ Воротынской;

въ правой рукѣ Князь Борисъ Ивановичъ Горбатой, да Князь Иванъ Васильевичъ Бѣлевской.

А въ Серпуховъ посылалъ Государь боярина своего Григорья Федоровича, да Окольничего Ондрея Васильевича Сабурова, до Князя Ивана Пелецкаго.

А 21 написано подъ Смоленскомъ: въ большомъ полку Князь Данило Васильевичъ, да съ нимъ Князь Иванъ Рѣпня, въ передовомъ полку Князь Михайло Львовичъ Глинской, да Ондрей Васильевичъ Сабуровъ; въ правой рукѣ Князь Михайло Даниловичъ, да Федоръ Батурлинъ, а какъ придетъ Лобанъ Ряпловской ино быть со Княземъ Михайломъ Лобану; въ лѣвой рукѣ Князь Ондрей Булгаковъ, да Михайло Плещѣевъ; въ сторожевомъ полку Князь Борисъ Горбатой, да Григорей Фоминъ.

А что написано въ княжъ Григорьевѣ памяти Куракина нарядъ къ Казани со Княземъ Федоромъ съ Бѣльскимъ.

И сыскано въ розрядѣ лѣта 7007 въ Казань въ конной рати въ большомъ полку Князь Федоръ Ивановичъ Бѣльской, въ передовомъ Князь Семенъ Ряполовской, въ правой Юрій Захарьичъ, въ лѣвой Дмитрей Шеинъ.

А въ судовой воеводы Князь Иванъ Барбаша Суздальской, Михайло Константиновичъ Беззубцовъ, Семенъ Карповичъ, Ондрей Васильевичъ Сабуровъ.

А въ Вятцкое взятье лѣта 6997 въ большомъ полку Князь Данило Щеня, въ правой рукѣ въ третьихъ Михайло Константиновичъ, а прозвищѣ не написано.

А что во княжъ Григорьевѣ памяти Куракина написано: Юрій Захарьичъ былъ на Ведроши со Княземъ Даниломъ Щенятемъ въ сторожевомъ полку, и того въ розрядѣ не сыскано, потому что и во княжъ Григорьевѣ памяти годъ не написанъ.

И бояринъ Князь Тимофей Трубецкой далъ память, а въ памяти пишетъ.

Лѣта 7091 Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи прислалъ въ Свіяской Богдану Юрьевичу Сабурову другую не вмѣсную грамоту на княжъ Григорья жъ Андреевича Куракина, а Богданъ Юрьевичъ Сабуровъ былъ въ Смоленску со мною холопомъ твоимъ.

И Князь Ондрей Голицинъ выслушавъ память сказалъ: Богдану Сабурову на Князя Григорья Куракина невмѣстная грамота не давана, да слался на Государевъ розрядъ.

И бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой подалъ память и въ памяти пишетъ.

Лѣто 7038 Князь великій Василей Ивановичъ послалъ воеводъ своихъ въ судѣхъ къ Казани.

Въ правой рукѣ Щука Кутузовъ, до Князь Михайло Курбской Карамышъ.

Въ сторожевомъ Князь Иванъ Ивановичъ Барбошинъ, до Михайло Ильичъ Бакѣевъ.

И Князь Ондрей Голицинъ сказалъ: такова розряду не помнитъ до слался на розрядъ.

И сыскано въ розрядѣ, 7038 въ судахъ къ Казани: въ правой рукѣ воеводы Федоръ Щука Юрьевичъ Кутузовъ, да Князь Федоръ княжъ Михайловъ Курбской; въ сторожевомъ полку Князь Иванъ Ивановичъ Барбашинъ, да Михайло Бакѣевъ, а что написано въ правой рукѣ Михайло Курбской Карамышъ, и въ розрядѣ написано Князь Федоръ Курбской.

Да бояринъ же Князь Тимофей Романовичъ подалъ память, и въ памяти пишетъ:

Лѣта 7045 Володимерѣ были воеводы по полкомъ:

Въ правой рукѣ Иванъ Ивановичъ Барбошинъ.

Въ сторожевомъ Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ.

И князь Ондрей Голицинъ сказалъ такова розряду неупомнитъ, да слался на государевъ розрядъ.

И сыскано въ розрядѣ 7045 въ Володимеръ въ большомъ полку Князь Василей Ондрѣевичъ Микулинской, да Князь Петръ Рѣпнинъ; въ правой рукѣ Князь Иванъ Ивановичъ Барбошинъ, да Князь Иванъ Федоровичъ Стригинъ; въ сторожевомъ полку Князь Юрей Михайловичъ Булгаковъ, да Князь Иванъ Шемяка Васильевичъ Пронской.

Да бояринъ же Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой подалъ память, и въ памяти пишетъ:

Лѣта 7022 въ большомъ полку бояринъ Князь Данило Васильевичъ Щеня; въ передовомъ полку Князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня; въ правой рукѣ бояринъ Князь Михайло Даниловичъ Щенятевъ; въ лѣвой рукѣ Князь Ондрей Ивановичъ Булгаковъ Куракинъ; въ сторожевомъ полку окольничей Ондрей Васильевичъ Сабуровъ. И потому Государь розряду Князь Ондрей Ивановичъ Булгаковъ Куракинъ меньши Князь Ивана Михайловича Рѣпни и Ондрея Васильевича Сабурова; а Князь Иванъ Государь Михайловичъ Рѣпня меньши Князя Ивана Шемяки, да Князя Ивана Турунтая Пронскихъ, а Князь Иванъ Шемяка дѣда моего Князь Семена Ивановича былъ въ 42 году и въ 43 году меньши; а Князь Григорей Государь Ондрѣевичъ Куракинъ у отца своего пятой. И въ томъ воленъ Богъ да мы Государь какова меня холопа своего Тимошку учинишь съ братомъ его съ большимъ со Княземъ Дмитріемъ.

И Князь Ондрей Голицинъ сказалъ такихъ разрядовъ не упомнитъ да слался на Государевъ разрядъ.

И въ 22 году таковъ разрядъ не написанъ, а былъ таковъ разрядъ въ 21 году въ Вязьмѣ, противъ памяти сшелся.

А лѣто 43 на Коломнѣ въ правой рукѣ Князь Семенъ Трубецкой, да Князь Иванъ Шемяка Пронской.

И Князь Ондрей Голицинъ подалъ память, и въ памяти пишетъ.

Какъ приходилъ Дивей, и тогды были на Тулѣ воеводы по полкомъ по росписи Князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльской, и тогда Князь Иванъ Голицинъ списковъ не взялъ, затѣмъ что Князь Иванъ Бѣльской, писалъ къ Государю грамоты отъ себя и ото всѣхъ бояръ и воеводъ, а не с товарищи; а опречь Князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго въ боярехъ и въ воеводахъ больши никого не было Князю Ивану Голицину; и къ Государю Князь Иванъ Голицинъ о томъ писалъ, что Князь Иванъ Бѣльской пишетъ къ Государю не противъ Государевыхъ грамотъ.

И того же лѣта велѣлъ Государь быти боярину Князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому къ себѣ къ Москвѣ, а на Тулѣ Государь велѣлъ быть въ большомъ полку племяннику моему Князю Ивану Юрьевичу Голицину, а у него велѣлъ Государь быти въ передовомъ полку Князю Федору Васильевичу Сисѣеву.

И бояринъ Князь Тимофей Романовичъ сказалъ: язъ давеча вамъ тотъ розрядъ подалъ и въ томъ розрядѣ Князь Иванъ Голицинъ былъ въ большомъ пол-

ку въ третьихъ, а Князь Петръ Серебряной въ лѣвой рукѣ въ первыхъ, да слался на Государевъ розрядъ.

И сыскано въ розрядѣ въ......... году на Тулѣ были воеводы по полкомъ въ большомъ полку бояря и воеводы Князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльской, да Князь Дмитрій Ивановичъ Курлетевъ, да въ большомъ полку воевода Князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ; въ передовомъ полку воеводы Князь Александръ Ивановичъ Воротынской, да Князь Федоръ Сисѣевъ; въ правой рукѣ воеводы Князь Василій Михайловичъ Глинской, да бояринъ Петръ Васильевичъ Морозовъ; въ лѣвой рукѣ Князь Петръ Семеновичъ Серебряной, да Михайло Головинъ; въ стороженомъ полку Князь Данило Семеновичъ Одоевской, да Князь Петръ Татевъ. И писалъ къ Государю Князь Иванъ Бѣльской, что Князь Иванъ Голицинъ списковъ не взялъ для Князя Дмитріа Курлетева. И Государь писалъ ко Князю Ивану Булгакову, что написанъ въ большомъ полку другой Князь Курлетевъ, а онъ Князь Иванъ написанъ въ большомъ полку въ третьихъ; и ему Князю Ивану велѣно быти въ большомъ полку не со Княземъ Дмитріемъ съ Курлетевымъ, велѣно быти въ большомъ полку съ Княземъ Иваномъ съ Бѣльскимъ, и онъ бы списки взялъ и былъ на службѣ съ Княземъ Иваномъ съ Бѣльскимъ, да съ Княземъ Васильемъ съ Глинскимъ и со всѣми бояры и воеводами, а будетъ ему до Князя Дмитрея дѣло, и какъ служба минется и ему съ нимъ дадутъ счотъ.

А послѣ отпуску большихъ воеводъ, на Тулѣ были воеводы: Князь Иванъ Юрьевичъ Голицинъ, Князь Петръ Семеновичъ Серебряной, да Князь Федоръ Сисѣевъ, да съ Княземъ Иваномъ же Ширяй Кобяковъ.

И бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой подалъ память и въ памяти пишетъ.

Лѣта 7047 на Коломнѣ были воеводы по полкамъ: въ большомъ полку Князь Василей Ондрѣевичъ Микулинъской, бояринъ Князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ, да въ большомъ же полку третей воевода Василей Петровъ сынъ Борисова; въ передовомъ полку бояринъ Князь Михайло Ивановичъ Кубенской, да Князь Михайло Михайловичъ Курбской; въ правой рукѣ Князь Федоръ Михайловичъ Мстиславской, да Князь Константинъ Ивановичъ Курлятевъ; въ лѣвой рукѣ Князь Федоръ Ондрѣевичъ Булгаковъ Куракинъ, да Князь Василей Чулокъ Ушатой; въ стороженомъ полку Князь Федоръ Ивановичъ Одоевской, да Князь Дмитрей Ивановичъ Курлятевъ. И потому Государь Князь Михайло Кубенской больши Князя Федора Булгакова Куракина; Князь Михайло былъ Кубенской въ передовомъ полку первой, а Князь Федоръ Куракинъ въ лѣвой рукѣ, а Князь Михайло Кубенской меньши Князя Василья Ондрѣевича Микулинсково, а Князь Василій Ондрѣевичъ Микулинской дѣда моево Князь Семена Ивановича меньши многими мѣсты; въ томъ воленъ Богъ да ты Государь, какова меня холопа своево учинишь.

И бояринъ Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской, выслушавъ памяти говорилъ: подалъ бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой память, а въ памяти написалъ, что дѣдъ мой Князь Федоръ Михайловичъ былъ съ Княземъ Васильемъ съ Микулинскимъ, и дѣдъ мой Князь Федоръ Михайловичъ Мстиславской меньши Князя Василья Микулинскаго не бывалъ, тѣмъ меня бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой безчеститъ, да сталъ о томъ сердитовать, да вставъ изъ мѣста пошелъ вонъ. И бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой говорилъ: не сердитуй Князь Федоръ Ивановичъ по дѣдѣ по твоемъ, съ

тобою льзя было въ отечествѣ считаться, и по отцѣ по твоемъ съ тобою мѣстничатца нельзя, потому что Государь отца твоего жаловалъ и учинилъ его велика. И бояря говорили боярину Князю Федору Ивановичу Мстиславскому, что бояринъ Князь Тимофей Трубецкой тое память далъ не на тебя, подалъ онъ тое память для того, что Князь Михайло Кубенской больши Князя Федора Куракина; и бояринъ Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской сѣлъ въ судѣ опять.

А Князь Ондрей Голицинъ сказалъ: такихъ онъ розрядовъ не упомнитъ, да слался на Государевъ розрядъ.

И сыскано въ розрядѣ лѣто 7043 на Коломнѣ таковъ разрядъ былъ, противъ памяти сшелся.

И Князь Ондрей Голицинъ подалъ память и въ памяти пишетъ:

Лѣто 7057 на Коломнѣ были воеводы по полкомъ: въ большомъ полку бояринъ и воевода Князь Дмитрей Федоровичъ Бѣльской, да бояринъ Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ; въ передовомъ полку бояринъ Князь Юрій Ивановичъ Темкинъ, да Князь Петръ Ивановичъ Кашинъ; въ правой рукѣ Князь Семенъ Ивановичъ Трубецкой, да Князь Дмитрей Ивановичъ Немово; въ сторожевомъ полку окольничей Иванъ Дмитріевичъ Шеинъ; въ лѣвой рукѣ Князь Юрей Ивановичъ Кашинъ. А какъ Государь Царь и Великій Князь велѣлъ боярину своему Князю Дмитрію Федоровичу Бѣльскому ѣхати къ собѣ на Москву, а на Коломнѣ велѣлъ Государь быти въ большомъ полку боярину Князю Юрію Михайловичу Булгакову, и списки дѣтей боярскихъ, которые были со Княземъ Дмитрѣемъ Федоровичемъ, и роспись по полкомъ и наказъ велѣлъ Государь взять Князю Юрью Михайловичу, и воеводамъ велѣлъ быти всѣмъ по полкомъ по той же росписи, какъ были съ бояриномъ со Княземъ Дмитріемъ Федоровичемъ Бѣльскимъ; и ко Князю Юрью Михайловичу не сталъ былъ ѣздить Князь Юрій Темкинъ, а Государь велѣлъ Князя Юрья Темкина ко Князю Юрью Михайловичу отвести головою Офонасью Федоровичу Колычову. И велѣлъ Государь тѣхъ своихъ Государеви грамотъ сыскати, которые посланы къ боярину ко Князю Дмитрію Федоровичу Бѣльскому, да къ брату моему ко Князю Юрью Михайловичу въ 53 году; а Князь Семенъ, Государь, Трубецкой на брата моего на Князя Юрья Михайловича отцу твоему Государю о мѣстѣхъ не билъ челомъ.

Лѣта 7042 были въ Серпуховѣ: Князь Богданъ Олександровичъ Трубецкой, Князю Федору дѣдъ, а меньши былъ Князя Федора Ивановича Ушака Хованскаго, Князь Федоръ Хованской меньши былъ Якова Григорьевича Морозова, а Григорей Васильевичъ Морозовъ былъ у дѣда у моего у Князя Данила у Васильевича у Щеняти въ передовомъ полку въ Вятцкое взятье, въ лѣтѣ 6997, а Яковлевъ сынъ Морозова Михайло былъ у племянника у моего у Князя Василья у Голицина въ Свицкой землѣ въ 80 году въ передовомъ полку.

Лѣта 7043 на Коломнѣ былъ Князь Богданъ Олександровичъ Трубецкой меньши Ивана да Ондрея Микитичевъ Бутурлиныхъ, а большой братъ Ивану да Ондрею Ѳедоръ Микитичъ Бутурлинъ меньши былъ Ивана Васильевича Ляцково, а Иванъ Ляцкой Петру Яковлевичу третей меньшой братъ; а Петръ Яковлевичъ былъ на Угрѣ меньши отца моего Князя Ондрѣя Ивановича Булгакова въ лѣтѣ 7020 году.

А на Рязани былъ Князь Михайло Ондрѣевичъ Трубецкой, меньши былъ Князя Петра Ивановича Рѣпнина, Князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня въ своемъ

роду меньши Князя Тимофея Олександровича Тростенскаго; а въ розрядѣхъ Князь Тимофей Олександровичъ Тростенской былъ въ сторожевомъ полку у дяди у моего у Князя Михаила да у отца моево у Князя Ондрея Ивановича у Булгакова на Угрѣ въ лѣтѣ 7020 же году, а Князь Петръ Рѣпнинъ у отца своего другой сынъ.

Лѣта 7052 на Коломнѣ были воеводы: въ большомъ полку Князь Дмитрей Федоровичъ Бѣльской, въ правой рукѣ Князь Иванъ Васильевичъ Шемяка-Пронской, въ сторожевомъ полку Князь Михайло Ондрѣевичъ Трубецкой, Князь Иванъ Шемяка съ братомъ моимъ со Княземъ Юрьемъ Михайловичемъ былъ въ семь тысячномъ году и въ иныхъ во многихъ мѣстѣхъ.

А на Коломнѣ былъ Князь Михайло Ондрѣевичъ Трубецкой меньши Князя Константина Ивановича Курлетева, Князь Константинъ Курлетевъ былъ меньши Князя Турунтая, какъ стояли въ Мещерѣ послѣ Великого Князя смерти Василья Ивановича; а Князь Иванъ Турунтай былъ у Князя Петра Михайловича у Щенятева въ передовомъ полку на Тулѣ и въ иныхъ во многихъ мѣстѣхъ меньши былъ братье моей; а Князь Ивановъ Турунтаевъ дядя Князь Федоръ Дмитріевичъ Пронской меньши былъ отца моего Князь Ондрея Ивановича на Угрѣ въ лѣтѣ 7020 г.

Лѣта 7056 декабря...... какъ Царь и Великій Князь пошолъ на свое дѣло къ Казани, а на Коломнѣ велѣлъ быть воеводамъ по полкомъ и по городомъ воеводамъ и намѣстникамъ: въ большомъ полку бояринъ и воевода Князь Ондрей Дмитріевичъ Ростовской, въ правой рукѣ братъ мой Князь Иванъ Ондрѣевичъ Булгаковъ.

И боярѣ спросили Князя Ондрея Голицина: Богдану Сабурову на Князя Григорья на Куракина всевмѣстная грамота дана ли? и Князь Ондрей Голицинъ сказалъ: не хотѣлъ Богданъ Сабуровъ быть меньши дѣда моего Князя Григорья Куракина; и Князь Григорій Куракинъ писалъ ко Государю на Богдана Сабурова, что Богданъ къ нему не ѣздитъ; и Государь писалъ къ Богдану къ Сабурову съ опалою, а велѣлъ ему Богдану ко Князю Григорью ѣздить, а Богдану на Князя Григорья Государь грамоты невмѣстной не давывалъ, да въ томъ слались на розрядъ и на записку, да положилъ Князь Ондрей Голицинъ два списка съ грамотъ, а въ спискахъ пишетъ:

Списокъ съ грамоты отъ Царя и великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ нашу отчину въ Казань воеводѣ нашему Богдану Юрьевичу Сабурову. Писалъ къ намъ изъ Казани воевода Князь Григорей Ондрѣевичъ Булгаковъ, велѣно ему быть на нашей службѣ въ Казани на Княже Ондрѣево мѣсто Ивановича Нохтева и дѣла всякіе велѣно тебѣ со Княземъ Григорьемъ дѣлати за одинъ и ты де ко Князю Григорью для нашихъ дѣлъ на нашъ дворъ не ѣздишь, а его тѣмъ безчествуешь и нашихъ никакихъ дѣлъ не дѣлаете; и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ для нашихъ дѣлъ ко Князю Григорью по прежнему пріѣзжалъ, какъ напередъ того какъ къ большому воеводѣ меншіе воеводы пріѣзжали, а розни бы у васъ въ нашемъ дѣлѣ никоторые не было, чтобъ нашему дѣлу мотчанья и порухи не было; а впереть такъ учнешь дѣлати и до нашихъ дѣлъ ко Князю Григорью неучнешь пріѣзжати, и намъ на тебѣ велѣти на собя взять пеня, да тебѣ жъ отъ насъ быти въ опалѣ. Писанъ на Москвѣ лѣто 7087 Апрѣля въ 20 день.

И тогды билъ челомъ Государю Князь Ондрей Князь Ивановъ братъ меньшой,

на Князя Микиту о счетѣ и списки Князь Иванъ взялъ затѣмъ, что вскорѣ пришли на Государеву украйну воинскіе люди на Угру подъ Колугу, и блюдясь государской опалы; и какъ съ службы Князь Иванъ пріѣхалъ и Князь Ондрей на него опять Государо билъ челомъ, да и понѣчи Князь Ондрей на него бить челомъ на Князя Микиту и Князя Тимофея о счетѣ.

И бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой, выслушавъ память, сказалъ: мнѣ тое не велико, что Княжъ Ондреевъ братъ большой Князь Иванъ Голицинъ былъ со мною, а Князю Ондрею Голицину до брата до моего до Князя Микиты и до меня недостало.

И Князь Ондрей Голицинъ подалъ память и въ памяти пишетъ: (*листовъ недостаетъ*) ......:. Въ томъ вѣдаетъ Богъ да онъ Гусударь, ево государева воля, то сдѣлалося нашею виною, а отца твоего Государя нашего опалою, что доспѣлъ внука моего Князя Ивана Голицина меньши Князя Тимофея Трубецкого. Билъ челомъ отцу твоему Государю Князь Ондрей Шуйской въ отечествѣ на Князя Михаила Катырева, и отецъ твой Государь нашъ Князя Ондрея Шуйского пожаловалъ дать ему свою государеву праву грамоту; и какъ отца твоего Государя нестало, и Князь Михайло Катыревъ билъ челомъ тобѣ Государю на Князя Ондрея на Шуйского, и ты Государь пожаловалъ велѣлъ отчество его сыскати, да грамоту ему свою Государеву далъ на Князя Ондрея Шуйского правую. Да отцу твоему Государю билъ челомъ Князь Петръ Татевъ на Князя Ѳедора на Троекурова въ отечествѣ; а отецъ твой Государь нашъ пожаловалъ доспѣлъ Князь Петра Князя Ѳедора Троекурова Княжъ Петрову сыну Князю Борису въ версту, а понѣча ты Государь пожаловалъ отечество Княжъ Ѳедорово сыскалъ, да учинилъ его Князю Петру въ версту.

И бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой, выслушавъ память, сказалъ: въ томъ воленъ Богъ да Государь, кого велика и мала Государъ учинитъ, а мнѣ то и невелико, что и Князь Иванъ Голицинъ меньши и меня учиненъ. Да бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой подалъ память и въ памяти пишетъ (*листовъ нѣтъ*).

И Ноября въ 7 день билъ челомъ бояромъ Князь Ондрей Голицинъ, а сказалъ что онъ еще принесъ память на Князя Тимофея на Трубецкаго; а бояринъ Князь Тимофей Романовичъ сказалъ: язъ память принесъ же. И Князь Ондрей Голицинъ подалъ память и въ памяти пишетъ:

Лѣта 7021 были воеводы на Угрѣ: въ большомъ полку дядя мой Князь Михайло Ивановичъ Булгаковъ. Въ передовомъ полку Князь Иванъ Васильевичъ Телепневъ, да Князь Семенъ Дмитріевичъ Серебряной; въ правой рукѣ окольничей Князь Константинъ Ѳедоровичъ Ушатой (*листовъ нѣтъ*).

На королевѣ Государь свадьбѣ Князь Василей Юрьевичъ Голицинъ сидѣлъ у брата у моево у Князя Ѳедора Михаиловича Трубецково.

И Князь Ондрей Голицинъ выслушавъ память сказалъ; язъ того не помню, да слались на записку.

И Генваря въ 19 день сысканъ со свадебными чины ящикъ, а въ немъ сысканъ списочекъ о свадьбѣ короля Арцымагнуса и въ томъ списочкѣ написано: на королевѣ на Арцымагнусовѣ свадьбѣ сидѣли застоломъ; Князь Петръ Тутаевичъ Шейдяковъ, да Князь Василей Юрьевичъ Голицынъ и иные бояре, да дьякъ Василей Щелкаловъ.

И боярѣ, Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстисловской съ товарищи, спросили дья-

ка Василья Щелкалова: гдѣ у него книги свадебныхъ чиновъ и королевѣ Арцымагнусовѣ свадьбѣ, тому ли списку вѣрити; и Василей Щелкаловъ сказалъ, что королеву Арцымагнусову свадьбу приказалъ былъ Государь мнѣ, и язъ тогды по грѣхомъ розболѣлся и Государь ту королеву Арцымагнусову свадьбу приказалъ брату моему Ондрею, и свадебныхъ чиновъ книга есть великая у Ондрея у брата.

И бояре спросили дьяка Ондрея Щелкалова, есть ли у тебя книги свадебныхъ чиновъ и королевой Арцымагнусовой свадьбѣ? и дьякъ Ондрей Щелкаловъ сказалъ: есть у меня книги старые свадебныхъ чиновъ, а королевой свадьбѣ книгъ язъ у собя не упомню; и язъ у собя той свадьбѣ письма поищу, и будетъ той королевѣ свадьбѣ письмо у себя сыщу, и я къ вамъ то письмо принесу.

И билъ челомъ бояромъ бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой, что у Василья у Щелкалова сыскали королевѣ свадьбѣ списочекъ, а книгъ у него свадебныхъ не сыскали, а въ томъ спискѣ написано: сидѣли за столомъ Князь Петръ Шейдяковъ, да Князь Василей Голицинъ и иные бояре, да онъ дьякъ Василей Щелкаловъ; а на той свадьбѣ братъ мой Князь Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой сидѣлъ у Князя Петра у Шейдякова, а у брата моево у Князя Ѳедора сидѣлъ Князь Василей Голицинъ, и то помнятъ государевы бояре многіе въ томъ шлюсь на государевыхъ бояръ, что на той свадьбѣ Князь Василей Голицинъ сидѣлъ у брата моего у Князя Ѳедора, а нынѣ братъ мой Князь Ѳедоръ въ томъ спискѣ не написанъ; и то воровали Ондрей да Василей Щелкаловы, ту свадьбу передѣлали, а брата моего Князя Ѳедора не написали на томъ сидѣньѣ, дружачи Голицинымъ; потому что Голицины Щелкаловымъ друзи и сватовѣ. И Ондрей да Василей Щелкаловы говорили: тотъ списокъ письмо руки подъячего Ивана Яковлева; и будетъ тотъ списокъ подъячей Иванъ Яковлевъ передѣлалъ, и тотъ подъячей да и всѣ подъячеи розрядные намъ не други.

И бояре спросили Василья Щелкалова: сказываешь ты, что о королевѣ свадьбѣ былъ ты боленъ, а свадебные чины были у брата у твоего у Ондрея, и ты почему самъ на той свадьбѣ въ сидѣньѣ съ бояры написанъ? и Василей Щелкаловъ сказалъ, то меня написалъ Государь самъ, потому, которому дьяку Государь прикажетъ свадебные чины, и тотъ дьякъ сидитъ съ бояры въ сидячихъ.

И бояре велѣли рѣчи ихъ записати, а Ондрею Щелкалову велѣли книги свадебные чины доискався внести вверхъ къ бояромъ.

И назавтрее того принесъ къ боярамъ дьякъ Сипунъ Аврамовъ списокъ черной королевѣ Арцымагнусовѣ свадьбѣ, а сказалъ, что онъ тотъ списокъ нашелъ въ Васильевѣ ящикѣ Щелкаловѣ, и въ томъ спискѣ на королевѣ свадьбѣ написанъ въ сидячихъ съ бояры и дьякъ Василей Щелкаловъ а написалъ въ тотъ списокъ Василей Щелкаловъ самъ собя, а черпѣны въ томъ спискѣ брата его Ондрѣево Щелкалова.

И бояре вспросили Василья Щелкалова, по чему онъ въ тотъ списокъ самъ собя написалъ въ сидячихъ подъ бояры, а вчерась ты самъ намъ сказалъ, что ты въ тѣ поры былъ боленъ, какъ та свадьба была; и Василей Щелкаловъ передъ бояры говорилъ: да моя ль то рука, боюсь любо хто руку мою подделахъ. И бояре велѣли ему руки смотрѣть, и Василей Щелкаловъ посмотря списка сказалъ, что рука его. И бояринъ Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой билъ челомъ бояромъ, что тотъ списокъ передѣлывали Ондрей да Василей Щелкаловъ воровствомъ дружачи Голицинымъ, и то выглядѣли, что на той свадьбѣ у брата

моего у Князя Федора сидѣлъ Князь Василей Голицынъ, а написалъ Василей въ тотъ списокъ въ сидячихъ съ бояры самъ собя своею рукою воровствомъ, а вамъ боярамъ вчерась сказалъ, что онъ въ тѣ поры былъ боленъ, и на той свадьбѣ не былъ (*листовъ нѣтъ*).

А что во княжъ Григорьевѣ памяти Куракина написано въ 71 году были въ Полоцку бояре и воеводы князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ, да князь Андрей Нохтевъ да Семенъ Яковлевъ, да Василей Даниловъ, да князь Олександръ Трубецкой, а съ золотыми посыланъ въ Полоцкъ къ бояромъ и воеводамъ Василей Яковлевъ сынъ Волынской, и въ рѣчи написано подати отъ Государя золотые.:

Боярину и воеводѣ князю Петру Михайловичу Щенятеву золотой корабленной.

Боярину и воеводѣ князю Ондрею Ивановичу Нохтеву золотой Угорской.

Боярину и воеводѣ Семену Васильевичу Яковля золотой Угорской.

Боярину Василью Дмитріевичу Данилову золотой Угорской.

Воеводѣ князю Олександру Семеновичу Трубецкому золотой Угорской.

Воеводѣ князю Олександру Ивановичу Прозоровскому золотой Угорской.

И бояринъ князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой сказалъ: въ Полоцку въ городѣ былъ князь Петръ Щенятевъ съ товарыщи, а князь Олександръ Трубецкой былъ въ острогѣ, и князь Олександръ Трубецкой на князя Петра Щенятева Государю билъ челомъ; а въ рѣчи онъ написанъ послѣ бояръ потому, что князь Олександръ толды былъ изъ дворянъ въ воеводахъ, а бояре все писаны радомъ, а воеводы писаны послѣ, да и потому что онъ на князя Петра на Щенятева билъ челомъ о мѣстѣхъ, и онъ потому написанъ послѣ бояръ.

И сыскано въ разрядѣ въ 72 году въ Полоцку были бояря и воеводы: князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ, князь Ондрей Ивановичъ Нохтевъ, Семенъ Васильевичъ Яковля; воеводы: князь Володимеръ Курлетевъ, князь Олександръ Прозоровской, а въ острогѣ воеводы: князь Олександръ княжъ Богдановъ сынъ Трубецкой, да князь Ондрей Татевъ.

Городничіе: Григорей Нагово, да Григорей Сукинъ.

Да въ Полоцку жъ въ прибавку: бояринъ Василей Дмитріевичъ Даниловъ, воевода Дмитрей Плещѣевъ.

А какъ отъ Государя къ воеводамъ посылано съ золотыми, и того въ разрядѣ не написано.

И князь Ондрей Голицынъ подалъ память, и въ памяти пишетъ (*листовъ недостаетъ*).

Доложити Государя Царя и великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, что велѣлъ Государь вершити дѣло боярина князя Тимоѳея Романовича Трубецкова съ бояриномъ со княземъ Григорьемъ съ Куракинымъ.

И породству сочтены: Князь Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой больше князя Григорья Ондрѣевича Куракина мѣстомъ, а князь Григорей Куракинъ князю Микитѣ Трубецкому ровенъ, а князя Тимофея Трубецкаго князь Григорей Куракинъ больши мѣстомъ.

А по разрядамъ сочтены въ 43 году и въ 47 князь Семенъ Трубецкой больши князя Василья Микулинсково, а князь Василей Микулинской больше князя Михаила Кубенскова, а князь Михаилъ Кубенской больши князя Ѳедора Ондрѣевича Куракина; и потому князь Семенъ Трубецкой княжъ Тимофеевъ дѣдъ больши князя Ѳедора Куракина тремя мѣсты, а князь Григорей Куракинъ князю Ѳедору 5-й братъ меньшой, и потому разряду князь Романъ княжъ Семеновъ

сынъ Трубецкой въ версту князю Өедору Ондреевичу Куракину, а сынъ его князь Микита вверсту четвертому княжъ Өедорову брату князю Ивану, а князь Тимофей Трубецкой ровенъ князю Григорью Куракину.

А въ 85 году посылалъ Государь изо Пскова въ Нѣмецкую землю въ большомъ полку князя Тимофея Романовича Трубецкова, а въ передовомъ полку князя Ивана княжъ Иванова сына Голицына; и по тому разряду князь Тимофей Трубецкой больше князя Ивана княжъ Иванова сына Голицына мѣстомъ. А князь Григорей Куракинъ по родству больше внука своего князя Ивана Голицина мѣстомъ; и по тому розряду князь Өедоръ Михаиловичъ Трубецкой больше князя Григорья Куракина двумя мѣсты, а княжъ Микита Романовичъ Трубецкой больши князя Григорья Куракина мѣстомъ, а князь Тимофей Романовичъ Трубецкой князю Григорью Куракину в версту.

А въ 43 году и въ иныхъ случаяхъ князь Семенъ Ивановичъ Трубецкой въ первой рукѣ, а князь Юрій Михайловичъ Голицынъ въ сторожевомъ полку; и по тому разряду князь Семенъ Трубецкой князя Юрья Голицына больше мѣстомъ. А князь Романъ Семеновичъ Трубецкой князя Ивана Юрьевича Голицына больши мѣстомъ, а князь Микита Романовичъ Трубецкой больши князя Ивана княжъ Иванова сына Голицына мѣстомъ, а князю Григорью Куракину ровенъ, а бояринъ князь Тимофей Романовичъ Трубецкой боярина князя Григорья Ондреевича Куракина меньши мѣстомъ.

А въ 73 году на украйнѣ в сходъ съ береговыми бояры и воеводами князь Иванъ Юрьевичъ Голицынъ больши былъ князя Өедора Михайловича Трубецкова, да при Канбулатѣ князѣ Черкасскомъ, да при Литовскихъ послѣхъ при Станиславѣ Крыжскомъ съ товарищи у Государя Царя и великаго Князя за столомъ князь Өедоръ Трубецкой сидѣлъ у князя Ивана Голицина; и по тому князь Иванъ Голицинъ князя Өедора Трубецкова больше мѣстомъ. А князь Григорей Куракинъ племянника своего князя Ивана княжъ Юрьева сына Голицына меньши двумя мѣстами и по тому князь Григорей Куракинъ боярина князя Өедода Михаиловича Трубецково больши мѣстомъ, а бояринъ князь Микита Трубецкой князю Григорью Куракину ровенъ, а боярина князя Тимофея Трубецково князь Григорей Куракинъ больши мѣстомъ.

И о томъ какъ Государь Царь и великой князь Өедоръ Ивановичъ всеа Русіи указъ свой учинитъ.

И Государь Царь и великій князь Өедоръ Ивановичъ всеа Русіи сего дѣла слушалъ и приказалъ боярамъ, а велѣлъ то дѣло по ихъ родству и по разрядамъ и по случаемъ вершить.

И Марта въ 23 день бояре князь Өедоръ Ивановичъ Мстиславской, да князь Дмитрей Ивановичъ Хворостининъ, да окольничей князь Петръ Семеновичъ Лобановъ-Ростовской сего дѣла слушали и приговорили: боярину князю Григорью Ондреевичу Куракину сидѣти у боярина у князя Өедора Михаиловича Трубецково, а боярину князю Микитѣ Романовичу Трубецкому онъ ровенъ, и боярину князю Тимофею Романовичу Трубецкому пригоже сидѣть у боярина у князя Григорья Ондреевича Куракина; а князь Иванъ княжъ Ивановъ сынъ Голицынъ боярину князю Тимоөею Романовичу Трубецкому въ версту, а братъ его князь Ондрей княжъ Ивановъ сынъ Голицынъ боярина князя Тимофея Романовича Трубецково меньщи мѣстомъ. Потому по родству сочтены князь Өедоръ Михаиловичъ Трубецкой больши князя Григорья Өедоровича Куракина мѣстомъ, а князь

Григорій Куракинъ князю Микитѣ Трубецкому ровенъ, а князя Тимофея Трубецково князь Григорей Куракинъ больши мѣстомъ. А по разрядамъ въ 43 году и въ иныхъ случаехъ: князь Семенъ Ивановичъ Трубецкой былъ въ правой рукѣ, а князь Юрьи Голицынъ въ сторожевомъ полку; и потому разряду князь Семенъ Трубецкой князя Юрья Голицина больши мѣстомъ, а князь Семенъ Семеновичъ Трубецкой князя Ивана Голицына больши мѣстомъ, а князь Микита Романовичъ Трубецкой князя Ивана княжъ Иванова сына Голицына больши мѣстомъ, а князю Григорью Куракину ровенъ, а бояринъ князь Тимофей Романовичъ Трубецкой боярина князя Григорья Ондреевича Куракина меньши мѣстомъ, а князь Иванъ княжъ Ивановъ сынъ Голицынъ по тому розряду ровенъ боярину князю Тимофею Романовичу Трубецкому, а братъ его князь Ондрей Голицынъ боярина князя Тимофея Романовича Трубецково меньши мѣстомъ. Да въ 73 году на украйнѣ въ сходѣ съ береговыми бояры и воеводами князь Иванъ Григорьевичъ Голицынъ больши былъ князя Өедора Михаиловича Трубецково, а что князь Иванъ княжъ Ивановъ сынъ Голицынъ былъ меньши князя Тимофея Романовича Трубецково въ Нѣмецкомъ походѣ въ 85 году лѣтѣ и послѣ того зимою при Канбулатѣ князѣ Черкасскомъ, да при Литовскихъ послѣхъ при Станиславѣ Крыжскомъ съ товарищи у Государя Царя и великаго Князя за столомъ князь Өедоръ Михаиловичъ Трубецкой сидѣлъ у князя Ивана Юрьевича Голицина; и потому князь Иванъ Юрьевичъ Голицынъ князя Өедора Михаиловича Трубецково больши мѣстомъ, князь Григорій Куракинъ племянника своего князя Ивана княжъ Иванова сына Голицына меньши двумя мѣсты, и потому князь Григорій Куракинъ боярина князя Өедора Михаиловича Трубецково меньши мѣстомъ, а бояринъ князь Микита Трубецкой князю Григорью Куракину ровенъ, а боярина князя Тимофея Трубецково князь Григорей Куракинъ больши мѣстомъ, а князь Иванъ княжъ Ивановъ сынъ Голицынъ боярину князю Тимофею Романовичу Трубецкому въ версту, а братъ его *князь Ондрей Голицынъ боярина князя Тимофея Романовича Трубецково меньши мѣстомъ*.

Приложеніе № 4-й.

(къ стр 94).

Листъ до бояръ Московскихъ за бояриномъ *княземъ Юрьемъ Микитичомъ Трубецкимъ* обы ему дано съ казны на Москвѣ на подноможеніе и на покупленіе всякихъ рухлядей и коней *триста рублей* денегъ и жебы его споместили съ измѣничихъ помѣстій покуль отчины и помѣстія его очищены будутъ. Писанъ въ обозѣ подъ Смоленскомъ лѣта Божого Нароженья 1611 года 25 апрѣля. Левъ Сапѣга канцлеръ господарскій.

Приложеніе № 5-й.

(къ стр. 95).

а) Привилей князю Ерому Трубецкому на половицу Трубческа.

Жигимонтъ III-й Божею Милостю Король Польскій, Великій Князь Литовскій и пр. и пр.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашымъ всимъ кому бы то ведати належало нынешнимъ и на потомъ будучимъ ижъ што передъ тымъ яко иншые многіе старо-

житные фамиліе народу Литовскаго съ отчизнами своими, замками, местами и волостями некоторыми въ земли Смоленской, Северской и Черниговской, такъ *особливе* князи Трубецкіе з очиною свою замкомъ Трубческомъ з *давныхъ вековъ* до Панствъ Нашихъ Великаго Княжества Литовскаго *нележали* и предкомъ нашимъ *яко прирожонымъ господаромъ своимъ* служили. А потомъ за предковъ нашихъ одъ непріятель зегранитныхъ князей Московскихъ *подступне, фортельне и несправедливе* подъ перемиремъ *одорваны* и *посягнены* были. А такъ по щасливымъ Нашымъ за лаское Божою з рукъ неприятельскихъ одысканемъ княжества Смоленскаго, княжества Черниговскаго и немалую часть княжества Северскаго и иншихъ замковъ, а меже ними замку Трубческаго зъ его волости. Маючи мы взлядъ на *старожитное зацное урожене боярина нашого думнаго князя Юря Никитича Трубецкаго*, который въ столицы Московской з иншими бояры и зо всими станы народу Московскаго отдавшы разъ присягу свою *вернаго подданства* намъ и сыну Нашому наяснейшему Королевичу Его Милости Владиславу статечне въ ней триваеть и опустивши въ Москвѣ матку свою, брата рожонаго и всѣхъ прiятель. А приехавши до Господарствъ Нашихъ Намъ *върнѣ и жичливе* службы свои отдавалъ и по сейчасъ отдавать не переставаетъ. А хотечы его впередъ тымъ хутлившаго и способнѣйшаго до службъ Нашихъ учинити з ласки Нашое Господарское дали есмо и симъ листомъ Нашимъ даемъ и приворачаемъ *въ замку Трубческу вмѣстѣ и во всемъ уѣздѣ и волостяхъ зо всими деревнями до него належачими часть князя Никиты Романовича Трубецкаго*, отца его, которая ему и брату его *князю Алексѣю въ Москвѣ позосталему належала и часть князя Федора Михаиловича дядка ихъ* такъ яко и въ собе з давна мели и яко ихъ *Князь Никита Романовичъ и князь Федоръ Михайловичъ Трубецкіе* вдержаню были *ему сподованіемъ* церкви Святое Тройцы *самому, жене детямъ и потомкомъ его в отчизну вечными часы. Маетъ* пречечоный Бояринъ Нашъ *Юрій Никитичъ Трубецкій*, жона, дѣти и потомки его мужеское и женское плоти яко отчизну свою *вечне тые двѣ части Трубческа*, одну часть отца, а другую дядка *в замку, в мѣстѣ и во всѣхъ уѣздехъ, волостяхъ з деревнями подданными, лесами, гаями, боры, озеры, сенажатьми з ловы звѣринными, рыбными и пташими з гони бобровыми, з даню грошовою, медовою и всякого з божя и зо вшелякими* якожъ коль векъ названными доходами и пожитками *на себѣ держати* и уживати *вольны будучи* кому хотечи *дати, даровати, записати, продавати, заменити и водлугъ налепшаго уподобанья своего шафоваши и оборочати яко властность свою.* А для безпеченства и обороны замку Трубческаго Ротмистра Нашего з людьми тамъ установити маемъ потуль покуль бы того потреба указала при которомъ тежъ повиненъ будетъ поименный *князь Юрй Трубецкій* яко на замку украинскомъ людей своихъ петнадцатъ человѣка съ мушкѣтами и з иншымъ уружемъ пешому належачимъ своимъ коштомъ мети. У (?) воли чому и живности людямъ своимъ на выховане только если того потреба будетъ мети повиненъ будетъ. А надто жадное иншое повинности опрочь службы земское Намъ и потомкомъ Нашымъ, они и потомки его полнити не маютъ. А другая половица Трубческа часть *князя Андрея* и часть *князя Тимофея Трубецкихъ* тые на Насъ Господара выймуемъ и въ вольномъ шафунку Нашомъ заставуемъ. И на то дали есмо пречечоному *князю Юрю Никитичу Трубецкому* ему самому, жонѣ, детемъ и потомкомъ его сей Нашъ привилей съ подписомъ руки Нашое Господарское и съ пе-

чатью Нашою Великаго Княжества Литовскаго. Писалъ у Варшавѣ лета Божого Нароженія тысяча шесть сотъ двадцать перваго, мѣсяца января двѣнадцатаго дня. Панованья кролествъ нашихъ Польскаго тридцать четвертого, а Шведскаго двадцать осмого году. Sigismundus Rex. Александръ Корвинъ Госевскій, Референдаръ и Писаръ Великаго Княжества Литовскаго, Староста Велижскій, Пунскій и Купишскій [1]).

б) Привилей Князю Юрю Трубецкому.

Жигимонтъ III-й Божею Милостю Король Польскій Великій Князь Литовскій и пр. и пр.

Ознаймуемъ тымъ листомъ Нашымъ всимъ вобецъ и каждому зособна кому бы то ведати належало ижъ што Мы Господаръ за одысканьемъ помочю Божею Нашаго Трубческа з рукъ непріятельскихъ Московскихъ, а маючы ласковый взглядъ на старожитое и зацное уроженіе Боярина Нашего Думнаго *князя Юрья Никитича Трубецкаго*, и на тоже онъ пріехавшы з Москвы при Насъ *прырожономъ Господару своемъ* зосталъ и Намъ вѣрнѣ служитъ, дали есмо ему правомъ вечнымъ въ замку Трубческу вмѣстѣ и во всемъ уѣздѣ половицу Трубческа, а другую половицу Трубческа на Насъ Господара въ вольномъ шафунку Нашомъ заставили. Тогды стоежъ ласки Нашое Господарское ку(?) нему а тую другую половицу Трубческа преречоному *князю Юрю Никитичу Трубецкому* въ порученье до певныхъ лѣтъ и дальшаго Нашаго Господарскаго указу, даемъ опрочь фольварку деревень тыхъ, которые вылучоны суть на Ротмистра альбо на капитана Нашаго тамошнего на выживене и выховане его властное, который з людьми Нашими для безпеченства замку тамошнего яко украинскаго преложоны тамъ будетъ. *Маетъ князь Юрій Никитичъ опрычс деревень Капитанскихъ и другую всю половицу Трубческа самъ держать, подданныхъ судить, рядить, справовать пожитки вшелякіе и доходы брать* и Капитану тамошнему маючи его во вшелякой учтивости яко дворянина нашего на людъ служебный и на иншыя потребы тамошнего замку провента и доходы с кабаку с циншовъ з дани медовые з боже и всякіе иные давать и личбу в скарбѣ сына Нашего Королевича Его Милости Владислава яко администратора замковъ отъ Москвы одысканыхъ чинить до дальшое ордынацін и расказанья Нашого. И на то дали есмо *князю Юрю Никитичу* сей листъ нашъ подписанъ руки нашое и с печатью Великаго Княжества Литовскаго. Писалъ у Варшавѣ лѣта отъ Нароженья сына Божого тисеча шесть сотъ двадцать перваго, мѣсяца января двадцатаго дня. Панованья королевствъ нашихъ Польскаго тридцать четвертаго, а Шведскаго двадцать осмого году. Sigismundus Rex. Александръ Корвинъ Госевскій, Референдаръ и Писаръ Великаго княжества Литовскаго [2]).

---

[1]) Метрическіе акты 3-го Депар. Правительст. Сената. Книга записей № 97, стр. 49—50.

[2]) Ibidem. Кн. Зап. № 97, стр. 40. Собственныя имена кн. Трубецкихъ, напечатанныя курсивомъ—подчеркнуты въ подлинникахъ грамотъ.

Приложеніе № 6-й.

(къ стр. 104).

Окружная Грамота отъ осадившихъ Москву Воеводъ: Боярина *князя Дмитрія Трубецкаго*, Ивана Заруцкаго, Прокопія Ляпунова и всякаго званія жителей въ Сибирскіе города: о вѣроломствѣ Поляковъ и объ укрѣпленіи всѣхъ Русскихъ и подданныхъ Татаръ и Остяковъ въ единодушномъ противоборствѣ врагамъ отечества.—Писана 1611, іюня 23 [1]).

В Кетцкой острогъ, господину Григорью Федоровичю, и атаманомъ и казакомъ, и стрелцомъ, и посадцкимъ всякимъ людемъ, и волостнымъ Князькомъ и Остякомъ и всякимъ ясачнымъ людемъ, великие Росиские державы Московскаго государства бояре і воеводы *Дмитреи Трубецкои*, да Іванъ Зарутцкой, да думнои дворянинъ і воевода Прокофеи Ляпуновъ и столники и стряпчие, и дворяне болшие и жилцы і дворяне изъ городовъ, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и гости, и торговые і всякие служилые и жилетцкие люди всего Московскаго Государства челомъ бьютъ. Писали, господине, к тебѣ напередъ сего с Москвы бояре Князь Ѳедоръ Івановичь Мстиславской с товарыщи, и дворяне і всякие люди всѣхъ чиновъ Московскаго Государства, что будучи подъ Москвою Литовской гетманъ Станиславъ Желтковской и полковники и ротмистры приговорили з бояры и з думными людми всего Московскаго Государства, что Жигимонту Королю Полскому і Великому Князю Литовскому дати на Московское Государство сына своего Владіслава Королевича, а самому было Королю отъ Смоленска отступить, а сыну его Владиславу Королевичю, крестився в нашу православную крестьянскую вѣру, быти на Московскомъ Государствѣ Государемъ, и людеи воинскихъ Полскихъ и Литовскихъ исъ земли Московсково Государства вывести было всѣхъ, и Московсково Государства и городовъ, и православные нашие христьянские вѣры Греческово закону ни в чемъ не нарушить. И Жигимонтъ король, по тому гетманскому договору, со всѣми Литовскими и Полскими людми своего крестново целованья, на чемъ присегали, ничево не іcправили: Король сына своего Владислава на Московское Государство не далъ, а Полскихъ и Литовскихъ людеи, которые з гетманомъ з Желтковскимъ, изменою Михаила Салтыкова, да Ѳедки Ондронова с товарыщи и съ ихъ совѣтники, прибавя к тому людеи отъ короля исподъ Смоленска, пустили в городъ в Москву, и Московскимъ Государьствомъ завладѣли и городы и уѣзды запустошили, многими податми и правежемъ, и денежными зборы, и немерными многими кормы своими и конскими, і всякою продажею и купетцкихъ и волостныхъ людей до конца выпродали и разорили, и казну всѣе прежнихъ Московскихъ Государей безъ остатка в Литву вывозили, а иную казну Литовские люди по себѣ роздѣлили; и Марта въ 19 день Московское Государство все выжгли и святые Божиі церкви и монастыри разорили, и чюдотворные иконы и святые многоцелебные мощи оборугали, и раки святыхъ разсѣ-

[1] Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. II. стр. 547, № 262.

кали, и бояръ Князя Ондрѣя Васильевича Голицына, и иныхъ бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людеи, и множество Крестьянсково народу, мужесково полу и женсково и до сущихъ младенецъ, злои смерти предали: а святейшего Ермогена Патриарха Московсково і всеа Русіи посадили в заточение, а Царьское достояние прежнихъ Великихъ Государей, спискания отъ древнихъ лѣтъ, и всю Царскую казну і всѣхъ людеи Московсково Государства тмочисленное богатство разграбили, и царьствующиі градъ, мати всѣмъ градомъ, ныне пустъ. И видя такое злое и свирепое нападение и разорителство на Московское Государство православныхъ Христьянъ, мы бояре, і воеводы, и дворяня, и дети боярские, и атаманы, і казаки, и стрелцы і всякие служилые люди, Украинныхъ и Сѣверскихъ, і Полскихъ и Замосковныхъ, и Ноугородцкихъ и Понизовыхъ и Поморскихъ і всѣхъ городовъ Росискаго Государства всякие люди, соединяся, целовали промежъ себя животворящіи крестъ Господень на томъ: что всѣмъ намъ вкупе единодушно за домъ пречистые Богородицы і великихъ чюдотворцовъ Московскихъ и за истинную нашу православную Христьянскую вѣру и за Московское Государство померетъ, и противъ сверѣпонравныхъ враговъ нашихъ Полскихъ и Литовскихъ людеи со единомышленники ихъ, съ еретики и богоотступники Михаила Салтыкова, да Ѳетки Ондронова с товарыщи, стати и с ними битись до смерти. И собрався мы бояря і воеводы со всѣми ратными людми всѣхъ городовъ Московского Государства, пришли к царствующему граду Москвѣ, и стали по воротомъ в Церкве в каменномъ городе, і Полскихъ и Литовскихъ людеи осадили въ Китае да в Кремлѣ городе и по милости, помощию всесилнаго, славимаго в Троицѣ Бога нашего, и заступлениемъ нашие Христьянские крѣпкие надежи и помощницы пречистые Богородицы, и молитвами всѣхъ святыхъ, врагомъ и разорителемъ Полскимъ и Литовскимъ людемъ и Рускимъ воромъ чинимъ тесноту, сколко Богъ помочи подаетъ; а король к нимъ прислалъ с тѣмъ, что ему изъ Москвы выручить нѣкемъ, и самъ ис-подъ Смоленска идетъ в Полшу, потому что Турской Царь многие городы в Полше поималъ, а Литовские люди многие на Королякъ рокотъ подымаютъ, хотятъ его с Королевства ссадить. І выбъ, господа, сами крестъ целовали і всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей ко кресту привели, а Татаръ и Остяковъ привели къ шерти на томъ, что вамъ всѣмъ быти с нами в совѣте і во единачествѣ, и стати с нами за нашу истинную, православную, непорочную Христьянскую вѣру, и за пречистые Богородицы домъ и за Московскихъ чюдотворцовъ, противъ враговъ и разорителеи нашие Христьянские вѣры, противъ Полскихъ и Литовскихъ людей вмѣсте за одинъ; и мы, прося у Бога милости, надъ Полскими и Литовскими людми промышляемъ всякими мѣрами, сколко Богъ помочи дастъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7119 (1611), Июня въ 23 день.

Надпись.

Въ Кетцкой острогъ господину Григорью Ѳедоровичю, и атаманомъ, и казакомъ, и стрелцомъ и посадцкимъ всякимъ людемъ.

120 года, Ноября 26 дня, грамоту привезъ в Кетцкой острогъ стрѣлецъ Ерошка Осиповъ

Приложеніе № 7-й.

(къ стр. 105).

Лѣта 7119 (1611) году Іюня въ 30 день Московскаго Государства разныхъ земель Царевичи, и Бояре, и Окольничіе, и Чашники, и Стольники, и Дворяне, и Стряпчіе, и Жильцы, и Приказные люди, и Князи, и Мурзы, и Дворяне изъ городовъ, и дѣти Боярскіе всѣхъ городовъ, и Атаманы, и Козаки, и всякіе служилые люди и дворовые, которые стоятъ за домъ Пресвятой Богородицы и за православную Христіанскую Вѣру, противъ разорителей Вѣры Христіанскія, Польскихъ и Литовскихъ людей подъ Москвою, приговорили и выбрали всею землею Бояръ и Воеводъ, *князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго*, да Ив. Март. Заруцкаго, да думнаго Дворянина и Воеводу Прок. Петр. Ляпунова на томъ, что имъ, будучи *въ правительствѣ*, земскимъ и всякимъ дѣламъ промышляти и расправа всякая межь всякихъ людей чинити вправду, а ротнымъ и земскимъ всякимъ людямъ ихъ Бояръ во всякихъ земскихъ и въ ратныхъ дѣлахъ слушати всѣмъ.

А помѣстьямъ за Бояры быти Боярскимъ, а взяти имъ себѣ помѣстья и вотчины Боярскія и Окольничихъ и думныхъ Дворянъ, Боярину Боярское, а Окольничему Окольническое, примѣряся къ прежнимъ Большимъ Бояромъ, какъ было при прежнихъ Россійскихъ прироженныхъ Государяхъ. А которыхъ дворцовыя села и черныя волости, и монастырскія села и Боярскія, и Окольничихъ думныхъ Дворянъ помѣстья и вотчины розняли Бояры по себѣ безъ земскаго приговору, и Дворяномъ и Дѣтямъ Боярскимъ роздали они же Бояре вновь въ додачу къ старымъ ихъ окладомъ или сверхъ ихъ окладовъ: и тѣ новыя помѣстья у тѣхъ у всѣхъ отняти и отписати дворцовыя села и черныя волости въ дворецъ; а помѣстныя и вочнинныя земли отписавъ роздати безпомѣстнымъ и разореннымъ Дѣтямъ Боярскимъ, которые помѣстей своихъ отбыли отъ Литовскаго разоренья, а дворецъ и большой приходъ и четверти устроить по прежнему, какъ было прежъ сего на Москвѣ и доходы хлѣбные и денежные сбирати въ дворецъ и въ четьи...

....

....

А буде Бояре, которыхъ выбрали нынѣ всею землею для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство, о земскихъ дѣлахъ радѣти и росправы чинити не учнутъ во всемъ вправду и по сему земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлати не станутъ и за ними всякія земскія дѣла постановятся, или которые Воеводы Бояръ во всякихъ дѣлахъ слушати не учнутъ, и намъ всею землею вольно Бояръ и Воеводъ перемѣнити, и въ то мѣсто выбрати иныхъ, поговоря со всею землею, кто будетъ бою и земскому дѣлу пригодится.

На оборотѣ подписано: Діокъ Истома Карташовъ, Діокъ Миколай Новокщеновъ, Діокъ Марко Поздѣевъ, *Бояринъ К. Дм. Тим. Трубецкой*, Прок. Ляпуновъ и въ (мѣсто) Боярина Ив. Март. Заруцкаго руку приложилъ,........ и т. д. [1])

---

[1]) Карамзинъ. Истор. Госуд. Росс. (изд. Эйнерлинга). Примѣчанія къ т. XII, главы IV, № 793, стр. 138—143.

Приложеніе № 8-й.

(къ стр. 120).

Грамота жалованная Боярину и Воеводѣ Князю Димитрію Тимофеевичу на отчину Вагу, данная отъ Россійскихъ Архіереевъ и Бояръ во время междоцарствія въ Россіи въ 1613 г.

Божіею милостію великихъ Государствъ Россійскаго царствія Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимандриты и Игумены и весь освященный соборъ, и Цари и Царевичи разныхъ земель, которые служатъ въ Московскомъ Государствѣ и Боаре и Окольничіе, и Стольники, и Стряпчіе, и дворяне, и приказные люди, и дворяне изъ городовъ, и дѣти Боярскіе и всякіе служилые, и гости, и торговые, и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства, *приговорили Боярину и Воеводѣ Князю Димитрію Тимоѳеевичу Трубецкому дати въ вотчину Вагу со всѣми волостьми и съ доходы*, потому же какъ была Вага преже сего при великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всея Русіи за Борисомъ Ѳедоровичемъ, а послѣ того при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Русіи за Бояриномъ за Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, *за его Боярина Князя Дмитрія Тимоѳеевича къ Московскому Государству многіе службы, и за радѣніе, и за промыслъ, и за дородство, и за храбство, и за правду, и за кровь*, какъ въ прошломъ во 119 (1611) году по вражью дѣйству и по своему злому умыслу Польской и Литовской Жигимондъ Король, преступивъ свои многіе крестные цѣлованья, и поруша мирное постановленье, прислалъ подъ Москву Гетмана короны Польскіе Станислава Желковскаго, злокозненнымъ коварствомъ умысля, какъ ему Московское Государство подъ себя и подъ Польшу и подъ Литву привести; и Гетманъ Станиславъ пришедъ подъ Москву, Московскихъ Бояръ и всякихъ чиновъ людей прельстилъ, давъ запись о всемъ по боярскому хотѣнью, какъ было Королевичю бити на Московскомъ Государствѣ, и по той договорной записи ни которые статьи не сдержалъ, все нарушилъ, и совѣтовавъ Московскаго Государства съ измѣнники, съ Михайломъ Салтыковомъ съ товарищи, вошли въ Москву, и учали православнымъ христіаномъ тѣсноту чинити, Церкви Божіи православные Христіанскіе вѣры Греческаго закона осквернять и разорять, и вѣрѣ поруганье чинить, и Римскіе костелы, и вѣру Римскую заводить, и всякое насильство и тѣсноту и разоренье православнымъ христіаномъ чинити, и царствующій градъ Москву по его велѣнью Польскіе и Литовскіе люди выжгли и высѣкли, и церкви Божіи, въ которыхъ изъ давныхъ лѣтъ славилося имя Божіе и зо весь міръ жертва къ Богу приносилась, разорили, и Чудотворныя мощи обругали, и сами въ Москвѣ сѣли. *И Бояринъ и Воевода Князь Дмитрей Тимоѳеевичъ, видя святымъ Божіимъ церквамъ разоренье и святой вѣрѣ православной поруганье, и такое многое невинное Крестьянское кровопролитіе, хотя врагомъ Польскимъ и Литовскимъ людемъ ихъ неправду и крестопреступленье и разоренье святыхъ Божіихъ церквей, и попранье и поруганье православной Христіанской вѣры, и кровоизлитіе невинные Христіанскіе*

крови мстити, и царствующій градъ Москву отъ нихъ враговъ очистити, во всѣ городы къ намъ къ Боярομъ и Воеводамъ, которые были по умышленью Польскихъ людей и Московскаго Государства измѣнниковъ разосланы по городомъ съ ратными людьми, и на Донъ и на Яикъ, и на Волгу, къ Атаманомъ и и къ Казакомъ *писалъ* объявляючи Польскихъ и Литовскихъ людей неправду и отъ нихъ разоренье святымъ Божіимъ церквамъ и царствующему граду, чтобъ мы всѣ *съ нимъ были единомышленны на ихъ вражье мщенье*; и мы видя злокозненные умыслы Польскаго Жигимонта Короля, и отъ него Московскому Государству разоренье, и крестьянской крови безчисленное пролитіе, и нашей истинной Крестьянской вѣрѣ поруганіе, а *по его Князя Дмитрея Тимоѳеевича благопріятному и премудрому совѣту и разуму*, видя его на нихъ мщенье *всѣмъ сердцемъ подвижна*, собрався къ нему, и за его разумъ и премудрость, и за дородство, и за храбрость, и за правду, и за ревнительство по святыхъ Божіихъ церквей и православной Крестьянской вѣрѣ, по великородству его, въ Московскомъ Государствѣ Правителемъ изобрали, и пришедъ подъ Москву по милости Всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего, и пресвятыя Богородицы, и великихъ Чудотворцевъ молитвами, большой каменный Царевъ городъ всѣ ворота и башни взятьемъ взяли, а послѣ того новой Дѣвичь монастырь: и въ томъ взятьѣ многихъ Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей побили и живыхъ поимали, а къ Китаю и къ Кремлю многими приступы приступали, и многихъ Польскихъ, и Литовскихъ, и Нѣмецкихъ людей въ приступѣхъ и на вылазкахъ безъ числа побили. А какъ по Божіей милости Стольникъ и Воевода Князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, собрався съ нами, съ Цари и съ Царевичи и съ Бояры и Воеводы, и Стольники, и Стряпчими, и съ дворяны и дѣтьми Боярскими Верховныхъ и Украенныхъ, Сѣверскихъ и Поморскихъ городовъ, и съ Казанскими Князьями и Мурзами, и со всякими служилыми людьми, пришелъ къ Боярину и Воеводѣ ко Князю Дмитрею Тимоѳеевичу въ сходъ подъ Москву; и положа межъ себя они благосоюзный совѣтъ, быти истинно по Христѣ и по истинной нашей православной Крестьянской вѣрѣ Греческого закона крѣпкіе поборники, многимъ своимъ бодроопаснымъ осмотрѣніемъ и премудрымъ разумомъ Московское Государство очищали съ Польскими и Литовскими людьми, которые сидѣли въ Москвѣ, бились и многую имъ тѣсноту и голодъ чинили. А какъ по повелѣнію Жигимонта Короля Гетманъ Великаго Княжества Литовскаго Карлъ Хоткеевъ, собрался съ Польскими, и съ Литовскими, и съ Нѣмецкими, и съ Венгры, и съ Угры со многими людьми, пришелъ подъ Москву похвалясь, превысочайшею нечестивою гордостью роспалился, аки левъ рыкая, хотя всѣхъ насъ православныхъ Крестьянъ поглотити, а Московское Государство и нашу православную Христіанскую вѣру до конца разорити, и къ Московскимъ сидѣльцомъ въ городъ запасы пропустити, и тѣмъ ихъ хотя скрѣпити, а Бояръ и Воеводъ и все Христоименитое воинство отъ Москвы отгонить; и милосердый въ Троицѣ славимый Богъ нашъ, по умоленію Богоматери своей пречистой Богородицы, нашей Христіанскіе Надежды и Заступницы, и Московскихъ Чудотворцовъ Петра, и Алексѣя, и Іоны, *дали Боярину и Воеводѣ Князю Дмитрею Тимоѳеевичу Трубецкому храбрость, и утвержденіе, и дерзосердіе противъ Гетмана: самъ бился не щадя головы своея три дня да три нощи*, и рать многую Московскаго Государства утверждали, и на бой подвизали безо всякаго сумнѣнія и страху; и молитвами пречистыя Богородицы и Великихъ

Россійскихъ Чудотворцовъ Господь Богъ побѣду и одолѣнье на Польскихъ и Литовскихъ людей подалъ, Гетмана Карлуса Хоткеева побили, и запасовъ въ городъ не пропустили, и отъ Москвы отогнали, и Польскіе и Литовскіе люди, которые сидѣли въ Москвѣ, стали безнадежны; а послѣ того своимъ крѣпкимъ разумомъ и бодроопаснымъ осмотрѣніемъ, не дая себѣ николи покоя, со всякимъ многимъ трудомъ, и тщаніемъ, почали Московскаго Государства доступати и своимъ радѣніемъ, и промысломъ, и щастьемъ, Московскаго Государства и святыхъ мѣстъ церквей Божіихъ, которые въ цѣлости еще осталися, доступили и Еласонскаго Архіепископа Арсенья, и священноиноческій чинъ, и плѣнныхъ и насилующихъ Бояръ, Князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, и Окольничихъ, и Стольниковъ, и Стряпчихъ и Дворянъ, и всякихъ людей, которые у Польскихъ и у Литовскихъ людей въ неволѣ сидѣли въ Москвѣ, и ихъ женъ и дѣтей, и всѣхъ православныхъ Крестьянъ отъ плѣна свободили, и разорителей Московскаго Государства, и на православную Христіанскую вѣру гонителей, Польскихъ, и Литовскихъ людей, въ Китаѣ городѣ во взятье побили, а достальныхъ Полковниковъ, и ротмистровъ, и шляхтичевъ, и гайдуковъ, и Нѣмецъ, многихъ же людей въ Кремлѣ городѣ взяли за щитомъ, и Московское Государство и святыя Божіи церкви, которые отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей были осквернены, очистили. И послѣ того пришелъ былъ въ Московское Государство Польской Жигимонтъ Король со многими людьми, похвалясь великое Россійское Государство подъ себя, и подъ Польшу, и подъ Литву подвратити, и нашу истинную православную Христіанскую вѣру до конца разорити, да свою злую Католицкую ересь во всемъ Московскомъ Государствѣ утвердить; и какъ учинилось ему вѣдомо, что *промысломъ и радѣньемъ, и храбростью Боярина и Воеводы Князя Дмитрея Тимоѳеевича Трубецкого*, да Стольника и Воеводы Князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго, царствующій градъ Москва у Польскихъ и у Литовскихъ людей взятъ, и Польскіе и Литовскіе люди поиманы, а многіе безчисленно побиты, месть надъ ними Богъ по ихъ злымъ дѣламъ воздалъ, и Король побѣжалъ отъ Волока съ великимъ страхованьемъ въ Польшу, и на побѣгѣ у него многихъ людей Польскихъ и Литовскихъ побили. *И за тѣ Боярина и Воеводы Князя Дмитрея Тимоѳеевича многіе службы и промыслы, и за правду и радѣнье къ Московскому Государству, и за дородство, и за храбрость, та* его Вотчина Вага *ему Боярину Князю Дмитрею Тимоѳеевичу въ вотчину ему, и его женѣ, и дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ* въ родъ его въ вѣки неподвижно; *и вольно ему та своя вотчина продать и заложить и по душѣ въ Монастырь отдать, и роду своему и племени кому похочетъ дати.* А какъ Богъ дастъ на Московское Государство Государя Царя и Великого Князя всея Русіи, и намъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и Архимаритомъ, и Игуменомъ и всему освященному Собору и Царемъ, и Царевичамъ, и Княземъ и Мурзамъ, которые служать Московскому Государству, и Бояромъ, и Воеводамъ, и Окольничимъ, и Чашникамъ, и Стольникамъ и дворянамъ большимъ, и стряпчимъ и дворяномъ изъ городовъ, и дѣтямъ Боярскимъ, и всякихъ чиновъ людямъ, Государю Царю и Великому Князю *бити челомъ, чтобъ Государь пожаловалъ велѣлъ Боярину и Воеводѣ, Дмитрею Тимоѳеевичу на тое его вотчину дати свою Царскую грамоту, противъ сеежъ грамоты, за красною печатью. А на большое утвержденіе* дали есмя сее грамоту Боярину Князю Дмитрею Тимоѳеевичу въ Собор-

ной и Апостольской церкви пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія у Чудотворнаго образа ея Владимирскаго, еже написа божественный Евангелистъ Лука, у многоцѣлебныхъ Чудотворныхъ мощей Московскихъ Чудотворецъ Петра и Іоны, и руки свои есмя къ той грамотѣ приписали, и печать земскую привѣсили, что быти крѣпко и стоятельно и непремѣнно на вѣки. Дана сія грамота въ царствующемъ градъ Москвѣ лѣта отъ созданія міру 7122 (1614) Генваря мѣсяца.

На оборотѣ грамоты подписи:

Смиренный Кирилъ, Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

Троицы Сергіева монастыря Архимаритъ Діонисій.

Смиренный Ѳеодоритъ, Архіепископъ Рязанскій и Муромскій.

Смиренный Арсеній, Божіею милостью Архіепископъ Архангельскій.

Князь Дмитрей Пожарскій и др.

Приложеніе № 9-й.

(къ стр. 136).

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, трубчаномъ детемъ боярскимъ и козакомъ и стрелцомъ и пушкаремъ и посадскимъ людямъ и трубчевскаго уезда Старостамъ и цѣловальникамъ и всемъ крестьяномъ вынешнемъ *во 168-мъ году марта въ 17 день пожаловали* Мы великіи Государь *боярина Нашего Князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, за его кнамъ великому Государю многіе службы прородительскою его вотчиною* городомъ Трубчевскимъ, суездомъ и со всеми городскими служилыми и жилецкими и суездными людми и схлебными и спушечными запасы снарядомъ и сружьемъ и совсями угодьи и совсеми будными станами, которые издавна заведены и ныне заводятъ и стаможеннымъ Дворомъ опричь Трубчанъ дворянъ и детей боярскихъ переведенцовъ, которые переведены въ Трубческъ цзъ иныхъ нашихъ великаго Государя городовъ, а которые верстаны въ дети боярскіе въ новь иструбчанъ и зовсякихъ чиновъ людей и техъ указали Мы великій Государь отдать емужъ боярину Нашему князю Алексѣю Никитичу въ вотчину и какъ къ вамъ сія наша Великаго Государя грамота придетъ и вы бъ боярина Нашего князя Алексѣя Никитича Трубецкаго во всемъ слушали и всякіе доходы Ему платили.—Писанъ на Москвѣ лета 7168-го Апреля въ 5-й день, на копіи писано тако: На обороте подлинной грамоты подписано тако: Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и белыя Россіи Самодержецъ.—Диакъ пракофей Коптевъ. Справилъ Ивашко Брянцовъ, а на копіи подписалъ воевода Дмитрій Колюбакинъ.

Приложеніе № 10.

(къ стр. 144).

Грамота Государя Царя Алексѣя Михайловича Кіевскому Воеводѣ Боярину *Князю Юрію Петровичу Трубецкому:* о явившемся на Запорожьѣ Донскомъ Козакѣ, назвавшемся

царевичемъ *Симеономъ Алексѣевичемъ;* съ описаніемъ примѣтъ Самозванца.—Писана 1673, декабря 15.

Отъ Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ нашу отчину въ Кіевъ боярину нашему и воеводѣ Князю Юрью Петровичу Трубецкому. Въ нынѣшнемъ во 182 году вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что объявился на Запорожьѣ съ Дону воръ и обманщикъ, а съ тѣмъ де воромъ Донскихъ козаковъ восмѣ человѣкъ, въ которыхъ тому вору и обманщику и самозванцу вождь Міюска, а называется де тотъ воръ будто нашимъ великаго Государя сыномъ, блаженныя памяти, Царевичемъ и Великимъ Княземъ Семеономъ Алексѣевичемъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и въ намѣреніи того воровства своего, по наученью будучихъ съ нимъ, имѣетъ тайно быть въ Кіевѣ и ѣхать въ Польшу; и по нашему Великаго Государя указа, посланы для сыска и поимки того вора и самозванца и единомышленниковъ его на Запорожьѣ къ кошевому атаману къ Ивану Сѣркѣ сотникъ Московскихъ стрѣльцовъ Василей Чадуевъ да приказа Малыя Россіи подъячій Семенъ Щеголевъ. И какъ къ тебѣ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и ты бъ о томъ ворѣ вѣдая, велѣлъ учинить о признаваньи его заказъ тайный, какъ тебя о томъ Богъ вразумитъ; а есть ли кто объ немъ и объ вожѣ его признается, и о поимкѣ его потому жъ учинитъ съ великимъ радѣньемъ; да что о томъ учинитъ и ты бъ о томъ къ намъ Великому Государю писалъ, а сю нашу Великаго Государя грамоту держалъ у себя тайно. А въ примѣты тотъ воръ: породою и возрастомъ хорошъ и тонокъ, лицомъ долголикъ, не черменъ и не русъ или смяглъ, мало лѣтъ въ пятнадцать; да у негожъ де два знамени, а на нихъ написаны орлы да сабли кривыя. Писанъ на Москвѣ, лѣта 182, декабря въ 15 день.

Приложеніе № 11-й.

(къ стр. 195).

Указъ Нашему Генералъ-Порутчику Бецкому.

Повелѣваемъ имѣть въ вѣдомствѣ вашемъ всѣ строенія, сады и дачи, какого бы званія ни были, которые до сего времени Канцеляріи отъ строеній не вѣдомы были, а отъ единыхъ повелѣній нашихъ зависѣли, вамъ же, кромѣ Насъ самихъ, ни подъ какимъ вѣдомствомъ не быть.

Екатерина.

Данъ въ С.-Петербургѣ.
Іюля въ 20 день, 1762.

Приложеніе № 12-й.

(къ стр. 195).

Указъ Нашему Генералъ-Порутчику Бецкому.

Повелѣваемъ Вамъ, по положеннымъ на Васъ Департаментамъ, находящихся въ командѣ Вашей по достоинству награждать чинами, прибавкою жалованья. За старостми и другими неспособностями отъ службы отставлять, по разсмотрѣнію

Вашему, до штабъ-офицеровъ. А за неисправленіе должностей, поступать по Указамъ и по состоянію дѣла, лишать чиновъ и прочими штрафами, а свыше того чина докладывать Намъ.

Екатерина.

Декабря 3 дня
1762 года.

Приложеніе № 13-й.

(къ стр. 196).

Формуляръ грамоты данной Императорскому Воспитательному Дому, при его учрежденіи.

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, Государыня и Великая Княгиня Новагорода Низовскія Земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, и всея Сѣверныя страны Повелительница и Государыня, Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія Земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдная Государыня и Обладательница, объявляемъ чрезъ сіе: Съ какимъ богоугоднымъ намѣреніемъ учредили Мы въ Москвѣ, какъ древней столицѣ Имперіи Нашей, подъ Высочайшею Нашего Императорскаго Величества протекціею и покровительствомъ Воспитательный Домъ для приносныхъ дѣтей, со особливымъ Гошпиталемъ сирымъ и неимущимъ родильницамъ, о томъ, публикованнымъ въ народъ отъ 1-го числа минувшаго сентября сего года Манифестомъ объявлено. А какъ Мы къ сему жъ учрежденію Воспитательнаго Дома и Гошпиталя для бѣдныхъ родильницъ, для сего его управленія и для воспитанія въ немъ, въ пользу общества пропадаемыхъ до нынѣ безчеловѣчно бѣдныхъ и невинныхъ младенцевъ, права и преимущества дозволили, и наконецъ, какія тому Дому мѣста въ Москвѣ Всемилостивѣйше пожаловали, въ конфирмованныхъ Нашимъ Императорскимъ Величествомъ и при томъ же Манифестѣ приложенныхъ, докладѣ и проектѣ съ планомъ, точно изображено. И понеже мы все то на будущія вѣки жалованного Нашею грамотою утвердить восхотѣли, того ради Мы, Наше Императорское Величество, по Самодержавной Нашей власти, оной съ планомъ проектъ, въ шести главахъ состоящій, и подносимый Намъ о томъ докладъ, во всѣхъ частяхъ Всевысочайше конфирмуя, опредѣляемъ: быть ему Государственнымъ учрежденіемъ, и повелѣваемъ всѣмъ мѣстамъ правленія Нашей Имперіи предписанныя и въ томъ и въ другомъ права и преимущества тому Воспитательному Дому принимать и почитать Нашимъ Гражданскимъ узаконеніемъ и во всѣхъ потребныхъ и до нихъ касающихся случаяхъ дѣла отправлять и производить въ силу оныхъ; яко Мы все то симъ же и силою сей Нашей жалованной оному Дому грамоты утверждаемъ, и за Себя и за Нашихъ преемниковъ Россійской Императорской Короны обнадеживаемъ, что сіе богоугодное и благочестивое общее Государственное учрежденіе будетъ навѣки подъ особливымъ Монаршимъ покровительствомъ и призрѣніемъ; напротивъ того надѣемся, что прямыя дѣти Отечества, Наши подданные,

послѣдуя Евангельской любви къ ближнему, гражданскому обязательству къ общей пользѣ и Нашему собственному, съ любезнымъ Нашимъ Сыномъ и Наслѣдникомъ, примѣру, каждый, по возможности своей, потщится снабдѣвать боголюбивымъ подаяніемъ, какъ на строеніе сего Дома, такъ и на содержаніе сего общаго добродѣтельнаго дѣла, дабы и самые уже ближніе Наши потомки, къ славѣ нашего вѣка, могли пользоваться изъ того дѣйствительными плодами. Дано въ С.-Петербургѣ 1763 года, государствованія Нашего во второе лѣто.

Приложеніе № 14-й.

(къ стр. 198).

Иванъ Ивановичъ! При наступленіи выпуска благородныхъ дѣвицъ, совершившихъ свое воспитаніе въ учрежденномъ Обществѣ, гдѣ трудъ и попеченіе любовь Вашу къ отечеству вѣчно прославляютъ, Я, оказывая съ одной стороны, мое удовольство, съ другой же матерьнее призрѣніе которое простирается на лучшій жребій всей ихъ жизни и симъ чувствомъ уваживъ тутъ состояніе безродныхъ и таковыхъ, кои родители, или свойственники, не имѣютъ достатка, чтобъ дать имъ приличное содержаніе, Всемилостивѣйше жалуемъ изъ Нашего Кабинета *сто тысячь рублей* желая, чтобы вы сію сумму обратили въ капиталъ содержанія и снабдѣнія приданымъ изъ сихъ дѣвицъ тѣхъ, которые сей помощи по выходѣ изъ монастыря, а паче, когда достигнутъ въ супружество, по бѣдности ихъ родившихъ, ни откуду не могутъ имѣть. Я желаю, чтобы учрежденіе, которое вы по сему здѣлаете, поднесено было къ Моей аппробаціи и тутъ же хощу, дабы распредѣленіе и самого приданаго каждой дѣвицѣ количествомъ своимъ показывало воздаяніе пріобрѣтеннымъ ими достоинствамъ при воспитаніи, и послужило бы къ вящему поощренію дарованій и въ другихъ еще воспитывающихся. Я пребываю впрочемъ вамъ благожелательна.

Екатерина.

Генваря 16 дня 1776 года
въ Санктпетербургѣ.

Приложеніе № 15-й.

(къ стр. 199).

Записка о медали въ честь Ивана Ивановича Бецкаго.

Прошлаго 1772 года Декабря 19 день Сенату отъ Господина Генералъ-Прокурора и Кавалера предложены три рисунка медали на разсмотрѣніи, съ таковымъ объявленіемъ, что Ея Императорское Величество 5 Ноября того же года Высочайше конфирмовавъ подданной отъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бецкаго докладъ о позволеніи ему содержать на своемъ коштѣ при Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, при Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ и при Академіи Художествъ, по нѣкоторому числу воспитанниковъ и воспитанницъ, тогда же повелѣть соизволила сдѣлать на сей случай медаль.

И когда Сенатъ возложилъ оное на попеченіе его, Господина Генералъ-Прокурора, то онъ, чрезъ учрежденный Комитетъ, той медали сдѣлалъ три рисунка

Сенатъ, разсматривая оные, учиненнымъ своимъ того жъ числа опредѣленіемъ утвердя изъ нихъ первый рисунокъ, въ которомъ представлено на личной сторонѣ портретъ его, Бецкаго, а на оборотѣ вдали зданіе Воспитательнаго Училища, напереди изображено Человѣколюбіе, въ видѣ жены, которая съ благопріятнымъ видомъ единою рукою объемлетъ младенцевъ, а другою показываетъ на зданіе и ведя ихъ туда, яко бы сіи слова къ нимъ речетъ: «Воспитаетъ и научитъ» велѣлъ Монетному Департаменту оные вырѣзать съ отмѣною, чтобы вмѣсто назначиваемой надписи «Воспитаетъ и научаетъ», вырѣзать: «Снабдѣваетъ и воспитаетъ», а внизу оной «1772 годъ», означающій время предпріятія имъ сего славнаго и полезнаго обществу дѣла.

А дабы на той медали портретъ его сходнѣе бысть могъ, велѣть взять съ портрета его изъ Академіи Художествъ, и по сдѣланіи Монетному Департаменту представить Сенату.

Во исполненіе того Монетный Департаментъ представилъ Сенату нынѣ, что оный портретъ медаліеромъ Егеромъ вырѣзанъ, а реверсъ медаліеромъ Гасомъ.

А между тѣмъ 3 Мая сего года оный реверсъ, по приказанію Господина Генерала-Прокурора и Кавалера отмѣненъ и велѣно сдѣлать по данной того Департамента члена Пантова запискѣ, а въ реверсѣ томъ представляетъ зданіе Воспитательнаго Дома, предъ которымъ поставленъ въ честь Бецкому монументъ къ которому юноши прибиваютъ съ украшеніемъ щитъ, въ коемъ начертаны двѣ литеры: «*И. Б.*», подлѣ сего монумента изображена сидящая Благодарность и при ней два юноши, означающія съ вышеписанными всѣ четыре возроста, за нею птица Аистъ, знакъ, ей принадлежащій, надпись кругомъ: «За любовь къ отечеству», въ низу: «Отъ Сената».

20 Ноября 1772 года.

Приложеніе № 16-й.

(къ стр. 199).

Въ Журналѣ 1773 года Декабря 18 дня Правительствующаго Сената 1 Департамента въ статьѣ подъ № 1-мъ записано:

Слушали:

Приглашенъ былъ въ собраніе Правительствующаго Сената Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Ивановичъ Бецкій, и въ ономъ Господинъ Генералъ-Прокуроръ и Кавалеръ, Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, привѣтствовалъ его, Господина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера, отъ имяни Сената, рѣчью слѣдующаго содержанія: «Правительствующій Сенатъ, вѣдая Вашего Превосходительства старанія и труды, прилагаемыя о воспитаніи ввѣреннаго Вамъ юношества, со особливымъ удовольствіемъ нынѣ видитъ, что Вы, ежечасно умножая оныя, и изъ собственнаго иждивенія удѣляете неимущимъ для доставленія приличнаго ихъ состоянію воспитанія. Таковыя подвиги заслуживаютъ благодарность и побуждаютъ другихъ къ подобнымъ дѣйствіямъ. Почему Правительствующій Сенатъ, получа Высочайшее Ея Императорскаго Величества

позволеніе, и изъявя благодарность свою сею, вручаемою Вамъ, медалью, означающею любовь Вашу къ Отечеству, надѣется побудить и прочихъ сограждан своихъ къ ревнованію объ общемъ благѣ». И Его Превосходительство, принявъ тое медаль, отвѣтствовалъ предъ собраніемъ слѣдующее: «Милостивые Государи! Не вѣдая прямой причины, для которой меня Правительствующій Сенатъ пригласить изволилъ, не могу прямо изъясниться, сколько много чувствую признаніе за сей, сдѣланный мнѣ, знакъ почтенія. Оное бы еще больше возбудило во мнѣ удовольствіе, ежели бы я находилъ въ самомъ себѣ тѣ достоинства, которыя Правительствующій Сенатъ изобразилъ столь отлично въ семъ засвидѣтельсвованіи. Посему, Милостивые Государи, сами измѣрять можете, сколь лестно для меня, когда я щастіе имѣю получить отъ такого мѣста, которое представляетъ въ себѣ все общество и весь народъ Россійскій, столь иманитый знакъ почтенія за малыя мои труды, отъ истиннаго усердія къ моему отечеству происходящія. Однако же недостатокъ въ моихъ словахъ не можетъ ни малѣйшаго подать Правительствующему Сенату сумнѣнія о чувствительности моего признанія, или лучше сказать, самое мое молчаніе прошу принять за чистосердечную благодарность, съ которою по вѣкъ мой пребуду». Приказали: Записать о семъ въ Журналъ и для припечатанія въ Газетахъ сообщить въ Академію Наукъ.

Подлинный подписали Гг. Сенаторы:

Алексѣй Мельгуновъ.

Николай Чичеринъ.

Адамъ Алсуфьевъ.

Князь Александръ Вяземскій.

Приложеніе № 17-й.

(къ стр. 203).

Инструкція Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бецкаго Офицерамъ отправленнымъ путешествовать при выпускѣ изъ сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса.

Для путешествія Вашего положено три года, а какъ познаніе своей земли необходимо нужно для всякаго благорожденнаго гражданина, уготовляющагося служить съ отмѣнною пользою отечеству, то и можете Вы расположить путешествіе слѣдующимъ образомъ:

1-ое.

Начать оное по Россіи, отсюда чрезъ Москву, по всѣмъ знатнымъ, или хотя и незнатнымъ, но въ разсужденіи пріобрѣтенія полезныхъ знаній достойнымъ любопытства городамъ, не оставляя и части Сибири до Пермской губерніи, заключающей въ себѣ толь много отмѣнностей, и наконецъ, проѣзжая Малороссію чрезъ Кіевъ, продолжать путь въ чужихъ краяхъ Польшею, а оттуда въ Вѣну, въ Италію, въ Швейцарскіе Кантоны, во Францію, Англію, Голландію, и чрезъ Германію, а буде время допуститъ, то и чрезъ Данію и Швецію, предпріять обратный путь.

2-ое.

Вамъ извѣстно, что всякое путешествіе въ чужихъ краяхъ должно имѣть себѣ предмѣтомъ просвѣщеніе, пріобрѣтаемое познаніемъ свѣта, то есть, людей разно-

стію климата и правленія до безконечности отличаемыхъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, великолѣпныхъ остатковъ ихъ минувшей славы и чѣмъ нынѣ славятся, ихъ образа правительства и слѣдствій онаго, причинствующихъ возвышенія, упадки благоденствія и удрученіе народовъ, ихъ успѣховъ въ наукахъ, или художествахъ, ихъ полезныхъ заведеній, установленій, воспиталищъ и обращенія въ бесѣдахъ, и словомъ, всего, что достойно похвалы и подражанія и даже и того, что подвержено осужденію, для избѣжанія онаго; то надѣюсь, что подкрѣпляемы совѣтами г. Кушуева, Вы не пропустите ничего, заслуживающаго уваженія, изъ пространной живой книги, выразительнѣе всякихъ книгъ научающей почерпнуть всѣ важныя свѣдѣнія къ большому образованію сердца и разума, дабы со временемъ принесть существительныя услуги своему отечеству.

3-е.

Къ основательнѣйшему самихъ себя наставленію почитаю за весьма нужное вести дневныя записки или журналъ всему, что видѣли, присоединяя Ваши собственныя примѣчанія и разсужденія. Въ Россіи можетъ Вамъ въ томъ вспомоществовать г. Озерецковскій, уже путешествовавшій по оной, которому также вести журналъ особый, почему, по свѣдѣнію его, удобнѣе пріобрѣтете полезнѣйшія познанія о своемъ отечествѣ, какъ въ разсужденіи даровъ, коими его натура снабдѣваетъ, такъ и въ разсужденіи человѣчества, дѣлая свои наблюденія о всемъ, что до сего касается, какъ то о новомъ учрежденіи намѣстниковъ, о естественныхъ произведеніяхъ земли, о хлѣбопашествѣ, о торговлѣ, о правѣ, обычаяхъ жителей, о ихъ привольяхъ и недостаткахъ.

4-ое.

Для лучшаго споспѣшествованія къ достиженію въ семъ путешествіи полагаемыхъ полезныхъ предмѣтовъ, вручаются Вамъ препоручительныя письма, въ Россію ко всѣмъ Губернаторамъ, а въ чужихъ краяхъ къ Министрамъ и прочимъ особамъ, могущимъ съ выгодою Вамъ вспомоществовать, чрезъ которыхъ можете присылать извѣстія, какъ о себѣ, такъ и о томъ кратко, что достойнѣе всего Вашимъ любопытствомъ замѣчено.

Иванъ Бецкой.

Мая 20 дня 1782 года.

Приложеніе № 18-й.

(къ стр. 205).

Иванъ Ивановичъ! Видя, сколь много обременены вы дѣлами, по особой Нашей довѣренности на васъ возложенными, въ которыхъ не имѣете пособія отъ назначеннаго вамъ преемника, по причинѣ болѣзненнаго его состоянія, восхотѣли Мы облегчить труды ваши, всегда намъ благоугодные и для службы нашей полезные. Въ семъ уваженіи Всемилостивѣйше опредѣляемъ въ должность преемника вамъ, Нашего Тайнаго Совѣтника, Графа Миниха, бывъ увѣрены, что вы не оставите руководствовать его вашими совѣтами къ благоуспѣшному исполненію всего того, что къ сохраненію порядка, пользѣ и выгодамъ Воспитательнаго Дома и всѣхъ заведеній въ ономъ относиться можетъ. Желая чтобы

таковое облегченіе бремени трудовъ вашихъ послужило къ укрѣпленію вашего здоровья, колико числомъ лѣтъ, столь не меньше важными и безпрерывными въ дѣлахъ упражненіями отягченнаго, пребываемъ всегда вамъ благосклонны.

Екатерина.

Генваря 16 дня, 1776 года
въ Санктпетербургѣ.

Приложеніе № 19-й.

(съ стр. 206).

Завѣщаніе

отъ главнаго попечителя Бецкаго, Воспитательнаго Дома почетному Санктъ-Петербургскому опекунскому совѣту.

Во первыхъ, за долгъ мой почитаю Небесному Отцу, яко источнику всякихъ благъ, принести благодареніемъ, изъ глубины сердца моего исходящимъ, жертвоприношеніе, за подкрѣпленіе души моей въ тѣхъ чувствованіяхъ, которыя устремляли меня, любя ближняго, не только не желать и не дѣлать другому того, чего себѣ не хочешь, но и, по мѣрѣ силъ моихъ, быть полезнымъ человѣчеству. Во вторыхъ, моей Всемилостивѣйшей Монархинѣ, Екатеринѣ второй, на служеніе которой по особливой моей душевной къ Ея особѣ преданности, единственно только изъ одного къ высокимъ Ея Царственнымъ добродѣтелямъ усердія, а не для личныхъ своихъ какихъ выгодъ, посвятилъ я весь остатокъ дней моихъ, стараяся ревностно выполнять всѣ Ея къ пользѣ общества и человѣчества служащія постановленія, дѣлающія имя Ея на вѣки драгоцѣннымъ. Нынѣ же, воображая путь ко предстоящей мнѣ вѣчности, во всемъ спокоенъ въ совѣсти моей, ни чѣмъ не возмущаюсь, кромѣ только той единой мысли, что можетъ быть уже недолго буду наслаждаться кротостію Ея человѣколюбивой Державы, и потому, по данному мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества, своеручнымъ Ея ко мнѣ письмомъ, которое при семъ въ оригиналѣ прилагаю, позволенію, дѣлать въ имѣніи моемъ такое распоряженіе, какое я за благо разсужу, распредѣляю оное слѣдующимъ образомъ, прося почтенный Опекунскій Совѣтъ о исполненіи сей послѣдней моей воли при чемъ я долженъ упомянуть, что хотя и сдѣлана было мною въ прошедшемъ 1770 году Духовная, но какъ оная не сходна съ нынѣшнимъ состояніемъ моего имѣнія и обстоятельствами, то я, получа ее обратно отъ вышеупомянутаго Совѣта, уничтожилъ.

1.

Прошу приложить стараніе и трудъ предать тѣло мое погребенію по христіанской должности, безъ всякаго излишняго великолѣпія, почитая лучше, отнявъ у тщетности, отдать въ помощь страждущему человѣчеству.

2.

Опредѣляю раздѣлить на непритворныхъ нищихъ, или только нуждающихся людей, которыхъ недостатки въ самомъ необходимомъ для жизни прямо извѣстны будутъ, до пяти сотъ рублей.

3.

Образъ Знаменія Богоматери, въ серебряномъ кивотѣ, родовой Князей Трубецкихъ, возвратить тому, кому они сами согласятся.

4.

Въ Невской монастырь опредѣляю вѣчно по триста рублей на годъ, для поминовенія Князя Ивана Юрьевича и Княгини Ирины Григорьевны Трубецкихъ, Княгини Настасьи Ивановны Гессен-Гомбургской, дочери ея, Княгини Катерины Дмитріевны Голицыной, и меня, такъ же и для содержанія въ чистотѣ надгробій ихъ, что составитъ капиталъ изъ шести тысячъ рублей, который для сего долженъ остаться на вѣчныя времена при Воспитательномъ Домѣ. Отцу моему духовному, по смерть его, по двадцати рублей на мѣсяцъ.

5.

Для избѣжанія возрастающихъ ежегодно процентовъ на сумму сто шестьдесятъ двѣ тысячи девятьсотъ девяносто пять рублей тридцать четыре копѣйки съ половиною, показанныхъ въ двухъ щетахъ Совѣта Воспитательного Дома, опредѣлилъ я заплатить оныя Государственными ассигнаціями при совершеніи сего моего завѣщанія, изъ находящагося въ ономъ Домѣ капитала моего, и получить съ остальныхъ двухъ сотъ тридцати семи тысячъ пяти рублей впредь указные пять процентовъ; а по сему, хотя въ письмѣ моемъ въ оной Совѣтъ прошлаго 25 февраля 1787 года и оказалъ я желаніе мое отдать капиталъ мой вѣчно Воспитательному Дому; но какъ въ томъ же моемъ письмѣ упомянуто: «исключая случай непредвидимой при жизни необходимости», то, на основаніи сего, и отмѣняю оное мое положеніе, о чемъ нынѣ же сообщено отъ меня въ Опекунской Совѣтъ.

6.

Госпожѣ Настасьѣ Ивановнѣ де Рибасъ опредѣляю, за непремѣнность рѣдкаго ея ко мнѣ дружества, капиталъ сто двадцать тысячъ рублей, въ число которыхъ восемдесятъ тысячъ серебряною рублевою монетою, а сорокъ тысячъ Государственными ассигнаціями, такъ же отдаю въ вѣчное и потомственное владѣніе ей и двумъ ея дочерямъ, Катеринѣ Осиповнѣ и Софьѣ Осиповнѣ де Рибасъ, два каменные дома, построенные мною на пожалованномъ мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества мѣстѣ въ первой Адмиралтейской части, одинъ по Дворцовой набережной, а другой по Милліонной, между Мраморномъ домомъ и Лѣтнимъ садомъ, на которое полученную мною отъ здѣшняго Благочинія данную при семъ прилагаю.

7.

Съ прошлаго 1770 года содержалъ я, по Высочайше конфирмованному Ея Императорскимъ Величествомъ всеподданѣйше поднесенному отъ меня докладу, на моемъ иждивеніи, въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, въ Обществѣ Благородныхъ дѣвицъ и въ Академіи художествъ, нѣкоторое число воспитанниковъ и воспитанницъ; но какъ въ помянутомъ докладѣ предоставлено мнѣ невозбранное дозволеніе въ жизни моей что либо учинить сему въ отмѣну, то я, съ прошлаго 1787 года, за умаленіемъ моихъ доходовъ, по уменьшенію процентовъ съ

капиталовъ моихъ, въ силу Государственнаго постановленія, не могъ, къ сожалѣнію моему, безъ утѣсненія собственнаго моего состоянія, поддерживать предпріятаго мною, о чемъ и дано было отъ меня тогда же знать въ вышеупомянутыя заведенія. А поелику принятыя до сего въ 1785 году послѣднія на моемъ иждивеніи воспитанники, не прежде выпущены будутъ, какъ въ будущемъ 1800 году, а воспитанницы 1797-мъ году, то и опредѣляю изъ капитала моего заплатить Государственными ассигнаціями, по поданнымъ отъ сихъ мѣстъ щетамъ, кои въ оригиналѣ при семъ прилагаю, а именно: въ Общество Благородныхъ Дѣвицъ тридцать восемь тысячь девятьсотъ девяносто девять рублей семдесятъ копѣекъ, въ Сухопутной Кадетской Корпусъ двадцать тысячь девятьсотъ шестдесятъ четыре рубля шестдесятъ три копѣйки, въ Академію Художествъ тридцать три тысячи девятьсотъ пятдесятъ одинъ рубль шестдесятъ шесть копѣекъ.

8.

Госпожѣ Полковницѣ Катеринѣ Николаевнѣ Ломанъ, урожденной Хрущовой, опредѣляю продоженіе по смерть ея нынѣшней отъ меня пенсіи по триста по шестидесяти рублей въ годъ.

9.

Людямъ служащимъ при мнѣ, означеннымъ въ должностяхъ по приложенному при семъ списку и получающимъ нынѣ пенсію, опредѣляю по смерти ихъ полное жалованье, что составитъ въ годъ всѣмъ по двѣ тысячи по двѣсти пятидесяти рублей.

10.

Въ знакъ благодарности моей за дружбу ко мнѣ, усердіе и за всѣ мнѣ оказанныя услуги отъ Господина Вице-Адмирала и Кавалера Осипа Михайловича де Рибаса, отдаю ему, въ вѣчное потомственное владѣніе его, домъ мой, состоящій въ Большой Милліонной, противу главной Аптеки и на Набережную, съ находящеюся въ ономъ церковью, со всѣми къ оной принадлежностьми и со всѣми въ ономъ домѣ мебелями, до котораго дома всѣ принадлежащіе документы при семъ въ оригиналѣ прилагаю. Что же касается до прочаго моего имѣнія, както: золота, серебра, камней, посуды и прочаго, какого бы то званія ни было, въ обоихъ домахъ безъ изъятія, все принадлежитъ Госпожѣ Настасьѣ Ивановнѣ де Рибасъ съ ея дочерьми, а моими съ Ея Императорскимъ Величествомъ крестницами.

11.

Положенной на приращеніе въ Воспитательномъ Домѣ мой капиталъ состоитъ изъ трехъ сотъ двадцати тысячъ рублей Государственными ассигнаціями и изъ восмидесяти тысячъ серебряною рублевою монетою. За выполненіемъ же всѣхъ моихъ въ семъ завѣщаніи распоряженій, выключая временныхъ назначенныхъ мною пенсій въ 4-мъ пунктѣ отцу духовному, въ 8-мъ пунктѣ Госпожѣ Полковницѣ Ломанъ и въ 9-мъ пунктѣ служащимъ мнѣ людямъ, остается капитала моего только шестнадцать тысячъ пятьсотъ восемдесятъ восемь рублей шестдесятъ шесть копѣекъ съ половиною, съ коихъ указные проценты составляютъ ежегодно доходу восемь сотъ двадцать девять рублей сорокъ три копѣйки. А какъ нужно ежегодно платить на вышеуказанныя пенсіи двѣ тысячи восемьсотъ пятдесятъ пять рублей, слѣдовательно, недостаетъ ежегодно двухъ тысячь двадцати пяти

рублей пятидесяти семи копѣекъ, то я, отдавъ реченной мой капиталъ шестнадцать тысячь пять сотъ восемдесятъ восемь рублей шестдесятъ шесть копѣекъ съ половиною Господину Вице-Адмиралу и Кавалеру Осипу Михайловичу де Рибасу, обязываю его и наслѣдниковъ его производить по смерть всѣмъ означеннымъ отъ меня въ семъ завѣщапіи пенсію, въ удовлетвореніе за данной отъ меня ему, по силѣ 10-го пункта сего завѣщанія, мой домъ.

Генваря 21-го дня
1794 года.

Приложеніе № 20-й.

(къ стр. 225).

Журналъ собственной К. Н. Т. по возвращеніи, въ 1717 году, изъ нѣмецкой земли.

Мѣсяцы и числа.	
	1719 годъ.
Іюнь 3.	Сговорилъ я жениться на дочери Гаврила Ивановича графа Головкина, Канцлера, Настасьѣ Гавриловнѣ, на Котлинѣ острову.
5.	Взятъ я въ службу ко двору Государя Императора Петра Великаго волунтиромъ.
	1722 годъ.
Генварь 28.	Написанъ я имянпымъ указомъ въ сержанты Л.-Г въ Преображенскій полкъ, а былъ по прежнему при дворѣ.
Апрѣль 16.	Женился я на дочерѣ канцлера графа Головкина Настасьѣ Гавр. въ Москвѣ.
	1723 годъ.
Августъ 21.	Родился у меня первой сынъ К. Александръ, 4¼ часа по полуночи, въ С.-Петербургѣ. Имя дано тогожъ августа 30 числа пр. отца нашего Александра Свирскаго. Восприемниками были: Государь Императоръ Петръ Великій и Государыня Цесаревна Анна Петровна.
	1724 годъ.
Май 10.	Пожалованъ я имяннымъ указомъ въ прапорщики Л. Г. въ Преображенской полкъ въ Москвѣ, а былъ при дворѣ по прежнему.
Августъ 4.	Родился сынъ К. Петръ, 2 часа и 10 минутъ по полудни, въ С.-Петербургѣ, имя дано тогожъ августа 24-го числа, препесенія мощей Петра Митрополита. Восприемниками были Государь Императоръ Петръ Великій и Государыня Цесаревна Анна Петровна.
	1725 годъ.
Іюнь 20.	Родился сынъ Князь Иванъ, 4 часа по полудни, въ С.-Петербургѣ. Имя дано тогожъ іюня 24-го числа, рождество С. Предтечи Іоанна. Восприемниками были Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и тесть мой Гаврила Ивановичъ графъ Головкинъ.

1726 годъ.

Октябрь 26. Не стало сына Князь Александра (большаго), 9 часовъ по полуночи, въ С.-Петербургѣ, погребенъ у церкви Самисона страннопріимца.

Ноябрь 24. Пожалованъ я Государынею Императрицею Екатериною Алексѣевною ко двору Ея Величества въ камеръ-юнкеры въ С.-Петербургѣ, а въ полку Преображенскомъ велѣно щисляться по прежнему прапорщикомъ.

1727 годъ.

Августъ 24. Взятъ я ко двору Государя Императора Петра втораго камеръюнкеромъ, въ С.-Петербургской деревнѣ Графа Гавр. Иван. Головкина, въ селѣ Ропшѣ.

Ноябрь 20. Государь Императоръ Петръ вторый пожаловалъ мнѣ въ потомственное владѣніе въ Москвѣ на чистомъ прудѣ отписной за доимку дворъ иноземца купецкаго человѣка Павла Вестова.

1730 годъ.

Мартъ 10. Отъ Государыни Императрицы Анны Іоановны пожалованъ я въ Генералъ-Маіоры, и въ кавалергардской корпусъ въ подпоручики въ Москвѣ.

1731 годъ.

Іюнь 8. Отъ Ея жъ Императорскаго Величества, по раскасованіи кавалергардскаго корпуса, пожалованъ я Лейбъ-Гвардію въ преображенской полкъ въ мажоры въ Москвѣ.

20. Родился сынъ Князь Сергей, 1 часъ и 5 минутъ по полудни, въ Москвѣ. Имя дано іюля 5-го числа обрѣтенія мощей пр. отца нашего Сергія радонеж. чудотворца. Воспріемниками были Государыня Императрица Анна Іоановна и Гаврила Иван. Головкинъ.

1733 годъ.

Маій 28. Родился сынъ князь Александръ меншей, $1^1/_2$ часа по полудни, въ С.-Петербургѣ. Имя дано августа 30-го числа пр. отца нашего Александра Свирскаго. Воспріемниками были Государыня Императрица Анна Іоановна и Гавр. Иван. графъ Головкинъ.

1735 годъ.

Апрѣль 27. Скончалася жена моя Княгиня Настасья Гавриловна въ Москвѣ, 1 часъ по полуночи, безъ меня (я былъ при арміи при командѣ на Украйнѣ и стоялъ въ Переяславлѣ). Погребена въ Москвѣ въ Чудовѣ монастырѣ.

Ноябрь 10. Женился я на другой женѣ, на вдовѣ дочерѣ Князь Данила Андрѣевича Друцкова, на Аннѣ Даниловнѣ (которая была прежде за Мазоромъ Матвѣемъ Андрѣевичемъ Херасковымъ) на Украйнѣ слободскихъ полковъ въ городѣ Изюмѣ (гдѣ я былъ тогда при командѣ).

1736 годъ

Ноябрь 2. Родился сынъ Князь Юрья, $7^1/_4$ часа по полуночи, въ Малороссіи въ городѣ Переяславлѣ. Имя дано апрѣля 23 числа С. великомученика Георгія. Воспріемниками были преосвященный Арсеній (берло) Епископъ Переяславскій и Борисъ—поньской, Фельдъ-Маршалъ графъ Минихъ, теща моя Княгиня Авдотья Богдановна Друцкая, принцъ Гесенъ-Гомбургскій и своячепица моя княжна Дарья Данил.

1737 годъ.

Генварь 22. Отъ Государыни Императрицы Анны Іоановны пожалованъ я въ Генералы Лейтенанты (заочно, ибо былъ и при командѣ въ Малороссіи и стоялъ въ Переяславлѣ.)

Августъ 20. Умеръ сынъ князь Александръ меншей (отъ первой жены) въ городѣ Переяславлѣ (безъ меня, я былъ при командѣ на Днѣпровскихъ порогахъ). Похороненъ въ томъ же городѣ Переяславлѣ въ Каѳедральномъ Монастырѣ.

Октябрь 9. Родилася дочь княжна Анна, $1^1/_2$ часа по полуночи, за украинскою линѣею, на Днепрѣ близъ Днѣпровскихъ пороговъ и Запорожскаго мѣстечка Нижняго Кайдака, на Коломѣнскомъ островѣ; (оной островъ отъ Украинской линіи лежитъ къ Очаковскому берегу въ 75 верстахъ). Имя ей дано 9 декабря Зачатіе святыя Анны. Воспріемниками были Фельдъ-Маршалъ Графъ Минихъ, и Княгиня Авдотья Ивановна Барятинская, супруга Муромскаго пѣх. полку полковника Князь Михайла Михайловича Барятинскаго.

1738 годъ.

Генварь 13. Имяннымъ Государыни Императрицы Анны Іоановны указомъ опредѣленъ я въ Генералы Кригсъ-Коммисары, заочно (я былъ тогда при командѣ на украинской линѣи, и сверхъ того имѣлъ въ командѣ жъ моей всѣ Залинѣйныя почты даже до Запорожской сѣчи и до Александеръ шанцъ, а стоялъ въ Китай городѣ).

Октябрь 22. Родился сынъ Князь Николай, $5^1/_2$ часа по полуночи, въ Малороссіи, въ городѣ Лубнахъ. Имя ему дано декабря 6-го числа святителя Николая чудотворца. Воспріемники были тесть мой Данила Андрѣевичъ съ свояченою моею Княжною Дарьею Даниловною.

1739 годъ.

Октябрь 30. Родился сынъ князь Алексѣй, $6^3/_4$ часа по полуночи, въ Кіевѣ, на Подолѣ. Имя ему дано февраля 12 числа с. Алексѣя Митрополита. Воспріемниками были фельдмаршалъ Г. Минихъ со своя ченою моею Княжною Дарьею Даниловною.

1740 годъ.

Февраль 11. Умеръ князь Николай $9^1/_4$ часа по полудни, въ Переяславлѣ, и погребенъ

1754 годъ.

Февраль 16. Ея Императорское Величество всемилостивѣйше соизволила мнѣ пожаловать (за бытность мою по Ея Величества Высочайшему указу съ Граф. Петр. Иван. Шуваловымъ при строеніи вмѣсто згоревшихъ, въ 1 день Ноября прошлаго 1753 года,. Ея Величества покоевъ, въ Головинскомъ дворцѣ) перстень съ большимъ бриліантомъ, и табакерку золотую богато бриліантами украшенную, въ Москвѣ.

NB. Въ оной дворецъ вновь построенный Ея Величество изволила перейтить Декабря въ 18-й день тогожъ года, и такъ онъ поспѣлъ въ 48 дней.

1756 годъ.

Сентябрь 5. Пожалованъ я въ Генералы Фельдмаршалы въ С.-Петербургѣ.

NB. Тогда мнѣ было 56 лѣтъ, 3 мѣсяца и 10 дней.

1757 годъ.

Генварь 26. Женилъ сына Князь Юрья на дочерѣ Петра Ивановича Салтыкова, на Аннѣ.

NB. Свадьба была въ Москвѣ, а мы съ женою были тогда въ С.-Петербургѣ.

1758 годъ.

Февраль 16. Не стало невѣстки Княгини Анны Петровны въ Москвѣ.

1759 годъ.

Май 1. Не стало сына К. Алексѣя въ С.-П-бургѣ. Ему было отъ роду 20 лѣтъ, служилъ мичманомъ и 4 числа погребенъ въ Невскомъ монастырѣ въ ногахъ покойнаго отца моего.

15. Помолвилъ дочь Княжну Анну за мужъ за Александра Ивановича Нарышкина въ С.-Петербургѣ.

NB. Онъ тогда былъ у Государя Великаго Камеръ юнкеромъ.

1760 годъ.

Апрѣль 7. Выдалъ дочь Княжну Анну за Александра Ивановича Нарышкина, вѣнчались во дворцѣ въ высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей Государыни, въ С.-Петербургѣ.

Того жъ числа, съ высочайшаго соизволенія всемилостивѣйшей Государыни, помолвилъ сына Князя Юрью (вторымъ бракомъ) на дочерѣ покойнаго Генерала Александра Ивановича Румянцова, на Дарьѣ Александровнѣ на вдовѣ (которая была преже за полковникомъ Графомъ Валштейномъ въ С.-Петербургѣ).

Май 21. Женилъ сына Князь Юрья на Дарьѣ Александровнѣ въ Санкт. Петербургѣ, вѣнчались въ Казанской.

Августъ 16. Пожалованъ я въ Сенаторы и въ президенты въ военную Коллегію.

1761 годъ.

Декабрь 27. По вступленіи на престолъ Государя Императора Петра Третьяго пожалованъ я отъ Его Величества въ преображенской полкъ подполковникомъ въ С.-Петербургѣ.

1762 годъ.

Іюнь 9. При торжествѣ заключенія съ Пруссіею мира Его Императорское Величество пожаловалъ меня Л. Г. въ преображенской полкъ полковникомъ.

1762 годъ.

Февраль 5. По высочайшему Ихъ Императорскихъ Величествъ соизволенію былъ я опредѣленъ главнымъ во управленіи погребенія тѣла блаженныя памяти въ Бозѣ усопшія Императрицы Государыни Елисаветы Петровны въ С.-Петербургѣ.

Сентябрь 22. По Высочайшему Ея Императорскаго Величества Великой Государыни Императрицы Екатерины второй повелѣнію при высокоторжественной Ея Величества коронаціи въ Москвѣ, благополучно совершившейся, былъ я верховнымъ Маршаломъ.

NB. И для того ради пріуготовленія всего потребнаго къ тому торжеству 9 іюля поѣхалъ я изъ С.-Петербурга въ Москву, куда 15 числа и пріѣхалъ.

1763 годъ.

Іюнь 9. Высочайшею Ея жъ Императорскаго Величества по всеподданнѣйшему моему прошенію милостію уволенъ я какъ отъ воинской, такъ и отъ гражданской службы вѣчно, съ произвожденіемъ по смерть мою полнаго по чину моему жалованья и сверхъ того пожаловано мнѣ денегъ пятьдесятъ тысячъ рублевъ, и повелѣно, когда буду въ резиденціяхъ давать мнѣ пристойной караулъ другимъ не въ образецъ.

II. Княгини Трубецкія.

(по имени и отчеству.)

			№ супруга
1.	Княгиня	Александра Александровна	77
2.	„	Александра Владиміровна	126
3.	„	Анастасія Васильевна	44
4.	„	Анастасія Гавриловна	38
5.	„	Анастасія N. N	18
6.	„	Анастасія Олеговна	1
7.	„	Анастасія Степановна	36
8.	„	Анна Андреевна	69
9.	„	Анна Андреевна	?
10.	„	Анна Васильевна	31
11.	„	Анна Даниловна	38
12.	„	Анна Ивановна	46
13.	„	Анна Іоакимовна	?
14.	„	Анна Львовна	40
15.	„	Анна Петровна	47
16.	„	Анна Петровна	61
17.	„	Варвара Александровна	48
18.	„	Варвара Алексѣевна	56
19.	„	Варвара Алексѣевна	80
20.	„	Варвара Ивановна	43
21.	„	Варвара Ивановна	68
22.	„	Варвара Юрьевна	105
23.	„	Вѣра Александровна	128
24.	„	Дарія Александровна	47
25.	„	Дарія Александровна	58
26.	„	Дарія Матвѣевна	49

III. Княгини Трубецкія.

(по фамиліямъ ихъ до замужества и въ другихъ бракахъ).

IV. Княжны Трубецкія.

			№ отца.
1.	Княжна	Агаѳоклея Петровна	75
2.	„	Аграфена Ивановна	39
3.	„	Аграфена Ивановна	54
4.	„	Александра Васильевна	67
5.	„	Александра Ивановна	54
6.	„	Александра Ивановна	63
7.	„	Александра Никитишна	77
8.	„	Александра Николаевна	107
9.	„	Александра Петровна	102
10.	„	Александра Сергѣевна	73
11.	„	Анастасія Дмитріевна	1
12.	„	Анастасія Дмитріевна	43
13.	„	Анастасія Ивановна	36
14.	„	Анастасія Петровна	24
15.	„	Анастасія Ѳедоровна	24
16.	„	Анастасія Юрьевна	68
17.	„	Анна Никитишна	38
18.	„	Анна Петровна	62
19.	„	Анна Сергѣевна	53
20.	„	Анна Сергѣевна	70
21.	„	Антонина Николаевна	107
22.	„	Варвара Ивановна	39
23.	„	Варвара Николаевна	51
24.	„	Варвара Николаевна	107
25.	„	Варвара Петровна	75
26.	„	Варвара Юрьевна	68
27.	„	Вѣра Александровна	108
28.	„	Вѣра Васильевна	67

V. Княжны Трубецкія.

(по фамиліямъ супруговъ.)

МѢСТА ПОГРЕБЕНІЯ

Членовъ дома князей Трубецкихъ.

а) Елисаветино, по Балтійской ж. д.

Князь Петръ Никитичъ (№ 102) † 15 апрѣля 1880 года.

б) Москва.

Князь Михаилъ Семеновичъ (№ 23) † 15 декабря 1535 года. Въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Князь Николай Никитичъ (№ 48) † 28 октября 1742 года. Въ ц. царя Грузинскаго, близь Охотнаго ряда.

Князь Александръ Никитичъ (№ 49) † 20 ноября 1749 года. Тамъ-же.

Княжна Марія Никитишна (дочь № 38) † 27 октября 1742 года. Тамъ-же.

Княжна Елена Никитишна (дочь № 38) † 7 іюля 1744 года. Въ Спасо Андроніевомъ монастырѣ.

Княгиня Анастасія Гавриловна (супруга № 77) † 27 апрѣля 1735 года. Въ Чудовомъ монастырѣ.

в) Переяславль-Черниговскій.

Князь Николай Никитичъ (№ 48) † 11 февраля 1740 года. Въ городскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

Князь Александръ Никитичъ (№ 49) † 20 августа 1737 года. Тамъ-же.

г) С.-Петербургъ.

Князь Алексѣй Никитичъ (№ 30) † 1 мая 1759 года. Въ Александро-Невской Лаврѣ.

Князь Иванъ Юрьевичъ Большой (№ 36) † 16 января 1750 года. Тамъ-же въ церкви св Лазаря.

Принцесса Анастасія Ивановна Гессенъ-Гомбургская (дочь № 36) † 2 декабря 1755 года. Тамъ-же, въ церкви Благовѣщенія.

Иванъ Ивановичъ Бецкій † 31 августа 1795 года. Въ Александро-Невской Лаврѣ.

Князь Юрій Юрьевичъ (№ 37) † 8 сентября 1739 года. Тамъ-же.

д) Спасо-Чолнскій монастырь [1]).

Князь Алексѣй Никитичъ, *державецъ Трубчевскій*, † 1680 году.

---

[1]) Здѣсь будетъ вполнѣ у мѣста привести краткое описаніе этого монастыря, извлеченное изъ рукописной статьи г. Поршнякова, доставленной для настоящаго изданія, въ числѣ другихъ документовъ, княгиней Е. Э. Трубецкой. «Спасо-Чолнскій монастырь расположенъ въ 8 вер. отъ г. Трубчевска, на очень высокой горѣ, у подножья которой протекаетъ рѣчка Десенка, рукавъ Десны. Въ верхней части горы, на нѣсколько сажень ниже монастырской стѣны, замѣтна небольшая котловина, окаймленная вѣковыми дубами. Посреди этой котловины видны слѣды отверстія, сравнительно недавно (писано въ 1886 г.) засыпаннаго обрушившеюся землею. Это—входъ въ пещеры монастыря, сообщавшійся съ одной изъ древнѣйшихъ монастырскихъ церквей съ подземнымъ храмомъ. Проникнуть въ настоящее время въ пещеры нельзя, такъ какъ входъ обрушился. По разсказамъ монаховъ, хорошо знающихъ эти пещеры, наружный входъ ведетъ въ обширный подземный корридоръ, сообщавшійся съ алтаремъ подземной церкви. По обѣ стороны корридора устроены подземныя кельи. У монаховъ сохраняется преданіе, что пещеры эти были устроены печерскими старцами. Выше пещеръ, на самой вершинѣ горы, за монастырскою стѣною, стоитъ каменная церковь, построенная надъ подземною. Входъ въ послѣднюю, нынѣ упраздненную, устроенъ, въ настоящее время, съ монастырскаго двора, чрезъ невысокую дверь, отъ которой спускается внизъ, на нѣсколько сажень, крутая лѣстница, оканчивающаяся довольно обширными, подземными, сѣнями съ двумя дверьми. Лѣвая изъ нихъ, массивная, дубовая, съ прорѣзаннымъ окошечкомъ, ведетъ въ самую церковь, правая же—въ подземное помѣщеніе братіи. Церковь и алтарь совершенно темны и только въ каменномъ сводѣ потолка сдѣланы круглыя отверстія, выходящія на поверхность земли и по формѣ своей напоминающія короткія водосточныя трубы, черезъ которыя проникаетъ очень слабый свѣтъ. Въ правой сторонѣ алтаря видно отверстіе, въ настоящее время задѣланное, черезъ которое подземная церковь сообщалась съ пещерами. За упомянутой выше наружной, стоящей надъ подземною, церковью, дальше отъ берега, стоитъ соборный храмъ Рождества Христова съ придѣлами во имя свв. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и церковь преп. Сергія Радонежскаго; послѣдняя построена въ концѣ XVII в. судя по надписи, сдѣланной художникомъ, писавшимъ иконостасъ, на южныхъ вратахъ алтаря, на одеждѣ Архангела, и свидѣтельствующей, что образъ этотъ написанъ въ 1690 году какимъ то «Тарасіемъ».

Изъ описи монастыря, составленной «по указу царя Алексѣя Михайловича» въ 1646 г. воеводою Еропкинымъ видно, что въ половинѣ XVII ст. каменной

е) Троице-Сергіева Лавра.

Князь Тимоѳей Романовичъ (№ 27) † 12 ноября 1602 года [1]).

Княгиня Ксенія Семеновна (супруга его) † 10 іюля 1615 года.

Князь Дмитрій Тимоѳеевичъ (№ 31) † 24 іюня 1625 года.

Княгиня Марія Борисовна (первая его супруга) † 6 августа 1617 года.

Княгиня Анна Васильевна (вторая его супруга) † ?

Князь Александръ-Меркурій Тимоѳеевичъ (№ 32) † 22 апрѣля 1610 года.

Князь Юрій (Георгій) Петровичъ (№ 35) † 12 іюля 1679 года.

ж) Трубчевскъ.

Князь Андрей Ивановичъ (№ 12), послѣдній удѣльный князь Трубчевскій, † 16 мая 1546 года. Въ Каѳедральномъ городскомъ Соборѣ [2]).

ограды и каменныхъ церквей въ монастырѣ еще не было; монастырь былъ обнесенъ частоколомъ, имѣлъ всего только одну деревянную церковь съ иконостасомъ Кіевскаго письма, съ двумя колоколами, изъ коихъ одинъ въ 30 фунтовъ вѣсомъ, а другой въ 20 ф.; за стѣною монастыря стояла литовская колокольница. Недвижимая собственность монастыря состояла тогда изъ нѣсколькихъ литовскихъ деревень, купленныхъ у князя А. Н. Трубецкаго. Въ седьмой части Исторіи Россійской Іерархіи говорится: «Чолнскій монастырь построенъ въ XVI вѣкѣ княземъ Трубецкимъ при заключеніи мира съ Поляками въ селѣ Святновѣ, при которомъ случаѣ уступленъ былъ оный Литвѣ, но послѣ возвращенъ и пожалованъ отъ царя Алексѣя Михайловича князю Алексѣю Никитичу Трубецкому». Изъ этой выписки видно, что монастырь принадлежалъ нѣкоторое время Литвѣ и до сихъ поръ въ немъ сохраняется нѣсколько католическихъ иконъ.

Послѣ смерти князя Алексѣя Никитича Чолнскій монастырь, вмѣстѣ со всѣмъ уѣздомъ, перешелъ въ вѣдѣніе Приказа Большаго Дворца, съ 1680 года приписанъ къ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Князей Трубецкихъ и въ настоящее время поминаютъ еще въ Чолнскомъ монастырѣ на литургіи, и весь родъ ихъ записанъ на 27-й страницѣ монастырскаго синодика, составленнаго 20 іюня 1768 года».

[1]) Былъ сперва погребенъ въ Трубчевскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, перевезенъ въ Лавру въ 1618 году.

[2]) Заимствуемъ изъ помянутой статьи г. Поршнякова слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ соборѣ. «Трубчевскій соборъ представляетъ собою каменное двухъэтажное зданіе, верхній этажъ котораго весь и западная половина нижняго значительно болѣе поздняго происхожденія. Въ отчетной вѣдомости о Трубчевской соборной церкви за 1835 годъ говорится, что нижній этажъ собора построенъ болѣе трех-

Князь Иванъ Ивановичъ (№ 13) † 21 августа 1513 года. Тамъ-же.

сотъ лѣтъ тому назадъ Трубчевскими удѣльными князьями. Изъ рукописи же представляющей извлеченіе изъ грамотъ и актовъ, хранившихся въ архивѣ Трубчевскаго уѣзднаго суда видно, что въ первой половинѣ XVII в. надъ гробницами князей Трубецкихъ стоялъ деревянный костелъ. Въ 1645 году воевода Иванъ Ѳедоровичъ Еропкинъ, принимая городъ Трубчевскъ отъ литовскаго дворянина Павла Солтыка, доносилъ царю Алексѣю Михайловичу, что въ городѣ нѣтъ ни одной греко-россійской церкви кромѣ двухъ деревянныхъ костеловъ, изъ которыхъ одинъ совершенно отстроенъ и стоитъ надъ гробницами князей Трубецкихъ, а другой только что началъ строить и вывелъ до половины подъ кровлю Павелъ Солтыкъ. 4 ноября 1646 года царь приказалъ Еропкину, съ благословительной и посвятительной грамоты патріарха Іосифа, передѣлать верхъ костела и устроить главу по греко-россійскому устроенію церкви для Трубчевской соборной церкви во имя Живоначальныя Троицы; лѣсъ нужный на перестройку взять въ посадѣ и уѣздѣ, а деньги 34 рубля, на уплату плотникамъ взять изъ «казацкихъ доходовъ». Въ 1650 году воевода Петрекей Степановичъ Неуповъ пристроилъ къ соборной церкви, на счетъ казны, паперть, лѣстницы и колокольню, уплативъ за работу плотникамъ, изъ «таможенныхъ доходовъ» 20 рублей. Пристройку эту Неуповъ произвелъ не выждавъ разрѣшенія царя Алексѣя Михайловича, за что и получилъ выговоръ отъ царя въ такихъ выраженіяхъ: «а ты безъ нашего царскаго указа дѣлать паперти и колокольню не смѣешь и намъ бы велѣть пожаловать строить».

Древнѣйшую часть нынѣшняго зданія собора составляетъ усыпальница князей Трубецкихъ, состоящая изъ алтаря и нынѣ упраздненной церкви, окруженной съ сѣверной, западной и южной сторонъ каменнымъ сводчатымъ корридоромъ. Полъ въ алтарѣ и корридорѣ кирпичный и уровень его ниже поверхности земли аршина на полтора, причемъ въ алтарѣ полъ ровный и нѣсколько выше, чѣмъ въ церкви, въ послѣдней же онъ представляетъ собою выпуклую поверхность Въ наружной, полукруглой, стѣнѣ алтаря находится три симметрично расположенныхъ окна. Съ сѣверной стороны церкви устроена наружная дверь прямо въ алтарь. Во внутренней стѣнѣ раздѣляющей алтарь (мѣсто иконостаса), всего лишь двѣ двери, царскія врата и сѣверная; южной двери совсѣмъ нѣтъ. Посреди церкви возвышается массивная каменная колонна, имѣющая внизу около 5 аршинъ въ обхватѣ, постепенно утолщающаяся кверху и переходящая въ четыре свода, соотвѣтственно четыремъ сторонамъ церкви. Въ общемъ соборъ имѣетъ форму почти правильно квадратную.

Противъ оконъ южной стѣны, въ срединѣ сѣверной, на высотѣ полуаршина отъ пола, высѣчено углубленіе, имѣющее форму арки, въ которое вставлена одна изъ надгробныхъ плитъ князей Трубецкихъ. Остальныя же плиты, изъ которыхъ нѣкоторыя украшены барельефами и имѣютъ надписи, другія только съ барельефами, а третьи не имѣютъ ни того ни другаго, всѣ вдѣланы въ каменный полъ, по обѣ стороны колонны. Расположены онѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: *по лѣвую сторону колонны*, т.-е. по направленію къ сѣверной стѣнѣ церкви, помѣщаются *восемь* плитъ въ два ряда; въ первомъ ряду *три* плиты, а во второмъ *пять*, при чемъ пятая и есть упомянутая выше, вставленная въ аркообразное углубленіе въ сѣ-

Князь Θедоръ Ивановичъ (№ 14) † 30 декабря 1541 года. Тамъ-же.

верной стѣнѣ. Изъ этихъ плитъ только двѣ безъ надписей; *по правую сторону колонны*, по направленію къ южной стѣнѣ церкви находится *пять* плитъ различной формы и величины. Три изъ нихъ украшены барельефами, но всѣ онѣ безъ надписей. Кромѣ этихъ плитъ, есть еще въ алтарѣ одна цѣлая плита съ надписью и неправильной формы обломокъ другой, на которомъ, однако, также сохранилась надпись.

Такимъ образомъ, изъ 14 надгробныхъ плитъ церкви, только *семь*, находящіяся по лѣвую сторону колонны и въ дверяхъ алтаря имѣютъ надписи. По послѣднимъ видно, что подъ ними погребены: четыре князя Трубецкихъ VII колѣна отъ Гедимина, именно *Иванъ, Θедоръ, Андрей и Семенъ Ивановичи*, два князя VIII колѣна—*Василій и Михаилъ Андреевичи* и одинъ IX колѣна—*Θедоръ Михайловичъ*. Плита надъ прахомъ послѣдняго очень массивна, толщиною въ $8^1/_2$ вер. и она-то и помѣщена въ аркообразномъ углубленіи сѣверной стѣны. Кромѣ надписи, она украшена еще, по бокамъ, барельефами, которые, равно какъ и вообще весь внѣшній видъ ея, вполнѣ схожи съ украшеніями и видомъ остальныхъ шести плитъ: всѣ онѣ плоскія, имѣютъ форму гроба—кверху уже, книзу шире, надписи помѣщены въ верхней ихъ части, по направленію къ западной сторонѣ церкви. Исключеніе изъ послѣдняго расположенія составляетъ одна лишь плита 1-го ряда, имѣющая обратное положеніе, т.-е. верхнею своею (по мѣсту надписи) частью она обращена къ алтарю и соприкасается съ верхней же частью первой плиты 2-го ряда.

Надписи на плитахъ слѣдующія:

I. *Лѣта 7021 (1513) августа въ 21 день преставися рабъ Божій князь Иванъ Ивановичъ Трубецкой.*

II. *Лѣта 7041 (1533) генваря въ 20 день преставися рабъ Божій князь Семенъ Ивановичъ Трубецкой, во иноцѣхъ Серапіонъ, схимникъ на память преподобнаго отца нашего Ефимія Великаго.*

III. *Лѣта 7049 (1541) декабря 30 дня преставися рабъ Божій князь Θедоръ Ивановичъ Трубецкой.*

IV. *Лѣта 7054 (1546) мая въ 16 день на память преподобнаго отца нашего Θеодора Освященнаго преставися рабъ Божій князь Андрей Ивановичъ Трубецкой, а во иноцѣхъ Адріанъ.*

V. *Лѣта 7065 (1551) декабря 5 дня на память преподобнаго отца нашего Саввы Освященнаго преставися рабъ Божій князь Михаилъ Андреевичъ Трубецкой.*

VI. *Лѣта 7069 (1561) мая въ 9 день на память перенесенія мощей иже во святыхъ отца нашего Николая преставися рабъ Божій князь Василій Андреевичъ Трубецкой.*

VII. *Лѣта 7110 (1652) генваря въ 5 день преставися рабъ Божій князь Θедоръ Михайловичъ Трубецкой, а во иноцѣхъ Θеодосій схимникъ.*

Выше было сказано, что церковь-усыпальница князей Трубецкихъ окружена, съ трехъ сторонъ, корридорами. Эти корридоры очень узки, сводчаты и раздѣлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ глухими, каменными же, перегородками. На внут-

Князь Семенъ Ивановичъ (№ 15) † 20 января 1558 года. Тамъ-же.

Князь Михаилъ Андреевичъ (№ 17) † 5 декабря 1557 года. Тамъ-же.

Князь Василій Андреевичъ (№ 18) † 9 мая 1561 года. Тамъ-же.

Князь Ѳедоръ Михайловичъ (№ 24) † 5 января 1602 года. Тамъ-же.

з) с. Чудово, Московской губ.

Князь Иванъ Юрьевичъ Меньшой (№ 39) † въ 1744 году.

ренней стѣнѣ сѣвернаго корридора, близъ двери, ведущей изъ этого корридора въ церковь, сохранились остатки фресокъ, нѣкогда украшавшихъ стѣны корридоровъ, именно изображеніе женщины въ желтой, шитой золотомъ, одеждѣ, опоясанной тонкимъ голубымъ поясомъ и съ золотою короною на головѣ».

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 184. Всѣ князья Кантеміры похоронены въ Москвѣ, въ Николаевскомъ Греческомъ монастырѣ, на Никольской улицѣ [1]).

Къ стр. 191; примѣчаніе. Основываясь на предисловіи къ письмамъ П. А. Демидова къ секретарю И. И. Бецкаго (Рус. Арх. 1873 г., № 11, стр. 2243), выдержки изъ каковаго приведены въ примѣчаніи на стр. 191, лице это (секретарь Бецкаго) названо Марко Ивановичъ Хо*т*яковъ. Повидимому здѣсь вкралась опечатка, повторенная и въ настоящемъ изданіи, и фамилію эту слѣдуетъ писать Хо*з*иковъ. По крайней мѣрѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находится собраніе книгъ, пожертвованныхъ однимъ изъ потомковъ Марко Ивановича,—Ѳ. Н. Хо*з*иковымъ.

Къ стр. 150 и 248. Княжна Прасковія Юрьевна была въ первомъ бракѣ за генералъ-маіоромъ княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ (р. 23 декабря 1757 г. † въ апрѣлѣ 1794 г.). При осадѣ Очакова (1788 г.) онъ находился подъ начальствомъ фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго.

Въ интереснѣйшей статьѣ Барона Ѳ. А. Бюлера „Черты изъ жизни кн. Потемкина" [2]) разсказывается слѣдующій эпизодъ изъ этого времени, героемъ котораго явилась кн. Прасковья Юрьевна. „По возвращеніи въ армію, Потемкинъ началъ обращаться

---

[1]) *Николаевскій Старый (Большая Глава, Большой Крестъ)* монастырь, въ Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ, упом. съ 1390 г. Въ 1654 г. обращенъ въ подворье Аѳоно-Иверскаго монастыря. 17 іюля 1766 г. именнымъ указомъ велѣно (Греческому монастырю) быть ставропигіальнымъ Св. Сѵнода. Въ апрѣлѣ 1775 г. именнымъ же указомъ, отданъ навсегда въ вѣдомство Московскаго епархіальнаго архіерея. Нынѣ Греческій Николаевскій 2-го класса (П. Строевъ, Списки іерарховъ, стр. 189, № 16, Спб. 1877).

[2]) Древняя и Новая Россія. Декабрь 1875, стр. 335.

особенно вольно съ супругами служившихъ подъ его начальствомъ генераловъ и офицеровъ, какого бы они ни были аристократическаго происхожденія. Княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина сама намъ разсказывала, какъ, находясь въ Яссахъ подъ конецъ кампаніи, Потемкинъ сталъ за нею ухаживать; затѣмъ, въ виду прибытія турецкихъ уполномоченныхъ для заключенія мира (они прибыли въ Яссы 21 сентября 1791 г.), шутя обѣщалъ ей, такъ какъ она была тогда беременна собрать конгрессъ въ ея спальной, и какъ онъ однажды у себя, послѣ обѣда, схватилъ ее за талію, вслѣдствіе чего она, при многочисленномъ собраніи, дала ему со всего маху пощечину. Всѣ ахнули. Взбѣшенный и растерянный Потемкинъ поспѣшно ушелъ въ свой кабинетъ. Гости остались въ оцѣпенѣніи и ужасѣ. Укоры отовсюду посыпались на запальчивую княгиню; мужъ хотѣлъ было ее увезти, но она предпочла храбро выждать развязки и стала обращать этотъ казусъ въ смѣхъ и шутку. Дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ Потемкинъ, съ улыбающимся лицомъ снова вошелъ въ залу и, поцѣловавъ руку княгинѣ, поднесъ ей изящную бонбоньерку съ надписью: „Temple de l'amitié“.

Въ 1792 году князь Ѳ. С. Гагаринъ уже командовалъ полкомъ въ Польшѣ, во главѣ котораго и былъ убитъ поляками, при вступленіи во взятую штурмомъ Варшаву [1]), въ которой, въ это время, вспыхнула революція, направленная противъ Россіи и сторонниковъ соглашенія съ нею. Всѣ послѣдніе, какъ напримѣръ, князь Четвертинскій [2]), епископъ Малаховскій и др., были повѣшены, а русскія оффиціальныя лица, находившіяся тогда въ столицѣ Рѣчи Посполитой—задержаны военноплѣнными. Въ числѣ ихъ былъ баронъ К. Я. Бюлеръ [3]), уполномоченный Екатерины II при Тарговицской конфедераціи, образованной въ противовѣсъ Барской, изъ поляковъ. преданныхъ Россіи, П. Г. Дивовъ [4]), дипломатическій чиновникъ при главнокомандующемъ

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1794 года.

[2]) Антоній-Станиславъ, каштелянъ Перемышльскій; казненъ тогда-же.

[3]) Баронъ Карлъ Яковлевичъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ. Род. 7 іюля 1749 г. † 22 іюня 1811 г.

[4]) Павелъ Гавриловичъ, впослѣдствіи дѣйств. тайный совѣтникъ и членъ совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, неоднократно управлявшій Министерствомъ въ отсутствіи графа Нессельроде.

министромъ при Дворахъ Королевско-Виртембергскомъ и Велико-Герцогско-Баденскомъ.

Къ стр. 263 и 297. Княжна Ольга Петровна (дочь № 102) скончалась въ 1886 году.

Къ стр. 264 и 301. Князь Сергѣй Александровичъ (№ 130) род. въ 1852 г. † 26 января 1882 г. въ Парижѣ.

Къ стр. 268 и 256. Супругъ княжны Софіи Николаевны, дочери князя Николая Сергѣевича (№ 57), Сибирскій губернаторъ Борисъ Ивановичъ Пестель, былъ сынъ извѣстнаго Московскаго почтъ-директора Ивана Борисовича Пестеля и братъ декабриста, Павла Ивановича Пестеля, полковника, командира Вятскаго пѣхотнаго полка, казненнаго 13 іюля 1826 года.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ*:
4	4 сверху	смерью	смертью
9	3 снизу (прим.)	потомки инязей	потомка князей
72	12 сверху	воздате.	воздаде.
101	6 снизу	заплатилъ	заплатить
118	4 « (прим.)	Портр.	Портф.
119	2 « «	нъ	въ
150	16 сверху	46	47
—	17 «	8	48
—	25 «	кннзь	князь
154	12 «	значеніо	значеніе
159	2 снизу	дѣлъ	дѣлѣ
167	17 «	послужило	послужилъ
170	19 сверху	генералъ-федьмармала	генералъ-фельдмаршала
179	14 «	времеии	времени
—	9 снизу	и, во время войнъ	а, во время войнъ
202	6 сверху	atteiut	atteint
208	15 «	Диро	Дидро
209	16 «	Иванъ Ивановичъ Трубецкой	Иванъ Юрьевичъ Трубецкой
215	8 снизу (прим.)	истипной	истинной
—	6 « «	Твердь	Твердъ
253	11 «	кн. Иванъ Юрьевичъ (№ 89)	кн. Иванъ Юрьевичъ (№ 90)
267	6 сверху	Мекленбургъ-Стрелѣцкаго	Мекленбургъ-Стрелицкаго
289	7 снизу	къ каторгѣ	па каторгѣ.

29L

